VISIT…

Е.И. КЫЧАНОВ, Б.И. МЕЛЬНИЧЕНКО

ИСТОРИЯ ТИБЕТА

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2005

Редактор издательства К.В.ОРЛОВА

Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н.
К97 История Тибета с древнейших времен до наших дней / Е.И. Кычанов, Б.Н. Мельниченко — М. : Вост. лит., 2005. — 351 с. - ISBN 5-02-018365-2 (в пер.)

Книга содержит систематизированный очерк истории Тибета от появления людей на Тибетском нагорье до начала XXI в. Ее основу составил курс, который авторы читают в Санкт-Петербургском государственном университете. Рассказывается о формировании тибетского этноса, о периоде расцвета Тибетской империи в VII-IX вв., проникновении тибетского буддизма в монгольский мир, сложении в XVII в. тибетского теократического государства под руководством далай-лам, о внутреннем состоянии и внешнеполитических связях Тибета в XIX — первой половине XX в., о создании и современном положении Тибетского автономного района КНР.

ББК 63.3(5)
© Кычанов Е.И., 2005
© Мельниченко Б.Н., 2005
© Оформление. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005

OCR – Aspar, 2007.
Постраничные ссылки в тексте заменены сквозными. {} – окончание страницы оригинального издания – Прим.автора OCR.

Предисловие

Мысль написать историю Тибета от древности и по возможности до наших дней возникла у авторов в рамках поддержания сотрудничества вузовской и академической науки. Оба автора не являются профессиональными тибетологами-историками. К сожалению, после безвременной кончины сотрудника Института Дальнего Востока РАН В.А. Богословского и сотрудника Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР (ныне Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН) Р.Е. Пубаева в России очень мало историков, которые могли бы работать с тибетскими источниками и использовать хотя и не очень значительную, но все возрастающую в

объеме литературу по истории Тибета на современном тибетском языке.

Курс истории Тибета эпизодически читался и читается на восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета. И оба автора, китаисты-историки по образованию, неоднократно читали этот курс. Кроме этого, на кафедре истории стран Дальнего Востока читаются курсы этнографии и географии Тибета. С 2002-2003 гг. там же началось обучение студентов по специальности «История Китая (Тибета)» и имеется группа историков Монголии и Тибета. Данный труд может служить в некотором роде учебным пособием по истории Тибета.

В европейской и американской науке, насколько нам известно, пока нет общей истории Тибета, несмотря на резкий подъем европейского и американского тибетоведения после появления в европейских и американских университетах эмигрантов из Тибета. Имелся, а возможно, и имеется гигантский проект проф. Дитера Шу по написанию фундаментальной истории Тибета, но, кажется, он пока не осуществлен.

Не владея тибетским языком, авторы не пользовались тибетскими источниками в оригинале, обращаясь лишь к их переводам на европейские и китайский языки. Что касается рекомендации тибетских первоисточников и их оценки, то российская наука, некогда {3} занимавшая ведущие позиции в мировом тибетоведении, может похвастаться книгой А.И. Вострикова «Тибетская историческая литература» (1962), которую продолжатель дела А.И. Вострикова Дэн Мартин назвал «классической и все еще незаменимой» [Martin, 1997, p. 19]. В работах А.И. Вострикова и Дэна Мартина, которому помогала Иэль Бентор, всякий интересующийся тибетской исторической литературой и владеющий тибетским языком найдет необходимые для него сведения.

По Тибету, что естественно, очень много работ на китайском языке. Опубликована библиография китайских трудов по Тибету с 1949 по 1991 г. [Catalogue of Chinese Publications, 1994]. Из общих трудов китайских историков по истории Тибета нами была использована работа коллектива авторов «Цзанцзу цзяныпи» — «Краткая история тибетского народа» (1985).

Предлагаемая вниманию читателя книга — светская история Тибета. Тибетский буддизм упоминается в ней как часть гражданской и политической истории страны. Буддизм исповедуют в России буряты, калмыки, тувинцы, в своеобразной форме бурханисты Алтая. Поэтому Тибет не чужд России, и наша страна должна иметь собственную политику по отношению к лидерам тибетского буддизма. Россия обладает самым большим собранием старой тибетской печатной (ксилографы) и рукописной книги за пределами Китая, Тибета и Монголии. Это значительное культурное наследие, которое пока осваивается с большим трудом.

Тибет веками был самостоятельным субъектом исторического процесса в Азии. С XVIII в. он стал частью цинского Китая, а после вступления в Тибет в 1951 г. Народно-освободительной армии Китая является частью Китайской Народной Республики и признается российским правительством неотъемлемой частью Китая. Образование Тибетского автономного района, преобразования и реформы в Тибете, осуществлявшиеся правительственными органами, проходили с большим трудом. Весной 1959 г. Далай-лама XIV покинул Тибет, что тоже осложнило и осложняет продвижение Тибета по пути преобразований. Довольно значительная часть тибетцев проживает в эмиграции. Китайское правительство много делало и делает для превращения тибетского традиционного общества в современное, но на этом пути остается еще немало трудностей.

За полторы тысячи лет своей истории тибетский народ создал свою яркую и своеобразную культуру, оказавшую огромное влияние на монголоязычный мир, на народы и государства южных склонов Гималаев. И Европа, и Америка испытывают заметное {4} увлечение тибетской религиозной культурой, в разных формах это увлечение присутствует и в нашей стране. Тем более, как полагают авторы, важно дать в руки студентам, преподавателям, всем, кто увлекается Тибетом, достаточно краткое и достоверное изложение его истории. Авторы верят, что тибетская цивилизация займет

свое достойное место в культуре народов Китая, культуре народов Азии и, шире, культуре всего человечества.

Е.И. Кычановым написаны Вводная часть и часть I (до раздела «Тибет накануне тибето-непальской войны» включительно), Б.Н. Мельниченко — окончание части I (от раздела «Тибето-непальский конфликт») и части II-V. Предисловие и Заключение написаны авторами совместно.

Имена собственные и топонимы переданы в работе при помощи русской транскрипции, основанной на централънотибетском (лхасском) произношении, их транслитерация по общепринятой системе Т. Уайли приведена в указателях, помещенных в конце книги. Авторы благодарят А.Д. Цендину и Е.Н. Афонину за помощь в работе по составлению указателей и унификации написания имен. В ряде случаев авторы сочли необходимым сохранить устоявшееся уже в отечественной востоковедной литературе написание, например наименования частей Центрального Тибета — Цзан и уй, имя основателя школы Гэлугпа — Цзонкапа. Следует отметить, что в некоторых случаях не представлялось возможным выяснить тибетское написание имени того или иного лица, информация о котором почерпнута авторами из англоязычной литературы, — такие имена, к сожалению, представлены в указателях без транслитерации. {5}

Вводная часть

Краткая географическая справка

Тибет — высокогорная страна. Люди здесь живут на высоте 3-4 тыс. м над уровнем моря, а горные вершины достигают высоты 7-8 тыс. м. Горы опоясывают Тибет как драгоценное ожерелье. На юге — величественные Гималаи, на западе — Каракорум и Куньлунь. С севера — горная страна Наньшань (Циляньшань), и здесь высота гор превышает 5 тыс. м; Наньшань отделяет Тибетское плато с севера от так называемого Ганьсуйского коридора, равнинной по преимуществу территории между пустыней Гоби и горами Наньшань. Северо-восточные границы Тибетского плато очерчивает хребет Баян-Хара-Ула, восточную границу образуют идущие в меридиональном направлении хребты Сычуаньских Альп. Основные из них — хребты Миньшань, Цюнлайшань и Даляншань. Крутыми уступами Тибетское плато спускается на восток к Центральной Китайской равнине и Сычуаньской котловине. На юго-востоке восточные отроги Гималаев сходятся с меридиональными хребтами восточных границ Тибета, образуя горную страну с главными хребтами Гаолигуншань и Дасюэшань.

Тибетское плато пересекают в широтном направлении горы Канри (Кайлас) и Ньэнчентанглха. К северу от этих гор, составляя примерно 2/3 Тибетского плато, лежит плоскогорье Чантан (Джанг-танг). С примыкающим с северо-востока к Тибетскому плато Цин-хайским плоскогорьем эта страна, именуемая Цинхай-Сикан-Тибетским плоскогорьем, простирается с запада на восток на 2 тыс. км и с севера на юг на 1100 км. Площадь Тибетского нагорья 2200 тыс. кв. км. На Тибетском плато берут начало крупнейшие реки Восточной и Южной Азии — Инд, Сатледж, Салуин, Меконг, Янцзы и Хуанхэ.

Тибетский географ так писал о своей стране: «Посреди... великих снежных гор находится великое Тибетское царство, прохладная страна... Она гораздо выше других граничащих с ней стран. {6}

Температура летом и зимой умеренная. Здесь нет бедствий холодных и жарких климатов. Подобно монументам из чистейшего хрусталя, возвышаются великие снежные горы. ...Тибет наполнен бесчисленным множеством черных гор... благоуханных холмов. В большей части земли колышутся светлые и прозрачные великие озера. ...Текут во все стороны многие реки. Много лесов, кустарников и лугов» [География Тибета, 1895, с. 1-3].

Деление гор на белые, со снежными вершинами, и черные, без снежных вершин, — характерная черта тибетских представлений об окружающей природе. В Тибете много озер, крупнейшее из которых — Манасаровар на юго-западе страны, неподалеку от горы Кайлас.

В Северном Тибете безграничные, покрытые травой территории перемежаются озерами и реками с богатыми пастбищами. В Южном Тибете — речные долины с умеренным климатом и достаточным количеством осадков, с густыми лесами и плодородными полями. Эти районы — житница Тибета.

На востоке — страна с высокими горами и глубокими горными долинами. Вершины гор круглый год покрыты здесь снегом, а сами горы — девственными лесами.

Юго-западный район Тибета — Ладак, или Малый Тибет (Нгари-корсум — три района Нгари — Гугэ, Маръюл и Пуран). Здесь области, ще находятся верховья рек Инд (Синг) и Сатледж (Лангчан), покрыты невысокими горами и холмами. Реки нешироки: ширина Инда — 70 м, Сатледжа — 50 м, вокруг хорошие пастбища и обилие воды. Климат континентальный, средняя температура января -7... -8°С, июля — +15,2°С. Лето теплое. Нгари славится своими абрикосами и плодами кустарника жужуба («китайский финик»). Центральная часть Тибета — Бод[1] начинается от р. Тисе и оз. Манасаровар и тянется по обоим берегам р. Цанпо (Брахмапутры). В долине Цанпо-Брахмапутры два главных района Тибета — Цзан на западе с городами Шигацэ и Гьянцэ и уй на востоке со столицей Тибета г. Лхаса. Лхаса расположена в плодородной долине р. Кьичу, северного притока Цанпо. Средняя температура января здесь около 0°С, июля — +16,7°С. К югу от Лхасы за р. Цанпо области Лхобраг и Ярлун, к востоку от них Дагпо, Конпо и Ньянгпо. Это лучшие земледельческие районы страны. Они славятся обилием лесов, как и лежащий к северу от Лхасы район Радэн. Весь регион отличается{7} плодородными пастбищами, реки и озера изобилуют рыбой, на склонах холмов встречаются рощи бамбука и грецкого ореха. В Конпо выращивают рис. На востоке и юге по долине Цанпо — благоприятный климат и щедрая земля. Область Пово покрыта заповедными лесами. Восток страны — область Кам граничит с верховьями рек Янцзы, Салуин и Меконг. Это богатейшая часть Тибета. П.К. Козлов, который хорошо чувствовал и описывал природу, посетив эти области, писал: «К голубой выси неба поднимаются скалистые цепи гор, между которыми глубоко залегает лабиринт ущелий со стремительно бегущими ручьями и речками. В замечательную красивую, дивную гармонию сливаются картины диких скал, по которым там и сям лепятся роскошные рододендроны, а пониже ель, древовидный можжевельник, ива, на дне к долинам рек сбегают дикий абрикос, яблони, красные и белые рябины. Все это перемежается массою разнообразнейших кустарников и высокими травами» [Козлов, 1920, с. 10]. А вот что пишет о своей родине Кам Далай-лама XIV: «Это была прелестная земля. Наша деревня лежит на небольшом плато, почти целиком окруженном плодородными полями пшеницы и ячменя. ...Плато окружает цепь холмов, покрытых густой ярко-зеленой травой» [The memoirs, 1962, p. 15]. Климат здесь мягкий. В г. Чамдо, лежащем на высоте 3910 м над уровнем моря, средняя температура января +0,5°С, июля — +18,1°С, в г. Кандине (расположен на высоте 2560 м) средняя температура января +1,1°С, июля — также +18,1°С.

Северо-восток Тибета — это район Амдо, страна пастбищ и скотоводов, в долинах пашни, склоны гор покрыты лесами. Тибетский автор X в. писал о «десяти благах этой области: два блага от трав — от близких и далеких пастбищ, два блага от земли — земли, идущей под пашню, и земли, используемой для возведения домов, два блага от воды — воды для питья и воды для орошения полей, два блага от камней — камней, идущих на строительство домов, и камней, из которых делают жернова, два блага от деревьев — деревьев, служащих материалом для плотницких и столярных работ, и деревьев, используемых для отопления» [Stein, 1981, p. 6]. Амдо отличается большим

[1] Утвердившееся в отечественной тибетологии написание «бод» восходит к тибетскому слову «Bod», которое в современном тибетском языке (лхасский диалект) произносится как «пё».

разнообразием климатических условий, зависящих от характера местности. В районе г. Синин средняя температура января -6,5°С, июля — +18°С В районе оз. Кукунор длинная зима, а летом суточные сильные колебания температуры. В верховьях р. Хуанхэ климат суровый, там и летом иногда выпадает снег.

Север Тибета — обширное плоскогорье Чантан, в значительной своей части суровая каменистая пустыня, лежащая на высоте {10} 5 тыс. м над уровнем моря. Среднегодовая температура здесь -5°С, даже летом по ночам часто замерзает вода. В. Овчинников, который побывал в Тибете в середине 50-х годов, так описал этот край: «Заболоченная равнина убегает вдаль меж пологих моренных гряд. Иссохшая рыжая трава с разбросанными по ней темными пятнами карликового кустарника, словно леопардовая шкура, покрывает их склоны. Среди пучков тибетской осоки, устилающей равнину, белеют бесконечные омытые дождями валуны» [Овчинников, 1957, с. 122]. Чантан, особенно в прошлом, — это страна диких яков.

Таким образом, природные условия в Тибете отличаются большим разнообразием. Основные климатические зоны Тибета по степени суровости тянутся с северо-запада, где климат напоминает климат севера Азии, к юго-востоку, где есть зоны субтропиков.

Площадь Тибета как понятия географического, а не административного оценивается в 3800 тыс. кв. км. Общее число тибетцев, населяющих Тибетское нагорье, приблизительно составляет 4 млн. человек.

Обычно выделяют два антропологических типа тибетцев. «Среди них, — писал Ю.И. Журавлев, — четко прослеживается два варианта: высокорослый, характеризующийся более выступающим носом, долихокефалией, и низкорослый, характеризующийся особенностями южноазиатской расы. Первый вариант представлен тибетцами Кама и северных районов расселения. Второй вариант распространен в южных районах страны» [Журавлев, 1961, с. 86-87]. Одно из лучших описаний антропологического типа тибетцев оставил П.К. Козлов: «.. .рост средний, реже большой, сложение плотное коренастое, глаза большие, но не всегда косые, черные, нос не сплюснутый, иногда даже орлиный, скулы обыкновенно не слишком выдаются, уши средней величины, волосы черные, грубые, длинные, спадающие на плечи, усы и борода почти не растут... зубы отличные, белые, череп в общем более удлиненный, нежели округлый, цвет кожи грязно-светло-коричневый» [Козлов, 1920, с. 22-23]. По впечатлениям А. Уодделя, «одни тибетцы с круглой головой, плоским лицом и косыми глазами... другие с вытянутыми лицами, с почти правильными чертами, с прекрасным длинным носом, с хорошей переносицей и с незначительной раскососостью» [Уоддель, 1906, с. 256].

Тибет — часть территории Китайской Народной Республики. Административно тибетцы проживают в Тибетском автономном районе и в ряде автономных округов и уездов в соседних с автономным {11} районом провинциях. Некоторое число тибетцев проживает в смежных с Тибетом районах Индии и Непала. После марта 1959 г. за пределами Тибета имеется тибетская эмиграция, тибетцы-эмигранты кроме Индии проживают также в Европе и Америке. Б Дхармасале (Индия) размещается эмигрантское правительство Тибета, возглавляемое Далай-ламой.

Археология Тибета

Тибетское плато было заселено с глубокой древности. Известно, что уже в эпоху верхнего палеолита человек заселил практически всю территорию нашей планеты, и Тибет не являлся исключением. Древнекаменный век вблизи Цинхай-Тибетского плато был открыт в 1913 г. [Ларичев, 1972, с. 15]. И хотя Тибет обследован еще явно недостаточно, уже открыты стоянки, относящиеся к нижнему и среднему палеолиту.

В местности Суре (уезд Тингри, Юго-Западный Тибет) обнаружена стоянка древнего человека, которую относят к нижнему палеолиту. Тингри — район со среднегодовой температурой +0,7°С, средняя температура января -7,4°С, июля — +11,8°С.

Высота над уровнем моря 4300 м. В Тингри находится высочайшая вершина мира Джомолунгма, здесь имеются леса, современное население занимается скотоводством и земледелием. Основные находки — скребки и режущие и рубящие орудия. Возраст стоянки датируют 50 тыс. лет до н.э. [Сицзан каогу даган, 1996, с. 16, 228].

Стоянка в уезде Шанца, на севере Тибета, расположена в труднодоступном районе. Среднегодовая температура -2°С, средняя температура января -10,7?С, июля - +9,3°С. Высота 4400-4830 м. Это скотоводческий район, до сих пор здесь водятся дикие яки и дикие ослы. Найдены нуклеусы и много отщепов. Основной камень — роговик (кератит). Стоянку датируют поздним палеолитом.

Стоянка в местности Догэцэ (уезд Шанца, район Нагчу). Высота — 4830 м. Отщепы, нуклеусы, концевые скребки, топоры. Материал — вулканические породы, кремень. Стоянка Чабу (уезд Рутог, район Нгари). Высота — 4400 м. Орудия из отщепов, длинные и короткие скребки. Материал — черный кварц. Стоянку датируют мезолитом, отмечается возможное сходство с материалами из знаменитой пещеры Чжоукоудянь. Переходной от палеолита к неолиту считается стоянка у оз. Серлинцо в местности Гетин в Северном Тибете. Стоянка расположена на юго-восточном берегу озера, на холмах с плоскими вершинами, типа тепе. Высота над уровнем{12} моря 4133 м. Орудия из отщепов и нуклеусов, концевые скребки, односторонние и двусторонние, материал — черный кремень.

Таким образом, если принять во внимание эти находки и результаты их исследования, то мы обнаруживаем, что Тибетское нагорье было заселено уже 50 тыс. лет назад.

Неолитические стоянки насчитываются на территории Тибета уже десятками. Специалисты выделяют следующие типы стоянок:

- без керамики и шлифованных орудий, только микролиты и орудия из отщепов;
- стоянки, где соседствуют микролиты, керамика и шлифованные орудия;
- высокоразвитая неолитическая культура.

Неолитические стоянки без микролитов распространены в обширной зоне Западного, Северного и Южного Тибета. По заключению специалистов, микролиты из тибетских неолитических стоянок часто не образуют геометрических фигур. Полагают, что они тяготеют к микролитам Южноазиатского субконтинента.

Стоянки с микролитами и керамикой распространены в области Чамдо. Жилища, обнаруженные в этих стоянках, имели стены из камня, очаги. Найдены остатки мест жертвоприношений и кухонные отбросы. Памятники датируются У-1У тыс. до н.э. В качестве их особенности отмечается отсутствие костяных орудий и зерен пшеницы и ячменя.

Высокоразвитой неолитической культурой считается Каруй. Стоянка, расположенная в 12 км к югу от г. Чамдо, датируется 5500-4200 гг. до н.э. Занятием насельников Каруй было скотоводство, экстенсивное мотыжное земледелие, охота. Культуру Каруй сопоставляют со знаменитыми ганьсускими неолитическими культурами Мацзяо и Цзицзя [Сицзан каогу, 1994, с. 88-89].

Высокоразвитая неолитическая культура Чойгун располагалась неподалеку от Лхасы. Здесь обнаружены каменные орудия, орудия из кости, орудия из бронзы, керамика. Установлено, что насельники приносили в жертву животных и людей, поклонялись красному цвету. Найдены орудия, окрашенные в красный цвет. Хозяйство включало примитивное земледелие в долинах рек, скотоводство и охоту. Домашними животными были яки, овцы, собаки. Культуру Чойгун датируют 3700-3500 гг. до н.э. Специалисты полагают ее свидетельством вступления насельников Тибетского нагорья в эпоху бронзы [там же, с. 75]. Археологи считают, что на рубеже нашей эры у насельников Тибетского нагорья каменные и бронзовые орудия сосуществовали [Сицзан каогу даган, 1996, с. 236]. {13}

По всей территории Тибета распространена культура каменных гробов, близкая той, которая найдена в Западной Сычуани.

Богат Тибет и наскальными изображениями. Часть их относится ко времени неолита. Это изображения животных — яка, лошадей, собак, антилоп, изображения птиц, людей. Неолитические наскальные изображения датируют 1У-Штыс. до н.э. Более поздние наскальные рисунки содержат сцены охоты и жертвоприношений.

Таким образом, в наши дни есть все основания начинать историю Тибета с палеолита. Широкое распространение памятников неолита, перехода от каменного века к бронзовому, затем к железному (полагают, что тибетцы начали выплавлять железо в середине I тыс. до н.э., примерно за 1300 лет до возникновения Тибетского государства [там же, с. 244]) свидетельствует о богатой до-письменной истории Тибета. Археологи подчеркивают автохтонное происхождение населения Тибета, хотя не отрицают и наличия внешних контактов. Мегалиты крайнего запада Тибета, открытые еще Дж. Туччи, сравнивают с мегалитами Европы, культуры бронзы — с культурами бронзы современной провинции Юньнань и с культурами «древних цянов» — культурами Ганьсу и Цинхая.

Археологические исследования Тибетского плато продолжаются. К сожалению, далеко не все публикации, особенно местные издания, доступны.

Легенды о сотворении мира и происхождении тибетского народа

По некоторым тибетским преданиям, мир появился из яйца:

Из пяти элементов
Было создано одно большое яйцо,
Из скорлупы яйца появились белые скалы Лха,
Из внутренних вод яйца — Белое Дунгцо,
Первоначальное озеро, окружающее красный желток.
В промежуточных, разбросанных частях яйца
Риг-друг, шесть основных перемен объединились
Во всех тех, кто разумны.
Из желтка яйца получилось восемнадцать яиц.
Эти восемнадцать яиц в середине, каждое в отдельности,
Выделились как Первоначальные яйца. {14}

Пять элементов (земля, вода, огонь, дерево, металл) могли появиться под китайским влиянием — как объяснение того, откуда взялось само Мировое яйцо. Акт творения — это распадение яйца на три сферы: скорлупу, промежуточную и желток. Желток ассоциируется с красным цветом и огнем. Промежуточная сфера — это белок, Белое Первоначальное озеро (Дунгцо). Куски скорлупы — Белые скалы Лха, покрытые ледниками горы. Белое в Первоначальном Белом озере символизировало идею происхождения и появления людей. «Первый миф космологический, о космическом яйце как первоначальном источнике творения, в то время как второй миф — это отдельный миф о происхождении людей, или тибетских племен, из первоначального яйца с 18 индивидуальными желтками» [Haarh, 1969, p. 256-257].

В первоначальном яйце пять органов чувств
И первоначальные члены тела развились,
И появилось долгожданное и чудесное прекрасное существо
По имени Эмон Гъялпо.

«Эмон — Первоначальное и Совершенное существо, с телом, обладающим чувствами. Это Эмон разбил скорлупу яйца, из которого были извлечены человеческие существа. Один из потомков Эмона, Оде Гунгьял, имел супругами четырех богинь —

Лхамо, Ньянмо, Мумо и Лу. Три первые родили ему по девять сыновей. Последняя — Лу, божество подземного мира, родила восемь сыновей, от которых и произошли тибетцы и их шесть основных племен» [ibid., p. 259].

По другой версии, отражающей традицию верований бон, из инертных элементов сами собой образовались два яйца, белое и черное. Из белого яйца произошел добрый отец, из черного яйца — злой. Первый жил в свете, второй — во тьме, от первого произошло добро, от второго — зло, смерть и злые демоны. Первый учил, как преодолевать зло, исходившее от второго [Tucci, 1955, p. 201-202]. По версии, уже навеянной буддизмом, «среди трех тысяч частей этого мира появилась пена, производимая ветром над великим океаном... некий Одсэлгьи Лха (Божество Ясного Света) умер и был рожден там, как люди. Они были по природе Одсэл (ясный свет) и жили на небе, питались пищей радости и счастья и достигали неизмеримой продолжительности жизни» [Haart, 1969, p. 266-267].

По другой легенде, которая объясняет происхождение не мира, а только тибетского народа, тибетцы происходят от обезьяны {15} и божества подземного мира и вод Лу. Эта легенда известна в ее поздней буддийской обработке: «Когда-то давно, в то необычайное время, когда был Тибет и не было тибетцев, божественные бодхисаттвы Манджушри, Авалокитешвара и Ваджрапани сошлись вместе, чтобы выяснить, как продвигается великое дело спасения от страданий всех живых существ. Манджушри вспомнил о пустынной стране к северу от Гималаев, которую следовало бы заселить людьми и сделать в будущем главным оплотом великого учения Шакья-муни. Но где взять людей? Жители родины Шакьямуни не смогут жить в стране высоких, суровых гор и глубоких долин. И сказал Манджушри: „В Тибете нет людей, но есть демоны мужского и женского рода. От демонов рождаются только демоны. Если кто-то из нас станет обезьяной-самцом и будет жить с горной ведьмой, то это положит начало заселению Тибета". И вот милосердный и сострадательный Авалокитешвара, который был покровителем пустынной и незаселенной людьми Страны снегов, стал обезьяной-самцом по имени Даг Ринпо (Мужчина — Чудовище ущелья) и начал жить с горной ведьмой, которую звали Даг Ринмо (Женщина — Чудовище ущелья), у них было три сына и три дочери, от которых и произошли жители Тибета» [Кычанов, Савицкий, 1975, с. 199].

По другому варианту легенды, не сам Авалокитешвара принял облик обезьяны-самца, а послал в Тибет своего ученика-обезьяну. Обезьяна-самец, поселенная в Тибете для созерцания, стала царем обитавших там обезьян. Царь обезьян был красавцем, и в него влюбилась демоница гор и скал Лу — слово «лу» значит «кричать», «стонать», «жаловаться» — так сказано о демонице, которая предложила царю обезьян себя в жены. Будучи монахом, царь обезьян долго не соглашался, но демоница, одержимая страстью, стояла на своем:

О обезьяний царь!
услышь меня, молю,
По силе злой судьбы
Я бес, но я люблю...
И, страстью сожжена,
Теперь к тебе стремлюсь,
Со мной не ляжешь ты,
Я с демоном сольюсь —
По десять тысяч душ
Мы будем убивать,
Мы будем жрать тела,
И будем кровь лизать,
И породим детей,
Жестоких., словно мы, {16}
Они войдут в Тибет,
И в царстве снежной тьмы

У этих бесов злых
Возникнут города,
И души всех людей
Пожрут они тогда!

Напуганный такой страстью, царь обезьян обратился к учителю. Авалокитешвара сказал: «Будь мужем горной ведьмы!» Одну за другой горная ведьма родила шесть обезьян. Через три года их потомки от браков с самками других обезьян так сильно размножились, что поели все плоды вокруг и стали голодать. Летом они страдали от дождей и солнца, зимой от снега и ветра. У них не было ни пищи, ни одежды. Царь обезьян обратился за помощью к Авалокитешваре:

И вот сижу в грязи
Средь сонмища детей,
Исполнен ядом плод,
Возникший из страстей...
Источник доброты!
Ты должен научить,
Что надо делать мне,
Чтоб дети стали жить?

«Авалокитешвара бросил на землю Тибета зерна ячменя и пшеницы. Богатый урожай спас обезьян от голодной смерти. Их число росло, у них постепенно отпали хвосты, они лишились теплой шерсти на теле и стали мерзнуть. Это побудило их сделать себе одежды из листьев деревьев. Прошло какое-то время, и обезьяны стали людьми» [Кузнецов, 1968, с. 28-30[2]]. Среди буддистов была в ходу версия о происхождении тибетцев из Индии, родины буддизма. В эпосе «Махабхарата» рассказывается о борьбе двух кланов — Кауравов и Пандавов. Рупати, один из полководцев враждующих сторон, потерпел поражение и с остатками своего войска бежал в Тибет. Потомками этих беглецов, согласно указанной версии, и являются тибетцы.

По некоторым тибетским преданиям, территория Тибетского нагорья первоначально была одним большим озером. Возможно, это одно из многих воспоминаний самых разных народов о Всемирном {17} потопе. Озеро постепенно усыхало, ныне от него остались лишь многочисленные озера. Страна заросла можжевеловым лесом, эти леса и заселили потомки обезьян из вышеизложенной легенды, предки тибетцев. Территорию Тибета они осваивали в борьбе с огромным демоном, хозяином тибетской земли. Демона постоянно следовало угощать, что и делали предки тибетцев, по поздним версиям, двигаясь концентрическими кругами от центра, г. Лхасы, в котором постройкой храма Джокан было прежде всего укрощено злое сердце демона. Как и многие народы, тибетцы считали свою страну центром окружающего мира. «Если взять в рассуждение, что протекающие по этим (окружающим Тибет) странам реки по большей части получают свое начало в Тибете, то он есть середина» [География Тибета, 1895, с. 3].

В Восточном Тибете, где нередки землетрясения, бытует легенда о том, что Тибет покоится на гигантской рыбе по имени Ньядинба-ба. Голова рыбы находится как раз под Восточным Тибетом. Иногда рыба устает держать землю Тибета, шевелится, вертит головой, это и вызывает землетрясения [Овчинников, 1957, с. 16].

Происхождение тибетцев

Именно Тибетское нагорье стало местом формирования тибетского народа и своеобразной тибетской цивилизации. Как мы показали ранее, археологическое обследование установило, что Тибетское нагорье было заселено человеком еще с эпохи

[2] Стихотворное переложение текста сделано Л.Н. Гумилевым.

палеолита. Археологи полагают, что тибетская народность сложилась из насельников тех неолитических культур и культур эпохи бронзы и начала железного века, которые уже обнаружены и, безусловно, будут еще обнаружены на территории Тибета. Вместе с тем специалисты не сбрасывают со счетов возможных пришельцев на Тибетское нагорье с северо-востока и с запада.

Пришельцами с северо-востока были цяны, и достаточно долго историки Тибета полагали, что заселение Тибетского нагорья и сложение тибетской народности связано прежде всего с цянами как предками ряда тибето-бирманских народов.

Цяны известны по крайней мере с середины II тыс. до н.э. как соседи древнекитайского государства Шан-Инь (1716-1122 гг. до н.э.). Они заселяли территории к северу и северо-востоку от Тибетского нагорья. В шан-инъских надписях на костях цяны упоминаются довольно часто как объект нападений иньцев и как народ, совершавший нападения на Шан-Инь. Цяны платили дань иньцам, из числа {18} цянов в Шан-Инь было много рабов. Цянов в Шан-Инь приносили в жертву при совершении человеческих жертвоприношений, с ними торговали, закупая у них скот и шерсть. Цянская знать роднилась со знатью Шан-Инь. Один из знатных кланов древнего Китая — Цзян традиционно считается цянского происхождения [Куликов, 2001, с. 38-41].

Китайские источники подчеркивают, что цяны являлись по преимуществу скотоводами. Полагают, что именно цяны могли быть насельниками культуры Цзицзя, с ними связывают могильник Сыва близ г. Линьтао [Воробьев, Итс, 1954, с. 454,455].

В конце I тыс. до н.э. сложился союз цянских племен, именующийся в китайских источниках западноцянским (си цян). Судя по китайским описаниям, западные цяны бьши кочевниками-скотоводами. Источник отмечает, что счет родства у западных цянов велся как по отцовской, так и по материнской линиям, что рассматривалось как переходный этап от матриархата к патриархату. Д.Е. Куликов, который считает древних цянов эпохи Шан-Инь и западных цянов двумя разными этносами, понимает под западными цянами времен династии Хань (II в. до н.э. — II в. н.э.) «многочисленные ветви кочевых тибетцев», происходивших от смешения в V в. до н.э. местных цинхайских племен и мигрантов из Северо-Западного Китая [Куликов, 2001, с. 50]. Бьши ли западные цяны тибетцами-кочевниками, это еще большой вопрос, хотя именно китайская традиция увязывает и происхождение тибетцев, и заселение Тибетского нагорья с уходом части западных цянов на Тибетское плато.

Древнюю тибетскую демонологию, которую пока трудно совместить с неолитическими стоянками Тибета, современный тибетский историк с Тайваня Даньчжу Аньбэнь связывает с названиями древних тибетских родов и племен, сменой их господства над предками древних тибетцев. Источник под названием «Пир мудрецов» называет десять таких периодов смены господства, десятым периодом было время, когда правителями бьши девять братьев, злых духов. Объектом их господства бьши восемнадцать племен Дундэ [Даньчжу Аньбэнь, 1998, с. 3]. Обезьяну и ведьму Лу из легенды о происхождении тибетского народа Даньчжу Аньбэнъ считает наименованиями двух мощных древнетибетских кланов, состоявших между собой в брачных отношениях. От этих двух кланов произошли другие 4 клана, соответственно 12, 25 и 40 малых владений. А после этого наступила эра господства цэнпо. Как полагает Даньчжу Аньбэнь, Тибет был заселен уже 50 тыс. лет назад и цяны, часть которых в V в. пришла на территорию Тибетского{19} нагорья, никак не могли быть предками тибетцев. Он идет дальше, и, по его заключению, не тибетцы произошли от цянов, а цяны произошли от тибетцев. Хотя древние насельники Тибетского плато могли и покидать его, все-таки в свете современных знаний происхождение цянов от предков тибетцев представляется маловероятным. Население Тибета возникло автохтонно, но никто не отрицает принадлежность тибетского языка к тибето-бирманской группе, входящей в более обширную семью языков синетических. К периоду развитого неолита предки многих тибето-бирманских по языковой принадлежности народов, известные как цяны (в данном

случае мы исключаем насельников Тибетского нагорья, хотя, вероятно, и неоправданно), были южными и юго-восточными соседями предков китайцев, в частности иньцев. Зона контактов была обширной, об этом свидетельствуют иньские гадательные надписи, цянское происхождение известного в древней истории Китая клана Цзян, указания на возможное цянское происхождение чжоусцев. Цянское население в широком смысле этого слова опоясывало Тибетское нагорье с северо-запада, северо-востока и востока. Этот цянский «пояс» под давлением предков китайцев сжимался вследствие прямого военного нажима и ассимиляции. Цянский «пояс» мог принимать пришельцев из Тибета, но столь же допустимо, что часть цянов уходила на территорию Тибетского нагорья, смешиваясь там с местным населением, хотя в китайских письменных источниках это зафиксировано, и то не очень четко, лишь для конца IV — начала V в. н.э.

В целом же на рубеже I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. картина расселения народов в этой части Азии была такова: Маньчжурия-Монголия — народы алтайской языковой семьи, предки тюрков, монголов, тунгусо-манъчжуров; долины рек Вэй и Хуанхэ — предки китайцев, возможно до долины р. Янцзы. Долина р. Янцзы и области к югу от нее — предки вьетов и тайских народов. Тибетское нагорье и прилегающие к нему области — предки тибето-бирманских народов. По китайскому побережью Тихого океана — аустронезийцы, в западных районах пров. Ганьсу и на территории пров. Синь-цзян — индоевропейцы. Именно таким этот мир стал входить в начальную китайскую писаную историю.

О древних контактах цянско-тибетской периферии с Тибетским нагорьем свидетельствует наличие в линии предков легенды о «девяти братьях», представление о птице-мироустроителе, связь начала тибетской государственности с тотемом птицы. Мы уже упоминали, что в «Пире мудрецов» говорится о периоде правления девяти {20} братьев. В другом источнике, «Дебтер марбо» («Красные анналы»), сообщается, что после эпохи обезьян наступила эпоха «девяти братьев» Масаег, в числе которых были шесть злых духов, дракон, небесное божество Лха и божество дерева Му. У основоположника первой тибетской Ярлунской династии также была родня по женской линии, состоявшая из девяти сыновей голодных демонов. Датский тибетолог Эрик Хаар считает версию происхождения династии Ярлун от «девяти братьев» тайной, побочной, а не генеральной. У одной матери было девять сыновей. Один из них, младший, по имени Шугпа («Могучий»), имел признаки водоплавающей птицы, его спросили: «Кто ты, откуда пришел и куда идешь?» Он ответил: «Я иду из страны Пово и направляюсь в Бод». «У тебя выдающиеся способности и сила?» — спросили люди Бод. Он ответил: «Благодаря большим способностям, силе и чудесному появлению на свет люди моей страны зовут меня Шугпа!» Люди Бод посадили его на трон и сделали *дже*, правителем. Это был основатель династии Ярлун — Ньяти-цэнпо [Haart, 1969, p. 217-225].

Еще по одной версии, было девять братьев, из которых один — Тхеу (Тхе, Те) Бран — «Подобный демону». Тхе — это три класса божеств Белого Неба, Промежуточной сферы Бар-тхе-ка-бо и Черной земли. Есть еще «женская» версия девятки. Некая богиня породила девять яиц, из девяти яиц вышли девять богинь, их потомком была прародительница божества Цан. Эта прародительница снесла яйцо, из этого яйца и пошли правители Тибета цэнпо. Предание о девяти братьях было известно и у родственных народов за пределами Тибета. В тангутских (Си Ся) источниках упоминаются «девять братьев Белых Высот», девять братьев известны из мифологии ицзу, пуми, наси и др. Потомками «девяти братьев Белых Высот» считали себя правители средневековой династии Пагмодупа.

«Девять братьев», возможно, цянская мифологическая струя, которая могла проникнуть на Тибетское нагорье с цянской эмиграцией, хотя и совсем необязательно. Таким образом, полагая, что тибетская народность сложилась автохтонно на Тибетском нагорье, участие в ее формировании цянского компонента вряд ли следует отрицать. Считать цянов выходцами с Тибетского нагорья в резкой формулировке Даньчжу Аньбэня — «не тибетцы произошли от цянов, а цяны произошли от тибетцев» [Даньчжу Аньбэн,

1998, с. 16] — тоже пока преждевременно. {21}

Ярлунская династия

Тибетская цивилизация зародилась в юго-восточной части Тибетского нагорья как земледельческая. Ярлунской она названа по месту своего появления. Ярлун — речные долины к югу от р. Цанпо. Реки, образующие эти долины, имеют северный сток у г. Цзетан, находящегося к юго-востоку от Лхасы. По преданиям, это место происхождения тибетцев, здесь спарились обезьяна (Авалокитешвара) и демоница Лу. Две главные речные долины образовали реки Ярмо (Ярлун) и Дарпо. Эти реки сливаются неподалеку от замка Юмбулаган. Этот древний замок был резиденцией клана Ча (Птицы). Линия клана Ча прервалась и, возможно, перешла к Ньяти-цэнпо, который появился в Ярлуне из области Конпо.

Клан Ча был связан с Небом (Нам), В древнейшие времена, по поверьям тибетцев, мир делился на небо (Нам), землю (Бар, Са), на которой жили «поедатели мяса», и подземный мир (Ог), в котором обитали рыбы (Нья). Этим трем сферам соответствовали божества Лха, Цан и Лу.

Правитель — основатель династии — был сыном Лха, он спустился на землю, чтобы стать правителем людей. По подсчетам тибетских историков, первый правитель, его имя Ньяти-цэнпо, появился в 95 г. до н.э. Традиция насчитывает 42 правителя этой династии, от Ньяти-цэнпо до Ландармы, т.е. она правила Тибетом с 95 г. до н.э. до 846 г. н.э. Современные китайские авторы всю линию государей Тибета именуют династией Тубо (Туфа), не подразделяя ее на ярлунскую или послеярлунскую, с воцарения Сонцэн Гампо или его отца Намри Сонцэна.

Приведем список правителей (государей, королей) этой династии:

Семь небесных правителей (с частицей «ти» в имени)
1. Ньяти-цэнпо
2. Мути-цэнпо
3. Динти-цэнпо
4. Соти-цэнпо
5. Мерти-цэнпо
6. Дакти-цэнпо
7. Сибти-цэнпо

Два древних правителя
8. Дигум-цэнпо
9. Шати (Пуде Гунгьял-цэнпо) {22}

Шесть правителей (с частицей «лег» в имени)
10. Эшолег
11. Дешолег
12. Тишолег
13.Гурулег
14. Доншилег
15. Ишолег

Восемь правителей (с частицей «дэ» в имени)
16. Санам Синдэ
17. Дэ Тулнам Шунцэн
18. Сенол Намдэ
19. Сенол Подэ
20. Дэ Ньёлнам
21. ДэНьёлпо
22. Дэ Гьялпо

23. Дэ Тинцзн

Шесть правителей (с частицей «цэн» в имени)

24. Гьялтори Лонцэн
25. Сутицэннам
26. Тида Пунцэн
27. Тидже Тогцэн
28. Лхатотори Ньенцэн
29. Тиньен Сунцэн
30. До Ньендэу
31. Тагри Ньенсиг
32. Намри Сонцэн

Этих вышеназванных правителей называют иногда «доисторическими»; считая десять последующих историческими:

33. Сонцэн Гампо
34. Гунсон Гунцэн
35. Мансон Манцэн (650-676)
36. Дуйсон Манцэн (676-704)
37. Тидэ Цугтэн (Меагцом) (704-754)
38. Тисон Дэцэн (755-797)
39. Муне-цэнпо (797-798)
40. Мутаг-цэнпо (Тидэ Сонцэн) (798-815)
41. Ти Ралпачен (815-841)
42. Дарма (841-842)

Правитель (или часто «король» в западных переводах) имел титул *дже*. Сонцэн Гампо, по преданию, говорил: {23}

Когда спрашивают мое имя,
Меня, ничтожного, надобно именовать Правителем (дже),
Когда Правитель (дже) отдает приказ,
Будто появляется радуга
[Haart, 1969, p. 201; A Survey of Tibet, 1987, p. 42].

Основателем династии был Чати («Птичий трон»). Полагают, что так звался реальный предок династии Ярлун, место поселения его клана Ча именовалось Часа — Земля птиц:

Правитель не покинет подданных.
Если правитель покинет подданных,
Придет конец Ча...
Подданные не покинут правителя.
Если подданные покинут правителя,
Засохнет лес.

Правитель приходит править людьми. Люди — это тибетцы, бод-ми, люди Бод. Основатель династии, первый правитель Ньяти-цэнпо, сын небесного божества Лха, спустился с Неба по священной горе-лестнице в девять ступеней, соединяющей небеса и землю. Он пришел по призыву людей, чтобы управлять ими. Люди просили его: «Поскольку ты цэнпо, сошедший с Неба, мы просим тебя быть нашим правителем». Они возвели его на трон и стали почитать как государя — гьялпо. Как преемник клана Ча, Ньяти-цэнпо обладал необычной внешностью. Глаза у него были как у птицы и закрывались не сверху вниз, а снизу вверх. Брови были из бирюзы, зубы как белые раковины, усы как у тигра, между пальцами рук и ног, как у гуся или иной

водоплавающей птицы, имелись перепонки.

Почтенный господин Ньяти-цэнпо,
Он явился, испытывая сострадание к черноголовым людям. . .
Правитель черноголовых...
[Uray, 1966, p. 245].

Он пришел, чтобы избавить тибетцев от внутренних смут и от внешних врагов

Из Гундана, страны божества Лха,
Семи сфер голубого Неба,
Пришел сын Лха, защитник людей.
Справедливыми законами и его великим разумом
Были объединены все малые правители. {24}

Свою силу Ньяти-цэнпо доказал в борьбе с красным яком на берегу озера. Цэнпо убил красного яка стрелой, як охранял озеро; после того как он был убит, люди смогли добывать из озера соль. Правитель должен был быть физически здоров. В его личности была «представлена постоянно перерождающаяся сущность священных предков, которая воплощалась в каждом короле в возрасте наступления зрелости (тринадцать лет) и оставалась воплощенной в нем до тех пор, пока его старший сын не достигал того же возраста зрелости и всходил на трон как следующее звено перевоплощающихся предков» [Haart, 1969, p. 108].

Предполагалось, что правители обладали некой харизматической силой Чаб-си, которая оберегалась жрецами бон. В управлении страной цэнпо помогали бонский шаман и министр. Когда цэнпо сидел на троне, то шаман находился справа от него, а министр — слева.

Ньяти-цэнпо, по преданию, построил первый замок. В тибетских источниках есть сведения о том, что власть вначале переходила не к старшему, а к младшему сыну цэнпо. Старший сын стал наследником позже. Когда старший сын достигал зрелости, цэнпо, его отец, должен был умереть. И действительно, первые цэнпо умирали рано. Источники упоминают о цэнпо, которые якобы живыми ушли в могилу. Та же участь постигала и заболевшего цэнпо. Легенда о тридцатом цэнпо До Ньендэу рассказывает, что цэнпо заболел проказой и по этой причине был лишен власти и должен был умереть.

Объединение группы тибетских племен под водительством Ньяти-цэнпо было вызвано и необходимостью противостоять внешним врагам:

Когда государи четырех стран света
Выступили из своих ставок,
В то время не было правителя у народа Бод-Кам,
В это время народ не смог оказать сопротивления врагам,
Число воинов было невелико,
И именно в это время не было с ними государя!

Правитель должен был избавить народ от грабежей, ненависти врагов, от диких яков и т.д. Он стал использовать

Наказания против краж,
Любовь против ненависти,
Друзей против врагов,
Оружие против диких яков,
Лекарства против ядов,
Прощение против оскорблений и др. {25}

Цэнпо явился в мир, чтобы с помощью присущей ему мистической власти подчинить силы земли; власть над силами земли он получил благодаря тому, что происходил от божества Лха. Он был призван «открыть для живых двери к Лха и закрыть двери у могил мертвых» [ibid., p. 234-235,316].

Власть над миром мертвых он также приобрел благодаря своему происхождению, так как был сыном и потомком группы божеств, именовавшейся Яблха дагдруг, которые представляли обобщенную идею предков тибетцев. В этом смысле он происходил и из мира умерших предков. До появления цэнпо люди боялись мертвых, цэнпо смог справиться с мертвыми и защитить от них живых.

Власть династии Ярлун распространялась на юго-восток Тибетского нагорья — области Ярлун, Ньянгпо, Конпо и Пово.

Все источники, повествуя о древних правителях Тибета после Ньяти-цэнпо, уделяют много внимания двум из них: Дигум-цэнпо и Шати, или Пуде Гунгьял-цэнпо.

Дигум-цэнпо решил сражаться со своим министром Лонгамом. Возможно, это связано с тем, что правитель на деле был больше сакральной харизматической фигурой, а реальная власть принадлежала министру и шаману бон. «Ты будешь моим соперником», — сказал правитель Лонгаму. Лонгам ответил: «Но почему, правитель? Я — подданный, не могу быть твоим соперником, правитель». Правитель настоял на поединке. У него была собака, которую он подослал к Лонгаму узнать, как тот готовится к поединку. Лонгам знал о чудесном свойстве собаки и, когда она появилась, сказал окружающим: «В назначенный день, когда правитель придет убивать меня без войска, если он обмотает черный тюрбан вокруг своей головы, закрепит у себя на лбу зеркало, положит тело лисы на правое плечо, а тело собаки — на левое, будет размахивать мечом вокруг своей головы, а на красного быка навьючит мешок с пылью, то вот тогда я не буду сильнее его!»

Собака доложила об услышанном правителю, и тот объявил: «Я сделаю именно так!» Во время поединка Лонгам свистнул, и красный бык бросился к нему, он сорвал мешок с пылью и развеял ее вокруг, ослепив правителя. Вращая меч над своей головой, правитель перерезал веревку-*му*, которая соединяла его с небом — источником его жизненной силы. Лонгам прицелился в зеркало на лбу правителя, выпустил ему в лоб сто стрел и убил его. После убийства правителя три его сына бежали, Лонгам стал править, а жену цэнпо отправил работать на конюшню. {26}

Там ей приснился сон, в котором она вступила в интимную связь с белым человеком. Она проснулась и обнаружила белого яка, вставшего с ее постели. Через восемь месяцев жена правителя родила сгусток крови, который положили в рог дикого яка и укутали парой чистых штанов. Через несколько дней сгусток крови превратился в ребенка. Через десять лет ребенок спросил о своих отце и братьях. Когда он узнал правду, то соорудил надгробие на могиле отца, убил министра Лонгама и призвал братьев вернуться. Но те не вернулись, оставшись правителями в тех областях, куда они бежали. Голос с неба объявил, что сын жены убитого правителя и белого яка станет победителем над всеми. Он стал править под именем Пуде Гунгьял, и именно при нем в страну с запада из Шангшунга прибыл бонский проповедник Шэнраб. При Дигуме

Бонпо были приглашены из Тазиг и Аша,
Они принесли черные камни и ковши, эти два,
Вместе с кусками мяса, . .
С тех пор стали приносить в жертву Лха живых и мертвых .
[ibid, p. 100, 147-149].

По другой версии, сохранившейся в рукописи из Дуньхуана, сын спрашивает мать: «У птиц есть отец, кто же мой отец? У птиц есть повелитель, кто же мой повелитель?» Мать рассказывает ему, что отец его был убит, тело его положили в сто медных сосудов, которые бросили в реку Цанпо, где оно попало в желудок к Лу. Сын пошел к Лу и

спросил, что она хочет за тело отца. Та ответила, что желает человеческое существо с глазами, как у птицы, закрывающимися снизу. Долгие поиски позволили ему найти девушку с такими глазами. Мать девушки согласилась отдать ее при условии, что тело погибшего правителя будет погребено. Сын обещал, девушку он оставил в желудке Лу, а тело отца похоронил в земле, сделав сверху насыпь, похожую на палатку [ibid., p. 404-405].

Правители Дигум и Пуде Гунгьял — главные культурные герои легендарного периода древней тибетской истории. Пуде поселился в замке, появились священнослужители бон, а с ними и большие нововведения:

Как результат обугливания дерева — древесный уголь,
Как результат растворения кож — клей появился.
Железная руда, медная руда и серебряная руда —
Эти три были открыты.
Плавка этих трех с древесным углем
Принесла серебро, медь и железо — эти три. {27}
Сверлением и пробиванием дыр в дереве
Были сделаны плуг и ярмо,
Запряжкой двух одинаковых быков в ярмо
Все долины были распаханы и обработаны поля.
Из озер были выведены оросительные каналы,
И мосты были переброшены через реки
[ibid p. 121].

По другому варианту:

Копанием земли вода из верховьев долин была проведена
в оросительные каналы,
Запряжкой пары быков луга и долины были распаханы
в обработанные поля,
Там, где нельзя было переправляться,
Мосты были переброшены через реки,
Урожай впервые появился в это время.
Поля стали измерять парой тягловых животных,
У кочевников — кожами считать животных.
Благодаря распашке земель с использованием орошения
С этого времени речные долины расширились,
В это время пение и танцы распространились
[ibid p. 122].

Все правители династии Ярлун строили замки, иногда, как сказано в одном источнике, «из земли, замешанной на молоке красной коровы». {28}

Часть I

История Тибета до XIX в.

Тибет в V-VI вв.

Эта датировка является весьма условной. Сложной является проблема установления связи между правителями древней династии, упоминаемыми позже в тибетских источниках, и известий о начале возвышения Тибета по китайским источникам.

Китайская традиция ведет династию правителей Тибета от западных цянов с V в. н.э., от правителя цянов Лилуку.

Когда «Лилуку умер, Фаньни (его сын. — Е.К) был еще молод, и власть унаследовал Жутань, младший брат Лилуку. Фанъни стал командующим войсками в Аньси. В первый год девиза царствования Шэнь-гуй династии Хоу Вэй (414г.) Жутань был погублен... Фаньни собрал оставшихся людей и подчинился Цзюйцюй Мэн-сюню, получив должность тайшоу в Линьсуне. После гибели Мэн-сюня Фаньни собрал людей и увел их на запад, перейдя Хуанхэ за Цзиши, и основал государство среди цянов, территория которого простиралась на тысячу ли. Фаньни властвовал милосердно, и потому его полюбили все цяны. Он привел их всех под свою власть... Затем он сменил свою фамилию на Субое» [Цзю Тан шу, с. 1629].

Фанъни сравнивают или отождествляют с упоминавшимся выше Пуде Гунгьялом.

Неизвестно также, когда Тибет получил свое наименование Бод, а тибетцы — бодпа. Топоним Бод связывают с наименованием религии бон. Бон — это духи, божества, а бод — те, кто их вызывает, бодпа (тибетцы) — те, кто следует верованиям бон. В дуньхуанских рукописях Тибет именуется страной «Бод шести яков», а в Ладак-ской хронике — «Бод из шести племен».

Старое китайское наименование Тибета— Туфа увязывается с именем клана Туфа, из которого вышел Фаньни. Отсюда и современное {29} китайское наименование первой тибетской династии Тубо. Не исключено, что этноним туфа имеет отношение к наименованию мужской прически туфа, которая могла быть у сяньбийцев, ибо Фаньни был по происхождению сяньбийцем. У сяньбийцев такую прическу могли позаимствовать цяны, подчиненные Фаньни, позже она известна у киданей, и с 1036 г. была введена в тангутском государстве Си Ся императором Юань-хао. Эту прическу делали, выбривая затылок и верхнюю часть головы, с челкой на лбу и двумя длинными косицами, нечто вроде пейсов, от висков.

Наименование страны как Тибет в форме Тёбёт впервые встречается в древнетюркских орхонских надписях.

Древний Тибет с юга был ограничен Гималаями и открыт в северном, западном и восточном направлениях. Народ осознавал свою принадлежность к тому или иному клану-кости (ру, тиб. rus), в источниках упоминаются четыре великих клана-кости — Се, Му, Дон и Тон. В глубокой древности в юго-восточной части Тибета области, прилегающие к р. Цанпо — Ньянгпо, Конпо и Пово, образовывали как бы углы треугольника, в центре одной из сторон которого между Ньянгпо и Пово находилась долина Ярлун. «Деятельность» Ньяти-цэнпо была связана с Конпо (он иногда даже именуется Большим правителем Конпо). Условно одна из вершин этого треугольника была ориентирована на север, как раз на Конпо, две другие — на запад (Ньянгпо) и на восток (Пово).

Четыре *ру*, крыла или рога, также образовывали треугольник, северным углом которого были *се аша* (туюйхуни), восточным — *донг минъяг* (дансяны-тангуты), западным — *му* (шаншун), а в центре, на стороне треугольника, соединяющей условной линией восток-запад, находились *тон сумпа*. Если мы продолжим эту треугольную конструкцию, то она выведет нас уже за пределы собственно Тибета. В этом случае ее северным углом станут *хор* (тюрки, уйгуры), восточным — *джа* (Китай), западным — *ле мон* (гималайские племена, особенно Непала), а в центре, на линии между *джа* и *мон*, окажется Бод-Тибет. Принимая эту пространственную ориентацию древних тибетцев, мы получаем объяснение и «трех гъя» (тиб. rgya): Желтых Гья (*гъя сер*) — Центральная Азия, Черных Джа (*гъя наг*) — Китай и Белых Джа (*гъя кар*) — Непал и Кашмир, позднее — Индия, образующих все тот же треугольник. Желтый цвет являлся цветом Центральной Азии, черный — Китая, белый — Индии. По мнению Э. Хаара, в центре должен был находиться красный цвет, цвет «краснолицых», т.е. самих тибетцев. Не очень ясный {30} термин *гъя* получает объяснение как означавший в древности просто «пограничные племена».

По преданиям, племена центра подчинили себе четыре окружавших центр племени — *шудпу, цзепон, баннон и нанам*, которые были включены в войска центра. Это были «лики сокола» на востоке, «копыта осла» на юге, «хвосты кота» на западе и «уши зайца» на севере. За этими легендарными сведениями стоит исторически засвидетельствованное распределение войск по четырем ру. Эти четыре *ру* соответствовали первому квадрату покорения демона. Правитель помещался в центре, лицом к югу, поэтому левому крылу соответствовал восток (Кам), а правому — запад (Нгари). Существовала также горизонтальная ориентация по верху и низу. Верх соответствовал западу, низ — востоку, верх — это Нгари и Индия, низ — Кам и Китай.

Как и у всех народов древности, важнейшим обрядом общественной жизни было погребение правителя. По преданию, в глубокой древности тело умершего заключали в медный сосуд и бросали в реку, где оно попадало во власть демоницы Лу, т.е. возвращалось к одному из своих истоков. Затем правителей стали погребать в могилах. Перед погребением узел волос на голове правителя обвязывали тесьмой, на теле делались надрезы, и оно окрашивалось киноварью, а иногда и кровью людей, приносимых в жертву. Тело удаляли от людей, поскольку оно должно было разлагаться. Выпивали жертвенное вино, съедали жертвенную пищу. Из тела удаляли мозг и внутренности, они замещались киноварью и золотым порошком. У покойного обрезали нос, и вместо него делали нос из золота, умершему вставляли серебряные зубы. Затем тело бальзамировали и мумифицировали. Все эти процедуры совершались в период траура, который длился два года. Погребение совершалось на третий год. В рукописи из Дунъхуана сказано: «Великие похороны должны быть совершены на третьем году после смерти», наилучшим временем для похорон считались месяцы ноябрь и декабрь. Сооружалась квадратная могила, которая разделялась на девять камер, центральная камера являлась собственно погребальной. В ее центре сооружался трон из сандалового дерева, на троне размещалось сделанное из золота в натуральную величину изображение правителя, одетого в парадное платье. Самого покойного, точнее уже его останки, помещали в большой сосуд, смешивая эти останки с киноварью.

Имелись разные варианты такого погребения: так, останки Сонцэн Гампо были помещены в серебряный ящик (*гау*), поставлены {31} на трон и сверху укрыты коврами и шелковыми знаменами. Сокровища разложены перед троном. В могиле были сопогребенные — животные и люди. Последних именовали «люди общей участи». Как сообщают китайские источники, когда умирал цэнпо, «убивают быков и лошадей, которых хоронят вместе с умершим. Быков и лошадей сваливают в кучу в могиле. Их (цэнпо. — Е.К.) могилы квадратные по форме и выложены камнем, похожи на дома обычного вождя. Тех сановников, которых государь считал своими друзьями, называют „людьми общей участи". Число их не превышает пяти. В день смерти государя „люди общей участи" без меры пьют вино. В день похорон им прокалывают ноги, и они умирают от того, что истекают кровью, после чего их хоронят вместе с умершим» [Вэньсянь тункао, 1936, с. 2694].

Вместе с цэнпо погребались его любимый конь, лук и меч, одежды, которые он носил. Над могилой сооружался «большой дом», место вокруг обсаживалось деревьями и считалось местом жертвоприношений. Позже при могиле размещались рабы и гвардейская стража. Рабы поддерживали в порядке могильный комплекс, а также обслуживали гвардейский караул. Люди, жившие при могиле, именовались «живыми-мертвыми», они не общались с другими «живыми» людьми из соседних селений и пастбищ, жили на пожертвования, огородами и разводили скот. В числе таких людей оказались и «люди общей участи», когда их перестали убивать.

Пока трудно сказать, в какой части список цэнпо, древних правителей Тибета, реальный, а в какой — легендарный. Есть мнение, что реальным цэнпо был Лхатотори Ньенцэн и, возможно, некоторые из его потомков, т.е. пять-шесть правителей до Намри Сон-цэна, отца Сонцэн Гампо. Этих правителей можно отнести к концу V — VI в. Такая

датировка их правления может быть сопоставлена и с китайскими известиями о правителях цянов сяньбийского происхождения — Фаньни и его потомках.

Ярлунская династия (или позже, до середины XI в., династия Ту-бо) сыграла решающую роль в формировании ядра тибетской народности. Возможно, уходя корнями в развитый неолит, она развилась в эпоху металла — бронзы и железа. Это была земледельческая цивилизация с развитым скотоводческим хозяйством. Многие правители династии сохранились в поздней письменной традиции как культурные герои, ко времени правления которых отнесены те или иные достижения тибетской цивилизации.

Выжигание древесного угля, плавка медной, железной и серебряной руды, внедрение плуга и ярма для вспашки полей парой {32} быков, создание системы орошения полей, измерение площадей пахотной земли размером участка, вспаханного парой быков, учет скота по количеству шкур (кож), культивирование пастбищ, строительство замков-крепостей — все это было достигнуто к концу VI в. Были расширены пределы территории, управляемой династией, население было поделено на две группы по способу хозяйствования: земледельцев и жителей городов (*тонде,* тиб. Grong sde) и скотоводов-полукочевников и кочевников (*догде*, тиб. Brog sde).

Великий Тибет. Правление Сонцэн Гампо

В VII в. Тибетское государство вышло на мировую арену, всего за несколько десятилетий став одной из решающих сил в Центральной Азии. Завершался процесс консолидации тибетских племен. Тибетское нагорье было в основном освоено. Развивались и укреплялись, взаимно дополняя друг друга, две основные отрасли хозяйства Тибета — земледелие и скотоводство. Районы Конпо, Ньянгпо и Дагпо, в которых выкристаллизовалась тибетская цивилизация в ее ранних формах, были особенно удобны для земледелия. В долинах раскинулись поля, в горах зеленели альпийские луга и шумели девственные леса. С глубокой древности земледелие поддерживалось водами тающих снегов, потоками, стекающими с ледников. Чтобы сильные весенние ветры не сдували плодородный слой почвы, тибетские крестьяне с осени поливали поля и тем самым как бы «цементировали» землю. В Конпо, Ньянгпо и Дагпо в лесных районах издревле разводили большие стада свиней. У тибетских божеств дома и очага была голова свиньи. Главный злак Тибета — ячмень происходил из этих же районов Юго-Восточного Тибета.

Борьбу за объединение Тибета начал еще дед Сонцэн Гампо — Тагри Ньенсиг и продолжал его отец — Намри Сонцэн (570-620). К 607 г. Намри Сонцэн покорил тибетцев, живших по южному берегу р. Цанпо. По преданию, численность его армии достигала ста тысяч человек и он совершал походы на север, до владений тюрок, и на юг, до пределов Центральной Индии.

К 613 г., вероятному году рождения Сонцэн Гампо (есть и другая дата — 617 г.), пределы Тибетского государства на севере достигли хребта Ньэнчентанглха, на юге — Гималаев, на востоке — верховьев р. Дричу (Янцзы) и на западе — горы Кайлас. {33}

Завоевательные походы Намри Сонцэна, может быть, жесткое управление покоренными вызвали восстания. В Дуньхуанской хронике сообщается, что «подданные его (отца Сонцэн Гампо. — Е.К.) возмутились, подданные его матери восстали» [Bacot, Thomas, Toussaint, 1940-1946, p. 111]. Возможно, что Намри был убит восставшими. Престол унаследовал юный Сонцэн Гампо. Если он родился в 613 г., то ему было 16 лет (он принял правление в 629 г.). Намри покинул долину Ярлун и перенес ставку и столицу в долину р. Кьичу, в поселение, которое именовалось Раса (Огороженное место). Здесь на горе Марпори, возможно уже при Сонцэн Гампо, был выстроен замок-дворец, а поселение переименовано в Лхаса (Земля богов).

Сонцэн Гампо подавил восстания и получил в наследство, как пишет Э. Хаар, «не крошечное государство, а империю, протянувшуюся на 2000 км с востока на запад». Э.

Хаар полагает, что в те времена население Тибета было «гораздо большим» и что «материальная и экономическая мощь центрального Тибетского государства, которая оказалась способной поднять его до великой державы Центральной Азии, ни в коей мере не может быть измерена настоящим состоянием материального богатства или бедности тибетского народа» [Haart, 1969, p. 12].

Внутренняя политика Сонцэн Гампо бьша направлена на дальнейшее формирование и укрепление тибетской государственности. К сожалению, сведения о ней достаточно скудны. Бьша разработана (или упорядочена) система землевладения и землепользования. Во всех областях Тибета были созданы фонды государевых (государственных) земель (*джешин*). Земли жаловали служилой знати за службу вместе с прикрепленными к ним крепостными крестьянами (*трэн*), такие земли именовались *кхол-юл*. Вся территория страны бьша поделена на шесть провинций, во главе каждой провинции был поставлен губернатор (*кхонпон*). Кхонпоны производили переделы земли среди подчиненного им населения. За административную единицу была принята тысяча семей, каждую такую тысячу возглавлял начальник-тысячник. Это была военно-административная организация, каждый *кхонпон* одновременно являлся губернатором провинции и командующим армией. Каждая из шести армий (крыльев, знамен) имела свою форменную одежду, отличавшуюся цветом, знамя и кавалерийские корпуса, различавшиеся мастью коней. Основной армейской единицей также была тысяча. Центральное правительство состояло из: {34}

— великого государственного канцлера (*чабсиги лото ченпо, или лончен,* тиб. *Chab srid kyi blon chen po; bkon chen*),

— государственного канцлера — заместителя командующего армией (*кунлон*, тиб. *Gung blon*),

— министра внутренних дел (*наклон*, тиб. *Nang blon*),

— канцлера-администратора (*гогэл*, или *гогэл чоппа*),

— инспектора-надзирателя (*чанченпо*, тиб. *Spyang chen po*),

— министра внешних (иностранных) дел (*чилон*, тиб. *Phui blon*),

— министра по налогам и доходам (*нгэнпён*, тиб. *Mngan blon*),

— военного министра — главнокомандующего войсками (*мачоги лон*, тиб. *Dmag go chog gi blon*),

— секретаря (*каритинлон*, тиб. *Bkari phrin blon*),

— министра наказаний (юстиции) (*шэлчепа ченпо*, тиб. *Zhal ce pa chen po*).

Министры и приближенные лица образовывали Государственный совет, состоявший из советников (*могпа*), которые подразделялись на советников, участвовавших в решении внутренних дел, внешних дел и просто советников [Wang, Chen, 1996, c. 82-85].

В составе местной администрации в текстах упоминаются: управляющий земледелием, управляющий орошением земель, налоговый инспектор, надзиратель за пастбищами, ответственный за оборону региона, комендант города (крепости), снабженец армии, начальник гарнизона, переводчик и т.д. [ibid., p. 86-89].

Бьша разработана система уголовных наказаний. За преступления против личности были определены композиции (откуп). Откуп за убийство составлял от 15 до 1000 лан золота в зависимости от социального положения как убитого, так и убийцы. На низком уровне откуп производился скотом.

Штраф золотом брался за прелюбодеяние, если неверную жену или неверного мужа заставали на месте преступления. За причинение ранения также бьша установлена композиция в зависимости от тяжести ранения и того, чем это ранение причинено (ножом, мечом, камнем, палкой и т.п.), и социального статуса лица, причинившего ранение, и того лица, которому ранение было причинено [Сицзан гудай фадянь сяньпянь, 1994, с. 77].

В судопроизводстве и установлении виновности большое место отводилось

ордалиям — вытаскиванию белого (невиновен) или черного (виновен) камня из мутной воды, молока, кипящего молока или кипящего масла. По преданию, первые тибетские законы были заимствованы от тюрков и уйгуров [Stein, 1981, p. 31]. {35}

Функционирование органов государственной власти было связано с делопроизводством, а оно требовало создания письма. Создание и введение в употребление письма наряду с социально-административными преобразованиями в обществе, может быть, являются наиболее знаковыми событиями перехода общества к состоянию государственности. Дуньхуанские хроники сообщают: «Прежде в Тибете никогда не было письма. Но оно было изобретено в царствование этого цэнпо, и с тех пор со времен цэнпо Тхисонгцэна (Сонцэн Гампо) появились все блестящие тексты об обычаях тибетцев, науках и великих законах, иерархии министров, власти над старшими и младшими, наградах за добрые дела и наказаниях за дурные дела и злоупотребления, переписи коней для пастбищ и упряжек для полей, уравнивании в праве использования вод, взимании податей фиксированными объемами» [Bacot, Thomas, Toussaint, 1940-1946, p. 161].

Согласно «Голубым анналам», в 632 г. в Кашмир был отправлен Тонми Самбхота, который и создал тибетское письмо на основе письма нагари.

В «Красных анналах» сообщается: «Тонми был послан в Индию. Он учился в школе брахманов... и у пандита Лхариг Сенге письму, грамматике, а также гимнам. Когда он вернулся в Тибет, он переработал пятьдесят букв индийского алфавита в тридцать тибетских и представил это письмо королю, а также научил его министров. ...Он написал много книг, таких, как сутра по грамматике» [Tucci, 1976, p. 145-146].

В другом источнике говорится: «Был министр в Ньял, звавшийся Самбхота, сын Тонми Ану... ему король сделал подарки и приказал идти в Индию и изучать письмо. ...Он изучил 364 вида письма... грамматику Панини:

Все, что мы сказали министру Тонми,
Он запомнил,
Он отправился в Индию
И встретил вас, пандита.

Он вернулся в Тибет. Король и министр заточили себя на три года во дворце Мару, и король предпринял усилия для изучения письма и грамматики. ...Он зафиксировал тибетский алфавит в четырех гласных и тридцати согласных» [Ahmad, 1995, p. 18-19].

Таким образом, сам Сонцэн Гампо участвовал в создании письма. Вместе с Тонми Самбхота он заперся в замке Мару, и там они изобрели письмо и написали грамматику тибетского языка. Эта{36} версия скорее отражает признательность цэнпо за заботу о создании письма, чем его реальное участие в этом непростом деле. Более того, считается, что попытки создания письма предпринимались и ранее. По заключению Ю.Н. Рериха, «письмо, выработанное Тонми Самбхотой и его школой, не было единственным письмом, созданным в Тибете. Тибет знал несколько других писем, не получивших, однако, распространения. Традиция сохранила названия пяти таких систем письма, ставших известными по именам изобретателей» [Рерих, 19586, с. 109].

Одновременно с проведением важнейших преобразований, связанных с формированием тибетской государственности, происходило расширение пределов Тибетского государства и укрепление внешнеполитического могущества Тибета. Завоевательная активность Сонцэн Гампо была направлена на север, на подчинение тибетских кочевых и полукочевых племен, и на юго-восток, восток и северо-восток, на подчинение и включение в состав Тибетского государства родственных тибетцам тибето-бирманских по языку народов. Центральная власть привела в покорность тибетцев-кочевников докпа, предков нынешних голоков, обитающих в верховьях р. Хуанхэ и к югу от этого региона, в современной Западной Сычуани; панака, живущих у оз. Кукунор и в восточной части Цайдама; хорпа, обитающих к северу от хребта Ньэнчентанглха. С

первой половины VII в. началась ассимиляция тибетцами цянов сумпа, аша и других племен Северо-Восточного Тибета.

В современной Северо-Западной Сычуани, в районе Сунпань, расселялись дансяны, предки будущих тангутов государства Си Ся. Часть их еще с конца VI в. была в контакте с властями китайской династии Суй. Позднее, при династии Тан, их отдельные правители признавали свою зависимость от Тан или от сяньбийского государства Тугухунь (основано в 313 г.), которое в пору расцвета занимало юг современной пров. Ганьсу, северо-западные районы современной Сычуани-и большинство областей современной Цинхай. На западе владения Тугухунь достигали пределов пров. Синьцзян, на севере — гор Циляньшань и района Хэси. Тугухунь стал первым внешнеполитическим соперником Тибетского государства до его контактов с Китаем и тюрками. В 634 г. тибетцы впервые атаковали дансянов, часть которых была зависима от Тугухунь. В момент возвышения Тибета могущество Тугухунь было уже на излете. Еще в 608 г. тугухуни потерпели сильное поражение от тюрков, а затем их ослабили войны с Китаем. После смены в Китае власти династии Суй на власть династии Тан (618 г.) тугухуни стали еще большим {37} препятствием для продвижения китайских войск по Ганьсуйскому коридору в Западный край. В 627 г. в Тугухунь прибыло китайское посольство с целью предостеречь Тугухунь от нападений на пограничные области Тан. Тугухуньский каган Фу Юнь был приглашен к танскому двору. Фу Юнь не доверял китайцам, поехать в Чанъань он отказался и выдвинул встречную просьбу: заключить мир и дать в жены его сыну танскую принцессу, т.е. заключить договор хэ цинъ — «о мире и родстве», хорошо известный в практике международных связей Китая с внешним миром со II в. до н.э., во времена сношений Хань с сюнну.

Как раз в это время в 634 г. к танскому двору прибыло первое тибетское посольство. За ним последовало ответное китайское посольство в Лхасу во главе с Фэн Дэ-цзя. Танский двор мог рассчитывать на использование тибетцев против Тугухунь. Это позволило тибетцам, уже достаточно осведомленным о состоянии дел танско-го Китая с Тугухунь и тюрками, также просить у танского двора в жены Сонцэн Гампо принцессу. По сведениям «Красных анналов», «король, когда ему исполнилось 16, послал своих министров просить в жены Тицун, дочь короля Непала... Это было начало карми-ческой связи, благодаря которой буддийское учение появилось в Тибете. Когда ему исполнилось 18, он послал своего министра Тара и прочих с сотней всадников привезти ему в жены Лхачиг уншин Конджо, дочь китайского короля Сенге-цэнпо. Когда они достигли места Зимшин, они поднесли дары, посланные королем, и объяснили причины, по которым Лхачиг должна быть отдана в жены королю. Китайский император не хотел отдавать дочь. Тогда король сказал: „Я пошлю армию в пятьсот тысяч человек... убью тебя, силой возьму принцессу и покорю целую страну"» [Tucci, 1976, p. 146-147]. В 637г. танский двор принял решение заключить договор хэ цинъ с тугухунями и тюрками. Китайская принцесса Хун-хуа была отправлена в Тугухунь, а принцесса Хэ-нян — в жены тюркскому кагану. Однако тибетцам отказали. Можно думать, что отказ был обусловлен не столько тем, что тибетцы воспринимались как менее сильный и значительный противник в делах с западными и юго-западными соседями Китая, а тем, что принцессу отдавали замуж по договору «о мире и родстве». А предмета для заключения такого договора между танским Китаем и Тибетом не было: между двумя государствами отсутствовало состояние войны, после которого заключался мир (хэ). Мир венчал брак (цинъ). Не было состояния войны — не было и переговоров о заключении мира. Не имело место заключение мира — отсутствовало и важнейшее условие для {38} получения иноземным правителем в жены принцессы из китайского правящего дома.

Отказ послужил причиной начала войны. 12 сентября 638 г. тибетские войска вторглись в населенный дансянами округ Сунчжоу (совр. г. Сунпань, пров. Сычуань). Военный демарш был подкреплен дипломатическим. Прибывший в Чанъань тибетский посол от имени своего господина без обиняков заявил: «Если Великое государство не даст

мне в жены принцессу, то я буду вынужден вторгаться в его пределы и разорять его земли!» [Цзю Тан шу, с. 1629].

Условия заключения мира хэ цинъ к этому времени были выполнены. Стороны обменялись военными экспедициями. Ни та ни другая не добились военного перевеса, и следовало заключить мир. 12 декабря 640 г. в Чанъань прибыл тибетский сановник Гар с пятью тысячами лянов золота и несколькими сотнями драгоценных вещей. Соглашение было достигнуто. 2 марта 641 г. китайская принцесса Вэньчэн и сановник Гар отбыли из Чанъани в Лхасу.

К сожалению, мало известно о политической ситуации внутри Тибета во второй половине 30-х — начале 40-х годов VII в. В окружении цэнпо находились влиятельные сановники, представители сильных и, очевидно, на каких-то этапах союзных ему кланов. Хорошо известна семья Гар, представитель которой Тонцэн Юлсун только что упоминался как посол Тибета в Китай. Тонцэн Юлсун и китайская принцесса не спешили в Лхасу, где, кажется, происходили важные события. По разным сведениям, путь от Чанъани до Лхасы занял не то два, не то три года. За это время Вэньчэн родила от Тонцэн Юлсуна ребенка, который умер около Цзонги, близ современного Гартока. Ребенка сочли демоном и похоронили под черным чортенем, который стоит и поныне [Marion, 1964, p. 251]. Возможно, принцесса Вэньчэн не была женой Сонцэн Гампо еще более долгий срок, до шести лет.

Известна точная дата смерти Сонцэн Гампо — 649 год. Дуньхуан-ские хроники сообщают, что Вэньчэн была женой тибетского цэнпо три года, т.е. стала таковой в 646 г. [Bacot, Thomas, Toussaint , 1940-1946, p. 29]. В течение примерно пяти лет Сонцэн Гампо был отстранен от власти. По данным Шакабпы, сын Сонцэн Гампо от его тибетской жены Монса Тичам по имени Гунсонг Гунг усилиями его сторонников по достижении 13-летнего возраста по старому обычаю сел на отцовский престол. Он правил пять лет и скончался {39} в 18-летнем возрасте, после чего трон был возвращен Сонцэн Гампо[3] [Shakabpa, 1967, p. 28]. Отстранение Сонцэн Гампо от власти, возможно, было связано с борьбой цэнпо против его советника Тунсе Зуце из клана Кьюнпо. Сонцэн Гампо советника одолел, но трона на время лишился. Вернув себе власть, цэнпо жестоко расправился со своими противниками: «выколотые глаза, отрезанные головы, конечности и другие части тел людей беспрерывно появлялись у подножия Железного холма в Лхасе» [Богословский, 1962, с. 41].

Последние год-полтора жизни Сонцэн Гампо связаны с походом в Индию в союзе с непальцами. В 648 г. китайское посольство во главе с Ван Сюань-цэ прибыло к правителю Индии Канауджа Харша Шильдитье. К моменту прибытия посольства Харша умер, а власть захватил некий Арджуна, который китайское посольство полностью истребил. Один Ван Сюань-цэ бежал, и именно он побудил непальские и тибетские войска вторгнуться в Индию и разграбить северные районы страны.

Буддизм и бон в первой половине VII в.

Согласно буддийской традиции, буддизм проник в Тибет при правителе Лхатотори Ньенцэне. Сонцэн Гампо был пятым правителем после него. Все предшествующие считаются «правителями без дхъяны», т.е. без буддийского учения. Последующие правители — это правители «счастливых поколений». В жизнеописании Атиши, составленном Дромтонпой[4], сообщается, что «священный закон получил начало в Тибете

[3] «Красные анналы» сообщают, что у непальской и китайской жен Сонцэн Гампо не было сыновей. Не было сыновей и у двух других его жен. Позже от одной из них все-таки родился сын Манронманцан. «Когда ему исполнилось 13, он был поставлен королем, но после пяти лет правления умер в возрасте 18 лет. у него был сын Гунсронгунцай, но он был малолетен, и король (Сонцэн Гампо. — Е.К.) был обязан вновь царствовать» [Shakabpa, 1967, p. 146].

[4] Имя Дромтонпы передается в отечественных исследованиях по-разному, например: Бром-тонпа, Брон Томпа.

при жизни Лхатотори Ньенцэна, перевоплощенца Самантабхадры. Затем через пять поколений, при правителе Сонцэн Гампо, перевоплощенца Авалокитешвары, жизнь священного закона была прочной» [Haart, 1969, p. 83]. В хронике Далай-ламы V говорится: «...светлое воплощение Самантабхадры Лхатотори Ньенцэн было рождено. При жизни этого правителя с неба на крышу [замка] Юмбулаган упали священные тексты, золотая {40}ступа и шесть букв священной мантры Ом-мани-падме-хум. „После пяти поколений появится Единственный, кто поймет их значение" — такие слова предсказания были произнесены с неба» [ibid., p. 85]. По более подробной версии «Падма катан»: «Однажды великий Лхатотори сидел на балконе своего прекрасного дворца. Вдруг с высоты синего неба к его ногам упал сундук, в котором были четыре предмета: один изображал две руки, сложенные молитвенно, второй был золотой ступой, длиной от кончиков пальцев до локтя, третий — шкатулкой, отделанной драгоценностями, на ее крышке была начертана божественная, обладающая чудодейственной силой шестисложная формула „ом мани падме хум"; четвертым была священная книга „Карандавьюха-сутра" на священном языке Индии — санскрите. Одновременно с падением сундука с неба раздался звучный голос, который объявил, что значение и правила употребления этих вещей станут известны и понятны только пятому цэнпо после Лхатотори. Но Лхатотори захотел сам узнать, что это за предметы. Он созвал служителей религии бон и придворных, но те не смогли понять смысл и употребление волшебным образом появившихся предметов. Никто не смог прочесть и „Карандавыоха-сутру". Цанпо приказал отнести все предметы в подземелье, где они были небрежно брошены и хранились вперемешку с разными старыми вещами».

На страну обрушились неурожаи, начался падеж скота, голод и болезни. Тогда перед Лхатотори появились «пять благородных мужчин» прекрасной внешности и сказали: «Как же ты мог допустить, о великий и мудрый правитель, чтобы эти священные предметы были небрежно брошены в темное подземелье?» Затем они таинственно исчезли. Лхатотори понял свою ошибку и приказал поместить таинственные предметы там, где их могли видеть все подданные. Люди проявляли к этим вещам почтительность и смиренное благоволение; голод, падеж скота и прочие бедствия прекратились, и в стране воцарилось благополучие [Кычанов, Савицкий, 1975, с. 200-201].

Э. Хаар уверен, что эти рассказы, зафиксированные во многих источниках, отражают тот факт, что «несомненно... буддийские письмена и священные предметы были принесены в Тибет за несколько поколений до Сонцэн Гампо, но оставались нечитаемыми и неосмысленными до его времени» [Haart, 1969, p. 85].

Сонцэн Гампо захотел узнать смысл и значение упавших с неба предметов. Снова были приглашены служители бон, и снова их усилия оказались тщетными. Тогда цэнпо отправил семь знатных людей {41} в Индию, чтобы изучить индийскую письменность. Однако все семь человек ушли и не вернулись. Сонцэн Гампо послал в Индию еще 16 молодых людей во главе с Тонми Сабхота. Таким образом, создание тибетского письма увязывается в этой группе источников с желанием Сонцэн Гампо и его приближенных ознакомиться с буддизмом.

По традиции (и, думается, в известной мере реально) в укоренении буддизма при дворе Сонцэн Гампо сыграли роль его непальская жена Бхрикути и китайская жена Вэньчэн, однако какую конкретно, неизвестно. Тибетские сочинения апокрифического характера «Мани камбум» и «Какхол какхолма», авторство которых приписывается самому Сонцэн Гампо, изображают цэнпо как царя веры, воплощение бодхисаттвы Авалокитешвары, в статуе которого, умирая, и растворился Сонцэн Гампо. Обе его супруги-буддистки — непальская Бхрикути и китайская Вэньчэн — позже были провозглашены женскими ипостасями бодхисаттвы Авалокитешвары: Бхрикути — Зеленой Тарой, а Вэньчэн — Белой Тарой. И непальская, и китайская жены привезли с собой буддийские реликвии. Эти реликвии были помещены в специально выстроенном для них храме Тилнан (на берегу озера, будущий храм Джокан), а также в храме Рамоче.

По традиционному толкованию тибетских историков, Сонцэн Гампо «укротил» Тибет, цивилизовал его жителей, ввел буддизм и создал государство с центром в Лхасе. По оценкам позднейших историков веры, самой великой его заслугой было введение буддизма.

Но, разумеется, успехи буддизма в Тибете в годы правления Сонцэн Гампо были еще весьма скромными. Старые аутентичные источники, например Дуньхуанские хроники, составленные не позднее IX-X вв., вообще не сообщают о каких-либо действиях цэнпо, связанных с введением буддизма. Китайский паломник Хуй Чжао, посетивший Тибет в 729 г., утверждал, что «никаких храмов в Тибете не было», а правители и народ равнодушно относились к буддизму [Stein, 1981, p. 35].

Отечественный историк Тибета В.А. Богословский писал: «При Сонгцэн Гампо и длительное время после него буддизм был чужд тибетскому народу» [Богословский, 1962, с. 40]. По заключению Э. Хаара, «буддизм не играл никакой роли ни в подъеме Тибетского королевства, ни в превращении его в империю», в итоге он стал лишь «бедствием, разрушившим династию» [Haart, 1969, p. 12].

В процессе формирования Тибетского государства государственной религией настолько, насколько она могла исполнять эту функцию, становится религия бон — комплекс верований шаманского {42} толка, уходящих своими корнями в первобытно-общинный строй. Тибетский исследователь Норбу Намкай полагает, что термин «бон» «обязан своим происхождением практике древних бон-ских жрецов. Все люди, которые выполняли различные обряды и практиковали магические действия до введения буддизма в Тибете, были известны как бонпо, а их практика — как бон» [Norbu Namhai, 1984, p. 14]. Э. Хаар настаивает на том, что «с момента основания династии религия бон появляется как государственная религия» [Haart, 1969, p. 318].

Роль бон в жизни Тибетского государства была сходной с той, которую шаманы и шаманские верования играли в государствах древних тюркских народов, в государстве чжурчжэней, у монголов в эпоху Чингис-хана и т.д. Религиозный статус цэнпо был основан на бонской традиции, бонские священнослужители участвовали в официальных государственных жертвоприношениях и церемониях. Цэнпо ежегодно совершал клятвенное жертвоприношение (малое), когда в жертву приносили баранов, собак и обезьян. И раз в три года совершалось большое жертвоприношение. Оно осуществлялось ночью, и в жертву приносили людей, лошадей, рогатый скот и ослов. Приносимым в жертву ломали ноги, вспарывали животы, из них доставали внутренности, которые раскладывали отдельно. Бонский священнослужитель произносил: «Да будет так же с клятвопреступниками, что и со скотами» [Бичурин, 1833, с. 66].

В современной науке бытуют версии индо-буддийского и иран-ско-западного, юэчжийского происхождения бон [Бураев, 1998, с. 31-57]. В верования тибетцев западная струя пришла задолго до воцарения Сонцэн Гампо. Как сообщают источники, при восьми первых правителях династии Ярлун появились «бонпо-могильщики», знавшие обряды погребения убитых мечом (кинжалом); они пришли из Кашмира, Гилгита и Шаншуна. Второй импульс верований с запада связан с многочисленными легендами о Шэнрабе, родившемся в местности Олмо-рунрин (Олмо-ру) страны Шаншун. Это место помещается некоторыми источниками

Перед снежной горой Тисе (Кайлас),
Рядом с бирюзовым озером Манханг (Манасаровар),

или в стране Тазиг, отождествляемой с Ираном. Жизнеописание Шэнраба имеет много общего с таковым Будды Шакьямуни, Падма-самбхавы, Заратуштры. Это жизнеописание — позднее бонское творение, само понятие «Тазиг» не могло появиться в тибетском языке ранее VIII в. [там же, с. 49-50]. {43}

Самтен Кармай, современный тибетский ученый, бонский лама и знаток бон,

отмечает, что название места Олмо-ру могло появиться только в X в. [Karmat Samten, 1975, p. 174].

По преданию, появление Шэнраба в Тибете приветствовали божества Лха и Дре и принесли ему жертвы. Обитая в складках горных пород на склонах снежных гор, они смотрели в лицо Учителя, что служило знаком уважения с их стороны. Шэнраб, в свою очередь, повелел бонпо заклинать Лха и приносить жертвы Дре [Haart, 1969, p. 320]. Приход Шэнраба датируют легендарным временем Пуде Гунгьяла. Таким образом, по преданию получается, что до воцарения Сонцэн Гампо бон уже прошла три стадии: старая бон, бон могильщиков и бон Шэнраба (иногда ее еще именуют «свастика бон»). В 645 г. Шаншун был завоеван Сонцэн Гампо.

Комплекс преданий и верований бон идеологически и ритуально обслуживал династию, обеспечивал харизматическую легитим-ность ее правителей. Существовали школы бонпо. Известно, что Сонцэн Гампо пригласил ко двору некоего Лхадема, создавшего школу, в которой обучали мастерству изгнания демонов. На бон опиралась не только центральная власть, но и клановая знать, у кланов имелись свои божества и свои комплексы верований бонского толка.

Бонский Тибет был окружен буддийскими странами: Непал и государства Северной и Северо-Западной Индии, города-государства Западного края (Си юй, совр. Синьцзян), Китай. Можно думать, что буддизм в той или иной форме проник в Тибет уже в конце VI в. Сонцэн Гампо проявлял к буддизму известный интерес, о котором говорилось ранее. Буддизм «уцепился» за двор тибетских цэнпо, за династию. С момента рождения Тибетского государства среди его правящей верхушки со все большим ожесточением стала разворачиваться борьба сторонников бон и сторонников буддизма. Несмотря на то что бон до середины IX в., до гибели династии, оставался главным верованием страны, борьба сторонников бон и буддизма превратилась в основное противоречие в правящем клане и группировках Тибетского государства У1-1X вв. Цэнпо и его ближайшее окружение, заинтересованные в создании единого и сплоченного Тибетского государства, будут выступать за проповедь и введение новой веры, ибо буддизм, как и другие мировые религии, служил идеологической основой для укрепления и созидания единого государства. Эта идеология освящала социальное неравенство методами более гибкими и изощренными, {44} чем примитивные верования. Сторонники децентрализации — представители знатных тибетских кланов, вожди местных племен — будут, опять же не все, придерживаться старой религии бон.

Правление клана Гар

По одной из версий, Сонцэн Гампо умер во время очередной эпидемии, обрушившейся на Тибет. По буддийскому поверью, он растворился в чудесном свете, испускаемом статуей Авало-китешвары.

Тары были сильным кланом, стоявшим близко к цэнпо, оказывавшим влияние на все стороны жизни государства. Как мы знаем, именно Тонцэн Юлсун Гару (ум. в 667 г. от лихорадки) было поручено доставить в Лхасу китайскую принцессу Вэньчэн. Тонцэн Юлсун управлял центральными районами Тибета. Когда умер Сонцэн Гампо, он был на границе, и именно ему было пбручено, срочно прибыв из пограничной местности, спеть ушедшему из жизни цэнпо хвалу на похоронах. Еще два представителя семьи оказали большое влияние на жизнь Тибета до конца VII в. Это Ценъя Донбу Гар (время правления 667-685 гг.) и Тидин Цэндо Гар (время правления 685-698 гг.), который покончил жизнь самоубийством после свержения власти Гаров.

С прибытием в Лхасу принцессы Вэньчэн стали активно устанавливаться мирные (и немирные) контакты с Китаем. Как полагают, благодаря Китаю тибетцы познакомились с бумагой и тушью, возможно, с мельничным жерновом. Китайские авторы обычно увя-зывают с деятельностью Вэньчэн начало тибетского земледелия, что неверно.

Рисоводство, производство вина из риса, шелководство не прижились в Тибете, для этого просто не подходили климатические условия.

С 650 по 676 г. цэнпо был внук Сонцэн Гампо — Мансон Ман-цэн. В 654 г. под руководством Тонцэн Юлсун Тара был создан Государственный совет. Активизируется внешняя политика Тибета. В 655-663 гг. между Тибетом и танским Китаем вспыхнуло соперничество за территорию государства Тугухунь. Танский Китай считал Тугухунь своим вассалом, а Тонцэн Юлсун Гар заявлял, что владения Тугухунь — это древние пограничные земли Тибета [Чжоу Вэй-чжоу, 1984, с. 102]. Атакованные тибетцами, тугухуни просили помощи у танского двора, но император Гао-цзун им в этой помощи отказал [там же]. Это, безусловно, был просчет, хотя подобные {45} действия Китая объяснялись тем, что он был связан войной на Корейском полуострове.

К тибетцам бежал Сохэгуй, тугухуньский сановник, родственник правящего дома. Он известил тибетцев о положении в Тугуху-не и о том, что тугухуньцы в данный момент не могут рассчитывать на китайскую помощь. В 663 г. тибетские армии вторглись в Тугухунь. В генеральном сражении на берегу р. Хуанхэ тугухуни были разбиты. Правитель Тугухунь — Жогэбо и его китайская жена Хун-хуа гунчжу бежали в Китай, в г. Лянчжоу. Император Гао-цзун приказал «умиротворить враждебные отношения двух государств», но было уже поздно. Тугухунь в 663 г. погибло, его территория вошла в состав Тибетского государства и, по подсчетам китайских историков, находилась в его составе в течение 350 лет [там же, с. 103] (подробнее см. [Кычанов, 2004, с. 111-127]).

В 665 г. в Чанъань прибыло тугухуньское посольство, которое просило танский двор восстановить отношения *хэ цинъ* с уже не существующим государством, а тибетцам в компенсацию за уступки с их стороны отдать пастбища по р. Чишуй. Тибетцы не отказались от завоеванного, и в результате Тибет стал граничить с тан-ским Китаем и непосредственно угрожать Си юй (Западному краю), областям Хэси и Лунъю.

В 667-670 гг. тибетцы начали уничтожать цзими (фактически вассальные, но не входившие в состав территории Тан округа и уезды), созданные ранее китайцами на поставленных от них в зависимость цянских землях пров. Сычуань. В 670 г. в союзе с тюрками тибетцы вторглись на территорию Таримского оазиса. В ответ на это в августе того же года 100-тысячная китайская армия под командованием Сюэ Жэнь-гуя вступает в район оз. Кукунор, имея целью восстановить государство Тугухунь. Тибетские войска под командованием Тидина Гара нанесли китайцам поражение у р. Дафэй (Бухайн-гол). События 670 г. снова связаны с корейскими. В этом году в Когурё происходит восстание, в результате которого было восстановлено правление корейского королевского дома.

Еще в 656 г. тибетцы перенесли военные действия далеко на запад. Они покорили Вахан и поставили под свой контроль Болор. Наряду с атакой тибетцев на Тугухунь это также послужило предпосылкой развязавшейся тибетско-китайской войны. К 670 г., вероятно, тибетцы овладели по крайней мере двумя из четырех основных китайских гарнизонов в современном Синьцзяне (Куча, Карашар, Кашгар, Хотан) — Хотаном и Кашгаром. Они также контролировали Аксу и часть западных тюрков. Если не весь, то в значительной {46} своей части Кашгар остается в руках тибетцев до 692 г. В этот период тибетцы не создавали в этих областях своей администрации и довольствовались контролем над местными правителями. В конце 70-х годов, возможно в 677 г., все четыре гарнизона были оставлены китайцами и Тибет установил свой протекторат над всем бассейном р. Тарим и горными районами к юго-западу от него. Успехи тибетцев на западных границах Китая вынудили китайцев в 678 г. отказаться от постоянного вмешательства в корейские дела.

Желая указать Тибету его место, китайцы переносят военные действия на его северо-восточные границы, и летом 678 г. китайская армия терпит очередное поражение в районе оз. Кукунор.

На западе в 682 г. тюрки восстали против китайцев, и хотя вначале восстание было подавлено, но через короткое время тюрки восстали снова. В это же время был

восстановлен второй Восточно-тюркский каганат под управлением Элътериш-кагана. Одновременно на крайнем западе появляется новая сила, приближающая свои владения к тибетцам, китайцам и тюркам, — Арабский халифат.

Внутренние неурядицы на время ослабили внешнеполитическую активность и приостановили столкновения трех держав. В Тибете скончался цэнпо Мансон Манцэн, власть перешла к цэнпо Дуйсон Манцэну, который родился через месяц после смерти отца, — это только усилило власть и без того могущественной семьи Гаров. В Халифате после смерти халифа Йазида в 683 г. началась гражданская война. В Китае в последние дни 683 г. скончался император Гао-цзун и к власти пришла императрица У-хоу.

Крупные военные действия возобновились в 687 г. Тибетцы атаковали г. Куча, находившийся под контролем западных тюрков, которые признавали свою вассальную зависимость от Тан. Китайцы выслали на подмогу тюркам экспедиционный корпус, который тибетцы наголову разгромили летом 689 г. Через короткое время китайский двор направил в Западный край новую армию под командованием Ван Сяо-цзе. В итоге Китай вернул под свою власть Куча, Хотан, Кашгар и Суяб. Возможно, это была не только военная победа. А.Г. Малявкин высказывал предположение, что испытывая внутренние трудности или по каким-то неясным другим причинам тибетцы покинули Кашгарию [Малявкин, 1992, с. 73].

Китайский сановник Цуй Жун подал императрице доклад, касающийся западной политики Тан. Этот любопытный документ полностью переведен на русский язык А.Г. Малявкиным [там же, {47} с. 81-83]. После исторического экскурса Цуй Жун отмечал, что император Тай-цзун простер власть династии до Памира, «построил укрепленные гарнизоны, установленные вышки для сигнальных огней были одна в виду другой. Тибет не смел с пренебрежением относиться к Срединному государству». В правление Гао-цзуна «власти были нерадивы», оставили «четыре гарнизона, не будучи в состоянии владеть ими». Тибет усилился, и «его войска проникли в районы к западу от Карашара». Ван Сяо-цзе вернул четыре гарнизона, и их следует удерживать, чтобы не позволять соединиться варварам севера (тюркам) и тибетцам и помешать им «создать опасность для Хэси» (т.е. Ганьсуйского коридора). Аргументация Цуй Жуна исходила целиком из военно-политических нужд империи, в ней нет ни слова об экономическом значении удержания Западного края, ни о торговых и культурных контактах, ни о пресловутом Шелковом пути.

Как уже упоминалось, в Тибете произошла смена власти. Сын и наследник покойного цэнпо Дуйсон Манцэн — младенец. Вся власть в стране оказалась в руках Ценья Донбу Гара, который силой подавил восстания и сопротивление недовольных и правил до 685 г. Когда он скончался, правление страной перешло к другому Гару, Тидин Цэндо. Однако подраставший Дуйсон Манцэн давно тяготился властью Гаров. Он с детства ненавидел своих опекунов и готовился к войне с ними. Еще когда Дуйсону было всего восемь лет, Тары пытались избавиться от него и посадить на престол младшего брата Дуйсона. С тех пор страх цэнпо и его недоверие к Тарам, хотя и ведущим Тибет от победы к победе вне страны, стали постоянными. Успехи Гаров на далеких границах были для них надежной защитой, хотя страна уже стала ощущать тяготы постоянной войны. Но в 680 г. северо-восточные и восточные границы Тибета проходили по линии от Лянчжоу (Увэй) до Сунчжоу (Сун-пань) — Маочжоу (Маовэнь) и у оз. Дали. На западе тибетцы контролировали Западный край.

Сбор разведывательной информации в Китае всегда почитался важнейшим делом. При танском дворе знали о подлинных отношениях Дуйсона и Гаров, понимали, что держаться у власти Тарам помогают военные победы тибетцев. Китайцы решают активизировать военные действия против Тибета, но поначалу не добиваются успеха. На кашгарском направлении терпит поражение армия Вэй Ши-цчя. Командующий армией обезглавлен. У Лянчжоу армия развалилась, даже не начав сражения. Командующий Цэнь Чан-цин и его пять сыновей казнены. В 692 г. армия Ван Сяо-цзе наносит удар {48} по

Кашгару, и, как уже говорилось выше, до сих пор неясно, то ли тибетцы были разбиты, то ли Дуйсон приказал отвести войска, которые стали нужны ему самому для борьбы с Тарами. Но утерю Кашгара цэнпо сразу же поставил в вину Тарам.

В 693 и 694 гг. тибетцы потерпели от китайцев ряд поражений на своей северо-восточной границе и также на западе, где они выступали против китайцев в союзе с тюрками. Но в 695 г. они нанесли китайцам ответный удар в направлении на Лянчжоу. Победа была настолько убедительной, что в 697 г. в Чанъань прибыло тибетское посольство с предложением начать переговоры о заключении мира. В случае несогласия Тан тибетские послы угрожали нанесением удара в направлении Лянчжоу-Ганьчжоу с целью перерезать Ганьсуйский коридор и полностью лишить китайцев связей с Западным краем. Танский двор, осведомленный о противоречиях тибетского цэнпо с правящей страной семьей Тар, затягивал переговоры. Отказаться же от переговоров полностью было невозможно. С севера в направлении того же г. Лянчжоу по Китаю ударили тюрки Капаган-кагана, а на крайнем северо-востоке империи восстали кидани.

В переговорах были заинтересованы и Тары. Тибетцы выдвигали в качестве условия заключения мира отказ китайцев от Западного края. Но понимая, что Китай на это не пойдет, Тары приготовили вторую линию для обсуждения: Яркенд, Кашгар, Куча и Хотан не должны подчиняться ни Китаю, ни Тибету, а должны управляться только их собственными правителями.

Китайцы же со своей стороны выдвигали требования, которые были нереальны, но затягивали переговоры, верно рассчитав, что неудача переговоров все-таки в конце концов погубит Гаров. Их надежды оправдались. В 698 г. цэнпо Дуйсон, опираясь на преданные ему войска, напал на Гаров и арестовал до двух тысяч человек из их клана и его сторонников. Всех их незамедлительно казнили. Тидин Цэндо Гар бежал к оставшимся верными ему войскам и пытался организовать сопротивление. Начавшаяся скоротечная гражданская война завершилась тем, что войска цэнпо разгромили Гаров и Тидин Цэндо покончил с собой. Его брат и сыновья бежали в Китай.

Договор 730 г.

Китайцы, однако, ошибались, надеясь, что отстранение Гаров от власти прекратит войну. В 700 г. тибетцы атакуют Лянчжоу, в 701 г. повторяют это нападение в союзе с тюрками. На северо-{49} востоке возобновляются военные действия в районе Сунчжоу-Таочжоу. Но уже в следующем году цэнпо Дуйсон направляет посольство к танскому двору для переговоров о мире. Свою «мирную инициативу» он подкрепляет личным походом на Сичжоу, но как полководец терпит поражение. Тогда он вновь начинает переговоры и просит у танского двора в жены китайскую принцессу. Переговоры постоянно перемежаются военными действиями. В 703 г. они вспыхивают в районе г. Маочжоу. Одновременно против тибетцев начались восстания в Непале и Гималайской Индии, к восставшим примыкают предки современных мосо. Дуйсон, который вновь лично становится во главе войск, отправленных на подавление восстаний, в 704 г. погибает в сражении против дзанг (мосо) из района Мьява в государстве Наньчжао. Смена власти в Тибете совпадает с таковой и в Китае. Императрица У-хоу скончалась, и вместо нее к власти приходит император Чжун-цзун. Обе стороны заинтересованы в прекращении войны. Переговоры 706 г. дают первые результаты. Был составлен проект «клятвенного союза годов под девизом царствования Шэнь-лун», по которому разграничивались два государства — танский Китай и Тибет. В следующем, 707 г. китайская сторона дала согласие на то, чтобы договор был квалифицирован как хэ цинь — договор о мире и установлении родственных отношений, и в 710 г. в Тибет была отправлена принцесса Цзинь-чэн [Сицзан цзяньши, 1993, с. 38].

Неясно, чьей она стала женой, особенно первоначально. После смерти Дуйсона на трон был посажен его сын Лха Балпо. Однако вскоре он был лишен власти в пользу

Меагцома (Тидэ Цуггэна). Но Лха Балпо не был убит, и полагают, что именно он первоначально получил в жены принцессу Цзинь-чэн. За Цзинь-чэн в приданое тибетцам были дарованы земли Хэси цзюцюй, района к востоку от оз. Кукунор и по обеим берегам верхнего течения р. Хуанхэ [тати же, с. 39]. Куда делся Лха Балпо, неясно, но только с 713 г. принцесса Цзинь-чэн стала женой Тидэ Цуггэна.

Тидэ Цугтэн (официальные годы правления 704-754), вошедший в историю Тибета под прозвищем Меагцом — Седовласый, был любимцем вдовствующей государыни, его бабушки Тимало. Именно бабушка организовала его приход к власти. С самого детства Меагцом был свидетелем ожесточенной борьбы за власть, которая то тайно, то явно велась при дворе цэнпо. Сообщается, что ему было 17 лет, когда принцесса Цзинь-чэн стала его женой. Танский двор поставил перед принцессой одну задачу — приостановить {50} нашествия тибетской конницы на Китай. В Лхасе ей жилось плохо. Она не обнаружила расцвета буддизма в стране, даже статуя Будды, привезенная ее предшественницей принцессой Вэнъчэн, все еще стояла замурованной за дверью храма («в период трех поколений статуя владыки находилась в темнице»), и только по просьбе Цзинь-чэн статую извлекли из заточения и поместили в храме. Принцесса страдала от ревности тибетских жен цэнпо. Жизнь ее, таким образом, была нелегкой, а ее пребывание в Лхасе практически бесполезным для Китая. Она хотела бежать из Лхасы, но помочь ей в этом было некому.

В 714 г. война Тибета с Китаем разгорелась с новой силой. Она возобновилась большим рейдом тибетских армий на Линътао-Ланьчжоу с выходом на р. Вэй. В 716-717 гг. тибетцы атакуют границы Тан на территориях нынешних провинций Сычуанъ и Ганъсу. В это время на западе они действуют заодно с арабами. Они помогают арабскому полководцу Кутейбу ибн Муслиму захватить Фергану. Правитель Ферганы Башак бежал ко двору Тан. Гибель Кутейбы и рейд китайских войск на Фергану, возможно, вернули Башаку на время власть над Ферганой. Американский исследователь Ч. Беквит пишет: «Значение того, что случилось в 715 г., не было понято в то время. С точки зрения китайцев династии Тан, арабы были ещё очень далеким и поэтому сравнительно незначительным народом. Арабы, кажется, понимали, что они достигли границ империи Тан, но в тех обстоятельствах они не отдавали себе отчет в том, что это значит. К сожалению, фрагментарность источников не позволяет нам даже приблизительно догадываться о том, как тибетцы смотрели на эти события. Но невзирая на неспособность этих стран понять их значение, события 715 г. ясно показали, что был достигнут верстовой столб евразийской истории. Арабы с запада, китайцы с востока и тибетцы с юга — эти три великих экспансионистских государства ранней средневековой Азии сошлись в одной точке».

В 724-727 гг. война разгорелась с новой силой, несмотря на попытки цэнпо Меагцома в 716, 718 и 719 гг. заключить с Китаем мир. Сохранилось письмо Меагцома к танскому императору Сюань-цзуну, в котором тибетский цэнпо, в частности, обещал прекратить совместные действия с тюрками против Тан. В связи с этим Ч. Беквит пишет, что на этот раз возобновление военных действий было начато китайцами, а не тибетцами. Интересно, что одновременно тибетцы проявляют интерес к исламу. Они просят арабов прислать к ним проповедника, который объяснил бы им, что такое {51} ислам [Beckwith, 1993, p. 88]. (Кстати сказать, в период этих контактов с арабами от тибетцев в мусульманский мир попал мускус.)

В 726 г. тибетцы нападают на Ганьчжоу. Отходящие оттуда тибетские войска в районе оз. Кукунор внезапно атакуют китайские отряды генерала Ван Цзюнь-чу, и тибетцы терпят поражение. Стоял февраль 727 г., были сильные морозы, и много тибетцев, особенно раненых и больных, замерзли. Ван сжег траву, и тибетские кони падали от бескормицы. В отместку в сентябре 727 г. тибетцы снова атаковали Ганьчжоу и взяли в плен отца Ван Цзюнь-чу — Ван Шоу, а сам Ван Цзюнь-чу в ноябре попал в засаду, устроенную в районе Ганьчжоу уйгурами, и погиб. Осенью следующего, 728 г. произошли новые столкновения — тибетцы снова напали на Ганьчжоу, а китайцы опять

подкараулили их у Кукунора и разбили. Тибетцы пытались склонить на свою сторону тюркского Бильге-кагана, но тот на союз с тибетцами не согласился, более того, известил китайский двор о тибетских происках. Это привело к тому, что тюркско-ти-бетской солидарности в совместных действиях против Тан был нанесен серьезный удар. В апреле 729 г. тибетцы терпят еще одно поражение от китайцев, но затем берут реванш, нанеся серьезный урон китайским войскам. Прошедшие сражения привели к той ситуации, которая была определена китайским сановником Чжан Юэ «как наличие примерного равенства в победах и поражениях» [Малявкин, 1992, с. 140] китайцев и тибетцев. Обе стороны обвиняли в развязывании военных действий «пограничных военачальников» и говорили об извечном стремлении сторон к миру с одной целью — облегчить страдания народа.

В 730 г. закончилась вторая 60-летняя тибетско-китайская война (670-730). Был заключен мир, в чем большую роль сыграли принцесса Цзинь-чэн и тибетский посол, именуемый в китайской передаче Миншиле, человек, хорошо владевший китайским языком. Известно, что в процессе переговоров из Китая в Тибет были посланы пять китайских классических книг, конфуцианское «Пятикнижие» («У цзин»). К великому сожалению, текст договора 730 г. не сохранился. Он известен только в изложении. Обе стороны согласились, что границей между государствами станет горный хребет Чилин (ныне отождествляется с горами Жиюешань в уезде Хуанъюань совр. пров. Цинхай [Цзанцзу цзяныпи, 1985, с. 40]), по-монгольски Улан-Дабан, и хребет Ганьсунлин (в пределах совр. уезда Сунпань, пров. Сычуань). В горах Чилин (Красные горы) надлежало устраивать рынки, а вдоль хребта должны были быть поставлены стелы с памятными надписями о заключении мирного {52} договора. Стороны обязывались не нападать друг на друга, произошел обмен дарами.

Внимательно изучив все китайские источники о заключении мира 730 г., А.Г. Малявкин высказал предположение, что демаркация границы по хребту Чилин и другим не состоялась. В октябре 734 г. один из местных китайских военачальников, Ли Цюань, был «послан в район хребта Чилин, чтобы с тибетцами произвести разграничение и установить стелы». Как писал А.Г. Малявкин, «скорее всего, данное мероприятие, предусмотренное соглашением 730 г. и застрявшее на несколько лет на стадии» уточнения и согласования деталей, «не было доведено до конца» [Малявкин, 1992, с. 148]. «Эти две нации остались разделенными и равными, даже в глазах китайцев» — так резюмирует исход мирных переговоров 730 г. Ч. Беквит [Beckwith, 1993, с. 106]. 60-летняя война закончилась в 730 г., чтобы через семь лет разразиться вновь, положив начало третьей тибетско-китайской войне, которая продолжалась сорок шесть лет.

Падение Чанъани

В 736 г. тибетцы атаковали Гилгит, небольшое владение в долине р. Гилгит, притоке р. Инд, Кашмир. В ответ в 737 г. танские войска напали на тибетцев в районе оз. Кукунор. В 738-740 гг. военные действия перекинулись в Хэси, районы к западу от излучины Хуанхэ, и в Сычуань на берега р. Миньцзян. Смерть принцессы Цзинь-чэн в 741 г. на время приостановила войну. Произошел обмен посольствами с выражением соболезнования, но переговоров о мире не было. Более того, в ходе предшествовавших боевых действий были разрушены и те пограничные столбы, которые успели поставить по хребту Чилин [Сицзан цзяньши, 1993, с. 41]. В 736-737 гг. тибетцы вместе с тюрками-тюргешами воюют против арабов. Однако к 740 г. тюргешская конфедерация тюркских племен распалась. Тибетцы потеряли своего союзника на западе. В это время арабы стремились овладеть Ташкентом и Ферганой. И Ташкент, и Фергана поддерживали контакты с танским двором. Чтобы не сталкиваться в открытую с Китаем, арабы отправили в Чанъань посольство во главе с Хэша. Посол был принят с почестями, получил китайский генеральский чин и щедрые подарки, но договориться арабы и китайцы не

смогли.

Тибетцы ежегодно совершали осенью рейды в пограничные районы Тан во время уборки урожая. Местные китайские власти {53} были не в силах оказывать сопротивление налетчикам, и люди называли эти районы «тибетской житницей», так как китайцы выращивали хлеб, а урожай доставался тибетцам. Осенью 745 г. китайцы понесли большие потери в борьбе за пограничную крепость Шибао. В 747 г. танский двор отправил на запад армию под командованием генерала Гао Сянь-чжи, корейца на китайской службе. Китайский отряд достиг Вахана и уничтожил местный тибетский гарнизон. После этого тибетцы без боя оставили г. Гилгит, столицу Болора. Генерал Гао пленил правителя Гилгита, и он и его тибетская жена были доставлены в Чанъань. В 749 г. китайцы взяли реванш на востоке, они заняли крепость Шибао и создали там специальную армию Шэньу для борьбы с тибетцами. К 750 г. китайцы, развивая свои успехи на западе, поставили под свой контроль все города-государства Таримского бассейна, а также Гилгит и Вахан, союзницей Тан была Фергана. Вражда правителей Ташкента и Ферганы стала поводом к столкновению арабов и китайцев. Правитель Ташкента Чабиш был пленен Гао Сянь-чжи, привезен в столицу Тан и там казнен. Сын же Чабиша бежал в Самарканд. Получив сведения о военных приготовлениях арабов, возможно направленных против Тан, при поддержке тюрков-карлуков и Ферганы он выступил против арабов. В конце июля 751 г. китайская и арабская армии сошлись у Таласа. В битве китайские войска потерпели поражение, Гао Сянь-чжи едва не попал в плен. Арабы захватили много пленных китайцев, и есть версия, что именно из числа этих пленных бьши те, кто наладили производство бумаги у арабов.

В 751-752 гг. тибетцы устанавливают контроль над своим юго-восточным соседом — государством народа *ицзу* — Нанъчжао. Однако в войне с Китаем события развивались не в пользу тибетцев. Их влияние в Западном крае оказалось существенно подорванным, и на восточных границах в сражениях с китайскими войсками удача сопутствовала китайцам. И неизвестно, что было бы в дальнейшем, если бы не два обстоятельства: в танском Китае вспыхнуло восстание Ань Лу-шаня, а в Тибете погиб цэнпо Меащом. По одной версии, он упал с лошади и разбился, по другой — был убит своими министрами.

Смерть Меащома скорее была связана с его внутриполитическими действиями. Он стал склоняться к буддизму. К югу от Лхасы бьши построены три буддийских храма: Дагмар Динсан, Чимпу Намрэл и Дагмар Керу. Меащом пригласил монахов-отшельников с горы Кайлас. Монахи в Лхасу не поехали, но прислали тибетскому{54} двору тексты сутр. Кажется, эти действия Меащома вызвали недовольство приверженцев бон при дворе. Меащом был убит. Его преемник Тисон Дэцэн (правил в 755-797 гг.) с момента своего восшествия на престол оказался в конфликте с могущественными министрами, сторонниками бон.

Пользуясь смутой в Китае, тибетцы оккупировали обширные районы Танской империи в нынешних провинциях Сычуань и Ганьсу. Владетели Западного края, лишившись китайской поддержки, заспешили с данью к тибетскому двору. Тибетцы вошли в сговор с уйгурами, и оба эти народа фактически установили свое господство в Центральной Азии. И тибетцы, и уйгуры предложили китайским властям помощь в подавлении мятежа Ань Лу-шаня и требовали за эту помощь заключения мира хэ цинъ. Танский двор согласился дать принцессу в жены уйгурскому кагану, и каган получил принцессу Нин-го, а тибетцам вновь отказали, несмотря на то что тибетская конница стояла в 200 км от столицы Тан. Тибетский цэнпо был оскорблен, и его двор высказался «за начало войны Тибета с Китаем против столицы китайского императора г. Кенгшир. Для ведения войны против Кенгшира бьши назначены два командующих — Шанчим Гьялсиг Шултен и Тактра Лукон. Они напали на Кенгшир и сразились с китайцами в великой битве на р. Чиочи. Китайцы бьши обращены в бегство, и многие из них убиты. Китайский император Ван Пэн-ван покинул крепость в Кенгшире и бежал в Шанчжоу» [Shakabpa, 1967, p. 40—41]. Так в специальной надписи на камне бьши запечатлены

события, связанные со взятием тибетцами столицы Тан. Надпись была свидетельством того, что тибетские генералы, взявшие Чанъань, и их потомки освобождались от смертной казни и других уголовных наказаний за любые проступки, которые они совершат, кроме измены цэнпо.

Итак, 18 ноября 763 г. тибетские войска вступили в столицу Тан г. Чанъань. Город подвергся разграблению. Но все прочие действия тибетцев бьши тщательно спланированы и имели целью посадить на китайский трон если не своего вассала, на что тибетцы все-таки вряд ли рассчитывали, то хотя бы обязанного им императора. Тибетцы возвели на китайский трон Ли Чэн-хуна, правнука императора Гао-цзуна. Был объявлен новый девиз царствования Да-шу (Великое прощение). Очевидно, что тибетцы хотели смены власти в Китае, но не рассчитывали на развал империи. Долго, однако, в столице Тан тибетцы удержаться не сумели, и через 15 дней их войска покинули Чанъань. {55}

В Западном крае тибетцы оказались потесненными уйгурами. К уйгурам отошли Бэйтин (Бешбалык) и Аньси. Но тибетцы постепенно завладели Хамийским оазисом и районом, прилегающим к Дуньхуану. В 764 г. тибетцы заняли г. Лянчжоу, в 766 г. — города Ганьчжоу и Сучжоу, в 781 г. — г. Гуанчжоу. Ганьсуйский коридор оказался целиком в их власти, и танский Китай лишился важнейшей дороги на запад. В такой обстановке велись переговоры о мире, завершившиеся заключением в 783 г. мирного договора в Циншуе.

По Цишнуйскому договору устанавливалось: «Ныне границей, которой придерживаются правительства, является западная оконечность ущелья Ганьчжэн (верховья р. Цзиншуй, близ Пинляна) к западу от Цзинчжоу, уезд Циншуйсянь (Цинчжоу) к западу от Фэнчжоу и Западные горы (Сишань, горы к западу от котловины Чэнду, Сычуань), река Дадушуй от Цзяньнаня. Все, что к востоку от этого, является границей Китая. Тибет содержит гарнизоны в Лань, Вэй, Юань и Хуй, достигая на западе до Линь и Тао, а на востоке до Чэнчжоу и простирая свои владения на мосо и другие маньские племена на западных границах Цзяньнаня. К юго-западу от р. Дадушуй — тибетская граница. К северу от Желтой реки, от бывшей Синьцюаньцзюнь (к северо-востоку от современного Цинъюаня) прямо на север к Великой пустыне (Дацзи) и на юг до хребта Лотолин (Верблюжьего, в южной оконечности гор Хэлань-шань). В горах Хэланьшань пролегает пограничный район, который является нейтральной территорией. Что касается пунктов, которые не упомянуты в договоре, то те из них, в которых находятся тибетские гарнизоны, удерживаются тибетцами, а те, в которых находятся китайские гарнизоны, удерживаются китайцами. В местах, в которых ранее гарнизонов не было, новые гарнизоны размещать запрещается. Запрещается обносить стенами города, строить крепости и обрабатывать землю» [Li Fang-kuei,1956, p. 7-8].

Территориальные уступки Тан были огромны: все Прианьшанье, регион Кукунора, земли к западу от г. Баочжоу и р. Дадухэ. По оценке современных китайских историков, договор устанавливал, что «район Хэланьшань к северу от Хуанхэ выделялся в качестве нейтральных земель. Пограничная линия проводилась к югу от Хуанхэ по горам Люпаньшань, в Лунъю, вдоль реки Миньцзян, реки Дадухэ и на юг до мосо и всех маней (современный район Лицзян, пров. Юньнань). Все, что к востоку от нее (этой пограничной линии), принадлежало Тан, все к западу — Тибету» [Сицзан цзяныпи, 1993, с. 47]. {56}

Танская империя тем самым «теряла контроль над Западным краем и официально признавала фактическое господство тибетцев над регионом Хэлун» [там же].

Неудивительно, что мир продержался только три года и уже в 786 г. началась новая 36-летняя война (786-822).

После заключения мира тибетцы помогают танским войскам подавлять мятеж китайского сановника Чжу Цы. Уйгуры же, наоборот, оказывают помощь мятежнику, тем не менее тибетские войска наносят восставшим поражение. Танские власти обещали тибетцам передать им в управление Аньси и Бэйтин, но своего обещания не сдержали. Это и послужило поводом для начала новой войны. Тибетцы атакуют территории Тан в

Ордосе, в 787 г. тибетская конница вновь появляется под стенами Чанъани. Тибетская угроза расценивается танским двором в качестве основной. Сановник и военачальник Ли Ми предлагает императору заключить мир с уйгурами, взять в союзники арабов и государства северо-востока Индии, договориться с Наньчжао и общими силами обрушиться на Тибет. Известно, что военные действия между тибетцами и арабами начались как раз в правление известного халифа Харун ар-Рашида. В 787 г. тибетцы занимают Дуньхуан (Шачжоу). В Западном крае, закрепившись в районе к югу от пустыни Такла-Макан, они продвигаются к Лобнору, а оттуда в Бэйтин и Куча. Район еще контролировался уйгурами, возможно, кое-где оставались еще и китайские гарнизоны. Но в 790-791 гг. тибетцы вытесняют уйгуров из Западного края, овладевают Хотаном, и все эти территории оказываются под тибетским господством. Тибетско-уйгурское соперничество разворачивается за район Хочжо. В этом районе, где-то в Восточном Таньшане, проходила граница между уйгурскими и тибетскими владениями. Кажется, в борьбе за Восточный Туркестан победу в конечном счете одержали уйгуры [Камалов, 2001, с. 149-165]. По мнению авторов «Кембриджской истории Китая», 791 год стал концом китайской администрации в Восточном Туркестане почти на тысячу лет [The Cambridge History of China, 1979, p. 610].

Рубеж VIII-1X вв. был, вероятно, пиком внешнеполитического могущества Тибета. Предполагают, что в начале IX в. вассалом Тибета был шах Кабула, тибетцы удерживали свои позиции на Памире и на территории Кашмира. Как раз в эти годы много вероучителей Индии попали через Кашмир в Центральный Тибет, в том числе знаменитый Падмасамбхава. Есть неясные сведения о том, что обеспокоенные успехами тибетцев в Восточном Туркестане {57} арабы при Харун ар-Рашиде пытались заключить союз с китайцами против тибетцев [Hitti, 1956, p. 208-209]. Во второй половине VIII в. тибетцы успешно действовали на южных и юго-восточных рубежах. В 750 г. они заключили союз с тайцами. Правитель тайцев Колофэн в договоре о дружбе был назван «младшим братом» тибетского цэнпо. В итоге в 754 г. тибетцы и тайцы совместно выступили против Наньчжао, а в 778 г. — против Тан на территории Сычуани. Тибетцы совершили успешный поход в Индию, в Бихар [Wood,1926, p. 33].

Введение буддизма

Тисон Дэцэн вошел в историю как первый цэнпо, могущественный покровитель буддизма. Поэтому он, как и его отец в последние годы своей жизни, столкнулся в первые же месяцы правления с сильной оппозицией, которую возглавили члены правительства Машан Домпа Кье и Тактра Лугой. Цэнпо одержал верх, и оба противника новой веры оказались «живыми мертвыми», т.е. были отправлены доживать свой век у могилы покойного цэнпо. Хотя есть версия, что Машан Домпа Кье был просто похоронен заживо — он посетил гробницу, выход из которой после того, как он в нее зашел, закрылся сам собой. Машану и Тактра Лугону историки приписывают намерение вернуть в Индию статую Будды, привезенную ранее в Тибет непальской принцессой. Но было явлено чудо: статую, как ни старались, не могли сдвинуть с места. Тогда ее зарыли в землю.

Цэнпо действовал решительно. Рукописи бон были уничтожены. Из Индии пригласили проповедника Ананду для перевода священных книг на тибетский язык и проповеди учения. На страну обрушились бедствия и эпидемии, засухи и неурожаи, и, поскольку полагали, что это за дело взялись свирепые демоны бон, Ананду пришлось удалить. В Непал поехал сановник Ба Сэлнан и пригласил для проповеди учения и борьбы со злыми духами бон учителя Шантиракшиту.

Шантиракшита тоже не имел успеха. На этот раз бонские духи ответили штормовой погодой и наводнениями. Начались народные волнения. Шантиракшита был вынужден признать, что умеет только предаваться созерцанию и размышлениям и не владеет зна-ниямц и технологией магических заклинаний, чтобы усмирить духов бон.

Возвращаясь в Непал, он порекомендовал учителя Падмасамбхаву из страны Уджана на севере Индии, который мог {58} бы справиться со злыми силами Тибета во имя торжества учения. Падмасамбхава был широко известен как знаток тантры. Ба Сэлнан снова поехал в Непал, где в это время находился Падмасамбхава.

Тибетское сочинение «Падма Катан» подробно рассказывает о тех трудностях, которые встретились Падмасабхаве на пути в Тибет и затем в самом Тибете. Любопытно описание двора цэнпо, который увидел Рожденный в лотосе (Падмасамбхава). Толпа придворных в своих бело-серых одеяниях, окружавшая цэнпо, походила на стаю голубей. Две супруги цэнпо были в шелковых одеждах, украшенных вышитыми яркими цветами. Тут же были певцы, танцоры в масках, барабанщики. Встал вопрос, который ставился и китайскими буддистами в IV—V вв. н.э.: должен ли вероучитель-монах кланяться светскому правителю или первым должен был сделать это Тисон Дэцэн? Цэнпо считал, что он повелитель всего народа Тибета и гуру должен поклониться первым. Словно прочитав его мысли, Падмасамбхава спел песню о своей магической силе. Тисон Дэцэн понял свое заблуждение, первый приветствовал гуру и просил простить ему его прегрешения. Гуру простил и повелел соорудить пять ступ.

Тантрист Падмасамбхава сумел подчинить бонских духов, включив многих из них в буддийский пантеон.

Магия и тантризм более подошли тибетцам. Поддержать Падмасамбхаву в Тибет вернулся и Шантиракшита. За 12 лет в двух днях пути от Лхасы был построен монастырь Самье (уезд Чанан, где находится монастырь Самье, в 137 км от Лхасы, и сейчас область с развитым земледелием и скотоводством). Самье был сооружен по образцу монастыря Одантапури, который представлял собой модель вселенной. В Самье поселились первые монахи-тибетцы, их было семеро, все они получили наставления в вере от Шантиракшиты. Была открыта школа по изучению санскрита, и началась переводческая деятельность. Открытие храма сопровождалось большим празднеством, на котором сам цэнпо спел песню, в которой воспел красоту храма:

Золото, серебро, медь, свинец и железо —
Пять металлов, добытых в этой стране горных разработок,
Горчица, ячмень, горох, бобы и пшеница —
Пять плодов, которые привыкли здесь есть.
Здесь климат не жаркий и не холодный,
В этой стране, цэнпо которой я являюсь,
Великим трудом я собрал эти сокровища,
И я счастлив, что могу без меры тратить время {59}
На распространение учения Будды, учения,
Собранного по крупицам из страны Индия.
В царствование Лхатотори Ньецэн
Впервые пришло это сокровенное учение,
Переведенное на наш язык во времена Сонцэн Гампо.
Молитвенные флаги этого храма так прекрасны,
Что даже солнце выражает недовольство,
Что его яркость не столь сияет.
А птицы протестуют, что они не могут летать так высоко,
Как вздымаются ввысь флаги на храме!
Ведь этот храм сам по себе из нашей священной земли.
[Shakabpa, 1967, p. 38-39].

Подобные же песни спели его сыновья, придворные и монахи. Цэнпо повелел переводить на тибетский язык буддийский канон. Была основана большая община монахов. В 779 г. в Самье открыли школу для изучения санскрита.

Одновременно с приглашенными из Индии учителями в Тибете трудились и китайские буддисты. В 781 г. два китайских буддийских проповедника были приглашены

в Тибет. В этом же, 781 г. указом цэнпо буддизм был объявлен государственной религией Тибета. Текст указа был вырезан на камне, и стела с текстом установлена в монастыре Самье. Две жены цэнпо и триста других лиц были обращены в новую веру. Они получили социальные привилегии и обещание постоянных пожертвований. Начались преследования наиболее рьяных приверженцев бон, противников буддизма. Книги бон заточали в пещеры, часть сожгли, а часть — утопили.

Функционирование монастыря-храма Самье, объявление буддизма государственной религией активизировали деятельность буддийских проповедников, выходцев как из Индии, так и из Китая. Известно также, что кроме них в Тибете действовали буддисты— выходцы из Хотана и государства Наньчжао. Китайский буддизм был представлен прежде всего школой Чань. Эта школа проповедовала путь к спасению через внезапное озарение, а буддисты из Индии предлагали постепенный путь к спасению, в котором совершение добрых дел ради собственного спасения играло первенствующую роль. Соперничество было велико, и было решено провести диспут, который и состоялся в 792-794 гг. Диспут происходил как в ставке цэнпо, так и в монастыре Самье. По преданию, буддистов, выходцев из Индии, представлял Камалашила, китайских буддистов — Хэшан (хэшан букв, «монах», т.е. не имя собственное). «Светлое зерцало царских родословных» приводит пример {60} того, как могли ставиться вопросы и даваться ответы соперниками. Камалашила «прибыл к реке Паричу, что в местности Самье, а Хэшан сказал, что встретит пандита, и уехал к берегу той реки. Хэшан туда приехал. Камалашила увидел его и подумал: „Если этот Хэшан умный, то я истинно одержу победу. Если он дурак, то мне не победить". Для того чтобы выявить знания Хэшана, он придумал вопрос: „В чем состоит причина скитаний человеческих душ в этом тройном круговороте бытия?" Чтобы выразить вопрос, Камалашила три раза описал окружность рукой над своей головой. Хэшан увидел это и подумал: „Причина скитаний в двух крайностях!" Для того чтобы ответить, он взял полу своего халата и дважды опустил ее. Камалашила подумал: „Этот Хэшан умный, я одержу победу"» [Светлое зерцало царских родословных, 1961, с. 43-44].

Индийские буддисты действительно одержали победу, буддизм тантристского толка больше подходил к условиям Тибета. Нельзя исключать и политический фактор — Китай и Тибет уже много лет постоянно воевали между собой. Диспут завершился трагически. Хэшана и его сторонников забили камнями. Китайские буддисты в отместку убили Камалашилу [Buston, 1931-1932, p. 192, 195]. При дворе было немало людей, неприязненно относившихся к Китаю, они поддерживали буддистов из Индии, и сам цэнпо был настроен в пользу выходцев из Индии. По сообщению «Красных анналов», главы диспутов не пострадали: «Затем прибыл Камалашила, и король сидел между [двумя спорящими]. Камалашила начал выставлять доводы против Хэшана и победил его. Затем Хэшан был отправлен обратно в свою страну, а его книги запрещены, так говорят. Система Камалашилы и система Хэшана соответственно именовались Цэнминпа и Тонминпа» [Demieville, 1962, p. 192,195][5].

Огромные внутренние преобразования и военные победы Тисон Дэцэна были оценены современниками, и еще при жизни деяния цэнпо были увековечены в камне. В стеле у моста Чонджай, сохранившейся до наших дней, записано: «Цэнпо Тисон Дэцэн! Благодаря успехам вашего отца и деда наша страна стала могущественной, а наша религия укрепилась. Я составил эту надпись, чтобы напомнить о ваших великих деяниях. Вы сделали все то, что ваши отец и дед желали сделать на благо мира и благосостояния нашей страны{61} и для умножения наших мест поклонения. Я написал подробный отчет о ваших блестящих делах и о расширении государства. Этот отчет сейчас хранится в вашем архиве. Цэнпо Тисон Дэцэн! Вы отличаетесь от соседних правителей. Ваша

[5] Как полагает Демьевиль, наименование данных систем в переводе с тибетского означает соответственно «метод постепенности» и «метод внезапной реализации».

великая слава и власть известны от Раши на западе и до Лонгшана на востоке, а также на севере и на юге. Мы — счастливый народ, благодаря вашему состраданию свободно исповедующий свою религию. Вы великодушны и добры не только к вашим подданным, но и ко всем живым существам. Именно поэтому люди называют вас Великий Божественный Повелитель, Просвещенный и Удивительный» [Shakabpa, 1967, p. 45-46].

С именами Сонцэн Гампо и Тисон Дэцэна связан период раннего распространения буддизма, который выделяют историки буддизма в Тибете.

Завершение войн Китая с Тибетом

После смерти Тисон Дэцэна, кажется, во внешних войнах Тибета с соседями наступил некоторый перерыв. Он был связан с внутренними делами страны. К этому времени стал ослабевать союз Тибета с Наньчжао. Правители Наньчжао тяготились зависимостью от Тибета, и в 794 г. правитель Наньчжао отказался от вассальных отношений с Тибетом и признал себя вассалом Китая. Наньчжао развязал успешную для него войну с Тибетом, приведшую к смерти Тисон Дэцэна.

На северо-западных границах Китая тибетцы в 808 г. были атакованы уйгурами, захватившими г. Лянчжоу. Это положило начало новым тибетско-уйгурским столкновениям. В 813 г. тибетцы построили мост через р. Хуанхэ в Улане, примерно в 90 км вниз по течению от современного г. Ланьчжоу, и начали совершать регулярные вторжения на территорию Ордоса. Эти походы были направлены и против уйгуров, и против китайцев. Есть сведения о том, что в 816 г. тибетская конница пересекла пустыню Гоби и вышла к столице Уйгурского каганата г. Ордубалык. В свою очередь, уйгуры довольно успешно теснили тибетцев на западе. Но начавшиеся войны с киргизами не позволили уйгурам развить свой успех в этом регионе, а затем привели и к гибели Уйгурского каганата (840 г.).

В годы царствования цэнпо Тидэ Сонцэна (798-815) военная активность тибетцев на границах с Тан стала ослабевать, тибетцы лишь стараются закрепить успех. Именно в конце VIII — начале IX в. в тибетских документах появляется термин *Бод ченпо*{62} — «Великий Тибет». Военные действия с Китаем — походы в Ордос, осада и взятие г. Шачжоу в 819 г. — перемежаются попытками заключить мирный договор. Танский Китай в принципе тоже был склонен к заключению договора, так как и ему приходилось воевать не только с тибетцами, но и с уйгурами. В 821 г. китайцам удалось склонить к миру уйгуров, уйгурский каган получил в жены китайскую принцессу. После того как уйгуры и Китай заключили мир, тибетские власти тоже стали склоняться к миру. В мире нуждался и Китай. Поэтому китайские власти ответили согласием на ведение мирных переговоров. Их посланники, выехавшие в Тибет, проезжая через территории, ранее контролировавшиеся Тан, к своему удивлению нашли их не опустошенными и разоренными, а процветающими. «Земли в Ланьчжоу покрыты были сарацинским пшеном и обширными садами с персиками, грушами» [Бичурин, 1833, с. 218].

Это означало, что тибетцы вполне справлялись с управлением хозяйством в этих районах. О войне напоминали могильные курганы, подле них были выстроены «домики, на которых написаны белые тигры по красному полю. Это могилы знаменитых туфаньцев, отличившихся подвигами на войне. Они при жизни одевались кожами тигров, по смерти употребляют изображения сих зверей в знак мужества, Соумершие погребены подле их могил» [там же, с. 219]. Китайские послы Ло Юань-дин и Ноло были приняты в походной ставке цэнпо: «Стойбище было обнесено полисадом. На пространстве каждых десяти шагов воткнуты до ста кольев. Внутри поставлены большие ставки. Ворот трое в ста шагах одни от других. Воины в латах охраняли сии ворота. Жрецы с птичьими перьями на голове и тигровым поясом били в литавры. Каждого при входе во внутренний двор обыскивали и потом отпускали. Внутри ограды стоял возвышенный терем, обнесенный дорогими перилами, на котором кяньбу сидел в своей ставке. При нем стояли тигры, лео-

парды и другие звери, вылитые из чистого золота. Он одет был в темное камлотовое платье, при бедре висел меч резной работы из золота» [там же, с. 220].

Тибетцы предлагали мир на следующих условиях: «Тибет и Хань — два государства, каждое из которых оберегает свои границы и управляет пограничными территориями, ни та ни другая сторона не допускают вторжений армий, карательных экспедиций и грабительских набегов друг на друга» [Сицзан цзяньши, 1993, с. 64].

821-822 годы ушли на заключение договора. В ноябре 821 г. китайская делегация была в Лхасе. Официальные церемонии подписания {63} договора состоялись в 821 г. в западном предместье Чанъани и в 822 г. в восточном предместье Лхасы. Китайский император был признан дядей по матери (*цзю*), тибетский цэнпо — племянником (сыном сестры — *шэн*). Оба суверена именовались по-китайски «государями» (*чжу*), они обсуждали дела и решали, как сблизить свои государства (*шэ цзи жу и*, «алтари земли и злаков [т.е. государства] уподобить единому»), так была выражена идея сотрудничества и равенства сторон. В тибетском тексте договора говорилось: «Великий государь Тибета, Священный государь чудодейственных сил, и Великий государь Китая, правитель Китая, хуанди (император), совещались друг с другом с целью сблизить государства, и они заключили великий договор и пришли к такому соглашению: Тибет и Китай остаются в границах тех территорий, которыми они в данный момент владеют. Все земли к востоку [от этой границы] — страна Великий Китай, все земли к западу [от нее] — соответственно страна Великий Тибет. Впредь каждая из сторон не будет действовать враждебно в отношении другой, начинать военные действия или захватывать территорию другой стороны. Если там (на территории другой стороны) появится какое-либо подозрительное лицо, оно должно быть задержано, его намерения выяснены путем допроса, а затем оно [должно быть] выслано назад.

Ныне, когда они (государи Тибета и Китая) сблизили свои государства и заключили этот великий договор, если возникнет необходимость послать посольства дружбы, рожденные дружескими отношениями между племянником и дядей, то посольства снова должны отправляться старой дорогой и, согласно прежним обычаям, лошади должны меняться в Цанкуньйоге на границе между Тибетом и Китаем. Китайцы встречают послов в Цешунгчене, и далее оттуда послов снабжает Китай. Тибетцы встречают послов в Цен-шухуани, и оттуда далее послов снабжает Тибет. Они (послы и встречающие) должны оказывать друг другу уважение и воздавать почести по обычаю, как того требуют отношения любви и родства между дядей и племянником. Между двумя государствами не должно быть видно ни клубов дыма, ни столбов пыли, не может быть никаких внезапных подъемов войск по тревоге, и даже само слово „враг" не должно произноситься. Начиная от пограничных караулов, всюду должно быть спокойно, и у [каждой из сторон] их земля должна быть их землей, а их постель — их постелью. И не должно быть ни страха, ни беспокойства. Они будут жить в мире и наслаждаться счастьем в течение десяти тысяч лет. Слова возносимой хвалы должны быть слышны повсюду и достичь солнца и луны. {64}

[Мы], положив начало великому времени, когда Тибет будет счастлив на земле Тибета, а Китай будет счастлив на земле Китая, для того чтобы это клятвенное соглашение никогда не было нарушено, призвали в свидетели три сокровища [буддийской веры], все божества, солнце и луну, планеты и звезды. Слова клятвы произнесены, животные принесены в жертву, клятвенная присяга совершена, и договор вступил в силу. Если же стороны не будут действовать в соответствии с этим договором или если они нарушат его и кто-то, будь то Тибет или Китай, первым совершит проступок, наносящий ему ущерб, любые военные действия или вероломные нападения, предпринятые [другой стороной] в качестве ответных мер, не будут рассматриваться как нарушение договора» [Richardson, 1952, p. 71-72].

Договоры были заверены печатями китайского императора и тибетского цэнпо, подписаны министрами и положены в государственные архивы Китая и Тибета. Текст

договора также был выставлен для всеобщего обозрения в г. Дасячуане, ставке тибетского командующего пограничными войсками, местному населению на границе Китая и Тибета было дано указание «охранять свои пределы и не нападать на земли дружественной державы» [Бичурин, 1833, с. 221].

Договор подтвердил границы по прежнему соглашению в Цин-шуй 783 г. и, безусловно, был выгоден для Тибета. Все исследователи полагают, что это был равноправный договор, если не считать неравенства в «родственных отношениях» государей: китайский император считался дядей, а тибетский цэнпо — племянником.

Мир продержался двадцать лет вместо заявленных «десяти тысяч». Он завершил цикл войн Великого Тибета и танского Китая, среди которых можно выделить четыре:

1. 638-641 гг. Война длилась четыре года и условно может быть названа войной тибетцев за китайскую принцессу.
2. 670-730 гг. 60-летняя война.
3. 737-783 гг. 46-летняя война.
4. 786-822 гг. 36-летняя война.

Примерно за 200 лет контактов китайской династии Тан и вышедшего на арену мировой истории Тибета между этими двумя государствами 145 лет было состояние войны. Договор 822 г. стал вершиной могущества Тибета на всем протяжении его истории; как писал китайский сановник Ню Сэн-жу, это была пора, когда Туфань-Тибет «и в длину и в поперечнике содержал по десять тысяч ли» [там же, с. 224]. {65}

Последние цэнпо Великого Тибета

У Тисон Дэцэна было несколько сыновей. Старший из них — Мути-цэнпо умер молодым. Власть наследовал другой сын, Муне-цэнпо (797-798). Его короткое правление отмечено попыткой осуществить утопическую идею имущественного равенства подданных. Идея всеобщего равенства родилась в последние годы VIII в. и на тибетской земле. Война разоряла как побежденных, так и победителей. Десятки тысяч тибетских крестьян, вместо того чтобы пахать землю и пасти скот, воевали на окраинах Тибета. Они доставляли богатую добычу цэнпо, его правительству, генералам, оставляли кое-что себе. Солдат служил далеко от родных мест. Его семья разорялась, в то время как знать, крупные землевладельцы богатели. Этого не могли не видеть и представители правящего класса. Те, кто исповедовал новую веру — буддизм, не могли не понимать, что жизнь одних в роскоши, а других в нищете не согласуется с буддийской проповедью, обязывающей монаха носить рясу в заплатах и питаться подаяниями верующих. И миряне-буддисты, даже если они верили, что их нынешняя земная жизнь обусловлена кармой, должны были думать о спасении от страданий, а не о накоплении богатств.

Муне-цэнпо, придя к власти, сказал: «Между моими подданными, между людьми не должно быть разделения на богатых и бедных» [Светлое зерцало царских родословных, 1961, с. 45] — и издал указ о введении уравнительного землепользования. Через какое-то время он поинтересовался ходом реформ и получил ответ: «Государь, богатые стали еще богаче, а бедные еще беднее!» Цэнпо менял план реформ, но, как повествует источник, «три раза уравнивал он богатых и бедных, но каждый раз безуспешно. Богатые были, как и прежде, богаты, а бедные, как и прежде, бедны» [там же, с. 45-46]. По преданию, Муне обратился к Падмасамбхаве с вопросом о причинах своих неудач. Падмасамбхава ответил: «Условия нашей жизни целиком зависят от наших поступков в прежней жизни, и ничего нельзя сделать, чтобы что-либо изменить!» [Shakabpa, 1967, p. 46].

Реформы закончились для Муне-цэнпо трагически — он был отравлен (по некоторым сведениям, даже собственной матерью).

Его сменил Мутиг-цэнпо Садналег, или Тидэ Сонцэн (798-815). Сторонники буддизма еще более укрепили свои позиции при дворе. В Самье была приглашена новая группа пандитов из Индии для продолжения переводов буддийских текстов. В

окрестностях {66} Лхасы был построен храм Карчун Лхакан. Делами двора руководили три министра-монаха, которые звались *банде*. Старший сын цэнпо принял монашеский обет.

Очередные успехи буддизма вызвали новую вспышку сопротивления сторонников бон. Цэнпо решил опереться на министров-буддистов и своих людей в местной администрации. Сторонники буддизма взяли верх, и Совет при дворе высказался за продолжение проповеди буддизма в стране. В новом храме Карчун Лхакан была установлена стела: «По всему Тибету должны быть открыты двери для изучения и практики Закона, и тибетские подданные от высших до низших никогда не должны запирать дверь, ведущую к освобождению. Более того, те способные, которые постоянно утверждают учение Благословенного и практикуют учение Благословенного, исполняя труды и обязанности, предписанные Колесом Закона, и имеют склонность к обучению тому, что предписывается Колесом Закона, должны считаться хорошими друзьями. Те же, кто принял священство, не могут быть отданы другим в *трэны* (тиб. *bran* — крепостные) и не должны облагаться тяжелыми налогами» [Tucci, 1950, p. 53].

Таким образом, земледельцев-простолюдинов, принявших новую веру, нельзя было делать крепостными (*трэнами*), и они освобождались от уплаты налогов. Населению предписывалось считать проповедников буддизма «хорошими друзьями». Все это документально свидетельствует о том, что, несмотря на поддержку двора или части его представителей, успехи буддизма в Тибете в начале IX в. были незначительны и требовали серьезной социальной поддержки.

Преемником Мутиг-цэнпо стал Ти Ралпачен, или Тицуг Дэцэн (815-841). Он продолжал политику укрепления позиций буддизма. Первым министром был назначен *банде* Донгка Палджий Йонден. Были приглашены три индийских пандита — Шилендраободхи, Данашила и Джинамитра. Вместе с двумя тибетцами-переводчиками — Кава Пэлцеком и Чогро Пуп Гьялценом они занялись сверкой священных текстов, ранее переведенных на тибетский язык. Важно было добиться однозначного перевода основных терминов и понятий, избежать того жесткого буквализма, которым страдали ранее сделанные переводы, из-за чего многие из них были малопонятны. В итоге этой работы был составлен первый санскритско-тибетский словарь «Махавьютпати» и была выработана официальная индо-тибетская буддийская терминология, гарантом употребления которой стал сам цэнпо. {67}

Был введен закон, на основании которого семь крестьянских дворов обязывались содержать одного монаха. Из Индии были заимствованы меры объема для зерна и меры взвешивания серебра. Сам Ралпачен любил проводить время в обществе монахов. На голове к его волосам были привязаны шелковые ленты. По бокам от цэнпо стояли монахи [Светлое зерцало царских родословных, 1961, с. 48]. Позже этот правитель Тибета был объявлен перерождением бодхисаттвы Ваджрапани.

Однако видимые успехи буддизма не привели к краху бон, а цэнпо понимал, что и он, и страна нуждаются и в той, и в другой религии. «Чтобы мне удержаться самому, — говорил цэнпо, — бонская религия нужна так же, как буддизм. Чтобы защищать подданных, необходимы обе, и чтобы обрести блаженство, необходимы обе. Ужасен бон и почтенен буддизм! Поэтому и я сохраняю обе религии!» [Laufer, 1901,5.42].

Вместе с тем удерживать баланс становилось все труднее. Цэнпо издал указ, гласящий: «Тот, кто будет с ненавистью указывать пальцем на моих монахов и будет злобно смотреть на них, тому отрубить палец, выколоть глаз!» [Светлое зерцало царских родословных, 1961, с. 53].

Антибуддийскую оппозицию при дворе возглавил брат цэнпо Дарма. Очень возможно, что он, как старший брат, был недоволен тем, что не стал цэнпо сам. Дарма действовал коварно. Он обвинил первого министра-буддиста в любовной связи с одной из жен цэнпо. Ралпачен вначале сослал *банде* Донгка Палджия Йондена, а затем, возможно по его же приказу, министр был убит. Та из жен цэнпо, которую заподозрили в

преступной связи, бросилась с дворцовой стены и покончила жизнь самоубийством. А вскоре два приверженца бон, когда цэнпо гулял в саду, напали на него и свернули ему шею.

Наступил час Дармы, позже прозванного Быком (лан) и вошедшего в историю как Ландарма (Дарма-Бык).

Дарма издал указ о запрещении проповеди и практики буддизма в стране. Храмы были закрыты и опечатаны. Монахам предложили отказаться от своей веры и

1) или стать приверженцами бон;

2) или отказаться от монашества, жениться и стать мирянином;

3) тех, кто упорствует, заставить заняться греховным ремеслом — стать мясником или охотником;

4) особо упорных кастрировать или казнить.

Многие монахи бежали из центральных районов Тибета на окраины страны. По Тибету поползли слухи, распускаемые буддистами, {58} что цэнпо не кто иной, как перерожденец того бешеного слона, который еще в глубокой древности поклялся уничтожить буддизм. Цэнпо не заплетает волосы в косу, а завязывает в узел на темени — значит, прячет под волосами рога [Franke, 1907, p. 54-60]. У цэнпо черный язык [Shakabpa, 1967, p. 82].

Буддизм был еще очень далек от того, чтобы по-настоящему закрепиться в Тибете. Вести о преследовании буддистов не вызвали ни народных волнений, ни восстаний в армии. Буддисты решили прибегнуть к террору — убить Дарму. Дело было поручено монаху Лхалун Палдже Дордже. И тот удачно совершил задуманное в 842 г. Рассказ об обстоятельствах убийства Дармы похож на чудесную историю с переодеваниями. Монах-убийца белую лошадь вымазал сажей так, что она стала черной. Он надел халат, у которого верх был черный, а внутренняя сторона — белой. На голову он надел черную шапку, лицо измазал маслом, смешанным с сажей. В рукава халата спрятал лук и стрелы. Когда он сел на черную лошадь, то был как зловещий черный дух. Он приехал в Лхасу, там сумел подойти к цэнпо, который в это время рассматривал надпись на каменном столбе, сделал рукой движение, будто он приветствует цэнпо, и, пустив стрелу прямо цэнпо в лоб, скрылся. Цэнпо схватился за стрелу, которая пробила его голову, и «тотчас умер» [Светлое зерцало царских родословных, 1961, с. 57]. Монах бежал, он «погрузился в реку по самое лицо, и то, что было покрыто сажей, стало белого цвета. Он вывернул наизнанку шапку, смыл с лица грязное масло, вывернул халат белой подкладкой наружу и надел его» [там же]. Затем бежал в Амдо, где сохранились буддийские общины.

Два сына Дармы начали борьбу за власть — Нгадак Юмтэн и Нгадак Одсун. Юмтэн засел в Ярлуне, Одсун — в Лхасе. Их междоусобная борьба все более и более вела к развалу центральной власти. Внук Дармы и сын Одсуна — Дже Пэлкорцэн был приверженцем буддизма. Он строил храмы, поддерживал верующих буддистов, однако, как и его дед, был убит, но уже приверженцами бон. Внук убитого, прапраправнук Дармы, бежал в Западный Тибет, в Пуран. Он считается основателем династии Нгари, правившей в Западном Тибете. Эта ветвь позже закрепилась в Северо-Западном Непале, в Яцэ. Второй внук Одсуна, второй правнук Дармы, остался и позже закрепился в Цзан. Таким образом, обломки великой династии рассыпались по всему Тибету, но именно обломки, династия утратила власть над всем Тибетом.

Развал центральной власти закономерно привел и к развалу армии. Командующие войсками постепенно втянулись в борьбу{69} друг с другом, местные военачальники и правители старой администрации оформляли подвластные им владения как независимые. Тибет стал быстро терять свои внешние владения, прежде всего в Западном крае. Китайцы, жители западной части современной Ганьсу и района Дуньхуана, которые ранее «принуждены были носить туфаньские одежды» [Бичурин, 1833, с. 215], быстро вспомнили, что они китайцы. В 851 г. добился независимости Дуньхуан, крупнейший центр буддизма на западе Китая. «Чжан И-чао, ту-фаньский предводитель в Шачжоу (т.е.

бывший чиновник тибетской администрации в Дуньхуане, хотя и китаец по национальной принадлежности), поднес китайскому двору карту одиннадцати областей, как то: Гуанчжоу, Шачжоу, Ичжоу, Сунчжоу, Ганьчжоу и др. ...Император, когда получил донесение о сем, похвалил усердие жителей и оставил Чжан И-чао военным губернатором в Шачжоу» [там же, с. 232-233]. Чжан И-чао продолжал править регионом теперь уже как представитель китайской танской администрации. Так началась более чем полуторавековая история независимости Дунъхуана, пока в 1036 г. он не попал под власть тангутов и не стал частью тангутского государства Си Ся. В 860 г. власть Тан признал командующий тибетскими войсками в Сычуани (Вэйчжоу). Другой тибетский генерал, названный в источниках как Шан Кунчжо, потерпел поражение от уйгуров и дансянов (тангутов). Тангутский правитель Тоба Хуай-гуан пленил Шан Кунчжо, казнил его и отослал голову Шан Кунчжо в Чанъанъ. Остатки тибетских армий за пределами Тибета или жили компактно, не смешиваясь с местным населением, или частью ассимилировались. Такой анклав тибетцев, не связанный с центральной властью, образовался, например, в районе г. Лянчжоу.

Тибет как бы провалился в яму, недаром тибетская историческая традиция этот перерыв сведений, «провал» в памяти народа, называет *тру* — «провал», «яма», «дыра». «С сего времени Туфань совершенно ослабела», — напишет китайский историк [там же, с. 233]. «Это был конец славы Тибета и королевской власти» — так оценит то время европейский тибетолог Рольф Штейн [Stein, 1981, p. 47].

Экономика и административное устройство Великого Тибета

За последние десятилетия изучение тибетских источников и документов позволило реконструировать социально-экономическую структуру Бод ченпо — Великого Тибета. {70}

В Тибете VII-X вв. пахотные земли делились на государственные (*джешин*, тиб. Rje zhing), земли цэнпо, которые он раздавал в качестве жалованья за службу (*кхол-юл*, тиб. Khol yul), и земли семей, возглавлявших тибетские кланы (*си*, тиб. srid). Государевы земли учитывались в особых списках, в которых фиксировались размеры участков, их владельцы и размеры налогов и сборов [Богословский, 1962, с. 72].

В УП-X вв. кланы (*пхуну*) объединяли потомков одного предка по мужской линии. Клановая верхушка являлась владельцем клановых (в прошлом родовых) земель, это были частновладельческие земли. Знатными кланами кроме упоминавшихся Гаров были Ньян, Бэ, Нён, Чейпон, Чогро, Судпу, Дро. Кланы, особенно связанные с кланом цэнпо родством, поставляли высших сановников государства. Это были *шан* (тиб. zhang, *шан* в китайской передаче) — «дядя по матери» цэнпо, *шанлон* (тиб. Zhang blon) — советники, *лонпо* (тиб. Blon po) — министры, *куджял* — придворные.

Тибетское общество делилось на аристократию (*джялриг*, тиб. Rgyal rigs) и простолюдинов (*ман*, тиб. dmangs). Народ, в свою очередь, подразделялся на лично свободных (*бан*, тиб. 'bangs) и лично несвободных (*трэн*, тиб. bran). Они обрабатывали землю правителя и платили в казну поземельный налог (*тэл*, тиб. khral). Каждый *бан*, владелец участка земли, получал красную бирку, на которой было зафиксировано количество налога зерном, причитавшееся с него за землю. С середины VIII в., как и в Китае, списки налогоплательщиков стали вестись на бумаге. Помимо фиксированного поземельного налога *бан* облагались поборами, их привлекали к трудовой повинности.

Трэн нередко жаловались цэнпо его подданным вместе с землей. Среди *трэн* было много военнопленных, они не только работали на земле, среди них были ремесленники, пастухи, прислуга и т.п. Социальный статус *трэн* в разных условиях менялся от состояния человека закрепощенного (крепостного) до рабского.

Административный аппарат Великого Тибета реконструирован на материалах тибетских хроник и документов. Следует отметить большую работу в этом направлении

недавно скончавшегося венгерского тибетолога Гёза Ураи.

Цэнпо носил титул *тул ки лха цэнпо* (тиб. 'phrul gyi lha bstan po), что переводят как «воплощенное божество» или «божество, наделенное магической силой» [Richardson, 1967, p. 6-7]. Резиденция, ставка цэнпо, называлась *побран* или *лха сэ ки побран* (тиб. Lha sras kyi pho brang) — «резиденция сына богов». Цэнпо имел зимние {71} и летние ставки и менял свое местопребывание в течение года. В деле управления ему помогали советники (*лонпо*, таб. blon po). Они были членами Совета, на котором решались дела государства. Управленцы-министры делились на три группы: главный министр (*лончен*), великие министры (лон *ченпо*, тиб. Blon chen po) и простые министры (*тал, пхра*). Из числа министров известны военный министр, министр внутренних земель, министр внешних, завоеванных земель. В последние годы правления династии в связи с укреплением буддизма в правительстве был министр-монах (*банде ченпо*). Особу государя обслуживали придворные чины (*нампхи*). Суд вершил судья (*пхринлон*). Если верны китайские сведения, то кабинет состоял из девяти министров и секретаря.

Описание военно-административной организации Тибетского государства УП-Х вв. в общих чертах сохранилось в «Военном каталоге», сочинении «Катан денга», тиб. Вка'-thang sde lnga[6]. По данным этого источника, территория Тибета была разделена на четыре *ру* (тиб. *ru*). В каждом *ру* было по восемь округов-тысяч (*тонде*, тиб. Stong sde), одному малому округу-тысяче (тон бу чун, тиб. Stong bu chung) и по одному округу-тысяче гвардии цэнпо (*ку рун-ги тонде*). *Ру* делился на верхнюю и нижнюю половины, верхнюю возглавлял командующий войсками (*магпён*, тиб. Dmag dpon), а нижнюю — «правитель рога» (*рупён*, тиб. Ru dpon). У каждого военного и светского правителя было по заместителю.

Известно, однако, что первоначально Тибет делился на три *ру* — левый, средний и правый. Поскольку левый *ру* был восточным, то ясно, что это деление повторяло деление на центр, левое и правое крыло ранних кочевых государств Центральной Азии. Цэнпо помещался в центре, лицом к югу. Судя по сохранившимся документам, четыре *ру* начинают упоминаться с 733 г. Совокупно *ру* охватывали территорию двух основных районов Тибета — Цзан и Уй. *Ру* являлись единицами военными, административными и финансовыми. Дела *ру* решались на Совете. Совет (*дунма*, тиб. 'dun ma) созывался два-четыре раза в год в разных районах *ру*.

Когда территория Тибета значительно расширилась за счет завоеваний, то для управления завоеванными территориями были созданы генерал-губернаторства (*кхром*). Во внутренних районах Тибета кхром не было. Появилось обозначение внутренних районов страны как «центр великой страны», а завоеванных земель — как «военные генерал-губернаторства для защиты пограничных земель». {72}

И *ру* и *кхром* подразделялись на единицы, организованные по военно-административной десятеричной системе, — десятки, сотни, тысячи и десятки тысяч. Основной единицей являлась тысяча (*тонде*). Такое деление было связано с тем, что население, разверстанное таким образом, помимо повинностей чисто экономических, должно было нести «повинность кровью», т.е. поставлять воинов в армию. Военнообязанные именовались по-тибетски «свирепыми». Как и во всех документах, касающихся центральноазиатских кочевых государств, в тибетских документах также не содержится точных сведений о том, относилась ли тысяча к числу членов семей, т.е. к численности всего населения, или же к числу солдат, которых должна была выставить при мобилизации тысяча.

Тысячей управлял тысячник (*тонпён*, тиб. Stong dpon). В аппарате управления тысячей был сборщик налогов (*кхабсо*). Низовыми руководителями являлись полутысячник (*тончун*), сотник (*чан*), полусотник (*бргъе урдже*), десятник (*нгапён*). Десятью тысячами командовал темник (*типён*). Полагают, что основной единицей в этой системе являлась полусотня, 50 дворов, которая именовалась *цхан* [Tsuguhito, 1994, p.

[6] Подробнее об этом сочинении конца XIV в. см. [Marun, 1997, с. 53, № 78].

853].

В армии также была принята десятеричная система: солдаты делились на боевые единицы — десятки, полусотни, сотни, тысячи и тьмы. Солдаты для ведения боя составляли пары — один бился холодным оружием (он назывался *пхон*), второй был стрелком из лука (*дгон*).

Внешней провинцией (*кхром*) управлял «командующий» (*магпён*), в его администрации известны должности инспектора, правителя округа (*цердже*, от кит. *цыши*) и советника (*лон*, тиб.blon). *Лон* именовался и градоначальник, правитель (комендант) города. Как показал в своих исследованиях японский ученый Такеути Цугухито, население оккупированных тибетцами районов было часто двуязычным, владело родным языком и тибетским, знало тибетскую грамоту, в Западном крае «тибетский язык и письмо продолжали использоваться даже после конца тибетского господства» [Tsuguhito, 1995, p. 133].

Говоря о мире 822 г., мы уже отмечали, что внешние связи цэнпо Тибета закреплялись в терминах родства. Если император Китая был дядей, а цэнпо Тибета племянником, то в отношениях с Тутухунь до гибели этого государства тибетский цэнпо считался дядей, а правитель Тугухунь — племянником. В отношениях с государством Наньчжао тибетский цэнпо полагался старшим братом, а государь Наньчжао — младшим братом. {73}

В истории краха великих империй, сильных государств всегда есть нечто таинственное. Таков и крах Великого Тибета. Если не было роковых внешних вмешательств (разгром врагами, завоевание и т.п.), то прежде всего рушилась вертикаль власти. В Тибете власть стала разваливаться из-за религиозной вражды, борьбы бон с постепенно завоевывавшим двор буддизмом. По словам Э. Хаара, именно буддизм стал «бедствием, разрушившим династию» [Haart, 1969, p. 12]. Династия обладала бонской харизмой. Буддизм еще не был способен ее заместить. Частичное введение буддизма, медленная адаптация им старых верований тибетцев, в процессе которой должен был вырабатываться новый «божественный» характер власти, привели к тому, что на какой-то момент старые представления пошатнулись, а новые еще не утвердились. Можно думать, что такой момент наступил именно в середине IX в., и произошло крушение династии. Не случайно в ходе междоусобных войн в 877 г. были разрушены могилы цэнпо, лишившиеся всякой сакральной защиты и переставшие внушать трепет.

Столь же разрушительными для династии оказались войны. Ни трофеи, ни рабы не восполняли гибель соплеменников. Война лишала страну лучших работников, земледельцев и скотоводов. Людские ресурсы Тибета были небезграничны и несопоставимы с таковыми в Китае. Нет сведений о том, чтобы в тибетскую армию мобилизовывали иноплеменников, а если такие мобилизации и имели место, они не были массовыми, иначе о них сохранились бы упоминания в источниках. Война истощала ресурсы страны — конечно же, Тибет не мог в этом отношении тягаться с Китаем. Тибет являлся крепостническим, скорее даже рабовладельческим обществом, со значительным неравенством в развитии экономики и социальных отношений в разных регионах страны. Многие районы Тибета и в пору его величия могли существовать относительно независимо от центральной политической власти. Случилось так, что экономические, идеологические, политические причины в один момент слились воедино и поставили страну на грань кризиса. Тибет пал, распавшись на части, в силу своего географического положения не нужный и не доступный никому — ни китайцам, у которых через короткое время вспыхнуло мощное восстание Хуан Чао, в конечном итоге также погубившее и династию Тан, ни уйгурам, которых именно в это же время, в 843 г., разгромили киргизы, уничтожившие Уйгурский каганат, ни другим тюркам, активность которых все больше обращалась на запад, ни арабам, завоевательный потенциал которых, похоже, тоже иссяк. {74}

«Новое возжигание пламени веры»

Четыре смутных столетия в истории Тибета в конечном счете ознаменовались торжеством буддизма в стране. Это был период «позднего распространения», «нового возжигания пламени веры», который начинается с переводчиков. Изгоняемый из Центрального Тибета, буддизм укрепился и удержался на окраинах и одержал там свои первые решающие победы. Буддизм приобрел влияние в Амдо, в стране Минъяг, стране «Девяти братьев Белых Высот (Белого Высокого)»[7]. Еще в VIII в., когда китайцы воевали за страну северных минъяг, им помешал дух, именуемый деревянной птицей. В дело вмешался сам Падмасамбхава и захватил правителя Пе-дкар, который являлся в образе украшенной драгоценными камнями деревянной птицы... С птицы взяли клятву защищать буддизм в Тибете, на ее голове укрепили ваджру. К концу IX в., к 892 г., в стране Минъяг, там, где была сангха, сохранилось много статуй божеств. Учитель Манидзукар Пха встретился у горы Дант-хи с девятью мужественными братьями Туран. Братья сказали ему, что в их земле имеются многочисленные белые монастыри. Учитель Манидзукар Пха защищал дхарму и сам строил храмы и монастыри [Le prince Pierre, 1976, p. 9]. Так, по преданию, буддизм укрепился в Амдо, в стране минъяг-тангутов.

В конце X в. достаточно крупное независимое тибетское владение существовало с центром в г. Лянчжоу. Основатель Тангутского государства Цзи-цянь теснил тибетцев. В 996 г. тибетцы предложили китайцам союз против тангутов. Узнав об этом, Цзи-цянь атаковал Лянчжоу, но тибетцы город отстояли. В 1001 г. свои услуги Китаю в войнах с тангутами предложил тибетский правитель Фанълочжи, в 1003 г. для этой цели он собрал 60-тысячную армию. Но тибетцы потерпели поражение, и в том же, 1003 г. тангуты овладели Лянчжоу. Фаньлочжи попал в плен. Цзи-цянь, несмотря на протесты своих сановников, отпустил пленника. Фаньлочжи снова собрал армию и внезапно атаковал ставку Цзи-цяня. Цзи-цянь был тяжело ранен в сражении и погиб.

В начале XI в. тибетцы усилились в районе Кукунора, здесь, к югу и западу от территории современной провинции Ганьсу возникло тибетское государство, во главе которого стоял правитель {75} с титулом Цзюесыло (Гьялсэ, сын Будды), потомок цэнпо Великого Тибета. 12-летним мальчиком он был привезен в г. Цинтан (совр. г. Синин) из Западного края, из Гаочана. В 1032 г. Цзюесыло получил от сунского двора титул *цзедуши*. В 1035 г. 25-тысячная армия тангутов вторглась во владения Цзюесыло, но тибетцы разбили тангутов. В 1036 г. произошел разлад в семье Цзюесыло, его сыновья от разных жен покинули отца, и единое государство распалось. В 1039 г. Цзюесыло напал на г. Лянчжоу, которым уже владели тан-гуты. Поход не удался. В 1042 г. тангуты разгромили старшего сына Цзюесыло, Сячжаня. В 1058-1065 гг. тангуто-тибетские войны возобновились. В 1058 г. армия Цзюесыло разгромила тангутов у г. Цинтан. Положение тибетцев осложнилось тем, что стали наступать китайцы. Они стремились сколотить союз уйгуров и тибетцев против тангутского государства Си Ся. Война кончилась тем, что тангуты овладели современным районом Синин-Ланьчжоу.

В 1065 г. Цзюесыло скончался. Власть перешла к его сыну Дун-чжаню, который правил всеми землями вокруг оз. Кукунор и прилегающим районом к северу от р. Хуанхэ. По сведениям китайских источников, тибетцы жили здесь в деревянных домах, одевались в шубы, занимались земледелием, скотоводством и меновой торговлей, исповедовали буддизм.

Вдоль верхнего течения Хуанхэ был еще ряд мелких тибетских владений. Они формировались вокруг монастырей, и монахи пользовались в них ощутимой властью. В 1070 г. тибетцы вновь помогали китайцам атаковать Си Ся. Кончилась же война тем, что китайцы завладели рядом крепостей в регионе и вышли в предгорья Наныпаня. В 1081 г.,

[7] По определению Х. Стодцард-Кармай, высказанному исследовательницей в частной беседе, Белое Высокое — гора Дантхи на берегу Хуанхэ, к северу от г. Сюньхуа и к востоку от монастыря Кумбум.

когда началась очередная война Си Ся и Сун, Дун-чжань вновь принял сторону китайцев. Но вскоре он скончался, и власть перешла к его приемному сыну Алигу, который был привезен из Хотана. Районы, заселенные тибетцами, все чаще подпадали под власть Китая, тем более что тибетские мелкие правители постоянно враждовали между собой. В 1104 г. потомок Цзюесыло Долобе выступил вместе с тангутами против Сун. Китайцы нанесли поражение союзникам, в итоге к 1117г. многие районы бывших владении Цзюесыло оказались под властью Китая.

В 1131 г. большая часть китайских владений в верховьях Хуанхэ — оз. Кукунор была завоевана чжурчжэньским государством Цзинъ. Чжурчжэни продержались здесь недолго. Этим воспользовались тангуты и заняли города Синин и Лэчжоу. В 1137г. чжурчжэни передали тангутам города Кочжоу и Цзиши и дали согласие на присоединение к Си Ся уже занятого тангутами г. Лэчжоу. Так {76} основное ядро бывших владений Цзюесыло попало под власть Си Ся. Остатки владений Цзюесыло составили основу области Лин, сыгравшую в будущем большую роль в истории региона и всего Тибета. Тибетцы составляли одну из четырех основных групп населения Си Ся (тангуты, китайцы, тибетцы и уйгуры), у них были свои буддийские общины, тибетский язык был признанным языком буддизма в Си Ся, а в числе памятников письменности из Си Ся дошли до наших дней самые ранние из известных тибетских печатных текстов.

В противоположном конце Тибета, на западе, в Нгари, процветал монастырь Тхолинг, в котором трудились знаменитые переводчики Ринчен Санпо и Легви Шэраб, получившие образование в Кашмире.

Правитель Нгари передал светскую власть своему брату, а сам стал главой буддийской общины под именем Еше Од. В 30-х годах XI в. он пригласил в Тибет знаменитого в Индии буддийского проповедника Атишу, но тот не приехал. На Нгари напали гарлоки (тюрки-карлуки). Еше Од попал в плен, и за его выкуп карлуки потребовали столько золота, сколько весил сам Еше. Золото собирали по всему Нгари, но его было недостаточно. Еше предпочел умереть в плену, а собранное золото завещал потратить на повторное приглашение Атипта. На этот раз Атиша принял приглашение, но всего на три года, взяв с тибетцев обещание, что через три года его вернут в Индию живым и невредимым. В 1042 г. Атиша прибыл в Западный Тибет в монастырь Тхолинг. Когда Атиша возвращался и проезжал Пуран, его учеником стал Дромтонпа. Из-за беспорядков в Непале Атиша не сумел вернуться через Непал в Индию. Он остался в Центральном Тибете в монастыре Самье. Известно, что он посещал Лхасу и другие монастыри. В 1054 г. Атиша умер, так и не возвратившись на родину.

Считается, что гонения на буддизм в Центральном Тибете продолжались около 70 лет. В X в. было положено начало сращению религиозной и светской власти и концентрации ее в отдельных районах в руках одной семьи (клана), члены которой были как светскими правителями данной области, так и главными духовными наставниками ее. Каждый такой район строил свой монастырь, воспитывал своих просвещенных проповедников, обучая их как в Тибете, так и в Индии. Известно, что Еше Гьялцен послал в Амдо учиться у наставника Гонпа Рабсела десять юношей, которые, пройдя курс наук, вернулись домой и восстановили в Самье полузабытую веру на должном уровне. {77}

В этот период — X-XП вв., в период возможного отсутствия в Центральном Тибете бурной политической истории, формируются школы (направления, секты) тибетского буддизма. Старейшей была школа Ньингмапа, которая восходит к VIII в., к Падмасамбхаве. Ньингмапа — школа тантрического буддизма, взявшая кое-что от бон, включившая бонских божеств в свой пантеон. По преданию, Падмасамбхаве пришлось сразиться с духом горы Ярлхашампо, который принял облик белого быка-яка. Белый як извергал снежные вихри, но Падмасамбхава, несмотря на снежную бурю, усмирил яка и даже сделал его последователем буддизма и своим помощником. Падмасамбхава — главное тантристское божество этой школы, у него может быть и свирепый облик, обычно облик тигра. Одновременно с Падмасамбхавой и Тугдуб — Божество совершенной мысли,

также очень почитаемое последователями Ньингмапа. Школа учит находить путь к спасению через магические ритуалы, в системе упражнений хатха-йоги. Монахи Ньингмапа могут вступать в брак. С именем Атиши связано формирование школ Кадампа, Кагьюпа и Сакья. Атиша в поздней традиции был объявлен перерождением бодхисаттвы Манджушри и святым, находящимся под покровительством Тары — женской эманации бодхисатгвы Авалокитешвары, покровителя Тибета. В Тибете прославились два сочинения Атиши: «Светильник для пути просветления» и «Драгоценные гирлянды бодхисаттвы». Атиша подразделял адептов буддизма на три группы, каждая из которых в зависимости от своих личных качеств могла добиться разных успехов в принятии и постижении учения. Человек, не отринувший жизни греховного мира, мог постичь правила почитания буддийских монахов и знать элементарные законы воздаяния (кармы). Люди, покидающие или покинувшие греховный мир, но заботящиеся лишь о собственном спасении, могли освоить учение о «четырех благородных истинах» (жизнь — страдание, источник страдания — жажда жизни; лишь освобождение от желаний, страстей, жажды жизни прекращает страдания. Добиться прекращения страданий можно, только следуя пути, указанному Буддой). Третьи не только познали глубину своих страданий, но сострадают другим живым существам и желают спасения других. Таким людям следует давать знания *парамит*.

Именно Атиша утвердил в Тибете тантрическую асгролого-асгрономическую систему Калачакра (Колесо времени). Атиша активно стремился воссоздать древние традиции монастырской жизни, он настаивал на строгой дисциплине и аскетической жизни для монахов. {78}

Школа Кагьюпа была основана гуру Марпой (1012-1097), воспринявшим традиции тантры от Наропы и Тилопы во время своего пребывания в Индии. Эта школа делилась на шесть направлений, учение, как полагали, восходило к бодхисатгве Манджугхоше и учению Наропы о йоге — углубленном созерцании и психофизической практике. Часть учения считалась «сокровенной» и доступной только тем, кто уже был подготовлен принять его. В рамках учения Кагьюпа развивались традиции отшельничества. Известным его проповедником был ученик Марпы — Миларепа.

В конце 50-х годов XI в. возникла школа Кадампа (Слова наставлений). Ее первым наставником считается Дромтонпа, основавший в 1057 г. монастырь Паден к северу от Лхасы. Учение этой школы прославил выдающийся проповедник Потоба (1027-1105), который стал использовать для проповеди учения устный рассказ с одновременным показом картин, этот рассказ иллюстрировавших. Основным текстом школы было сочинение Атиши «Светильник для пути просветления». Сторонники Кадампы строго соблюдали правила монашеской жизни и особо подчеркивали роль наставника-ламы в пропаганде и постижении учения. Только лама мог гарантировать верующему, что тот не собьется с правильного пути. Главным божеством школы Кадампа был бодхисатгва Авалокитешвара.

Основы тибетского буддизма в недавние дни были хорошо изложены европейски образованным тибетцем. «Центром веры в тибетском буддизме является вера в переселение душ. Тибетцы верят, что когда человек умирает, то его душа вновь рождается в этом мире. Форма, в которой это происходит, зависит от прошлых деяний личности и суммы заслуг, которые она накопила в своей прошлой жизни. Если он (человек) был добр и следовал религии, совершал добродетельные поступки, молился в старости и т.п., то он может родиться в „высшем мире богов". Если же он вел обычный образ жизни, он снова родится в мире людей. Греховная жизнь может привести в ад, и он станет существом этой сферы или же животным. Одним из наиболее тяжких грехов является лишение жизни, всякой жизни, будь то (жизнь) насекомого, животного или человека. Тибетцы рассматривают все живые существа как создания, связанные друг с другом нитью жизни. Таким образом, переселение душ, или одушевленность, происходит со всей живой вселенной, в мире существ, наделенных чувствами, — домашней птицы, рыб, животных,

всех, кто живет и двигается. Все умирают и рождаются вновь в соответствии со своей жизнью в этом мире» [Pemba Tsewang, 1957, p. 16-17]. {79}

Сакья

В XI в. в Тибете был популярен современник Атиши — Дрогми (992-1074), знаток *праджняпарамиты* и Хеваджра-тантры. Одним из его учеников был человек из знатной тибетской семьи Кхон по имени Кончок Гьялцен. В 1073 г. Кончок Гьялцен основал монастырь Сакья. Дрогми развивал учение *лам дэ* (тиб. lam 'bras) — «путь и плоды деяний», ориентировавшееся на так называемые «новые тантры», т.е. тантры в переводах Ринчен Санпо (958-1055) и самого Атиши. Сакьяские учителя полагали свои знания тантрических дисциплин восходящими к бодхисаггве Ваджрарухе, эманации Будды Амиды.

Владение Сакья (букв.: Бледная земля) — небольшое княжество на западе Центрального Тибета — выступило на большую центральноазиатскую арену в первой половине XIII в. и стало центром заново объединенного Тибета.

Начиная с 1205 г. армии Чингис-хана стали атаковать северного соседа Тибета — тангутское государство Си Ся, а с 1211 г. — располагавшееся на территории Северного Китая чжурчжэньское государство Цзинь. Тибетцы не могли не знать о том, что в Западном крае монголам добровольно подчинились уйгуры и тюрки-карлуки. Монголы разгромили государство кара-китаев Западное Ляо и затем государство Хорезм-шаха. Знали они, конечно, и о том, что войска Чингис-хана дошли до Северо-Восточной Индии. Все это были близкие и дальние соседи Тибета, и то, что случилось там, не могло пройти мимо Тибета. Все это нужно принимать во внимание при объяснении причин подчинения Тибета монголам.

Есть разные версии о первых контактах монголов с тибетцами. Первая — после 1207г. тибетцы сами послали послов к монголам и подчинились им [Shakabpa, 1967, p. 61]. Вторая — Чингис-хан в 1206 г. вторгся в Амдо. Его встретила делегация религиозных деятелей и светской знати. Тибетцы выразили покорность монголам, чтобы остановить дальнейшее продвижение монгольских войск и спасти страну от разорения. Чингис-хан послал приглашение прибыть в его ставку главе школы Сакья — Сакья-пандите. Однако встреча не состоялась [Cassinelli, 1969, p. 3].

Согласно хронике монгольского историка Саган Сэцэна, «государь выступил в поход против тибетского Кюлюгэ Дорджи-хагана. Правитель Тибета послал навстречу государю посланника, принца по имени Илугу, во главе 300 человек с многочисленными верблюдами в качестве дани, чтобы выразить свою покорность. На широте {80} Адзину Цайдам (это посольство) встретило государя, который с удовольствием (принял предложение о подчинении) и сделал большие подарки хагану и посланнику. Когда государь отпустил Илугу-нояна на родину, он дал ему письмо и приветственные подарки для ламы по имени Сакья Пак-лоцава Ананда Горбай... Таким образом государь покорил три района 880-тысячного народа Кара-Тибета» (цит. по [Кучера, 1970, с. 256]). Наличие тибетского посольства к Чингис-хану в 1207 г. признавал и Ю.Н. Рерих: в 1207 г. «тибетский наместник, а также другие удельные владетели... отправили... посольство в составе трехсот человек и били челом монгольскому хану» [Рерих, 1958а, с. 335].

С. Кучера полагает, что у Саган Сэцэна смешаны события и за поход монголов в Тибет выдано добровольное подчинение Чингисхану уйгуров в 1211 г. Известно, что Чингис-хан не совершал походов в Тибет. На деле, скорее, имеет место смешение этих «походов» в Тибет с войнами монголов против тангутского государства Си Ся с 1205 по 1227 г. Часть населения Си Ся составляли тибетцы, проживавшие компактными группами в районах страны, которые примыкали непосредственно к Тибету (см. [Кычанов, 1968, с. 257-258, 298-315]). Можно полностью солидаризироваться с мнением С. Кучеры: «Трудно согласиться с теми историками, которые... полагают, что уже при Чингис-хане Тибет был

включен в состав Монгольской империи» [Кучера, 1970, с. 258].

В 1227 г. с Тангутским государством было покончено. Чингисхан умер на территории этого государства в Ордосе. Это в известной мере определило особо жестокое отношение завоевателей к местному населению, и потоки беженцев хлынули из Си Ся, в том числе в Амдо и Кам.

Первое достоверное вторжение монголов в Тибет имело место в 1240 г.[8] (см. [Чэнь Цин-ин, 1996, с. 176]). 30-тысячный корпус сына Угедея Годана под командованием Ледже и Дорда-дархана вступил в Центральный Тибет и дошел до Пханьюла, местности к северу от Лхасы. Тибетцы оказали сопротивление. Бои у монастырей Радэн и Джанлхакан закончились сожжением этих монастырей. Монахи были перебиты, окрестности монастырей разграблены. Монголы не пошли дальше на Лхасу, возможно, это был эпизод большой войны, которую в это время монголы вели в южных областях Ганьсу и в Сычуани, районах, прилегающих к Тибету [Кучера, 1970, с. 260]. {81}

Объединение Тибета и создание в Тибете единого правительства, подчинявшегося монголам, связано с вероучителями школы Сакья. Кунга Гьялцен (1182-1251) был тем человеком, который в это время возглавлял школу Сакья. Есть три версии приглашения Кунга Гьялцена в ставку Годана под г. Лянчжу. По первой — Годан пожелал ближе познакомиться с учением Будды — в то время монголы стояли перед выбором между буддизмом, христианством и исламом, и хорошо известно, что среди чингисидов и членов их семей были адепты всех трех мировых религий.

По второй версии, Годан был болен и пригласил Кунга Гьялцена как врача тибетской медицины. По третьей — Кунга Гьялцен сам искал этой встречи, чтобы предотвратить новое вторжение монгольских войск в Тибет. Слишком наглядной и устрашающей была судьба Тангутского государства и соседних с Тибетом областей Китая.

Кунга Гьялцен был просвещенным монахом, в ламы он был рукоположен знаменитым кашмирским буддистом Шакьяшри-бхадрой, в 1219 г. посетил Индию и Непал, считался хорошим знатоком санскрита и буддийских текстов, за свою ученость получил имя Сакья-пандита. Сакья-пандита прославился также своими сборниками парных изречений «Субхашита ратна нидхи». Монгольский посланник Джалман привез Сакья-пандите письмо от Годана, в котором говорилось: «Я, мужественный и процветающий царевич Годан, желаю известить Сакья-пандиту Кунга Гьялцена, что мы нуждаемся в ламе, который мог бы давать советы моему невежественному народу, учить его, как соблюдать правила морали и жить духовной жизнью. Я тоже нуждаюсь в том, чтобы кто-нибудь помолился за благополучие моих покойных родителей, которым я глубоко благодарен. Какое-то время я размышлял над всем этим и после многих рассуждений решил, что Вы — именно то лицо, которое способно выполнить эту задачу. Поскольку именно Вы тот лама, которого я избрал, я не приму никаких извинений и ссылок на Ваш возраст или на трудности поездки. Божественный Будда отдал жизнь ради всех живых существ. Не откажетесь ли Вы тем самым от вашей веры, если попытаетесь избежать выполнения этого своего долга. Разумеется, для меня было бы проще выслать большой отряд, чтобы доставить Вас сюда, но вред и несчастья могут быть принесены многим ни в чем не повинным живым существам. В интересах буддийской веры и благополучия всех живых тварей я предлагаю Вам прибыть к нам немедленно. В благодарность к Вам я буду очень добр к тем монахам, которые сейчас живут по {82} западную сторону от солнца. Я посылаю Вам в дар пять слитков серебра, шелковую мантию, украшенную 6200 жемчужинами, одежды и обувь из шелка и двадцать кусков шелка пяти различных цветов. Все это будет доставлено Вам моими послами Дхо Сенгом и ун Джо Кармой. Тридцатый день восьмой луны года Дракона (1244 г.)» [Shakabpa, 1967, p. 61-62]. Хотя письмо Годана — письмо-ультиматум — он мог бы выслать войска, но

[8] Китайский автор просто сообщает, что в 1240 г. принц Годан послал войска под командованием Дода Набо, который поставил под контроль основные районы Тибета.

Сакья-пандита и так должен был приехать во исполнение долга верующего-буддиста. Годан был уже знаком с буддизмом. Это неудивительно, его ставка располагается там, где буддизм процветает уже более 250 лет. Мотив приглашения довольно стандартен для правителей и верующих буддистов той эпохи — обеспечение благополучного перерождения родителей (желательно в раю Будды Амиды), такое типичное сочетание китайского *сяо* (сыновней почтительности) с буддийским учением. Лама мог бы давать советы правителю, просвещать народ. В этом регионе, в тангутском государстве Си Ся, развивалась идея о *чакравартине*, правителе — покровителе и защитнике веры, и появилась должность *ди ши* — «наставника императора [в делах веры]». Никаких слов о передаче власти над Тибетом иерархам Сакья в этом письме нет. Ничего не говорится и о болезни Годана.

Имеется еще версия письма, в котором говорилось: «В этой жизни... нет ничего более выдающегося, чем поступать в соответствии с путем царя Джингира (Чингиса). Но поскольку [Сакья-пандита] — вежливый лама, который видит тропу спасения, [следует] пригласить Сакья-пандиту» [Ahmad, 1995, p. 91].

Сакья-пандита решился поехать в ставку Годана. Можно уверенно полагать, что он сделал это, желая спасти Тибет от разорения, узаконить, если удастся, положение семьи Конг и школы Сакья в целом.

Как раз к этому времени с появлением монголов Тибет в очередной раз уже был готов к объединению. Пожалуй, помимо экономических факторов этому способствовало формирование в X-XII вв. тибетского буддизма, несмотря на разнообразие школ, именно тибетского. Появился репертуар буддийской литературы на родном языке, действовало семь монастырей, которые не были изолированы друг от друга и связывали страну не только тибетскими учителями веры, но и производством общих предметов культа, ремеслами, торговлей, обменом между оседлой, полукочевой и кочевой частями населения. Была окончательно сформирована тибетская народность, возникло понятие, которое позже выразил Далай-лама XIV в своей автобиографии: «Моя страна и мой народ». {83}

Вместе с Сакья-пандитой поехали к Годану и два его племянника — Лодой Гьялцен, 10 лет, и Чагна, 6 лет. По прибытии в Лхасу Сакья-пандита рукоположил Лодой Гьялцена в монахи, по преданию, перед той статуей Будды, которую в VII в. привезла с собой в Тибет принцесса Вэньчэн — ведь путь-то для всех троих лежал в Китай.

К прибытию Сакья-пандиты Годан построил для него монастырь-резиденцию Тулпэ-дэ, этот монастырь существует и поныне. Сакья-пандита прибыл в район Лянчжоу в 1245 г., но с Годаном встретился только в 1247 г. — тот находился в Монголии на великом курилтае. Тибетский лама как будто действительно излечил Годана от какой-то болезни.

Годан даровал Сакья-пандите власть над всем Тибетом. Следует отметить, что Годан действовал не как хан всех монголов, а только как принц чингисид, т.е. событие (дарение) носило реально лишь региональный характер, во всяком случае первоначально, пока дело не перешло в руки Хубилая.

Как отмечает проф. Сяо Ци-цин, Юаньская империя не была равнозначна империи (государству) ханьской (китайской) нации. Это была империя, управляемая монголами, где наряду с ними к господствующей страте общества были отнесены так называемые сэму — «цветноглазые», в состав которых входили уйгуры, карлуки, кипчаки, тангуты, кидани и чжурчжэни, а также и тибетцы, во всяком случае те, которые проживали во «внутренних», китайских землях [Сяо Ци-цин, 1998]. В многонациональной империи каждый жил по своим обычаям.

Почему монголы избрали школу Сакья? По мнению Ш. Виры, «тантрический буддизм, исповедуемый ламами из монастыря Сакья, имел в глазах монголов определенные преимущества. Во-первых, он был более понятен простым монголам, потому что тибетцы приняли буддизм, приспособив его к своему обществу, которое было очень схоже с обществом монгольским. Буддизм в Тибете вобрал в себя многое из

местных верований. Тибетский бон и монгольская беге, как религии народные, имели много общего. Тибетский тантрический буддизм с его магическими и сверхъестественными элементами бонского шаманизма был более привлекателен для монголов-шаманистов. Во-вторых... тибетские ламы, особенно ламы Сакья, придерживались старых традиций буддизма и политически были очень активны в поисках сотрудничества со светскими властями, в данном случае с монгольскими правителями» [Bira, 1999, p. 212]. {84}

В данный момент не подвергается сомнению, что среди наставников в вере последних императоров Си Ся (ди ши) были и тибетские ламы. Один из них (или некоторые из них) после гибели Си Ся в 1227 г. вернулись в Центральный Тибет, там же оказались и беженцы из Си Ся. Вернувшиеся из Си Ся ламы симпатизировали школе Сакья. Они сыграли большую роль в установлении контактов Сакья с монголами. Известно, что принц Годан был признан перерожденцем последнего тангутского императора [Sperling, 1987, p. 34-37].

Получив от Годана власть над Тибетом, Сакья-пандита отнюдь не был уверен, что все в Тибете признают ее. Он направил послание светским правителям и духовным авторитетам Тибета, в котором не просил о признании власти Сакья, а делал упор на возможностях проповеди буддийской веры среди монголов. Взамен же рассчитывал на получение помощи монголов в мирских делах: «Царевич сказал мне, что, если мы, тибетцы, поможем монголам в делах религии, они, в свою очередь, поддержат нас в мирских делах. Таким образом, нам предоставляется возможность распространить свою религию все дальше и дальше. Царевич только начал изучать и понимать нашу религию. Если я останусь здесь и далее, то я уверен, что смогу распространить веру Будды за пределы Тибета и, таким образом, помочь моей стране. Царевич позволяет мне без страха вести проповедь моей религии и предоставляет мне все, в чем я нуждаюсь. Он объяснил мне, что в его власти сделать добро Тибету, а в моей — сделать добро для него. Он полностью доверяет мне. В глубине своего сердца я верю, что царевич желает помочь всем странам. Я неустанно веду проповедь среди его потомков и сановников, но я стар и вряд ли проживу долго. Не бойтесь, ибо я обучил всему, что знаю сам, моего племянника Пагпа». Одновременно он припугнул своих соотечественников, сообщив им, что «армии монгольского хана бесчисленны», монголы уже завоевали весь мир, и поэтому им следует платить дань и нужно сотрудничать с их представителями — *сер йиг па* (тиб. Gser yig pa) — носителями золотых пайцз, удостоверяющих их власть [Shakabpa, 1967, p. 64].

Еще раз подчеркнем, что это не был договор между Монгольской империей и ее верховным правителем и Тибетом, это было соглашение Годана, одного из внуков Чингис-хана, с одним из буддийских лидеров Тибета, иерархом школы Сакья. Годан просил сделать добро для него лично, а в обмен на это обещал сделать добро Тибету, иными словами, в той обстановке реально уберечь Тибет от разорения при условии его добровольного подчинения, {85} т.е. таким же образом, как это было с уйгурами, тюрками-карлу-ками и др.

В 1251 г. Сакья-пандита скончался. Годан не надолго пережил его. Возможно, смерти Сакья-пандиты и Годана вызвали волнения в Тибете. Из «Юань ши» известно, что в 1252-1253 гг. монгольские войска вступали на территорию Тибета, хотя не исключено, что это было скорее связано с боевыми действиями монголов в смежных с Тибетом районах Китая и покорением государства Дали на территории пров. Юньнань [Кучера, 1970, с. 262]. Никаких сведений о масштабном вторжении монголов, тем более в Центральный Тибет, нет.

Следующий этап установления монгольского контроля над Тибетом связан с именем Хубилая. Еще Сакья-пандита давал Хубилаю наставления в буддийской вере. Его племянник Пагпа-лама при-обшил Хубилая к буддизму летом 1253 г. Как племянник Сакья-пандиты оказался при ставке Хубилая, неизвестно. Но еще не будучи императором, естественно не являясь всемонгольским ханом (им был Мунке), Хубилай в 1254 г.

подтвердил передачу власти над Тибетом Пагпа-ламе, племяннику Сакья-пандиты, и в лице Пата-ламы дому Сакья. Сделано это было не от лица всемонгольского хана, а лично от Хубилая — чингисида, которому было поручено завоевание китайского государства Южная Суп. В документе на пожалование говорилось: «Как истинный последователь Великого Будды, всемилостивый и непобедимый правитель мира (здесь Хубилай явно преувеличивает свои полномочия. — Е.К.), власть которого подобно солнечному свету проникает во все темные уголки, я всегда проявлял особую любовь к монастырям и монахам вашей страны. Веруя в Божественного Будду, я получил наставления от Вашего дяди Сакья-пандиты, а в год Воды-Быка (1253 г.) прошел курс наук у Вас. Получая наставления от Вас, я еще больше утвердился в желании продолжать оказание помощи Вашим монахам и монастырям, и в награду за то, чему я научился от Вас, я должен сделать Вам подарок. Итак, это письмо и есть мой подарок. Оно гарантирует Вам власть над всем Тибетом, позволяет Вам защищать религиозные установления и веру Вашего народа и вести проповедь учения Божественного Будды. Монахи и народ Тибета должны быть оповещены о том, что я сделал для них, и я надеюсь, что они не будут искать для себя иного правителя, кроме Вас... Те, кто знают учение Будды, должны пытаться распространять его, те, кто не знают, должны попытаться выучить все, что они смогут. Каждый должен читать, писать и предаваться созерцанию, молиться Будде {86} и также монахам за меня... Монахам я должен сказать, что они должны быть благодарны за то, что их не облагают налогом, и осознать это. Никто не должен изменять принятого образа жизни. Мы, монголы, перестанем уважать вас, если вы, монахи, не будете добросовестно следовать учению Будды. Не думайте, что мы, монголы, не способны изучить вашу религию. Мы постепенно изучим ее... Поскольку я избран быть вашим покровителем, ваш долг — исполнять учение Божественного Будды. Этим письмом я возлагаю на себя обязанности покровителя вашей религии. Девятый день среднего месяца лета года Воды-Тигра (1254 г.)» [Shakabpa, 1967, p. 65-66].

Этот документ о подчинении Тибета отнюдь не Китаю, а монгольскому владетелю содержит любопытные моменты. Как чингисид, Хубилай полагает и себя «правителем мира», дарованного его деду, Чингис-хану, Небом. Те, кто подчинился монголам добровольно, следовали воле Неба. Тех, кто не подчинялся, мятежников, которые не следовали воле Неба, следовало заставить выполнять эту волю силой. Тибет не исключение: не пожелает подчиниться добровольно— станут подчинять силой. Хубилай выступает как покровитель веры, который желает помочь монахам и монастырям в благодарность за приобщение его и его народа к учению Будды. Власть над Тибетом дается Пагпа-ламе, чтобы он мог защищать и пропагандировать учение и молиться за самого Хубилая. Светская власть монгольского принца выражается в том, что он освобождает монголов от налогов, которые, хотя бы в форме дани, должны платить монголам немонахи.

В 1260 г., после смерти всемонгольского хана Мунке и объявления Хубилая правителем его удела — Китая, Пагпа-лама проводил церемонию интронизации внука Чингис-хана. Он пожаловал Хубилаю титул Чакравартина, Дхармараджи, Чо-ки гьялпо — Хана веры, а деду Хубилая Чингис-хану задним числом — титул Хана-Чакравартина, родившегося в воздаяние за прошлые добрые дела. Согласно источнику конца XIII в. «Цаган теуке» («Белой истории»), «краеугольным камнем священной религии является лама, обладатель учения. Главой власти является хан, повелитель земных сил. Истинное учение, как шелковый узел, не должно быть развязано, законы могущественного хана, как золотое ярмо, не должны быть сломаны» [Вига, 1999, p. 248].

Пагпа-лама получил титул го ши (наставник государства), яшмовую печать правителя Тибета и правителя буддизма в Поднебесной. {87}

Известно, что влиять на монгольскую знать пытались не только сакьяские ламы, но и наставники школ Кармапа, Бригунпа и др. Наставники Бригунпа были связаны с Ариг-Бугой, врагом Хубилая. С разгромом в 1264 г. Ариг-Буги и его капитуляцией в соперничестве между Сакья и Бригунпа верх оказался за Сакья, в том числе и в управлении

Тибетом. Некоторые районы Тибета, где у власти была Бригунпа, властям Сакья пришлось подчинять силой, на что монахи Бригунпа в 1266 г. подали жалобу Хубилаю [Чжан Юнь, 2000, с. 35].

Тибет во времена правления в Китае династии Юань

Если отбросить все политические спекуляции о дружбе народов Китая еще с каменного века, о Тибете времен династии Тан как «местной отколовшейся политической власти», то можно смело утверждать, что впервые Тибет признал над собой верховенство власти, находящейся за его пределами, лишь в середине XIII в. Тогда между монгольскими ханами, еще завоевывавшими Китай, и тибетской школой Сакья установились особые, характерные для буддийского вероучения отношения — отношения «царя — покровителя веры» и «наставника царя в вере». И «царь — покровитель веры» даровал «наставникам царя в вере» — сакьяским иерархам власть над Тибетом. Эти отношения носили особый характер, и место Тибета в монгольской империи Юань, включавшей в свой состав прежде всего Китай, было особым. Важно подчеркнуть, что Тибет не рассматривался как обычная часть империи. Тибета нет в перечне территорий династии Юань, зафиксированном в официальной истории этой династии: «Юань возникла в Шамо (пустыня Гоби. — Е.К.), поглотила Западный край (приблизительно территория современного Синьцзяна. — Е.К.), усмирила Си Ся, уничтожила чжурчжэней, сделала своим вассалом Корею, утвердилась в Наньчжао, а затем к югу от нижнего течения Цзян (Янцзы. — Е.К.), и Поднебесная стала единой. Поэтому ее (династии Юань. — Е.К.) территория на севере перевалила за горы Инынанъ, на западе достигла пределов Люша, на востоке кончалась к востоку от Ляо и на юге шагнула к заморским странам. Если Юань на юго-востоке не достигла пределов, которые имели династии Хань и Тан, то на северо-западе она значительно превзошла их...» [Юань ши, цз. 58, 1935, с. 429]. {88}

На Тибет не распространялось обычное для империи административное деление на округа и уезды.

Когда в 1251 г. великим всемонголъским ханом стал Мунке, он принял в свои руки от Годана управление Тибетом. Известно, что Мунке повсюду стремился навести порядок. В Тибет были посланы чиновники для проверки учета населения, а за местными духовными и светскими правителями были утверждены их владения. В это время в Тибете не было монгольских гарнизонов и Тибет еще не был связан с центром системой почтовых станций. Будущий основатель династии Юань как раз в это время по приказу Мунке завоевывал государство Наньчжао-Дали в нынешней провинции Юньнань и китайское государство Южная Сун.

К этому времени в Северном Китае возник серьезный конфликт между буддистами и даосами. И те и другие искали покровительства монголов и утверждали превосходство своей веры. Даосы заявляли, что Будда не кто иной, как перерожденец Лао-цзы, который удалился на запад и появился в Индии, чтобы просвещать варваров. Буддисты же, полагая, что Будда жил раньше Лао-цзы и Конфуция, объявляли последних учениками Будды. По распоряжению великого хана Мунке в 1258 г. в Кайпине, заново отстроенной ставке Хубилая, был проведен диспут между буддистами и даосами. Даосы диспут проиграли. Было сожжено некоторое количество даосских сочинений, более 200 даосских храмов переданы буддистам, 17 ведущих даосских иерархов были силой обриты и обращены в буддийских монахов. Этот печальный для даосов исход диспута не был случаен. Ближайшим советником Хубилая в это время был буддийский монах Лю Бин-чун, а любимая жена Хубилая Чаби, о которой говорили, что она была очень красива, являлась ревностной буддисткой.

В 1258 г. четыре монгольские армии устремились в Южный Китай. Одной из них командовал лично Хубилай. В августе этого же года в том походе скончался великий хан Мунке, причиной смерти которого стала травма, полученная от попадания в его голову

камня, пущенного из камнемета. На великоханский престол стали претендовать три младших брата покойного — Хубилай, Хулагу и Ариг-Буга. Хулагу, ранее много времени проведший в Иране, решил возвратиться туда, при решении вопроса о великом хане его симпатии были на стороне Хубилая. Ариг-Буту кроме ряда высших должностных лиц империи поддерживала одна из жен Мунке. Войска Ариг-Буги двинулись во владения Хубилая. Жена Хубилая Чаби срочно организует оборону Каштана и вызывает мужа с юга. {89}

Весной 1260 г. Хубилай срочно возвратился в Кайпин, где и был созван курилтай, провозгласивший его 5 мая великим ханом. В ответ на это сторонники Ариг-Буги на курилтае в Монголии избрали великим ханом Ариг-Бугу. Ариг-Бугу поддержал и хан Золотой Орды Берке, но активно ему помочь не мог, так как в это время между Берке и Хулагу шла война. Хубилай объявил Арик-Бугу узурпатором, себя — императором Китая и принял по китайской традиции первый девиз царствования Чжун-тун. Пагпа-лама объявил Хубилая перерожденцем бодхисаттвы Манджушри.

В 1269 г. Пагпа-лама, трудившийся по приказу Хубилая, представил императору новое письмо государства, состоявшее из 41 слога, основанное на тибетском алфавите. Эти буквы наподобие китайских иероглифов напоминали квадрат, отсюда и принятое название письма — квадратное. Достоинством письма являлось то, что оно достаточно точно передавало фонетику как монгольского, так и китайского языка. Титул Пагпа-ламы звучал так: «Под Небом, на Земле, сын бога Индии, изобретатель письма, воплощенный Будда, человек, предназначенный установить царство, источник риторики, ученый Пагпа, наставник императора» [Ahmad, 1995, p. 98].

В 1276 г. пал г. Ханчжоу. Император Южной Сун признал себя вассалом монголов. Командующий монгольскими войсками Баян пленил его и вдовствующую императрицу, забрал государственную печать. Пленного императора Хубилай обрил в монахи и отправил в один из монастырей Тибета.

При Хубилае была выработана административная система управления Тибетом. Было учреждено специальное управление Цзун-чжиюань, в 1284 г. переименованное в Сюаньчжунъюань, по названию дворца, в котором императоры династии Тан принимали тибетских послов. Первым главой нового управления стал Пагпатлама. Задачей управления было руководство администрацией Тибета и ведение всех дел буддизма и буддистов в империи Юань. Сюаньчжунъюань считалось управлением первого ранга, равным высшим органам управления Юаньской империей: Чжуншу — управлению гражданскими делами, Шуми — управлению делами армии и Юйшитай — центральному органу контрольной власти. Всего за годы существования династии Юань назначалось 13 глав Сюань-чжунъюаня, последний был назначен в 1358 г. и, очевидно, управлял ведомством до гибели династии Юань в 1380 г. Главе Сюань-чжунъюаня помогали при Пагпа-ламе двое, а позже от шести до десяти юань ши — «уполномоченных». Требовалось, чтобы половина из них являлись монахами, а половина — светскими лицами. {90}

Тибет был поделен на три «дороги» — уй, Цзан и Нгари-корсум. Каждой дорогой управляло Сюаньвэйсы, глава Сюань-вэйсы по-тибетски именовался *мипон*. В низовой администрации было принято военно-административное деление на темничества (*ванъху* —10 тыс. дворов) и тысячи (*цянъхусо* — тысяча дворов). Темничества по-тибетски именовались *трикор чусум* — 13 темни-честв, каждое темничество возглавлял «великий чиновник» — *да гуанъ*, по-тибетски именовавшийся *типён*. *Типён* имел хрустальную печать. Функции Сюаньвэйсы подразумевали «больше надзора, чем администрирования» [Petech, 1989, p. 39]. Сюаньвэйсы занимались охраной вверенной им территории, борьбой с грабителями и ворами, осуществляли судебную власть, следили за состоянием почтовых станций, обеспечивали военные гарнизоны, если таковые имелись. Полагают, что реально эта система власти стала налаживаться с 1265 г., когда Пагпа-лама три года провел в Тибете. В эти годы была учреждена система почтовых станций от г. Хэчжоу в пров.

Ганьсу до Сакья в Тибете. За содержание станций отвечали местные жители в порядке выполнения трудовой повинности и уплаты налогов.

По крайней мере трижды в XIII в. монголы пытались наладить учет населения в Тибете, уже после первой попытки великого хана Мунке. В 1267 г. в Тибет был направлен специальный эмиссар, держатель золотой пайцзы, т.е. лицо высокого ранга, для составления подворных списков населения (*хуцзи*). В 1287 г. были направлены двое уполномоченных провести всеобщий учет населения (*тунцзи хукоу*). Все податное население — крестьяне, скотоводы, ремесленники были поделены на две группы — *лхаде*, людей, так или иначе прикрепленных к монастырям и буддийской церкви вообще, и *миде*, людей, принадлежавших светским правителям и владетелям или прикрепленных к ним же. Все эти люди — и *лхаде*, и *миде* — являлись крепостными или даже рабами. Их положение, по мнению современного китайского историка Тибета Чэнь Цин-ина, было схоже с положением крепостных крестьян в Европе [Чэнь Цин-ин, 1996, с. 175]. Лхаде были обязаны и налогами, и трудовыми повинностями только буддийской церкви, а миде несли повинности и в пользу своих хозяев, и в пользу государства, в основном обслуживая почтовые станции. Как раз эта повинность — *ула* — началась с династии Юань. По некоторым подсчетам, в каждом темничестве было примерно 60% подневольных *лхаде* и 40% — *миде*. Существовала тенденция постепенного перевода людей из статуса *миде* в статус *лхаде*. {91}

Официальная учетная семья исчислялась в шесть человек: муж и жена, двое детей (сын и дочь) и два человека прислуги (мужчина и женщина) [там же, с. 179]. Такая учетная семья именовалась *дунчун* (кит. ху). Семьи были объединены в группы по 25, 50, 100, 1000 семей. Как податная единица *дунчун* включала имущество семьи, землю и скот. Налог на землю платили в зависимости от размеров участка. На 1 *кане* земли можно было посеять от 10 до 60 *кхалов*, т.е. от 140 до 840 кг зерна (*кхал* — мера объема) [там же, с. 181]. Также разнились единицы обложения скота. Например, в Амдо таковой была *хорцин-чжанба*, она означала 5 коров, или 50 овец, или две лошади [там же, с. 180].

Судя по сохранившимся материалам таких списков, население Тибета при династии Юань составляло примерно 2 млн. 400 тыс. человек. Чэнь Цин-ин полагает, что эти сведения «сильно преуменьшены» и реально население Тибета было больше [там же, с. 183].

В тибетской интерпретации верховную власть над Тибетом осуществлял сакьяский иерарх. При иерархе был *пончен*, верховный чиновник, который ведал и гражданскими и военными делами. Как говорилось о функциях *пончена* в одном тибетском тексте, «он правит по приказу ламы и мандату императора. Он защищает два закона (религии и гражданский) и ответственен за спокойствие (страны) и процветание (религии)» [Petech, 1989, p. 45]. Страна была поделена на 13 *типёнов*, во главе каждого типёна был свой правитель.

Как уже говорилось выше, не все школы тибетского буддизма были довольны Сакья и ее политикой, которую считали откровенно промонгольской, несмотря на то что другие школы тоже пытались получить покровительство Хубилая и других чингисидов. Известен памфлет в стихах, который написал на Пагпа-ламу монах из монастыря Нартан по имени Чомдэн Ригрэл. В памфлете было обыграно имя Нагла, которое значит «Исключительный»:

Солнечный луч веры Будды скрылся за тучами школы Кагъюпа.
Люди лишились покоя и счастья из-за жадности чиновников.
Сегодня и монахи одеваются как монгольские предводители.
И потому Он, кто не понимает этого,
Не является «Исключительным»,
Хотя и носит такое имя!

Пагпа-лама тоже ответил в стихах:

Сам Будда подтвердил, что будут периоды
Как подъема, так и упадка веры. {92}
Покой и счастье людей зависят от законов кармы,
А не находятся в руках чиновников.
Чтобы обратить монголов в нашу веру,
Я должен одеваться как монгол.
И потому Он, кто не понимает этого,
Должен быть человеком, которому недостает ума!
[Shakabpa, 1967, p. 67-68].

Несмотря на враждебное отношение к Сакья некоторых школ тибетского буддизма, Пагпа-лама отказался подавлять их, когда ему было это предложено: «Когда монгольский император предложил издать специальный указ, предписывающий принять учение Сакьяпа [как единственное] для всего Тибета, Пагпа подумал, что, действуя таким образом, можно породить волнения и недовольство. Будучи искусным в речи, он мудро высказался за то, чтобы каждой традиции предоставить держаться своего учения» [Туган Лопсан Чойкъи Ньима, 1995, с. 60].

Пагпа-лама неплохо отрабатывал свое жалованье, исчислявшееся 1000 слитков серебра и 59 тысячами кусков шелка (в год).

В 1276 г. Пагпа-лама приехал в Тибет. Его отношения с пончено были трудными, в стране начались волнения. Пончен не хотел, чтобы Пагпа-лама жил в Тибете. Часть тибетской знати уже больше устраивал Пагпа-лама, проживающий в Пекине. Пагпа пресек волнения, собрав собор представителей буддийской церкви и раздав огромные подарки. Хотя этот жест на время успокоил волнения, неприязнь, а то и ненависть к Пагпе как проводнику чужеземного влияния в Тибете не исчезли. В 1280 г. 46-летний Пагпа был отравлен. Отравители, перед тем как сделать свое черное дело, отправили в Пекин Хубилаю письмо, в котором в смерти Пагпы обвиняли пончена Кунга Санпо.

В Тибет прибыл монгольский отряд для суда над преступником и его наказания. По преданию, Кунга Санпо пришел на суд в белой рубахе (знак его невиновности) и черной шапке (в знак того, что он оклеветан). Случилось так, что подлинный убийца Пагпы покаялся в содеянном и покончил с собой. Хубилай оправдал Кунга Санпо.

Преемником Пагпа-ламы стал его племянник и внучатый племянник Сакья-пандиты по имени Дхармапала, сын Чагны, второго племянника Сакья-пандиты. Чагна умер молодым, в 29 лет. Дхармапала в 1282 г. уехал в Пекин. Через пять лет он должен был посетить родину, но по дороге в Тибет умер. Его {93} смерть снова вызвала в Тибете восстания. Один из типёнов, Дигун, напал на Сакья. Помогли монголы, и потен Аглен с их помощью разгромил Дигуна, его монастырь — Дигунпа, на который опирался мятежник, был взят правительственными войсками штурмом и разрушен.

В 1327 г. скончался иерарх Сакья Даньи Санпопэл (правил в 1305-1327 гг.). у него от семи жен было множество сыновей, которые после смерти отца начали борьбу за власть. Тибет вновь стал утрачивать единство. Вся власть от центра постепенно переходила в руки *типёнов*. Одновременно слабеющий и раздираемый внутренней враждой монгольской двор отказался от исключительной поддержки Сакья. В 1331 г. в Пекин был приглашен Ранджун Дордже (1284-1338), представитель школы Кармапа. Он впервые вместо сакьяских лам освятил церемонию интронизации Тогон Темура. Вместе с упадком монгольско-юаньского двора слабела и власть Сакья, и установленные в Тибете монгольско-сакьяские порядки.

Мы уже писали, что Тибет был на особом положении в государстве Юань. Для его управления была введена военно-административная система, которая бытовала и в Великом Тибете. Только вместо цэнпо был иерарх Сакья. Взимание налогов для нужд местной власти и повинности по обслуживанию почтовых станций, имевших

общеимперское значение, служили «одним из основных факторов управления Юань в Тибете. Подчинение Тибета династии Юань можно рассматривать исходя из этого» [Чэнь Цин-ин, 1996, с. 183]. Тибет, бесспорно, был в зависимости от Юань, но эта зависимость носила особый характер, она не означала того, что Тибет в это время являлся составной неотъемлемой частью Китая. Статус и подчиненность в средние века, являясь предметом изучения и научного описания, не должны служить основанием для жестких выводов в рамках современного международного права. «Красные анналы» в целом благожелательно относятся ко времени правления Сакья как времени объединения Тибета: «К возвышению Хор (монголов) не только весь Тибет был в состоянии анархии, но и в Уй и Цзан не было короля, который правил бы всеми теми [провинциями]. Во времена Хор три *чолка* Тибета были поднесены как дар... Пагпа и Сакьяпа стали хозяевами мира. Но из-за внутренних раздоров в семье они правили не более 75 лет» [Tucci, 1976, p. 25]. {94}

Падение власти Сакья

Считают, что сакьяские иерархи правили Тибетом 89 лет (с 1265 по 1354 г.). Конец власти Сакья положил Джанчуб Гьялцен из Пагмодупа, адепт школы Кагыопа. Пагмодупа (букв. «Некто с Переправы свиньи») — имя монаха Дордже Гьялпо. Он был родом из Восточного Тибета (Кам) и в 1158г. построил скит у переправы, именовавшейся «Переправа свиньи». Это место находилось в устье р. Ярлун, неподалеку от Цэтана. Здесь на р. Кад был построен храм Дэнса Тэл (совр. уезд Нэудон). При Пагпа-ламе был назначен первый *типён* данного региона Еше Дордже Гьялпо из монастыря Тэл. Он также назвал этот храм Пагмодупа, который стал главным монастырем школы Кагыопа.

Типён Дорджепэл был выходцем из аристократической семьи региона Лан, корни которой уходили к знати Великого Тибета. Один из сыновей семьи Лан всегда становился настоятелем монастыря, а другой, тоже монах, — *типёном*. Пост настоятеля монастыря стал наследственным в семье Лан с 1208 г. Религиозный центр Пагмодупа находился в Дэнса Тэл, политический — в Нэудоне. Дорджепэл построил Намгъял — административное здание в Нэудоне. В долине Ярлуна было сооружено 12 укреплений.

Джанчуб родился в 1302 г. В 14 лет он уехал из Нэудона в Сакья, где учился несколько лет, изучая как религию, так и методы ведения административных дел. Пребывание в Сакья означало не только стремление получить образование, но и выражение, как это было принято у местных правителей, дети которых приезжали учиться в Сакья, преданности сакьяскому правительству. Джанчуб выделялся среди прочих учеников, настоятель монастыря Сакья как-то сказал ему: «В будущем ты обязательно станешь *типёном*!»

Когда Джанчубу исполнилось 20 лет, он возвратился в Нэудон и занял должность *типёна* вместо своего дяди. Джанчуб получил чин *деси*, китайский титул *дасытоу* и в качестве символа власти сандаловую печать. Он оказался энергичным и талантливым правителем. С 1322 г. он начал строительство *цзона* (замка) и укрепил все крупные населенные пункты в своих владениях. Через р. Шанчу был построен мост. Главам местной администрации Джанчуб жаловал земли с крестьянами. Земледельцы и землевладельцы были обязаны высаживать в горных долинах деревья, было развернуто строительство дорог. Джанчуб в своих владениях уменьшил налоги. Среди его помощников во всех этих делах был Шонну Санпо, предок Далай-ламы V. {95}

Окрепнув, Джанчуб задумался о расширении своих владений. Еще до его утверждения в должности *типёна* в 1346 г. *типён* соседней области по имени Ясанпа захватил у Нэудона 280 семей крестьян с землей, на требование вернуть землю и крестьян Ясанпа ответил отказом. Тогда Джанчуб напал на Ясанпа и возвратил землю и крестьян силой. Ясанпа обратился с жалобой к Сакья. Правитель Сакья, несмотря на то что Джанчуб вернул земли и крестьян силой, решил дело в пользу Джанчуба. Но

одновременно, наблюдая его усиление и будучи осведомленными об антисакьяских настроениях Джанчуба, *пончен* и иерарх Сакья лишили Джанчуба должности типёна и потребовали от него возвратить символ власти — сандаловую печать. Более того, Джанчуба арестовали. Будучи под арестом, Джанчуб печати не отдавал и нового *типёна* Нэудона не признавал, заявив, что тот не происходит из семьи Лан, не является его родственником и потому *типёном* быть не может. Находящегося под арестом Джанчуба подвергли пыткам, но он стоял на своем. Из Сакья в Нэудон выслали войска. Это вызвало открытое недовольство местного населения. Опасаясь того, что вся область Уй подымется в защиту Джанчуба, сакьяские власти освободили его из-под ареста. Этому способствовало и то, что прочие *типёны* также не поддержали действия сакьяских властей против Джанчуба. Джанчуб возвратился домой, полный решимости отомстить своим врагам. Между Уй, где правил Джанчуб, и Цзан, правителем которого был Ясанпа, начались постоянные столкновения, имевшие место в 1348, 1349 гг. К 1351 г. они переросли в войну, завершившуюся тем, что Джанчуб овладел Цзан и установил свой контроль над Лхасой.

Сакьяские власти в ответ снова лишили Джанчуба должности *типёна* и сместили еще нескольких типёнов, которые — одни явно, а другие тайно — поддержали Джанчуба. Войска Сакья вступили в Уй. Джанчуб сжег свою сандаловую печать и, чтобы избежать кровопролития, вступил в переговоры с командующим войсками Сакья — Гава Санпо. В итоге Джанчуб снова был арестован и увезен из армии. Его войска, лишенные командующего, сражаться с войсками Сакья не стали. Джанчуб опять оказался в тюрьме, в руках палача, непокорного типёна держали в колодках на улице, где прохожие забрасывали его грязью. Но однажды на глазах толпы Джанчуб положил в рот брошенный в него кусок грязи, съел его и сказал: «Да, сейчас я ем грязь Сакья. Но скоро точно так же я буду есть самих Сакья!»

К этому времени Гава Санпо поссорился с другими высшими сановниками Сакья, среди которых начались распри. Гава Санпо, {96} надеясь в лице Джанчуба приобрести союзника, отпустил его из-под стражи. В 1352 г. Джанчуб возвратился в Нэудон и поднял восстание против Сакья. В Уй на р. Цанпо он строит монастырь Цэтан. Его войска оккупируют весь Цзан. Противник Гава Санпо — сановник Вангдон добился его отставки. Под предлогом помощи Гава Джанчуб атаковал Сакья и овладел им. В 1354 г. власть над Тибетом перешла к Джанчубу. Его власть признал и сакьяский пончен, у Сакья осталась только власть над монастырем сакьяской школы. Джанчуб лишил власти верховного иерарха Сакья, посадил в тюрьму Вангдона, отрешил от службы всех 13 *типёнов*, в центре и на местах уволил 400 чиновников Сакья. Затем он провел административную реформу и поделил весь Тибет на административные округа — цзоны во главе с назначаемыми правителями округов *цзонпёнами*. Войска Джанчуба заняли все стратегически важные районы Тибета, пограничные гарнизоны были размещены на границах с Китаем. Юаньский двор, который не имел сил повлиять на события в Тибете, принимая во внимание фактическую смену власти в стране, дал Джанчубу титул *дасытоу* с правом его передачи по наследству и печать. Л. Петех полагает, что, несмотря на реальный переход власти к Пагмодупа, правление Пагмодупа при Юань «не имело легального существования, а Уй-Цзан сюаньвэйсы (наместничество Уй и Цзан. — Е.К.) все еще функционировало, по меньшей мере на бумаге». Эти слова «на бумаге» и отражают суть дела. Только пожалование в 1357 г. Джанчубу титула *дасытоу*, по мнению Л. Петеха, было сочтено тибетцами «как легитимизация нового режима» [Petech, 1989, p. 124].

В 1358 г. умер *пончен* Гьялва-цэнпо. Сторонники Сакья собрали объединенные силы и напали на монастырь Намрин. Джанчуб выслал войска и нанес сакьясцам поражение. Лидер оппозиции был пленен и посажен в тюрьму, 464 человека пленных были ослеплены. В том же, 1358 г. в Пекине умер *ди ши* — «наставник императора [в делах веры]». В Китай из Тибета двинулось громадное посольство численностью в 800 человек с кандидатами на пост *ди ши*. Джанчуб остановил посольство в Пагмодупа и

объявил, что если это воинское соединение — солдаты, то их мало, а если это все члены посольства, то их слишком много. Чуть позже он посольство пропустил. Новый кандидат на пост *ди ши* в 1362 г. все же добрался до Пекина, но вскоре там умер.

Смена власти в Тибете была сопряжена с реформой ее экономической основы. Джанчуб произвел передел земли среди духовных и чиновных землевладельцев и ввел единую ставку поземельного {97} налога в 1/6 урожая. Было развернуто строительство дорог, введена государственная служба переправ через реки на лодках из шкур яков. Для безопасности торговых перевозок, поездок государственных служащих и посыльных, а также паломников на дорогах была учреждена патрульно-полицейская служба. Судебно-правовая реформа завершилась отменой монгольского судопроизводства и введением «Законов из 15 разделов». Позже они составили основу законов, введенных Далай-ламой V.

Джанчуб потребовал укрепления монашеской дисциплины. Он запретил монахам употреблять спиртные напитки, принимать пищу после полудня и т.п. В монастырях были открыты школы, в которых молодые люди получали религиозное образование и опыт управления монастырской жизнью.

В стране наблюдался отказ от всего монгольского (обычаев, одежды, языка и др.). Вскоре Джанчуб заболел. В 1361 г. он посылает своего человека в Пекин. Тот получил документы на назначение новым *типёном* второго из трех племянников Джанчуба — Сакья Ринчена. Джанчуб сам официально оставил пост *типёна*, который занимал почти сорок лет, с 1322 по 1362 г. Однако через короткое время по не совсем понятным причинам Джанчуб отстранил от власти Сакья Ринчена и объявил, что сам будет *типёном* до тех пор, пока ему позволит его здоровье. Осенью 1364 г. Джанчуб скончался. Преемником стал его старший племянник Сакья Гьялцен, правивший до 1373 г. Преемник Сакья Гьялцена Дакпа Джанчуб в 1373 г. вступил в контакт с китайским двором новой династии Мин.

Правление Джанчуба и его ближайших преемников сделало Тибет объединенной самостоятельной страной. В памяти тибетцев правление Джанчуба стало тем временем, когда человек мог проехать из одного конца Тибета в другой, не рискуя быть ограбленным или убитым, временем, «когда и старуха могла нести золото» [Shakabpa, 1967, p. 82].

Второй преемник Джанчуба правил с 1373 по 1381 г. у него учился будущий реформатор религии Цзонкапа. У *типёна* было плохое здоровье. В 1381 г. он добровольно оставил свой пост, а в 1386 г. скончался в возрасте всего 30 лет.

Его преемник Сонам Дагпа (1356-1408) правил с 1381 по 1385 г., тоже по состоянию здоровья ушел в отставку и умер в возрасте 52 лет. Это не помешало ему получить прозвище «Счастливый правитель», так как во время его правления в стране постоянно были хорошие урожаи. При его правлении в Гьянцэ был построен монастырь Палкхор. {98}

Зато следующий, пятый *деси* Дагпа Гьялцен правил целых 47 лет, с 1385 по 1432 г. Он восстановил почтовую ямскую службу между Тибетом и Китаем. Именно он покровительствовал Цзонкапе, помог ему в 1409 г. организовать монлам и дал средства на строительство монастыря Ганден, первого монастыря школы Гэлугпа.

В 1368 г. руководимое монахом Чжу Юань-чжаном восстание китайского народа против монгольского господства и династии Юань одержало решительную победу. Был взят Пекин, император бежал на север в Монголию. В Китае было провозглашено правление новой династии Мин (1368-1644). Конец XIV — начало XV в. для новой династии ознаменовались войнами с монголами, которые отнюдь не были намерены просто так уступить Минам свою власть над Китаем. В 1369 г. Чжу Юанъ-чжан направил в Тибет манифест, в котором говорилось: «В древности... народ жил в мире и не было никого, включая варваров четырех сторон, кто бы не пребывал в спокойствии. В недавнем прошлом варвары-ху (монголы. — А.М.) воровски захватили Хуася... и господствовали над ним более ста лет... Кто из имеющих разум может сдержать гнев, когда головной убор

и обувь меняются местами? ...В последние годы варварские правители потеряли власть... [Ныне]... стремлюсь обеспечить благосостояние простому народу. Вы же, туфани... живущие в Западном крае, еще, вероятно, не слышали, что Китай един. Поэтому я обращаюсь к вам с подобным манифестом» [Мартынов, 1978, с. 48].

Первые императоры Мин — Тай-цзу (1368-1399) и Чэн-цзу (1403-1425) были по вероисповеданию буддистами. Тибетский буддизм не противопоставлялся китайскому и рассматривался как одна из равных форм религии. В Пекине жила группа сторонников Карма-па, образовавшаяся после визита 4-го главы Кармапа Ролпэ Дордже к юаньскому двору императора Тогон Темура в 1360-1362 гг. В марте 1403 г. Чэн-цзу пригласил 4-го Кармапа школы Кагьюпа совершить в Нанкине обряд в память об его отце — императоре Тай-цзу и матери — императрице Ма. Обряд был совершен 14 марта 1407 г. Чэн-цзу даровал 4-му Кармапа право возглавить буддийскую религию и стать главой монахов в Поднебесной. Тот это предложение не принял, как и предложенное ему единовластие в Тибете, под предлогом нежелания подавлять другие школы тибетского буддизма. Любопытно, что историки школы Кармапа включают императора Чэн-цзу и его супругу императрицу Сюй в число учеников 4-го Кармапа.

Войны минского Китая и монголов велись с переменным успехом. В 1410 г. китайцы разбили монголов на р. Тола, а в 1449 г. {99} минская армия была разбита монголами всего в 30 км от Пекина (Пекин стал столицей Мин с 1421 г.), и минский император попал в плен. Китайским властям было не до Тибета. Вся внешняя политика Мин в XV в. была направлена на борьбу с монголами, на обеспечение безопасности северных и северо-западных границ государства, а чуть позже в связи с активизацией тибетского буддизма в Монголии и Джунгарии — на недопущение и пресечение монголо-тибетских связей. В сфере внимания властей Мин были лишь пограничные районы Тибета.

В 1369 г., когда минским властям сдался юаньский гарнизон г. Линьтао, в Тибет было отправлено письмо с извещением о смене власти в Китае, цитированное выше. Региональные пограничные правители — *тусы* начали сдавать минским властям свои символы власти — пайцзы и печати, полученные ранее от юаньской администрации. С целью укрепления границы минские власти стали создавать сеть пограничных караулов — *вэйсо*. Цепь этих караулов по линии Маочжоу-Сунчжоу-Вэйчжоу-Таочжоу и Миньчжоу отделила пограничной линией Китай от Тибета. Войны на севере требовали пополнения армии лошадьми, и на границе стали создаваться управления *чамасы* (чая и лошадей), которые ведали рынками по обмену китайского чая на тибетских лошадей.

При Дакпа Гьялцене начались контакты правителей Тибета с минским двором. В 1406 г. император Чэн-цзу послал в Тибет монаха Чжи Гуаня с дарами и пожаловал Дакпа яшмовую печать, титул *го ши* (наставник государства), золото и чай. Главе Тибета был одновременно пожалован светский титул чанъхуа-вана.

Представители разных религиозных школ Тибета имели свои контакты с минским двором. Мы уже упоминали ранее, что в 1407 г. китайский двор посетил четвертый перерожденец школы Кармапа. В 1410 г. Китай по приглашению китайских властей посетил сакьяский лама Кунга Ташетпа и получил от китайского двора титул махаяна-дхарма-раджа (*да чэнъ фа ван*), в 1406 и 1414 гг. минский двор пригласил лам новой школы Гэлугпа. В Нанкин пригласили и Цзонкапу, но он в Китай не поехал, а послал вместо себя Джамчен Чойдже Шакья Еше, который тоже получил титул махаяна-дхарма-раджа и стал личным ламой китайского императора.

Религиозные связи Нанкина и Тибета были отмечены важными событиями. По сведениям «Красных анналов», в самом начале XIV в. (1307 г.) появляется, может быть, первый тибетский канон — нартанский Канджур. В 1354 г. *гонма* Ситу «приказал сделать много {100} копий Канджура, написанного золотыми буквами» [Tucci, 1976, p. 209]. В 1411 г. в Нанкине Канджур был отпечатан способом ксилографии, и значительная часть тиража была отправлена в Тибет. Это дало толчок к развитию в Тибете собственного

книгопечатания. Канон получил сакьяский Кунга Карши, который прибыл в Нанкин в январе 1413 г. и вместе с двором переехал в Пекин, ставший столицей Китайской империи. Полагают, что текст канона был отпечатан как раз в Пекине в 1410 г. Тома пекинского издания Канджура, возможно, получил и Сакья Еше, прибывший к минскому двору в 1415 г.

В 1407 и вторично в 1414 г. минский император выражал пожелание, чтобы между Тибетом и Китаем была восстановлена почтовая связь. Тибетские посланцы везли с собой в Китай лошадей и товары местного производства, прежде всего шерстяные ткани и войлок. Китайцы традиционно рассматривали это подношение как дань. Поскольку сам факт привоза дани при китайском дворе очень ценили, то ответные дары были весьма щедрыми. Этот вид торгового обмена очень нравился тибетским религиозным иерархам и их окружению. Китайцам скоро пришлось ограничить число приезжающих с каждым визитом до одной тысячи человек. Это были нормальные, уже хорошо изученные современной наукой отношения средневекового Китая с соседями, в них не было ничего от взаимоотношений центральной власти и местной администрации. И прав В.Д. Шакабпа, когда пишет, что «кажется очевидным, что минские императоры рассматривали Тибет как независимое государство Запада» [Shakabpa, 1967, p. 85].

При правлении Дакпа Гьялцена был брошен очередной вызов единой власти в Тибете. Правитель области Ринпун Намка Гьялцен самовольно захватил пост *цзонпён* и перестал подчиняться власти *деси* Пагмодупа. Должность была объявлена наследственной, *цзонпёны* семьи Ринпун постепенно расширяли свои владения. Смерть пятого *деси* Дакпа Гьялцена (он умер в возрасте 58 лет в 1432г.) положила начало распрям в правящем доме Пагмодупа. С 1432 г. в истории Тибета начался период, который именуется «Крушение дома Пагмодупа», и затянулся почти на две сотни лет. По традиции семьи Лан, при смене деси соблюдался порядок, согласно которому один человек из семьи, монах, поступал в учение в монастырь Цэтан и позднее становился его настоятелем, а затем и правителем-*деси*, наследуя и китайский титул *чанъхуа-ван*. На склоне лет он покидал свой пост, занимался изучением буддизма в монастыре Таньса и считался главой семьи. Шестой *деси* Тара Гьялцен (1414-1448){101} был племянником пятого *деси* и старшим сыном младшего брата пятого *деси*. Он был монахом и настоятелем монастыря Цэтан, носителем титулов *го ши* и *чанъхуа-ван* (с 1439 г.), находился у власти 14 лет и в 1446 г. был смещен с занимаемого поста своим отцом Сангье Гьялценом (1396-1468). Его личным секретарем был Гой-лоцава Шоннупэл, автор «Голубых анналов». Седьмой *деси* Сангье Гьялцен не был монахом, он стал первым *деси* — светским лицом. Сангье Гьялцен правил до 1468 г. Его сменил его сын Кунга Легпа (1439-1495). Он не имел сына, что нарушило стремление его отца сделать пост *деси* наследуемым от отца к сыну. Остается неясным, чьим сыном был девятый *деси* Нгаван Ванпо. Первоначально он был монахом, но, став *деси*, снял с себя монашеский сан и женился на дочери Цзонкапы. Девятого *деси* сменил его сын Нгаван Таши Дакпа (1499-1571), ставший *деси* в малолетнем возрасте; вместо него долго правили ринпунские Чоки Дордже и Чодра Еше. В годы своего правления Нгаван Таши Дакпа, сторонник школы Кармапа, преследовал монахов школы Гэлугпа и даже запретил великий *монлам*.

Одиннадцатым деси стал Цеден Дордже, крупный землевладелец из Цзан. Он воспользовался слабостью и Пагмодупа, и Ринпунов и объявил себя «королем Цзана». Это был последний *деси*, он правил 47 лет (1571-1618). Власти был лишен силой и, возможно, казнен. Прославился тем, что преследовал школу Гэлугпа и хотел изгнать ее из Тибета. На Цеден Дордже оборвалась линия *деси* и окончательно погибла власть Пагмодупа. На ХУ-ХУ1 вв. — правление Пагмодупа — пришлись реформы Цзонкапы и появление школы Гэлугпа.

Время конца Сакья и правления *деси* Пагмодупа стало временем подъема культуры Тибета. В начале XIV в. Бутон Ринчендуб систематизировал тибетский буддийский канон. В 1322 г. Бутон написал «Историю буддизма в Индии и Тибете». Сочинение содержало

общее введение в буддийское вероучение, историю буддизма в Индии, историю распространения буддизма в Тибете и систематический каталог буддийских сочинений, переведенных на тибетский язык. В 1346 г. появляются «Красные анналы» Кунга Дордже. В этом сочинении развита генеральная политическая идея средневекового Тибета — сила и могущество светской власти зависели от того, в какой мере она поддерживала буддизм. В 1365 г. появилось сочинение по истории Тибета «Светлое зерцало царских родословных», в 1478 г. «Голубые анналы», которые известный российский историк тибетской литературы А.И. Востриков считал {102} одним из самых информативных сочинений [Востриков, 1962, с. 93]. В эти десятилетия складывается и знаменитый тибетский эпос «Гэсэр».

Цзонкапа, Гэлугпа и Далай-ламы

Буддизм и государственная власть, политико-административное объединение Тибета — это тот круг проблем, который проходит через всю историю этой страны. Осознанная или даже не осознанная до конца, эта идея прямо связана с желанием объединить школы тибетского буддизма под одной крышей и сделать эту школу оплотом государственной и административной власти. Таков был смысл реформ Цзонкапы и появления на свет школы Гэлугпа — Желтых шапок — и Далай-лам как верховных священнослужителей и глав государственной власти. Тибетская правящая верхушка оказывала активное покровительство реформаторам и их стремлению создать новую школу тибетского буддизма [Ya Hanzhang, 1994, p. 3].

Цзонкапа — собственное имя Лосан Дакпа, родился в 1357 г. в местности Цзонка (Овраг дикого лука), в Амдо, по китайской топонимике это пограничный с Китаем район в Цзунгэ (совр. г. Синин, пров. Цинхай). Отец его был на юаньской службе в должности *дарухачи (дарга)*. Шестилетним мальчиком в 1363 г. Цзонкапа был отдан в монастырь школы Кадампа. В 1372 г. молодой монах отправился по монастырям Тибета для повышения образования. Он учился у вероучителей разных школ — направлений тибетского буддизма: Сакья, Кагьюпа, Кадампа, Шалу. Логике его учил Рэмдава, сакьяский наставник. Цзонкапа стал знатоком всех основных буддийских наук, включая тантру и йогу, уроки последних он получил от их знатока Умапа. Примерно в 1388 г. Цзонкапа рекомендовал своим последователям, учителям и ученикам, носить желтые шапки, что и стало отличительным знаком новой школы тибетского буддизма. Новый учитель и его ученики обосновались неподалеку от Лхасы, стратегического и общепризнанного религиозного и политического центра Тибета. По преданию, в 1392 г. Цзонкапа хотел посетить родину буддизма Индию, но увидел сон, в котором бодхисаттва Манджушри предсказал ему смерть во время путешествия, и он от поездки отказался. С 1385 г. Цзонкапа получал поддержку от властей Пагмодупа. В 1391 г. у него было 13 учеников, в 1396 г. — 30.

Цзонкапа понимал, что верующих может объединить большая соборная молитва. В 1399 г. в *цзоне* Олка он провел первый монлам в{103} 15-й день нового года. Цзонкапа лично возрождал большие собрания верующих буддистов. Первое такое собрание известно в 1076 г., затем монлам имел место в 1277 г. [Цзанцзу цзяньши, 1985, с. 183-184].

В 1397 г. в диспуте с Цзонкапой потерпел поражение известный буддист Гьялцен Дже. Он и столь же известный буддист Рэмдава вскоре стали одними из лучших учеников Цзонкапы и главными его помощниками. Слава Цзонкапы как знатока религии распространилась по всему Тибету. Его прежний учитель Рэмдава посвящает своему талантливому ученику следующие стихи:

Поклоняемся стопам Лосан Дакпа,
Прославившегося мудрым,
Цзонкапы, высшего украшения тибетских мудрецов,
Авалокитешвары, великого клада непостижимого милосердия!

Манджушри, знающего совершенно все!
[Цзонхава, 1913, с. XXIII].

В 1408 г., когда Цзонкапе было 52 года, ему было видение Манджушри, который сказал: «Если ты восстановишь храм Джово в Лхасе и его опоры (тела Будды) и если ты устроишь там праздник великих чудес Будды, то за это последует много добра для живых существ и Учения». Тогда Цзонкапа решил праздновать Большой путь (*Монлам ченмо*) в Лхасе. Политическая суть *монлама* была определена тем, что участвовать в нем были приглашены правители Тибета из дома Пагмодупа и все крупные жертвователи монастырям Центрального Тибета [Blondeau, 1997, p. 75-76]. В 1409г. был проведен общетибетский *монлам*, новогодний праздник, с грандиозным представлением о принятии Тибетом буддизма. Цзонкапа сделал эти собрания-празднества ежегодными. Во время монламов читади сутры. По традиции именно с *монлама* 1409 г. ведется отсчет школы Гэлугпа. Во время первого *монлама* было решено построить монастырь Ганден. В монламе приняли участие более 10 тыс. монахов, сотни светских лиц, потрачены тонны масла и зерна, мясо 220 яков и овец, 500 плиток кирпичного чая. «Гэлугпа» — название новой школы — истолковывалось как «хороший (образцовый) порядок» [Цзанцзу цзяньши, 1985, с. 184].

Порядок должен был быть установлен прежде всего в своей общине, в монастырской среде. Цзонкапа потребовал от монахов строгого соблюдения монашеской дисциплины. Монахи должны были соблюдать безбрачие, не работать и не вмешиваться в светские дела. Они должны были способствовать процветанию своего {104} монастыря, обучению и воспитанию будущих монахов. Новая школа создает свои монастыри: в 1409 г. — Ганден в 30 км к востоку от Лхасы, в 1416 г. — Дэпун (Дрепунг; в отечественной исторической литературе наименование данного монастыря транскрибируется по-разному, например: «Брайбун», «Брайбунг», «Дрепунг», «Дэпунг»), в 1418 г. — Сэра и в 1447 г. (уже после смерти Цзонкапы в Шигацэ) — Ташшгунпо. В Гандене, Дэпуне, Сэра жило по 4-5 тыс. монахов.

В 1419 г. Цзонкапа скончался. Его заслуга состояла в том, что он создал религиозно-общественное движение, которое отвечало запросам времени и было востребовано в условиях очередной борьбы внутри Тибета за власть.

В 1432 г. настоятелем монастыря Ганден стал Кэдуб Дже, будущий первый Панчен-лама. Он был в добрых отношениях с будущим первым Далай-ламой, который был на шесть лет моложе и на восемь лет позже его стал учеником Цзонкапы. Кэдуб Дже победил в диспуте главу «Красных шапок» Ринченпа. Став настоятелем Гандена, он построил зал, в котором была помещена большая ступа с останками Цзонкапы, и написал его жизнеописание.

Борьба шла между теряющими власть деси Пагмодупа, правящими в уй, и Ринпунами, правящими в Цзан. Деси Пагмодупа положительно относились к новой школе Гэлугпа, все монастыри Гэлугпа были основаны в уй, вотчине Пагмодупа. Гэлугпа успешно вела проповедь на востоке в Кам, но не имела успеха в Цзан, где господствовала школа Кармапа, которая подразделялась на «Черные шапки» и «Красные шапки». Кармапа и Ринпуны имели своим центром город Шигацэ. В середине XV в. руководители Кармапа хотели построить свой монастырь неподалеку от Лхасы. Монахи школы Гэлугпа воспротивились этому, и монастырь не был построен. В 1480 г. войска Ринпунов напали на уй, началась война между Цзан и уй. Войска Цзан заняли Гьянцэ, а в 1492 г. вступили в Лхасу. Цзанский генерал Донье Дордже укрепился в Лхасе, и Ринпуны удерживали в своих руках столицу Тибета до 1517 г. Школа Кармапа торжествовала, Гэлугпа была не у дел, монахи монастырей Ганден, Дэпун и Сэра не могли участвовать в *монламе*.

Однако Ринггунам, хотя они и правили фактически Тибетом, не удавалось окончательно уничтожить Пагмодупа, те все еще сидели в Нэудоне и удерживали под своей властью часть Уй. В 1515 г. бывший союзник Ринпунов Цетон Дордже захватил

Шигацэ и, опасаясь мести Ринпунов, вступил в союз с Нэудоном. Воспользовавшись разразившимися в стране неурядицами, десятый *деси* взял {105} административную власть в свои руки, и в 1517 г. отряды Ринпунов были изгнаны из Лхасы. Однако обстановка продолжала оставаться сложной. В 1526 г. *пончен* Дигунпа Кунга Ринчен захватил владения монастыря Ганден, а в 1537 г. напал на сам монастырь, но был разбит сторонниками Гэлугпа. Надежды Кунга Ринчена разрушить Ганден не осуществились. Но в этой междоусобной войне противники Гэлугпа захватили все же 18 монастырей этой школы и заставили монахов «сменить шапки» и перейти в школу Кагьюпа. Гэлугпа искала пути восстановления своего положения. Важным оказалось стремление вывести тибетский буддизм за пределы Тибета. Хотя минский двор не отталкивал и даже привечал некоторых тибетских лам, Китай не был той землей, в которой тибетский буддизм мог найти хорошую почву для посева. Это была буддийская страна, но со своим буддизмом, имевшим более глубокие исторические корни, чем буддизм тибетский. Время первых минских императоров, покровительствовавших тибетскому буддизму, прошло. И тибетские ламы, что важно подчеркнуть, не только школы Гэлугпа, обратили свой взор на север, к монголам и ойратам, памятуя о покровительствовавших тибетскому буддизму императорах Юань.

С середины XVI в. ближайшими соседями Тибета были монголы Кукунора. Население региона было смешанным. Здесь жили тибетцы — «черноюртные» иноземцы — *фани*, уйгуры и другие тюрко-язычные группы населения — «желтоюртные» иноземцы и появившиеся в начале XVI в. монголы-кочевники — «белоюртные» иноземцы. Монголы появились на Кукуноре после того, как Ибири-тайши поднял неудачное восстание против Даян-хана (1509). Ойраты оказались на Кукуноре в результате поражения, которое они потерпели в 30-х годах XVI в. в войнах против Могулистана, в районе г. Хами.

Монголы двигались в сторону Тибета. Тумэтский Алтан-хан (1506-1582) «претерпевая трудности... подчинил своей власти народ амдова, живший по эту сторону на границах Тибета и Тангута» [Лубсан Данзан, 1973, с. 230]. Монгольская знать тоже помнила столь недавнее юаньское время и тяготела, со своей стороны, к буддизму. Тибетские ламы нередко вели достаточно успешную работу среди монголов. Кармана и иерархи Цзан имели связи с Даян-ханом (1470-1545). Монголов посещали сакьяские ламы.

И в Тибете, и в монгольском мире процессы шли в двух противоположных направлениях — централизации и децентрализации. Правители, не имевшие прав и титула всемонгольского хана, к числу которых принадлежал Алтан-хан, «вынуждены были вырабатывать концепции, способные обосновать их притязания на {106} власть и объяснить ее формальный показатель — титул „хан"» [Скрынникова, 1988, с. 12].

Алтан-хан тумэтский в 1548 г. получил от хагана Дарайсуна титул «малого хана». Для укрепления своей власти и легитимизации ханского титула он обращается к буддийской концепции власти «двух законов» — «человеческого закона» (*ми чой*) и «божественного закона» (*лха чой*); эти законы призваны гарантировать силу власти и процветание народа. Упоминавшаяся ранее «Белая история» («Цаган теуке») повествует, что «закон истинной религии неразрушим, подобно шелковому узлу, закон строгого хагана неразрушим, подобно золотому узлу» [Sagaster, 1976, 5. 109, 176]. У Алтан-хана было «золотое ярмо», ему недоставало «шелкового узла». Как писал Ш. Вира, в Монголии XVI в. «учение о сильной царской власти имело с самого начала не абстрактно-философское, а сугубо практическое значение. Имея звание чакравартина, то есть „вращающий колесо учения" в его буддийском значении, монгольский хан вполне мог претендовать на право быть всемонгольским хаганом» [Бира, 1978, с. 176].

По «Истории Эрдэни-дзу», к Алтан-хану в 1576 г. обратились его сподвижники: «...для этой и будущей жизни полезно религиозное учение. Ходят слухи, будто в Снежной стране... живет истинное воплощение Всевидящего и Милосердного. ...Разве не замечательно было бы пригласить его и установить [союз] религии и правления, как при Святейшем Хубилай-Сэцэн-хане и Святом Пагба-ламе в прежние времена» [История

Эрдэни-дзу, 1999, с. 56].

Было послано приглашение Сонам Гьяцо. Для его встречи в местности Цабчиял на Кукуноре был выстроен храм. Сонам Гьяцо-послал защитника веры, дхармапалу, который «подавил... всех богов, духов и демонов монгольских земель, имеющих верблюжьи, конские, бычьи, бараньи, змеиные, ястребиные и волчьи головы». Сонам Гьяцо «связал их клятвой и подчинил своей воле» [там же, с. 57]. При встрече с Алтан-ханом Сонам Гьяцо говорит ему, что они уже встречались раньше, ибо в прошлом Алтан-хан был Хубилаем, а Сонам Гьяцо — Пагпа-ламой. Сонам Гьяцо был Учителем, а Алтан-хан — милостынедателем. Ныне они «словно Солнце и Луна, взошедшие одновременно на синем небосводе» и «с этого... счастливого дня встречи... превратили реку, по которой несутся кровавые волны, в прозрачный океан, полный плещущегося молока» [там же, с. 59-60]. После торжественных приемов и выполнения различных религиозных обрядов Алтан-хан обнародовал манифест в поддержку буддизма в Монголии: «Мы, монголы, сильный народ, {107} потому что наши предки происходят от неба и некогда расширили пределы своей империи даже до Китая и Тибета. Буддийская вера проникла в нашу страну в давние времена, когда мы оказали покровительство Сакья-пандите. Позднее у нас был император по имени Темур, в царствование которого наши люди лишились религии, а наша страна пришла в упадок. Казалось, океан крови залил землю. Нынешний ваш приезд помогает буддийской вере ожить вновь. Наши взаимоотношения покровителя веры и ламы могут быть похожи на таковые у солнца и луны. Океан крови станет океаном молока. Тибетцы, китайцы и монголы живут сейчас в этих странах и могут исполнять десять заповедей Будды. Более того, с этого дня впредь я устанавливаю некоторые правила поведения для монголов. Прежде, когда монгол умирал, его жена, его личные слуги, принадлежавшие ему кони и вещи приносились в жертву. В будущем запрещаю это. Лошади и скот покойного с обоюдного согласия могут быть отданы ламам и монахам в монастырь, а семья в первую очередь должна требовать от лам помолиться за умершего. В будущем я запрещаю приносить в жертву животных, жен и слуг для блага усопшего. Все виновные в совершении человеческих жертвоприношений будут наказаны по закону, а их имущество конфисковано. Если в жертву будут принесены лошади и другие животные, то конфискации подлежит в десять раз большее число животных, чем то, которое было убито. Любой, кто оскорбит монаха или ламу, будет сурово наказан. Запрещается в дальнейшем приносить кровавые жертвы и онгонам — изображениям умерших, а все существующие статуэтки-изображения их должны быть сожжены или сломаны. Если мы узнаем, что кто-то тайно хранит такие статуэтки, мы разрушим дом того, кто скрывал их. Вместо них люди могут держать в своих жилищах изображения Еше Гонпо, тибетского божества, и приносить ему в жертву вместо крови молоко и мясо. Каждый должен заботиться о благе своего соседа и не обкрадывать своих спутников. Короче, эти законы, уже существующие в Уй-Цзан, должны вступить в силу и в этой стране» [Shakabpa, 1967, p. 94-95].

Китайские власти одобрили принятие буддизма монголами как факт, который мог способствовать стабилизации в монгольском мире. Ван Чун-гу, заместитель военного министра минского двора, в докладе трону писал: «Пусть ламы из Тибета преуспеют в обращении варварского народа и превращении дикарей в добропорядочных людей... Необходимо каждому посылаемому к Алтан-хану монаху дать определенное должностное звание в главном буддийском {108} управлении и пожаловать ему монашеское облачение... чтобы понравиться варварам... [проявлять стремление] следовать их учению, тогда соглашения о дани будут соблюдаться намного лучше и на границах всегда будет спокойствие» [Мартынов, 1978, с. 61]. Сонам Гьяцо был пожалован титул Далай-ламы. Так появился на свет институт далай-лам.

Монахом, объявленным через сто лет после своей смерти первым Далай-ламой, был Гэдун Дуб (1391-1447), уроженец местности Шаб[9] в Цзане. В 1415 г. он стал

[9] Район Шаб расположен между Шигацэ и Сакъя.

учеником Цзонкапы. В 1447 г. основал в Шигацэ монастырь Ташилунпо.

Далай-ламы — перерожденцы бодхисаттвы Авалокитешвары, и Гэдун Дуб считался 51-м перерожденцем. В этой цепи перерождений 45-м был Дронтонпа, ученик Атиши. Если перерождения далай-лам восходят к Авалокитешваре, то это отнюдь не означает, что они являются прямыми перерожденцами, каждый раз воплощающимися в Авалокитешвару. С какого-то момента перерожденцами являются реальные лица. Авалокитешвара, как исходная точка данных перерождений, всегда присутствует в Далай-ламе, как солнце одновременно отражается в разных каплях воды. Но каждый Далай-лама в первую очередь является перевоплощением своего исторического предшественника, а не непосредственно Авалаките-швары.

Вторым Далай-ламой, перевоплощением Гэдун Дуба, также посмертно был признан Гэдун Гьяцо (1475-1542), уроженец Цзана. Он был пятым настоятелем монастыря Ташилунпо, десятым — монастыря Дэпуна и девятым — монастыря Сэра. Гэдун Гьяцо основал монастырь Чакарджал у озера, на берегу которого предсказывали будущее.

За тем, что происходило во владениях Алтан-хана, внимательно следили и китайцы. Возвращаясь в Тибет, Далай-лама III Сонам Гьяцо остановился в г. Ланьчжоу, нынешнем главном городе провинции Ганьсу. Он был с почетом встречен китайскими властями. Те просили его повлиять на Алтан-хана, с тем чтобы он ослабил набеги на пограничные области Мин. От него хотели проповеди, и в г. Нинся (совр. г. Иньчуань, центр Нинся-Хуэйского автономного района) к нему приставили трех переводчиков, ему были переданы подарки от императора и приглашение посетить Пекин. Однако Сонам Гьяцо приглашения не принял. Он намеревался поехать в Кам, оплот враждебных Гэлугпа буддийских школ и религии бон. {109}

При дворе Алтан-хана остались представители Далай-ламы — тибетские монахи, сам же Сонам Гьяцо отправился в Кам, где в г. Литан основал монастырь школы Гэлугпа. В г. Чамдо его застало известие о смерти Алтан-хана. Чтобы не дать развалиться начатому им и Алтан-ханом делу, он в 1582 г. возвращается в ставку монгольского хана.

На пути туда в месте рождения Цзонкапы он основывает монастырь Кумбум, один из оплотов пропаганды учения Гэлугпа среди монголов. В Монголии Сонам Гьяцо оставался шесть лет, столь важным, очевидно, было его присутствие там. В 1588 г. Далай-лама III поехал обратно в Тибет, но по дороге скончался. Тело его было кремировано, урна с прахом привезена в Лхасу, а затем помещена в монастырь Дэпун. Перерожденца нашли в Монголии, таковым оказался внук Алтан-хана, который и стал Далай-ламой IV под именем Йонтэн Гьяцо (1589-1617).

Монголу надо было дать хорошее буддийское образование. Двенадцати лет от роду в 1601 г. Далай-ламу IV привезли из Монголии в Лхасу, где и был совершен обряд интронизации. Вместе с Далай-ламой в Тибет прибыл отряд монгольской кавалерии. Йонтэн Гьяцо учился в монастыре Дэпун, его учителем стал Лосан Чогьял из монастыря Ташилунпо. Лосан Чогьял получил от Далай-ламы титул Великий учитель, Панчен-лама. И так же, как для Далай-лам, для Панчен-лам был составлен список перерожденцев. Первым Панчен-ламой был назван Кэдуб Палсан, монах школы Сакья (1385-1438). В 1403 г. он встречался с Цзонкапой, а с 1407 г. стал его учеником. Звание *гелона* он получил от Рэмдавы, учителя Цзонкапы. Был в свое время и в добрых отношениях с будущим Далай-ламой I, который был на шесть лет моложе Кэдуб Палсана, а учеником Цзонкапы стал на восемь лет позже. После смерти Цзонкапы будущий первый Далай-лама был одно время учеником будущего Панчен-ламы. Панчен-лама был настоятелем монастыря Дэпун и составил жизнеописание Цзонкапы.

Вторым Панчен-ламой был объявлен Сонам Чоглан (1439-1504), который владел искусством ведения диспутов. В старости он жил на родине, в монастыре Бенса, и много сделал для утверждения школы Гэлугпа в Цзане.

Третий Панчен-лама Лосан Дондуб (1505-1566) был из того же рода, что и второй панчен. Он был современником Далай-ламы III и настоятелем монастырей Дэпун и Сэра.

Но насколько известно, между Далай-ламой III и третьим Панчен-ламой никаких контактов не было. {110}

Четвертый Панчен-лама был проповедником монашеского образа жизни, учил монахов, как одеваться, питаться, вести беседы, молиться и т.п. В 1601 г. он стал настоятелем монастыря Ташилунпо. При нем в монастыре имелся большой котел, в котором за один раз можно было сварить более 750 кг риса для угощения двух тысяч монахов.

В 1603 г. он завел свой *монлам* в Ташилунпо. Когда Йонтэн Гьяцо был привезен из Монголии в Тибет, именно четвертый Панчен дал ему его религиозное имя. В 1607 г. Йонтэн Гьяцо полтора месяца учился у четвертого Панчен-ламы Лосан Чоки. именно с этого времени между Панчен-ламами и Далай-ламами были установлены отношения учителя и ученика.

Панчен-ламы считаются перерожденцами будды Амитабхи. Панчен-лама, как учитель, полагается старшим, а Далай-лама, как ученик, — младшим.

Время Далай-ламы IV и Панчен-ламы IV стало временем, когда школа Кармапа-Кагыопа предприняла атаку на Гэлугпа. В 1605 г. Цанпа-хан и Кунга Рйнчен, лидеры врагов Гэлугпа, напали на монастыри Дэпун и Сэра. Более пяти тысяч монахов и светских лиц были убиты. Цанпа-хан наложил на эти монастыри штрафы и издал указ, запрещавший Далай-ламе IV перерождаться. Цанпа-хан имел ставку в Самдуцэ (Шигацэ), он и его сын Карма Тэнсун Ванпо контролировали значительную часть Тибета. В 1606 г. Далай-лама IV прибыл в Ташилунпо, чтобы принять сан настоятеля. Но Тэнсун Ванпо отказался с ним встретиться. В 1617 г. Далай-лама IV умер в монастыре Дэпун в возрасте 28 лет, ходили слухи, что он был убит. Тело покойного кремировали, а прах, как и жизнь его, оказался поделенным на две части. Одна осталась в Дэпуне в серебряном чор-тене, а другую увезли на его родину в Монголию.

В 1617 г. Панчен-лама совершил поездку на запад Тибета, в Нгари. Он искупался в озере Манасаровар, принес жертвы горе Кайлас. Возможно, поездка имела миротворческие цели, чтобы как-то предотвратить назревавшую гражданскую войну. Монголы, которые попали в Тибет с покойным Далай-ламой IV, атаковали Цанпа-хана. Поначалу их действия были успешны, так как Панчен-ламе пришлось выступить посредником, добиваясь примирения враждующих сторон. Было выработано соглашение, предусматривавшее распределение доходов, устраивающее обе стороны, и получено разрешение со стороны Цанпа-хана на поиски нового Далай-ламы. Уступчивость Цанпа-хана объясняют еще и тем, что Панчен-лама вылечил его от какой-то болезни. Перемирие оказалось непрочным. В 1618 г. враги Гэлугпа захватили и разграбили Лхасу, {111} были ограблены монастыри Дэпун и Сэра, в Дэпуне разбита статуя Далай-ламы III и из монастыря увезены все ценности. Было много убитых, трупы усеяли все холмы вокруг монастыря, оставшиеся в живых монахи бежали на север, в Радэн и Таглун.

Многие небольшие монастыри силой были преобразованы из школы Гэлугпа в школу Кармапа-Кагьюпа. В Шигацэ прямо напротив монастыря Ташилунпо был воздвигнут монастырь Кагыопа с многообещающим названием «Подавление Ташилунпо». Казалось, что полный крах Гэлугпа был близок и неминуем. Найденного в 1619 г. нового перерожденца, будущего Далай-ламу V Лхавсан Гьяцо (1617-1682), тщательно скрывали от чужих глаз, и мало кто знал, кто он и где находится.

Будущий Далай-лама V родился в Центральном Тибете и был как перерожденец Далай-ламы IV найден монахами монастыря Дэпун. Семья, в которой мальчик был обнаружен, принадлежала к школе Ньингмапа, но склонялась к Гэлугпа. Будущий Далай-лама содержался и воспитывался в Южном Тибете. В 1625 г. он получил благословление и посвящение в *гецулы* от Панчен-ламы IV и стал учеником последнего.

В 1619 г. гражданская война вспыхнула с новой силой. Появился отряд монголов, в Тибет возвратились те, кто сопровождал и охранял Далай-ламу IV. Монголы прежде всего атаковали враждебный Гэлугпа Цзан. Силы противоборствующих сторон оказались при-

мерно равны. Никто верха не одержал. Панчен-лама выступил посредником в переговорах между враждующими сторонами. Была достигнута договоренность о том, что Лхаса не достанется никому, а монастыри Гэлугпа, насильно преобразованные в монастыри Кагыопа, будут возвращены в лоно Гэлугпа.

В 1621 г. умер Цанпа-хан Пунцок Намгьял. После его смерти борьба не прекратилась, но приняла скрытый характер. Кармапа не могла праздновать победу, а Гэлугпа все еще опасалась за свое будущее.

В 1627-1631 гг. в Тибете побывали первые европейские, а точнее, португальские миссионеры. Один из них, Кабрал, в 1631 г. умер в Шигацэ. А люди Гэлугпа, чтобы сохранить свое положение и влияние, снова обратили взоры на север, на монгольский мир. Важнейшим событием тибетской и монгольской истории второй половины XVI в. было новое приобщение монголов к буддизму. И Тибет, и Монголия не представляли собой исключения из мирового исторического процесса. Как во многих странах средневековья, экономическая, политическая и идеологическая борьба и здесь{112} принимала религиозные формы, формы борьбы за новую, «истинную веру». Особенностью Тибета с XI в. стал крен общественной жизни в религию, отсутствие достаточно мощной светской власти, которая располагала бы значительными вооруженными силами. В Тибете были солдаты, имелись вооруженные отряды, но не было сильных армий, способных решать задачи в пользу той или иной противоборствующей стороны чисто военным путем. Алтан-хан, успешно решавший свои задачи на локальном уровне в пределах Юго-Восточной Монголии, во взаимоотношениях с другими монгольскими владетелями и с Китаем все же нуждался в смене веры, в приобщении к одной из мировых религий и подавлении язычества. Думал ли он только о личных интересах или, шире, о возрождении в какой-то мере монгольского величия в Центральной Азии, возрождении чингисидов — скорее да, чем нет. Был прецедент Юаньской империи, он жил и в монгольской, и в тибетской исторической памяти. Снова, как в начале XIII в., ослабел Китай. На территории Маньчжурии активно росла третья сила — государство маньчжуров, в созидании которого участвовали и восточные монголы. Как показывала жизнь, маньчжурские ханы и *бэйлэ* не прочь были претендовать и на юаньское наследство. В том, что сделали Сонам Гьяцо и Алтан-хан, нуждались и тибетцы — в распространении веры, приобретении новых милостынедателей и покровителей, в вооруженных силах монголов, и монголы, в данном случае в лице Алтан-хана, — в подавлении изживавшего себя язычества, в обретении новой веры и, что важно, в праве быть покровителями и защитниками новой веры со всеми вытекающими отсюда возможностями, ибо как раз монгольский мир переживал новый подъем и желал обрести хотя бы часть былой славы предков.

Ойраты и Далай-лама V. Сложение теократического Тибетского государства

Тибетский буддизм успешно шествовал по Монголии. В 1587 г. был освящен ведущий храм Халхи Эрдэни-дзу. Далай-лама на освящение не приехал, прислал другого ламу, но, по преданию, «во время [освящения] с юга [приплыло] облако, все состоящее из света, и из него посыпались зерна риса и ячменя, освящавшие [монастырь]. Это Далай-лама исполнил свое обещание совершить освящение... [Монастырю] дали имя „Неколебимый Эрдэни- {113} дзу"... [История Эрдэни-дзу, 1999, с. 67]. Посланец Далай-ламы уберег знатных монголов и простолюдинов от продолжения неправедной жизни, пресек убиение живых существ, приобщил монголов к добродетелям учения. Чахары-монголы обучали халха-монголов в школе монгольского письма, «[люди] вступили на путь белой добродетели, стали почитать Три драгоценности и усердствовать в делах высших существ — вере и подаянии» [там же].

Стали усиливаться ойраты, до этого потерпевшие ряд поражений от халха-монголов (1562, 1574 гг.). В 1578 г. Байбагас-хан на р. Иртыш разгромил халха-монголов.

Добив остатки войск татарского сибирского хана Кучума, ойраты продвинули свои кочевья на север до рек Ишим и Омь. В 1608 г. ойраты победили Алтан-хана, правителя местности между озерами Хубсугул и Уса. Часть ойратов в 1628-1630 гг. во главе с Хо-Урлюком уходит за Волгу, другая во главе с Туру-Байху (Гуши-ханом) между 1636-1639 гг. расселяется в районе оз. Кукунор. С начала XVII в. ойраты становятся буддистами, и в середине XVII в. у них появляется свой просветитель Зая-пандита, получивший образование в Тибете. В 1634-1635 гг. на Кукуноре обосновался халхаский Цокту-тайджи, сторонник Кармапа. Он и его сын Арслан «решили уничтожить (даже) имя Гэлугпы» [Дугаров, 1983, с. 33].

Лидеры Гэлугпа, осознавая в полной мере опасность, нависшую над их учением и властью, решают искать поддержки у своих новых адептов — джунгаров. Посольство Гэлугпа прибыло в Джунгарию. Джунгары согласились оказать помощь Гэлугпа. Экспедиционный корпус возглавил 28-летний хошут Гуши-хан. Его поддержали Батур-хунтайджи и глава торгутов Хо-Урлюк. Под лозунгом оказания помощи Далай-ламе джунгары двинулись в Тибет.

В 1635 г. Цокту-тайджи направил в Тибет 10-тысячный корпус халха-монголов во главе со своим сыном Арсланом. Гуши-хан намеревался защитить Гэлугпа, Арслан — уничтожить. Когда противники встретились, начались переговоры. По их завершении Арслан оставил основную часть своей армии у оз. Тэнгри-Нур и вступил в уй только с личной охраной. Поскольку стало неясно, чью сторону примет теперь Арслан, лама Кармапа, которого Арслан должен был защищать, на всякий случай бежал из Лхасы. Вступив в Лхасу, Арслан в храме Рамоче встретился с Далай-ламой и оказал ему почести как паломник. Из Лхасы Арслан поехал в монастырь Дэпун. Там он прослушал курс учения Гэлугпа и дал слово, вопреки приказу отца, не перечить «желтому учению». Таким образом, планы Кармапа уничтожить Гэлугпа руками Арслана оказались под {114} угрозой. Правитель Цзана Карма Тэнкьён послал людей известить Цокту-тайджи об измене сына. Одновременно войска Цзана двинулись в Лхасу с целью изгнать оттуда монголов. Дело не дошло до большой войны — сыграли свою роль старания Далай-ламы примирить противников. Однако Арслан за неповиновение воле отца поплатился жизнью, подосланные убийцы убили его и двух его ближайших помощников.

В Лхасе под видом паломника оказался и Гуши-хан. Он имел встречи с Далай-ламой V и Панчен-ламой IV и сделал богатые подношения Гэлугпа. Во время этих встреч был разработан план, согласно которому основная часть армии Гуши-хана, все еще находившаяся в Восточном Туркестане, должна была двинуться на Кукунор, разгромить войска Цокту-тайджи, затем из Кукунора направиться в Кам изгнать из Бери местного правителя Донье Дордже, сторонника бон, который преследовал всех буддистов без разбора, к какой бы школе они ни принадлежали. И уже затем армия Гуши-хана должна была вступить в уй и Цзан. В 1637 г. план был приведен в действие. Войска Гуши-хана и Батур-хунтайджи атаковали Цокту-тайджи. У горы, впоследствии названной «Кровавая», войска Цокту-тайджи были разгромлены, а сам он убит. Гуши-хан стал правителем Кукунора, Батур-хунтайджи, забрав огромную добычу, возвратился в Джунгарию. Те монголы, которые были посланы с Арсланом, на Кукунор не вернулись. Они остались жить у оз. Тэнгри-Нур, в равнинных районах Замара и позже стали известны под именем *согде*.

В 1638 г. Гуши-хан посещает Лхасу в качестве паломника. Далай-лама дарует ему титул *чоки гъялпо* (таб. Chos kyi rgyal po — Хан веры, Охранитель буддизма). Гуши-хан наделяет тибетских чиновников из окружения Далай-ламы монгольскими титулами *дзаса, тайджи, даян*. Эти титулы использовались в среде тибетского чиновничества вплоть до середины XX в.

Цзан и Кам объединяются для борьбы с Гуши-ханом. Правитель Кама писал в Цзан: «Я подниму войска Кама и введу их в уй. В то же самое время вы должны двинуть вашу армию из Цзана. Вместе мы искореним Гэлугпу так, что и следов от нее не останет-

ся. Кажется, что все эти войны происходят по вине изображения Будды в храме Цуклакан. Оно должно быть сброшено в реку. Мы предоставим свободу вероисповедания всем школам, включая и бон, но за исключением Гэлугпа» [Shakabpa, 1967, p. 105-106]. Неизвестно, было ли такое письмо подлинным или фальшивкой, но, как полагают, именно оно дало Гуши-хану повод для начала {115} похода в Кам. Согласие на поход дал Далай-лама V; кроме хошутов воевать в Кам отправились отряды тибетцев из Амдо. Войска Донье Дордже упорно оборонялись, Гуши-хану потребовался год, чтобы завоевать Кам. Донье Дордже был убит. Монахи-буддисты, ранее содержавшиеся Донье Дордже в тюрьмах, были освобождены. Пока, по некоторым сведениям, Далай-лама колебался, пускать ли ему Гуши-хана в уй и Цзан, ойраты опередили его и вступили в Центральный Тибет. Этому способствовал и один из сановников Далай-ламы Сонам Чойпел. Предвидя приход ойратов, правитель Цзана Цанпа-хан подарил Панчен-ламе IV две волости (*шика*) и просил его выступить в качестве посредника на возможных мирных переговорах. По одним данным, Панчен-лама встречался с Гуши-ханом с целью отговорить его от вторжения в Цзан, по другим — Панчен-ламу эвакуировали из Ташилунпо, но по дороге он был перехвачен войсками Цзана и привезен в Ринггун, где у него и получили согласие на посредничество. На переговорах с Панчен-ламой Гуши-хан твердо заявил, что он намерен завоевать Тибет, Цанпа-хану он подарит волость, в которой тот сможет спокойно дожить оставшиеся дни. Эти предложения были доведены до Цанпа-хана, но он отказался их принять [Ya Hanzhang, 1994, p. 40]. Войска Цзана сравнительно быстро были разгромлены хошутами, Цзан оккупирован, не сдавался только Шигацэ, который был взят в осаду. Сонам Чойпел с войсками Далай-ламы овладел всеми укрепленными пунктами Цзана, находившимися в уй, после чего его отряды присоединились к войскам хошутов, осаждавшим Шигацэ. В начале 1642 г. Шигацэ пал, за ним объединенные силы Гуши-хана и Далай-ламы овладели монастырем Тапгалунпо. Цанпа-хан сдался, его привезли в Лхасу и заключили в тюрьму. Далай-лама V прибыл в Шигацэ. Здесь была проведена церемония его интронизации. Далай-лама сидел на троне в центре, по бокам от него на более низких сиденьях разместились Гуши-хан и Сонам Чойпел. Гуши-хан торжественно объявил, что вся власть над Тибетом — от Дацзяньлу на востоке и до Ладака на западе — передается Далай-ламе V.

Сонам Чойпел получил титул и должность деси. Правительство было названо Ганден-побран. По возвращении Далай-ламы Лхаса официально была объявлена столицей Тибета. Далай-лама позже писал: «Мятеж разрастался. Но под руководством правителя людей... был подавлен. ...Гуши-хан привел большую армию в миллион солдат для того, чтобы занять южные границы. Все тибетские семьи и все чиновники выразили свою преданность. Поэтому он завершил объединение Тибета и стал правителем трех областей всего {116} Тибета... Его повеления столь же велики, как то священное белое покрывало, которое накрывает небо» [ibid, p. 41-42].

Первое празднование победы произошло в ставке Цанпа-хана в Шигацэ. Все сокровища Цанпа-хана были переданы Далай-ламе. Дворец Цанпа-хана разобрали. Строительные материалы, из которых он был сооружен, отправили в Лхасу на ремонт храма Джокан и сооружение дворца Потала. Цанпа-хана судили. На суде были оглашены документы, доказывающие, что он и его сторонники намеревались разрушить главные монастыри Гэлугпа. Суд приговорил Цанпа-хана к смертной казни. Его завернули в еще свежую и оттого сырую шкуру яка и, продержав положенное для этого вида смертной казни время на солнце, от чего он испытывал страшные мучения от ссыхавшейся на солнце и сжимавшей его тело шкуры, бросили в реку. С гибелью Цанпа-хана и воцарением в Лхасе Далай-ламы V завершилось правление в Тибете школ Кармапа-Кагьюпа (1619-1642).

Против правления Далай-ламы V и Гуши-хана восстали сторонники Кармапа в Гьянцэ и Конпо. Объединенные силы ойратов и правительственных войск, руководимые Сонам Чойпелом, жестоко подавили эти восстания. Все видные представители школы

Кармапа и чиновники Цзана, сторонники Кармапа, содержавшиеся до восстания в тюрьмах, были казнены.

В 1643 г. Далай-лама V в качестве правителя Тибета был признан Непалом и Сиккимом. Тибет вмешался во внутренние дела Бутана, где вспыхнуло восстание против правительства. Тибетцы поддержали восставших. Войска ойратов и тибетцев вторглись на территорию Бутана, но одержать победы не сумели и после ряда военных неудач возвратились обратно. В 1646 г. начались мирные переговоры между правительствами Тибета и Бутана, которые закончились ничем. В 1647 г. тибетцы снова напали на Бутан и вновь были разбиты.

В 1645 г. Гуши-хан пожаловал Панчен-ламе титул *панчен-покто (богдо)* — «мудрый». В 1648 г. часть монастырей Кагыопа силой была преобразована в монастыри Гэлугпа, население покоренного Кама обложено налогом в пользу центрального правительства. Лхаса нуждалась в средствах, так как в 1645 г. началось строительство дворца Далай-лам Потала. Его начали возводить на одном из господствующих на местности холмов, на котором к этому времени еще сохранялись руины дворца, построенного в 638 г.

Монах Кагьюпа Дакпа Шэтра Ринчен написал трактат против Гэлугпа, который был отпечатан и распространен по всему Тибету. {117}

Опровержение было написано лично Панчен-ламой. В целом борьба между Гэлугпа и Кармапа-Кагьюпа длилась несколько десятков лет. За каждой из сторон стояли свои политические и экономические силы. Мы не знаем о каких-либо особых экономических интересах каждой из сторон, очевидно, они имелись на уровне противоречий между уй и Цзан, вообще между четырьмя наиболее экономически развитыми регионами Тибета — уй, Цзан, Кам и Нгари. Вероятно, это была борьба Гэлугпа за увеличение своих доходов, создание своей прочной экономической базы. Гэлугпа более жестко выступала за объединение страны, за создание мощных по масштабам Тибета того времени монастырско-экономических центров, которые бы обеспечивали это единство. Лидеры Гэлугпа стремились создать единую систему управления страной. Противоборствующие стороны, не находя каждая в отдельности достаточных для осуществления своих целей сил внутри страны, искали поддержки извне, в монголоязычном мире, активно принимавшем тибетский буддизм, что, безусловно, подпитывалось и историческим примером XIII-X1У вв., взаимоотношениями между объединившими Тибет Сакья и монгольскими императорами династии Юань. Монгольский мир в идеале должен был стать гарантом сохранения единства Тибета. Гэлугпа была успешнее, потому что она в основном приобщила монгольский мир к буддизму своего направления, а институт далай-лам имел монгольско-тибетское происхождение. Монгольский мир становился крупнейшим милостынедателем. Эта внешняя экономическая поддержка также работала на пользу Гэлугпа.

Минский Китай с конца XVI — первой половины XVII в. не мог оказывать и не оказывал никакого влияния на происходящее в Тибете. Раздача титулов буддийским лидерам Тибета, эпизодические поездки этих иерархов в Нанкин и Пекин имели политическое значение в глазах минских властей в рамках внешнеполитической доктрины Китая, которую грубо можно сформулировать как «Китай-варвары», не вкладывая уничижительного смысла в последнее слово, или как «центр-периферия». В рамках этой доктрины минский Китай не был для Тибета центром, реально он жил своей самостоятельной жизнью. Экономическое влияние Китая затрагивало лишь восточные приграничные районы Тибета, где шла торговля по принципу «скот в обмен на чай и шелк». Китайцы регулировали эту торговлю, иногда по традиции используя ее и в своих политических, в данном случае региональных интересах.

В конце XVI — начале XVII в. на территории Маньчжурии, нынешнего северо-востока Китая, возникло новое государство Цин. {118} Лидерами его (ханами-императорами) стали представители чжур-чжэньского (маньчжурского) клана Айсинь

Гиоро. Пользуясь тяжелым положением минского Китая, вызванным мощными крестьянскими восстаниями, цинские войска вторгались в северные районы Китая. В 1634 г. маньчжуры уничтожили монгольское Чахарское ханство Лигдан-хана, претендента на лидерство среди чингисидов. Имперская власть Цин при лидерстве маньчжуров была полиэт-нична, в ее созидании немалую роль сыграли восточные монголы и китайцы южных районов Маньчжурии.

Будучи шаманистами, маньчжуры знали о буддизме и возможностях его использования в политических интересах. Перед ними, как и перед тибетцами, был пример Юань. Поход императора Цин Хуантайцзи (Абахая) на чахаров имел одной из своих целей завладение печатью Чингис-хана как сакральным «удостоверением», дававшим право наследовать династии Юань. При дворе маньчжуров жили ламы. По данным китайских источников, в 1637 г. монголы просили Абахая пригласить в Маньчжурию Далай-ламу. В 1639 г. императору Цин были направлены письма от Далай-ламы V, Панчен-ламы, Гуши-хана и Цанпа-хана. Тибетские лидеры и правители выражали пожелание установить отношения с маньчжурским двором. В ответ на эту просьбу в Лхасу отправился Чахань-лама. В письме «тибетскому хану и верховному ламе» Абахай уверял, что он не хочет, чтобы «законы Шакьямуни гибли и не распространялись», и намекал, что он «является сюзереном... тибетского хана». В 1642 г. в Мукден прибыло ответное посольство из Тибета во главе с Илагугсан-хутухтой [Мартынов, 1978, с. 79].

В 1643 г. ситуация круто изменилась. Внезапно скончался осторожный и умный Хуантайцзи. Столица Мин оказалась в руках восставших, последний минский император покончил с собой. Неспособные подавить восстание, китайские генералы призывают на помощь маньчжуров, и цинские войска в 1644 г. входят в Пекин. Гуши-хан направил письмо малолетнему императору Цин с просьбой пригласить в Пекин Далай-ламу V, чтобы освятить завоевание, с надеждой установить между цинским императором и Далай-ламой отношения покровителя учения и наставника в учении. В 1647 г. Далай-лама и Панчен-лама отправляют в Пекин поздравления с победой и золотые статуи Будды. Важно отметить в этом случае инициативу именно тибетской стороны в установлении отношений с новой династией. Эта инициатива имела целью закрепить победу Гэлугпа в Тибете, заручиться поддержкой извне, возможно даже перед лицом очень важного для Тибета, но непредсказуемого {119} монголоязычного мира. На западе набирало силу и крепло Джунгарское ханство, и его отношения с халха-монголами были отнюдь не безоблачны. Маньчжуры, занятые подчинением Китая, тем не менее не пренебрегали интересами монгольского мира, они знали ему цену. Далай-лама мог быть полезен для монгольской политики цинского двора. Поэтому лама Шэраб прибыл в Лхасу в качестве представителя цинского двора и пригласил двух великих лам — Далай-ламу и Панчен-ламу в Пекин.

Визит Далай-ламы V в Пекин

Как полагает А.С. Мартынов, уже у Нурхаци «четко определилось утилитарное отношение к буддизму. Он совершенно осознанно видел в нем эффективное средство воздействия на монголов» [Мартынов, 1978, с. 77]. В 1634 г. некий монах привез в Мукден статую Будды, которую, по преданию, Пагпа-лама подарил монахам храмов в горах Утайшань при Хубилае. Статуя находилась у чахаров, а после их разгрома маньчжурами оказалась в Мукдене. Для нее выстроили специальный храм. В письмах к Цанпа-хану и Гуши-хану, направленных с Илагугсан-хутухтой, Хуантайцзи обнаружил свою осведомленность в тибетских делах. Цанпа-хану он сообщал, что «ойратский бэйлэ Гуши-хан нанес тебе поражение. [Я еще] не разобрался в этом деле». Гуши-хану он писал, что в Тибете были «нарушившие путь-дао и шедшие против учения... и ты их покарал». В то же время цинский император заверял всех буддистов в том, что он готов «оказать почести монахам Тибета... без различия цвета их облачения, будь оно красным или желтым», т.е.

оповещал Тибет о том, что он не принимает сторону ни Цанпа-хана, ни Гуши-хана [там же, с. 85-86]. В 1644 г. Гуши-хан отправляет в Пекин письмо с советом преемнику Абахая Фу-линю (Шунь-чжи) пригласить Далай-ламу V в Пекин. Приглашение было получено в 1648 г. и принято в надежде, что тибетский буддизм приобретет в Китае то же положение, которое он занимал при династии Юань, а школа Гэлугпа займет в Тибете такое же положение, какое в свое время было у школы Сакья. Со своей стороны, цинский двор надеялся с помощью великих лам привести в покорность монголов Халхи.

Посольство Далай-ламы состояло из трех тысяч человек. Далай-лама обратился к цинскому императору с неожиданной просьбой — встретить его за пределами Китайской империи, чем сразу создал затруднения для цинского двора. Ритуал встречи и приема имел решающее значение для определения отношений сторон, {120} именно поэтому из-за него сразу же началась глухая и вежливая борьба. Далай-лама желал «наставлять», тем более что Фу-линю во время визита было 13-14 лет. Фу-линь, точнее его окружение, должен был дать понять Далай-ламе, не причиняя ему большой обиды, что отношений как во времена Юань не будет. Далай-лама обязан был почувствовать свое более низкое положение по сравнению с цинским императором. Не могло быть и речи о том, чтобы последний поехал на границу лично встречать Далай-ламу. Предполагалось прислать для встречи сановника — этого было бы достаточно и для соблюдения правил приличия, и для успокоения монголов. Далай-лама доехал до г. Нинся. Здесь его встретил министр двора. После этой встречи Далай-ламу везли в желтом паланкине. Предполагалось, что император встретит Далай-ламу. Они в г. Хух-Хото или в г. Дайгэ. Однако император уклонился от личной встречи, прислав вместо себя одного из князей императорской фамилии. Где и как император встретил первоиерарха, остается неясным. Это случилось где-то в окрестностях Пекина — император охотился и якобы случайно оказался на пути Далай-ламы. Они обменялись рукопожатиями. Резиденцией Далай-ламы стал храм Хуансы, специально выстроенный к его приезду. Тибетский иерарх первым нанес визит императору. Весной 1652 г. в храме Хуансы он устроил прием по случаю наступления тибетского Нового года. С наступлением лета Далай-лама объявил, что из-за жаркого пекинского климата он хотел бы вернуться обратно. Император сказал, что он тоже первое время страдал от жаркого и влажного пекинского климата, но теперь привык. Маньчжурский двор вынашивал идею созыва съезда монгольских князей с участием Далай-ламы — это в большей мере гарантировало успех съезду, но тот от участия в съезде отказался. Все исследователи сходятся на том, что желание Далай-ламы поскорее возвратиться обратно было связано с его разочарованием итогами визита. Юаньский вариант не повторялся. Цинский двор мягко, но настойчиво старался представить Далай-ламу приехавшим издалека данником.

Весной 1653 г. Далай-лама покинул Пекин. Цинский император пожаловал ему титул «Наиблагой самосуществующий будда Западного края, управляющий делами буддийского учения в Поднебесной, всепроникающий, несущий громовой скипетр, подобный океану лама». В свою очередь, Далай-лама пожаловал маньчжурскому императору титул «Наивысший, великий властитель, владыка Неба, бодхисаттва». Гуши-хану было пожаловано звание «Почтительный в действиях, просвещенный, верный долгу и мудрый {121} Гуши-хан» [там же, с. 116, 123, 126]. И Далай-лама, и Гуши-хан получили писанные золотом дипломы и золотые печати.

Оценки визита Далай-ламы V в Пекин в современной китайской историографии однозначны: Далай-лама получил титул, в котором фраза *лин Тянься шицзя* — «управляющий делами буддийского учения во всей Поднебесной» — это пожалование центрального правительства, которое установило связь с Далай-ламой, связь, которая обозначала, что «цинская династия — это чжу цюанъ — главная власть» [Цзанцзу цзяныпи, 1985, с. 196]. А.С. Мартынов исследовал китайские документы, появившиеся после визита Далай-ламы в Пекин. Его вывод таков: для этих документов характерна полная победа традиционного подхода — после визита и получения титула Далай-лама

«посылал посольства и подносил дань без перерыва» [Мартынов, 1978, с. 135]. Такая оценка китайской стороны, безусловно, не отражала реалии события и была попросту односторонней, в духе «традиционного подхода» — статус целой страны был определен через персональный статус лица, которое в тот момент даже не являлось главой политической власти. С современной точки зрения такая трактовка взаимоотношений кажется довольно странной, но «эта форма статуса Тибета оказалась весьма долговечной» [там же, с. 139].

В 1653 г. на пути из Китая Далай-лама посетил монастыри Амдо. В семи днях пути от Лхасы он был встречен Гуши-ханом и официальными лицами своего правительства. Гуши-хан в последние годы своей жизни зиму проводил в Лхасе, а летом кочевал в долине Дам. Он умер в возрасте 74 лет в 1655 г. (по другим данным, в 1654 г.). Вся полнота власти над Тибетом оказалась в руках Далай-ламы, хотя, по мнению В.Д. Шакабпы, и при жизни Гуши-хан не вмешивался в административные дела и «вся власть без остатка была в руках Далай-ламы V до самой его смерти» [Shakabpa, 1967, p. 124].

Тибет во второй половине XVII в. Правление Далай-ламы V и Сангье Гьяцо

Судьба ойратских правителей Тибета сложилась следующим образом. До 1660 г. сыновья Гуши-хана, Даши-батур и Даян-хан, правили Тибетом совместно. В том году они решили поделить наследие отца. Даян-хан остался в Центральном Тибете, а Даши-батуру достался Кукунор. В 1662 г. в возрасте 92 лет скончался {122} Панчен-лама IV. При нем Ташилунпо стал самым большим монастырем школы Гэлугпа, в нем имелось 3 тыс. разных помещений и проживало 5 тыс. монахов. Кроме этого, при Ташилунпо имелся 51 дочерний монастырь, в которых жили еще 4 тыс. монахов.

Монастыри не только Гэлугпа, но и других школ, кроме Кагьюпа, получали от государства земли — пахотные, усадьбы и пастбища, крепостных крестьян и пастухов и некоторые права самоуправления. Тот же монастырь Ташилунпо имел 16 шика и 10 превосходных пастбищ. Крупными землевладельцами являлись монастыри Дэпун, Ганден и Сэра.

Панчен-лама V Лосан Еше (1663-1737) маленьким мальчиком опознал как свои вещи Панчен-ламы IV и в 1668 г. бьш признан его истинным перерождением, в том же году в возрасте 8 лет он бьш провозглашен Панчен-ламой V. Бьш учеником Далай-ламы V. В том же, 1668 г. скончались *деси* Тринпел Гьяцо и Даян-хан. Новым *деси* стал Лосан Тутоб, а со смертью Даян-хана власть ойратов в Тибете еще более ослабла. Вначале вместо Даян-хана правил его чиновник-зайсан, но тибетцы быстро упрятали его в тюрьму, где он через год скончался. Власть перешла к брату Даян-хана, Кончок Далай-хану. Но тот властью, которую имели Гуши-хан и Даян-хан, не обладал. *Деси* Тутоб правил 6 лет. Он бьш тайно женат на женщине из клана Сакья. Затем они поссорились, и это получило огласку. Далай-лама предложил ему оставить жену. Но Тутоб с женой помирился и предпочел, таким образом, высокой должности семейную жизнь, отставку и ссылку в Донкар.

В 1672 г. Далай-лама ввел табель о рангах, для всех чиновников в зависимости от ранга была введена униформа. В 1679 г. на должность главы правительства был назначен Сангъе Гьяцо. Он родился в 1653 г., происходил из знатного рода. Есть версия, что Сангье Гьяцо бьш сыном Далай-ламы V, хотя документальных свидетельств тому нет. Еще в 1675 г. Далай-лама хотел назначить его главой правительства, но Сангье Гьяцо отказался, сославшись на молодость. Вступив в должность, он расширил полномочия главы правительства. Правители округов — *цзонпёны* стали назначаться из центра, было существенно реформировано право, началась раздача земли с крестьянами с правом последующего превращения пожалованных поместий в наследственные.

Самыми выдающимися памятниками тибетского права считаются «13 законов» и «16 законов», введенные при правлении Далай-ламы V. Оба эти свода законов

основывались на «15 законах» Пагмодупа. Далай-лама поручил Сангье Гьяцо создать новый свод {123} законов, используя прежние, времени правления Пагмодупа и законы времен династии Юань. Итогом работы Сангье Гьяцо и его команды стал свод, названный «13 законов». Все члены тибетского общества были поделены на сословия. Сословия делились на три разряда — высший, средний и низший, каждый из которых, в свою очередь, еще делился на три группы. Принадлежность к тому или иному разряду и группе определяла меру ответственности за совершенное преступление. К высшему разряду была отнесена тибетская знать, лица, происходившие по рождению из аристократических семей, потомки семей, которые в разное время были правителями Тибета, живые будды, чиновники-монахи высокого ранга, светские чиновники, занимающие высокие государственные посты. К среднему разряду были отнесены все низшие должностные лица, монахи и торговцы. В низший разряд были включены крестьяне, пастухи и лица презираемых у тибетцев-буддистов профессий — кузнецы и все мастера, работавшие по металлу, как изготовители орудий убийства, мясники, кожевники и др. Система уголовных наказаний предусматривала отрезание языка, выкалывание глаз, отрубание конечностей, вырезание коленных чашечек на ногах, сбрасывание со скалы, утопление, композиции (выплата компенсаций). Лица, относящиеся к высшему разряду, имели право на откуп от наказания. Мера наказания за одно и то же преступление зависела от социального положения субъекта и объекта преступного деяния. Если простой человек ранил чиновника, виновному отрубали руку или ногу. Если хозяин избивал или ранил слугу, он даже не платил компенсации.

Судебное разбирательство предусматривало ордалии — вытаскивание черного или белого камня из горшка с кипящим маслом или молоком, из горшка с мутной водой. Кто вытаскивал белый камень, признавался невиновным, а кто черный — виновным. Ордалии не применялись к ламам, женщинам, детям, к тем, кто совершил преступление по причине холода и голода. Тибетское право не предусматривало ссылок на прецедент. Суд руководствовался только законом. Смертной казнью карали за убийство отца, матери, буддийского монаха и любого человека, хищение людей, за разрушение монастырских построек, хищение имущества буддийской общины или монаха, хищение имущества с воинских складов, угон лошадей, грабеж. Откуп от наказания выплачивался золотом, деньгами, скотом, зерном, при этом один як приравнивался к одной золотой монете. Законом детально был разработан откуп от наказания за совершение убийства и причинение ранения. Наказания {124} за кражу сопровождались всегда выплатой компенсаций за украденное имущество.

В области гражданского права развод как по инициативе мужа, так и по инициативе жены наказывался выплатой штрафа. Муж был обязан дать разведенной жене одежду и средства на содержание обслуги. Приданое и то, что жена получала во время брака от мужа, оставалось у мужа. При разделе детей мальчики оставались у отца, девочки — у матери. Прелюбодеяние каралось штрафом [Сицзан гудай фадянь сяньбянь, 1994].

Тибетское право вменяло в обязанность должностным лицам служение религии, заботу о восстановлении культовых сооружений, сбор средств на нужды религии. За любые выступления против религии полагались суровые наказания. Специалисты по тибетскому языку и праву признают, что за столетия в тибетском языке была разработана четкая юридическая терминология. Тибетское право абсолютно самостоятельно, и хотя в Тибете в отдельных случаях использовались нормы китайского права династий Юань и Цин и монгольского права, в целом это совершенно независимый раздел центральноазиатского права.

Политика централизации, осуществлявшаяся Далай-ламой V, общее укрепление его власти вызвали восстание в Каме, которое было подавлено тибетскими войсками и войсками ойратов.

И визит Далай-ламы V в Пекин в 1652-1653 гг., и все последующие годы его

правления совпали с подчинением власти династии Цин центральных и южных областей Китая. В 1658 г. цинские войска заняли территорию пров. Гуйчжоу, в 1659 г. — пров. Юньнань. Последний отпрыск минской династии цинъ-ван Гуй бежал в Бирму. Но генерал У Сань-гуй, один из инициаторов приглашения в Китай для подавления народных движений маньчжуров, добился его выдачи, и в 1662 г. Гуй был казнен. Заняв территорию пров. Юньнань, Цины стали соседями Тибета на его юго-восточных границах. Правителем Юньнани и части Гуйчжоу стал У Сань-гуй. Он и два других генерала, правители Южного Китая, проявляли независимость от цинского двора, они располагали большими воинскими соединениями и стали опасны Пекину. В 1673 г. император Шэн-цзу (Кан-си), только что сменивший на престоле умершего Ши-цзу (Шунь-чжи), отдал приказ о роспуске войск трех южных генералов. В ответ на это У Сань-гуй поднял восстание. В 1678 г. в г. Хэн-чжоу он провозгласил себя императором, однако вскоре умер.

Когда У Сань-гуй был правителем Юньнани, он поддерживал контакты с Далай-ламой V, посылал в Лхасу чай, делал пожертвования {125} храмам и просил молиться за него. Цинский двор знал об этих контактах и не одобрял их. Когда У Сань-гуй восстал, Далай-лама V отправил Кан-си письмо, в котором писал: «Я испугался, когда узнал, что У Сань-гуй восстал... Если У Сань-гуй покорится, прошу пощадить его. Если он станет упорствовать в том, что он делает, то было бы желательно уступить ему территорию и заключить с ним мир» [Ya Hanzhang, 1994, p. 163]. Стало ясно, что симпатии Лхасы были на стороне У Сань-гуя. Более того, тибетские войска заняли в Юньнани два небольших города, при этом Далай-лама ссылался на то, что ранее это были тибетские города, которые управлялись людьми Кармапа, и он просто вернул их назад. Цинские власти предложили Лхасе принять участие в подавлении мятежа У Сань-гуя. Тибетцы ответили, что люди у них голодают, лошади отощали и они не могут ввести войска в соседнюю с Тибетом китайскую провинцию. Далай-лама в письме к Кан-си ссылался и на тяжелый климат в Китае: «Всегда существовали отношения религиозного покровительства между маньчжурскими императорами и далай-ламами. Ваш отец, император Шунь-чжи, был особенно добр и милостив ко мне в то время, когда я посетил Китай, и я всегда молюсь за мир и процветание Вашей страны. Однако я думаю, что тибетские солдаты окажутся небоеспособными в Китае, так как они не смогут сражаться в вашем климате. Монголы — хорошие бойцы, но их трудно держать под контролем, и Вы приобретете больше забот, чем пользы. И монголы, и тибетцы непривычны к жаре и легко могут заболеть оспой, которая сейчас распространена в Китае. Поэтому я думаю, что для Вас было бы от них мало помощи, и чувствую, что было бы неразумно посылать их в Китай» [Shakabpa, 1967, p. 120-121]. Это был вежливый отказ. Кан-си мог только просить, но не мог приказать Далай-ламе, независимому правителю самостоятельного государства. Тибет «находился не только за пределами имперского управления, но, пожалуй, даже за пределами маньчжурских интересов» [Мартынов, 1978, с. 155]. Цинский двор и не мог прибегнуть к силе — этому мешали монгольские дела.

Огромный монгольский (монголоязычный) мир раскинулся от Байкала до Кукунора и от границ Западной Маньчжурии до казахских степей. Восточные монголы активно участвовали в создании Маньчжурского государства, а затем государства и династии Цин. Ойраты-хошуты сыграли огромную роль в укреплении власти школы Гэлугпа и далай-ламы. К этому времени монголоязычный мир стал буддийским, восприняв тибетское направление буддизма {126} школы Гэлугпа, и далай-лама, естественно, был его первосвященником.

Цинский двор, хотя и строил свои взаимоотношения с внешним миром, воспринимая тысячелетние традиции китайской монархии, одновременно ощущал себя и наследником династии Юань, предполагая тем самым установление своего контроля над всем мон-голоязычным миром. К середине XVII в. Халха в основном управлялась тремя ханами — Дзасакту, Тушету и Цеценом. Владения Дзасакту-хана были на западе в районе Хангая, Тушету-хана— в Центральной Монголии по берегам р. Тола, Цецен-хана — в

Восточной Монголии по р. Керулен.

Первое военное столкновение Цинов с халха-монголами произошло в 1646 г. Правитель аймака Тингис, ранее покорившийся маньчжурам, бежал к Цецен-хану. Летом того же года манъчжурско-цин-ские войска под командованием Додо вторглись в Халху и нанесли поражение, монголам, которыми правил Тингис, Цецен-хану и Тушету-хану. Несмотря на одержанную победу, цинские войска были ослаблены и в августе вернулись обратно. Цинский двор потребовал выдачи Тингиса. В 1648 г. Тингис сам сдался цинским властям, а Цецен-хан и Тушету-хан прислали посольства для переговоров о мире. Ко двору Цин прибыли посольства от Дзасакту-хана и правителя Сайн-нойонского аймака Дандзин-ламы (Номун-хана). В посланиях от 1650-1651 гг. цинский двор потребовал от правителей Халхи заключить с ним клятвенный союз, «принести клятву перед Небом и Землей». В 1670 г. Кан-си удалось посадить на трон Дзасакту-хана своего человека.

На крайнем западе монголоязычного мира в первой трети XVII в. возникло ойратское Джунгарское ханство (1635-1758). В 1640 г. ханы ойратов и халха-монголов провели общий съезд. Съезд совершил важный акт — утвердил монголо-ойратские законы, но, к сожалению, единства монголоязычному миру не принес. Ойратский просветитель Зая-пандита, получивший образование и воспитание в Тибете, в 1648 г. приспособил монгольское письмо к ойрат-скому языку, создав так называемое «ясное письмо» (*тодо бичиг*).

Галдан, шестой сын основателя Джунгарского ханства Батура-хунтайджи, как было принято, мальчиком был отправлен в Лхасу в январе 1651 г. Ойратский караван привез 110 тыс. лянов серебра на строительство дворца Потала. Сын хана Джунгарии оказался способным учеником и пользовался личным расположением Далай-ламы. Борьба за власть в Джунгарии после смерти Батура-хунтайджи побудила Галдана вернуться на родину. Этому не препятствовал {127} и Далай-лама, который понимал, что после смерти Зая-пандиты (1662) ему во владениях ойратов был нужен свой человек. Вначале Галдан был хутухтой при своем брате, хане Сэнгэ. Но вскоре Сэнгэ был убит. В 1672 г. Галдан разгромил одного из убийц своего брата, Цецен-тайджи, и сам стал ханом Джунгарии.

В это время Дзасакту-хан Ценгун и Тушету-хан Чихундорджи поссорились из-за людей, бежавших от Дзасакту-хана к Тушету-хану. Ценгун пожаловался на Чихундорджи цинскому императору Кан-си и Далай-ламе V. Далай-лама прислал своего представителя Джарбуная, чтобы примирить враждующие стороны. Джарбунай пытался созвать съезд монгольских ханов, но Тушету-хан не захотел встречаться с Дзасакту-ханом. И Джарбунаю примирить враждующих ханов не удалось.

В 1673 г. посол Галдана прибыл в Пекин и установил отношения с цинским двором. В 1677 г. он разгромил ойратского Очирту-хана, правителя Алашани. Часть трофеев он послал в Пекин, но Кан-си даров не принял под предлогом, что они были добыты неправедным путем. В этом же году Галдан поменял свой титул хунтайджи на ханский. Часть ойратов Очирту-хана ушла на Кукунор, где приняла цинское подданство. Это затрагивало интересы Тибета. На Кукунор были виды и у Галдана. Дочь одного из сыновей Гуши-хана была женой Галдана, а дочь Галдана была замужем за внуком Гуши-хана. Поэтому Галдан известил цинский двор о своих правах на кукунорские земли.

Далай-лама не желал обострять отношения вокруг Кукунора. В 1667г. он уговорил часть ойратов оставить кочевья в районе Хуанчэнэр и Дацаотань, которые пинские власти считали своими и опасались вторжений через этот район на территорию пров. Гань-су. Галдан собирался в поход на Кукунор, даже выступил со своими войсками, но возвратился обратно. Основным аргументом в пользу возвращения стало то, что Галдан понял, что кукунорские ойраты не желают объединения с ним [Ханэда Акира, 1962, с. 223]. Стало очевидным, что его поход на алашаньского Очирту-хана был одобрен не всеми ойратами. Ойратский и халха-монгольский мир не был един и между собой, и каждый внутри своих пределов. И с этим приходилось считаться и Тибету, и цинскому двору. И у каждого были тоже свои интересы.

В 1680 г. сразу после прихода к руководству правительством Тибета Сангъе Гьяцо возник конфликт с Ладаком. Правитель Бутана, которому угрожал Тибет, обратился за помощью к Ладаку. Ладак откликнулся на этот призыв. В итоге в 1681 г. тибето-монгольские {128} отряды вступили в Ладак и заняли г. Лех. Заодно были оккупированы Гугэ, Пуран и Рутог. Эти территории отошли к Тибету и были признаны за ним по договору от 1684г. между Тибетом и Ладаком.

В 1682 г. в возрасте 68 лет скончался Далай-лама V. Глава правительства Тибета, *деси* Сангье Гьяцо, которому в тот момент было около 30 лет, скрывает смерть Далай-ламы и объявляет, что тот удалился от мирской жизни для глубокого созерцания на неопределенный срок. О смерти Далай-ламы знало только самое близкое окружение Сангъе Гьяцо. Даже Панчен-лама узнал правду только через 15 лет, как и многие другие, что, впрочем, понятно, потому что в то время Панчен-лама был еще мальчиком, только в следующем, 1683 г. он был рукоположен в монахи.

Трудно достоверно определить, почему Сангье Гьяцо решил скрыть смерть Далай-ламы V. По одной из версий, он сделал это по предварительному распоряжению самого Далай-ламы. В письме Панчен-ламе он позже писал, что поступил так по приказу Далай-ламы. Эта версия заслуживает внимания. Далай-лама, предчувствуя свою кончину, опасался, что дело, которому он отдавал всю свою жизнь, может оказаться под угрозой по многим причинам — из-за относительной молодости Сангье Гьяцо, разногласий в поисках нового перерожденца, из-за тех людей, в руки которых этот перерожденец попадет, малолетства Панчен-ламы, сложной обстановки в монголоязычном мире и, наконец, из-за очевидного неудовольствия Кан-си, вызванного отказом помочь Китаю в подавлении мятежа У Сань-гуя.

По другой версии, Сангье Гьяцо просто хотел сохранить за собой власть. Для этого могли быть и чисто личные мотивы, и государственные соображения. За короткий срок на посту *деси*, всего за три года, Сангье Гьяцо стал сподвижником и единомышленником Далай-ламы V. Он стремился продолжить его дело. И действуя то ли по предсмертной воле Далай-ламы, то ли по своему личному решению, то ли даже, возможно, по чьему-то совету, он решился на такой ответственный шаг. Для своих, тибетцев, если таковые были уж очень настойчивы и хотели личной беседы с Далай-ламой, был найден двойник, человек, похожий на покойного Далай-ламу. Из предосторожности во время аудиенций он появлялся в шапке, которая закрывала бóльшую часть его лица. Людям же, прибывшим из-за пределов Тибета, просто объяснялось, что Далай-лама V пребывает в глубокой медитации, а свое дело они могут решать с *деси* и его чиновниками. {129}

Секретные службы имелись и в то не столь уж отдаленное время. Когда Сангье Гьяцо в 1697 г. сообщил Кан-си о смерти Далай-ламы, император сказал, что узнал об этом несколько лет назад. Сколько это — несколько лет? Два-три года? Десять лет? Кан-си знал и тоже молчал. Он отправлял послания Далай-ламе (например, в 1684 г.). Сокрытие этой смерти было выгодно и китайскому императору. Как и Сангье Гьяцо, Кан-си, при случае, в делах с монголами мог сослаться на Далай-ламу V и его авторитет. Это был политический акт, который устраивал и правительство Тибета, и цинский двор, сохранялась видимость личных отношений императора Китая и Далай-ламы.

Смуты в Халхе начались из-за конфликта между Дзасакту-ханом и Тушету-ханом по поводу перебежчиков. В 1684 г. Кан-си пишет письмо на имя Далай-ламы V с предложением, чтобы цинский двор и Тибет послали своих людей для примирения враждующих. В ответном письме Далай-лама (т.е. Сангье Гьяцо от имени покойного) извещал цинский двор, что уже выслал к монголам своего представителя Джарбуная. Но тот успеха не добился, враждующие стороны не идут на примирение, и теперь он посылает Шамба Цему-хутухту, который продолжит попытки примирить ханов. Однако случилось так, что хутухта до Халхи не доехал, он скончался по дороге в г. Хух-Хото.

Третьим посланцем Лхасы стал Галдан-ширету. В свою очередь, Кан-си выслал Арни, высокопоставленного чиновника своего двора, главу Императорского секретариата.

Предполагалось провести съезд монгольских князей, на который Кан-си настоятельно просил прибыть и главу буддистов Халхи Джебдзун Дамба-хутухту. Съезд собрался осенью 1686 г. Спор на нем начался с того, как должны сидеть относительно друг друга посланец Далай-ламы и глава буддистов Халхи. Кто выше? Кто ниже? Лам посадили рядом, на одном уровне. После молебствий, которые совершили оба ламы, Дзасакту-хана и Тушету-хана заставили дать клятву, что они возвращают захваченных ранее людей и обещают жить в мире.

Однако мир так и не наступил. Войну начали Тушету-хан Чихундорджи и Джебдзун Дамба-хутухта. Дзасакту-хан был убит. В бою погиб и брат ойратского Галдан-хана Дорджеджаб. Галдан начал войну с Тушету-ханом. Вину Тушету-хана за начало войны признавал и Кан-си. Галдан, со своей стороны объясняя причины войны с Тушету-ханом и Джебдзун Дамба-хутухтой, обвинил их в неуважении к Далай-ламе, проявленное на съезде монгольских князей, к посланцу Далай-ламы Галдан-ширету. Поскольку Галдан {130} явно одерживал верх над Тушету-ханом, в 1687г. Тушету-хан и хутухта обратились за помощью к цинскому двору. Кан-си получил долгожданный повод разобраться с монголами. Государственный совет при китайском императоре решил, что вначале надо вынудить Тушету-хана подчиниться Китаю, а уже потом выслать ему на помощь цинские войска.

Сангье Гьяцо оказался в затруднительном положении. Тибетцы в конфликте Галдана и Тушету-хана не желали открыто принимать чью-либо сторону и, естественно, не хотели подчинения Халхи Китаю.

1 октября 1688 г. Тушету-хан и хутухта официально обратились к цинским властям с просьбой принять их в китайское подданство.

Сангье Гьяцо отправил в Пекин своего посланца и просил Кан-си для прекращения конфликта выдать Галдану Тушету-хана и хутухту. Это был, вероятно, недостаточно продуманный шаг. Кан-си ответил, что его долг оберегать отныне Тушету-хана и хутухту, и со своей стороны просил Сангье Гьяцо повлиять на Галдана и уговорить его тоже принять цинское подданство. В январе 1690 г. тибетский посланец Джирун-хутухта имел встречу с Гал-даном. Тибетцы знали, что положение Галдана резко осложнилось из-за того, что его племянник Цэван Рабдан захватил Джунгарию и Галдан лишился тыла. Сангье Гьяцо пытался спасти Галдана. Тибетские посланцы делали все возможное, чтобы примирить Галдана с халхасцами. Но Кан-си, получив Халху из рук Тушету-хана, хотя и частично занятую войсками Галдана, и зная, что Галдан потерял Джунгарию, хотел отныне только его гибели. И поэтому он открыто обвинил Тибет в сговоре с Галданом. Цэван Рабдан отправил послов в Тибет и уведомил Далай-ламу, что поднял войска для того, чтобы покарать Галдана. В своих письмах Кан-си Цэван Рабдан и его жена стали утверждать, что отвернулись от Галдана по указанию Далай-ламы. Вряд ли Сангье Гьяцо от имени покойного Далай-ламы как-либо осуждал Галдана, ведь в ставке того находился тибетский представитель Илагугсан-хутухта.

В мае 1691 г. в Долонноре собрался съезд халхаских ханов, который должен был одобрить включение Халхи в состав империи Цин. Халха была административно включена в Цинскую империю на тех же условиях, что и чахары, ранее покоренные Абахаем. Джебдзун Дамба-хутухта получил титул Великого ламы и был официально признан главой буддистов Монголии. Кан-си известил Далай-ламу (т.е. Сангье Гьяцо) о долоннорском съезде большим письмом, {131} в котором высказывал предположение, что Галдан может уйти в Тибет, и предлагал Далай-ламе решить вопрос о его обустройство там. Это письмо было намеком тибетскому правительству принять к себе Галдана, освободив тем самым Халху от его присутствия. Расчет был прост и верен — если бы Галдан сумел со своими войсками пройти в Тибет, Халха полностью оказалась бы в составе Цин, а если бы его по дороге перехватили цинские войска и пленили, а то и убили (на что расчет тоже имелся), то это было бы еще лучше. Кан-си не доверял тибетским лидерам и в переписке с Гал-даном просил последнего информировать его о том, что ему

писали из Тибета.

В то же время он уверял Галдана, что, по оценке Далай-ламы, действия Цинов в Халхе равнозначны милосердию и состраданию Будды, с Галдана же Кан-си должен потребовать ответа за то, что он совершил в Халхе, и казнить его. Весной 1695 г. Сангье Гьяцо в своем письме Кан-си просит цинского императора не лишать Галдана ханского титула и одновременно требует отвести китайские войска от границы Тибета с Кукунором. В ответ Кан-си, признавшийся уже в том, что он знает о смерти Далай-ламы V, объявляет, что Сангье Гьяцо — вассал Китая и не может просить об отводе с границы войск Цинов. Одновременно Кан-си направляет в Тибет депутацию с письмами Далай-ламе, Панчен-ламе, Сангье Гьяцо. В письме Панчен-ламе он прямо обвинил Сангье Гьяцо в том, что тот помогает Галдану [Ya Hanzhang, 1994, p. 73], а также в том, что тот отговорил Панчен-ламу посетить Пекин по его приглашению.

В середине июня 1696 г. Галдан был разгромлен цинскими войсками в районе Торэдджи. Кукунорские монголы получили из Пекина приказ поймать Галдана, если тот попытается уйти через Кукунор в Тибет. Публичной огласке был предан факт смерти Далай-ламы V. Кан-си потребовал сообщить ему обстоятельства смерти и допустить к управлению Тибетом Панчен-ламу.

Сангье Гьяцо оказался в сложном положении. Обнаружение давней смерти Далай-ламы V вызвало неоднозначную реакцию в правящих кругах Тибета. Сангье Гьяцо сожалел о поражении Галдана, его судьбе. Сангье и Галдан были знакомы лично, в ранней молодости вместе учились, угрозы Кан-си разобраться с ним не могли восприниматься как пустые слова, это доказывали события в Халхе. Как крупный государственный деятель — а Сангье Гьяцо безусловно являлся таковым, — он не мог не думать о судьбе школы Гэлугпа и о судьбе Тибета. Страна и ее правитель не могли выступить ни против Халхи, ни против Цэван Рабдана и Джунгарии: {132} ведь это был основной источник пожертвований извне. Сангье Гьяцо посылает в Пекин хутухту с извещением, что Далай-лама V умер 16 лет тому назад, а его перерожденцу уже 15 лет. По некоторым данным, Сангье Гьяцо думал созвать в конце апреля 1697 г. съезд правителей Кукунора, хотя это, возможно, было не так, — в той ситуации он не мог столь откровенно выступать против Кан-си.

В начале мая 1697 г. ушел из жизни Галдан (по разным сведениям, он то ли умер от болезни, то ли покончил с собой, приняв яд). Халха стала территорией Цинской империи. Очередь была за Джунгарией и Тибетом.

Далай-лама VI

Будущий Далай-лама VI родился 23 марта 1683 г. в Монъюл. Его родители были приверженцами школы Кармапа. Он был признан перерожденцем Далай-ламы V в 1685 г. Мы уже ранее упоминали, что ходили слухи о том, что Сангье Гьяцо был сыном Далай-ламы V. Точно так же о Далай-ламе VI поговаривали, что он сын Сангье Гьяцо. Мальчик жил в Намкарце, где к нему был приставлен специальный наставник, подобранный для него Сангье Гьяцо. Когда мальчик подрос, в Намкарце был приглашен Панчен-лама для посвящения его в монашество. Панчен-лама дал ему имя Лосан Ринчен Цаньян Гьяцо. В 1696 г. в Лхасу прибыла миссия из Пекина. Посланцы Пекина не могли, что естественно, встретиться с Далай-ламой V, но им не показали и Далай-ламу VI. О Далай-ламе VI было объявлено в декабре 1697 г. В Пекин послано письмо, в котором предлагали прислать в Лхасу какого-нибудь ламу, который знал Далай-ламу V, и просить его лично убедиться в сходстве между пятым и шестым Далай-ламами [Ahmad, 1970, p. 319]. Новый Далай-лама прослушал курс наук у Панчен-ламы V, после чего стал его учеником. Во время посвящения в монахи имел место такой эпизод — светские чиновники и чиновники-монахи хотели, чтобы Панчен-лама сел на более возвышенное место, чем то, на котором сидел Далай-лама, а Далай-лама в знак благодарности за учение поклонился Панчен-ламе.

Панчен-лама не согласился на это, он сам сошел со своего более почетного места и усадил на него Далай-ламу, после чего поклонился ему. В том же, 1697 г. Далай-лама VI был поселен во дворце Потала.

Сангье Гьяцо много внимания уделял образованию нового Далай-ламы. Он хотел сделать из него будущего образованного, {133} умного и сильного правителя независимого Тибета. Далай-ламу VI помимо религиозных дисциплин учили основам управления государством, верховой езде, умению стрелять из лука и владеть оружием, светской литературе. Плоды такого образования не замедлили сказаться. В 1698 г. Панчен-лама просил Далай-ламу участвовать в религиозном диспуте. Диспут являлся своеобразной и действенной формой религиозного образования. В ответ на приглашение пришло письмо от Сангье Гьяцо. Тот обескураженно сообщал Панчен-ламе, что Далай-лама участвовать в диспуте отказывается. Панчен-лама пишет Далай-ламе лично. Ответ был шокирующим. Молодой человек писал Панчену, что он участвовать в диспуте не желает, не желает он и быть монахом и поэтому возражает против посвящения его в *гелоны* (полное монашество).

Кан-си в пику Сангье Гьяцо и Далай-ламе VI упорно приглашает Панчен-ламу V в Пекин. Приглашения были посланы в 1697 и 1698 гг. В них указывалось, что Панчен-лама играет выдающуюся роль в укреплении дружбы между китайцами и тибетцами и в развитии буддизма. Власти Тибета предупреждались о том, что они могут быть наказаны цинским двором, и Сангъе Гьяцо предлагалось подумать об этом [Ya Hanzhang, 1994, p. 75]. Угроза подействовала. Панчен-лама согласился посетить Китай, но предлагал встретиться не в Пекине, а в монастыре Кумбум, на северо-восточной окраине Тибета. Китайцев это не устраивало, и переговоры были прекращены, визит был отложен из-за эпидемии оспы.

В 1702 г. Панчен-лама V выехал в Лхасу, а Далай-лама VI — в Ташилунпо. Целью поездок являлось принятие Далай-ламой обета *гелона*. Они встретились в Таглуне и оттуда вместе поехали в Ташилунпо. Здесь, в резиденции Панчен-ламы Далай-лама VI снова отказался принять обет *гелона*. Через Шигацэ он возвратился в Лхасу.

Начались осложнения с теми монголами-хошутами, которые жили в Лхасе. В 1701-1703 гг. главой хошутов в Тибете был Тэндзин Вангьял, внук Гуши-хана и старший брат Лхавсан-хана. Лхавсан-хан отравил своего старшего брата [Цаньян Гьяцо, 1983, с. 12]. Власть над хошутами перешла к Лхавсан-хану, который не признавал Цаньян Гьяцо перерожденцем Далай-ламы V. Об этом еще в 1701 г. он, Цэван Рабдан и Кан-си уведомили Далай-ламу VI [там же, с. 18-19].

После того как Лхавсан-хан стал главой хошутов, его отношения с Сангье Гьяцо стали откровенно враждебными. Чтобы снять напряжение, Сангье Гьяцо решил, хотя бы для виду, отойти от власти {134} и передал пост *деси* своему сыну Нгаван Ринчену, но реальный контроль за деятельностью правительства остался в его руках.

Сам Далай-лама VI как будто жил вне этих событий. Он упражнялся в стрельбе из лука, ночами посещал злачные места Лхасы и ее пригородов и сочинял песни. В его летней резиденции, в богатом шатре, часто видели приглашенных туда девушек. Само по себе это не было столь уж предосудительно — многие монахи были или тайно женаты, или имели любовниц. Не безгрешен был и Сангье Гьяцо, который любил и женщин, и вино. Но делал это втайне, а не принародно. Вызывающее же поведение Далай-ламы наносило прямой вред властям. Было организовано покушение на приятеля и участника светской жизни Далай-ламы, Таргьянэ. Только случай — он до нападения поменялся одеждой со своим слугой — спас его от смерти. Но Цаньян Гьяцо не менял своего образа жизни, не занимался делами государства. Один из лам, добившийся в те дни аудиенции у Далай-ламы, оставил в своем дневнике описание визита. Он долго ждал. Наконец вышел Далай-лама. Он был в светском платье из голубого шелка, у него не было монашеской прически, ее заменяли длинные распущенные волосы. Пальцы его рук были унизаны кольцами, в руках, даже давая аудиенцию, он держал лук, орудие убийства, противное

натуре истинного последователя буддизма. Цаньян Гьяцо явно был недоволен, что его оторвали от занятий — он упражнялся в стрельбе из лука. Поэтому он рассеянно выслушал просителя, быстро перепоручил его дело другому и сам чуть не бегом удалился.

Обычно дома в Лхасе белили известкой, теперь некоторые из них оказались выкрашенными в желтый цвет. Народная молва считала, что это как раз были те дома, в которых жили возлюбленные Далай-ламы VI. Одно из дел, которые нравились Далай-ламе, была забота об украшении дворца Потала. Светский образ жизни Цаньян Гьяцо не опровергают и современные тибетские авторы, хотя делают оговорку, что такой стиль мог быть правомерным, поскольку Цаньян Гьяцо не стал еще полным монахом [Norbu, Turnbule, 1969, p. 284]. По некоторым данным, в 1702 г. Цаньян Гьяцо даже объявил об отречении от сана [Petech, 1966, p. 268].

Лхавсан-хан вел себя все более вызывающе. Сангье Гьяцо, не имея возможности совладать с ним силой, по некоторым данным, пытался отравить его, но безуспешно. Он послал гонцов в Джунгарию и на Кукунор с просьбой выслать войска и изгнать Лхавсан-хана из Тибета. Одновременно Сангье Гьяцо сумел посадить Лхавсан-хана под арест [Сицзан цзяныпи, 1993, с. 202]. Но тут посредником {135} выступил Панчен-лама и потребовал организовать переговоры. Помимо Сангье Гьяцо и Лхавсан-хана в переговорах участвовали Далай-лама VI, лама-оракул (*чойджун*), *деси*, представители Панчен-ламы и трех главных монастырей — Дэпуна, Сэра и Гандена. Прижатый тибетцами, Лхавсан-хан пообещал оставить Тибет и уйти на Кукунор. Он действительно с частью ойратского войска покинул Лхасу, но дошел только до Нагчука. Здесь он собрал все монгольские отряды, находившиеся в Тибете, и повернул обратно. Тибетские войска под командованием Сангье Гьяцо преградили ему путь. Летом 1705 г. тибетцы были разбиты объединенными силами Лхавсан-хана. Сангье Гьяцо попал в плен и погиб в сентябре 1706 г. По одной версии, он был казнен, по другой — сражен убийцей, подосланным женой Лхавсан-хана [там же]. Сын Сангье Гьяцо, *деси* Нгаван Ринчен, бежал. Монголы оккупировали Лхасу и объявили об упразднении поста *деси*.

Действия монголов оказались успешными еще и потому, что часть тибетской духовной и светской знати и чиновников поддержали Лхавсан-хана. Во главе этой группировки стоял молодой способный светский чиновник Полханэ. Далай-ламе VI не оставалось ничего другого, как признать власть Лхавсан-хана. Из Лхасы в Пекин поскакал гонец с известием о случившемся и предложением низложить Далай-ламу VI, ссылаясь на то, что он не истинный перерожденец, и искать новое перерождение Далай-ламы V. Из Пекина поступило указание: «Схватить фальшивого Далай-ламу и отправить его в Пекин» [Ahmad, 1970, p. 332].

Католические миссионеры, которые посетили Тибет несколько позже этих событий, в своих сообщениях писали, что высшие религиозные авторитеты Тибета не считали Далай-ламу VI «фальшивым», они признавали его подлинным перерожденцем Далай-ламы V, но подтверждали уменьшение в нем степени «духовного просветления» (бодхи) и поэтому в принципе не препятствовали его отправке в Пекин. К лету 1706 г. Лхавсан-хан потребовал от ламы-оракула дать ответ — является ли все-таки Далай-лама VI истинным перерожденцем или он таковым не является. Неизвестно, что ответил оракул, но Лхавсан-хан истолковал его ответ в свою пользу и заключил, что Далай-лама VI истинным перерожденцем не является [Petech, 1966, p. 265-266]. 11 июня 1706 г. Лхавсан-хан в своей ставке публично обвинил Цаньян Гьяцо в том, что тот не подлинный Далай-лама VI. 27 июня Далай-лама VI Цаньян Гьяцо был низложен. Но Лхавсан-хан недооценил антиойратские настроения тибетцев. Низложение Далай-ламы вызвало народные волнения. {136} Монахи монастыря Дэпун напали на хошутов, освободили Далай-ламу и увезли в свой монастырь. Конфликт разгорался. На помощь снова были призваны высшие силы в лице ламы-оракула. На этот раз на вопрос, является ли Далай-лама VI истинным перерожденцем, оракул ответил утвердительно, но добавил, что Далай-лама «попал в сети злых сил» [Petech, 1950, p. 11-12]. Разъяренные хошуты подступили к

монастырю с пушками и угрожали разрушить монастырь до основания. Через три дня осады Цаньян Гьяцо, не желая кровопролития и разрушения святой обители, добровольно сдался хошутам. Это не помешало Лхавсан-хану взять монастырь штурмом и причинить ему серьезные разрушения.

Далай-ламу VI повезли в ссылку, конечным пунктом которой, возможно, мог быть Пекин. Однако 14 ноября 1706 г. Цаньян Гьяцо скончался на берегу небольшого оз. Кунганор в Цайдаме, неподалеку от оз. Кукунор. Католические миссионеры чуть позже отмечали, что он умер не своей смертью [ibid, p. 13]. Китайские источники утверждают, что он умер от болезни [Ahmad, 1970, p. 34]. Цаньян Гьяцо ушел из жизни в возрасте 24 лет.

Обстановка в Центральной Азии круто менялась, и в смерти Далай-ламы VI ощутимо чувствовалась рука Пекина. Когда Кан-си повелел доставить «фальшивого» Далай-ламу в Пекин, его сыновья выразили сомнение в необходимости этого шага. «Что мы с ним будем делать?» — спрашивали они отца. Кан-си объяснил, что тибетский Далай-лама, даже фальшивый, пользуется почетом у ойратов и монголов, которые могут сплотиться, и тогда маньчжурам не удастся их покорить. Кан-си приказал лишить Цаньян Гьяцо достойных похорон. Был послан лама, чтобы «выбросить его тело» [Ya Hanzhang, 1994, p. 80].

Отсутствие достоверных сведений о погребении Далай-ламы VI с соблюдением положенных по этому случаю церемоний породило слухи о его чудесном спасении. По передаваемым из уст в уста рассказам, избежав смерти, он вел жизнь монаха-скитальца, был в Монголии, Тибете, Непале и Индии. Умер он в 1746 г. и был погребен в монастыре Барунхай в горах Хэланыпань [Цаньян Гьяцо, 1983, с. 29-32].

Вместе с Цаньян Гьяцо в Китай увезли жену и детей Сангье Гьяцо. Они были отправлены в ссылку в Чахар [Petech, 1966, p. 275]. Некоторые специалисты по истории Тибета полагают, что спасение Далай-ламы VI действительно было реальным [Klafkowski, 1979]. {137}

Правление Лхавсан-хана

Отправив Далай-ламу VI в Пекин, Лхавсан-хан поехал в Ташилунпо, чтобы урегулировать отношения с Панчен-ламой. Панчен-ламе были подарены обширные пастбища и пахотные земли. Лхавсан-хан доложил ему, что найдено новое перерождение Далай-ламы V, и пригласил его в Лхасу для посвящения в сан нового перерожденца. Панчен-лама приехал в Лхасу, ему была организована торжественная встреча, церемониал которой возглавляли Лхавсан-хан и *деси* Нгаван Ринчен. В храме Джокан новый перерожденец Далай-ламы V был посвящен в *гецулы*, получил от Панчен-ламы имя Еше Гьяцо Пэлдэн и был объявлен новым Далай-ламой VI, истинным перерожденцем в отличие от Цаньян Гьяцо. Еше Гьяцо не получил поддержки ни от тибетцев, ни от монголов и ойратов. Несмотря на все высказывавшиеся сомнения, Лхавсан-хан отвечал, что подлинность Еше Гьяцо признана самим Панчен-ламой. В Пекине же новый Далай-лама VI был признан истинным перерожденцем. Но одновременно цинский двор решил, что Лхавсан-хан не должен один управлять Тибетом и в Лхасу следует послать чиновников, которые будут помогать ему в делах управления [Ya Hanzhang, 1994, p. 82].

В 1710 г. цинский «управляющий делами Тибета» Хэ Шоу прибыл в Лхасу, но долго там не удержался и на следующий год покинул Тибет [Petech, 1950, p. 15]. В 1713 г. Панчен-лама V получил от цинского двора титул *панчен-эрдени* вместе с золотой печатью и свидетельством на титул, писанным золотом на трех языках — маньчжурском, китайском и тибетском. Стремление Пекина, опираясь на Лхавсан-хана и Панчен-ламу, утвердиться в Лхасе вызвало сопротивление в стране. Оппозиционно настроенное монашество нашло в Литане новое перерождение Далай-ламы VI, мальчика 1708 года рождения. Семью нового перерожденца вначале тайно перевезли в Деро, а затем на

Кукунор под защиту монголов. Новый Далай-лама VII был назван Кэлсан Гьяцо. Панчен-лама объявил нового Далай-ламу «поддельным». Однако Кэлсан Гьяцо в качестве Далай-ламы VII в 1715 г. бьш признан маньчжурами — Пекин не полагался на Лхавсан-хана, который в 1714 г. начал войну с Бутаном и проиграл ее. В 1716 г. Кэлсана Гьяцо поселили в монастыре Кумбум.

Итак, был Лхавсан-хан, который реально управлял Тибетом, хотя его власть не имела всеобщей поддержки. Имелся Далай-лама VI Еше Гьяцо, ставленник Лхавсан-хана, бьш Панчен-лама V (панчен-{138} эрдени), который поощрялся цинским двором и признавал нового Далай-ламу VI Еше Гьяцо, заклеймив как «поддельного» Далай-ламу VII Кэлсана Гьяцо. За Кэлсаном Гьяцо с 1715 г. стояла поддерживаемая цинским двором тибето-монгольская оппозиция Лхавсан-хану.

Лхавсан-хан, чувствуя двуличие цинского двора, стал искать помощи у своих ойратов. Еще в 1714 г. сын Лхавсан-хана — Гадэн Тензин вступил в брак с дочерью джунгарского Цэван Рабдана. Возможно, брак был заключен даже раньше, или Гадэн Тензин по древнему монгольскому обычаю жил у Цэван Рабдана в зятьях — к 1717 г. у него от дочери Цэван Рабдана было уже трое детей. Оппозиция тоже обратилась за помощью к джунгарам. В итоге под предлогом сопровождения в Тибет семьи Гадэн Тензина туда направился шести-семитысячный джунгарский корпус под командованием брата Цэван Рабдана, Церин Дондуба. Он имел тайный приказ лишить Лхавсан-хана власти, Цэван Рабдан полагал, что Лхавсан-хан бьш и оставался ставленником Пекина. Двигаясь в Тибет с северо-запада, ойраты вступили в Нгари, а затем беспрепятственно достигли Намцо неподалеку от Лхасы. Враждебность их к Лхавсан-хану, очевидно, была явной, поскольку Панчен-лама предложил свое посредничество в примирении родственников. Его усилия оказались напрасными. Джунгары объявили, что они прибыли от имени Далай-лам V и VI, чтобы отомстить за смерть Сангье Гьяцо, вернуть власть в стране тибетцам и изгнать ложного Далай-ламу VI.

Началась война. Церин Дондуб разгромил войска Лхавсан-хана, а сам бежал в Лхасу. Здесь вместе с Панчен-ламой, Далай-ламой VI Еше Гьяцо он принял меры к обороне столицы. Однако вскоре джунгары взяли Лхасу, и в этом им помогли местные тибетские правители, один из которых открыл джунгарам северные ворота дворца Потала. Панчен-лама просил сохранить жизнь Лхавсан-хану, хотя тот еще не бьш пленен и скрывался в городе. Церин Дондуб обещал сделать это, если Лхавсан-хан добровольно сдастся. Но тот сдаваться не хотел. По одним сведениям, 3 декабря он предпринял вылазку из дворца Потала, где укрывался, и пал в бою. По другим — он пытался бежать, но бьш схвачен и убит. Панчен-ламу джунгары выслали в Ташилунпо.

Так в 1717 г. завершился продолжительный период истории Тибета, время Далай-ламы V и Гуши-хана, установления в Тибете религиозной и политической власти далай-лам, время Сангье Гьяцо, который пытался сделать Тибет полностью тибетским, пойдя ради {139} этого на беспрецедентный шаг сокрытия смерти Далай-ламы V. В это время Лхаса вновь стала столицей Тибета, здесь был возведен дворец Потала — шедевр тибетской архитектуры. Но социально-экономическая структура Тибета, состояние тибетского буддизма, связь религиозных и политических властей и их авторитета с жизнью тибетских крестьян-земледельцев, скотоводов, ремесленников, монахов разных школ, особенности природы страны таили в себе некий вирус центробежности, который тибетцы самостоятельно преодолеть не могли. Для сохранения ориентировавшейся на единство страны школе Гэлугпа требовалась помощь ойратов. И эта помощь, оказавшаяся на первых порах плодотворной, постепенно стала оборачиваться новой бедой.

Распространение буддизма школы Гэлугпа среди монголов и ойратов укрепило экономическое положение монастырей как хозяйственных точек опоры страны, центров культуры, в конечном счете укрепило экономическое положение Тибета. Но и в данном случае к выгодам присоединились неурядицы, они были связаны прежде всего с тем, что соседний Китай управлялся некитайской маньчжурской династией, которая к молодости и

силе маньчжурской государственности получила дополнительный жизненный стимул: опираясь на мощь китайской экономики, культуры и политической доктрины, она сделала новый рывок, расширив контролируемые ею территории. Маньчжурия уже стала естественной частью империи (хотя пока и не для китайцев), а взоры династии, которая начинала с того, что языком ее делопроизводства был монгольский и которая широко пользовалась услугами монголов, были обращены на монголоязычный мир. Тибет же отныне оказался неразрывно связан с этим миром и стал рассматриваться цинской династией как возможное эффективное орудие воздействия на монголов. Личностный статус далай-лам, которые могли считать цинских императоров покровителями веры, не мешал последним стремиться установить жесткий контроль над теми, кому они оказывали свое покровительство.

Амбани в Лхасе

Тибетцы вскоре поняли, что свойственники Лхавсан-хана отнюдь не лучше его самого. Церин Дондуб сменил правительство и назначил *деси* своего ставленника Лхагьял Рабтэна. Второй Далай-лама VI Еше Гьяцо был низложен и посажен под арест. Какое-то время его содержали в медицинском дацане Чагпори, {140} построенном Сангье Гьяцо, затем, кажется, увезли в Китай, где он и умер в 1725 г. Полханэ, который поддерживал Лхавсан-хана, пытали, но не казнили, поскольку он был личным другом нового *деси*. В плену у джунгаров находился один из сыновей Лхавсан-хана — Сунца. Жена Сунца бежала на Кукунор. Отсюда она направила Кан-си просьбу освободить Тибет от джунгаров. Кажется, что Кан-си только и ожидал такой просьбы. В 1718 г. в Тибет двинулась армия под командованием генерал-губернатора г. Сиань Эрентая и генерала Селена. Миновав Цайдам, цинская армия вступила в Тибет и дошла до Нагчука. Но здесь ее поджидали джунгарские и тибетские войска. Армия Цинов была разгромлена, оба генерала убиты.

Однако положение джунгаров тоже было непрочным. Они казнили нескольких известных лам школы Ньингмапа и стали разорять монастыри этой школы. Это вызвало недовольство тибетского населения. Джунгары контролировали Центральный Тибет, Уй, но Цзан и Нгари не были под их властью. Далай-лама VII Кэлсан Гьяцо находился в монастыре Кумбум под покровительством маньчжуров. От джунгаров отмежевался Панчен-лама, и им не удалось закрепиться в Шигацэ, На западе, в Гартоке, правитель этого города Канченнэ готовил против джунгаров восстание.

В 1719 г. новые маньчжурские армии из Урумчи и Синина через Кам двинулись в Тибет. Одной из армий командовал 14-й сын Кан-си Юн Ти. Ему и генералу Ян Синю было приказано доставить Кэлсан Гьяцо из Кумбума в Лхасу. Пока цинские войска двигались к столице Тибета, Канченнэ и Полханэ подняли антиджунгарское восстание. С востока к Лхасе подходила вторая цинская армия под командованием Гарби. До этого она подавила восстание местного населения, которое возглавляли правители Литана и Батанга. Предчувствуя скорое поражение, джунгары разграбили Лхасу и ушли на северо-запад. Но еще до подхода цинских армий отряды Полханэ и Канченнэ заняли Лхасу. Произошло это осенью 1720 г. Генерал Ян Синь привез Далай-ламу VII, который был водворен в Лхасе. Панчен-лама посвятил его в гецулы. Кан-си пожаловал Далай-ламе VII золотую печать. На ней по-маньчжурски, по-тибетски и по-монгольски было написано: «Печать Далай-ламы VI». Двух прежних Далай-лам VI — Цаньян Гьяцо и Еше Гьяцо для Кан-си отныне не существовало.

Проджунгарское правительство было арестовано. Генерал Ян Синь реформировал высший орган управления Тибетом. Был окончательно упразднен пост *деси*. Верховными правителями Тибета {141} стали *калоны* (министры). Главным стал Канченнэ, получивший титул *дайцин батур*. Вторым по старшинству — правитель Конпо Нгабо, остальными назначены Лумпанэ, Джаранэ, а вскоре и Полханэ. Все *калоны* являлись

светскими лицами, тем самым реальная власть Далай-лам была ограничена. Напротив дворца Потала была возведена стена с надписью «Восстановление мира в Тибете». А чтобы мир был прочнее, стены Лхасы разрушили, в городе разместили цинский гарнизон, который возглавил монгол Цеван Норбу. Китайские авторы так расценивают действия цинских генералов в 1720 г.: «Кан-си [из] цинской династии умиротворил Тибет... изгнал из Тибета армию джунгаров, укрепил юго-западную границу, обеспечил единство родины» [Сицзан цзянъши, 1993, с. 209].

В 1723 г. Кан-си умер.

В Лхаое размещался 3-тысячный цинский гарнизон, китайские войска находились также в городах Литан и Чамдо. Была восстановлена система почтовых станций, и на станциях от Лхасы до Литана тоже были размещены цинские отряды. Все тибетские территории к востоку от Батанга и Литана были отторгнуты от Тибета и включены в состав цинской провинции Сычуань. Однако в том же, 1723 г. новый цинский император Юн-чжэн счел нужным вывести цинские войска из Лхасы, оставив только гарнизон в тысячу человек в Чамдо. В Лхасу прибыл чиновник *лифанъюанъ* (управление подчиненными иноземцами) Орай, чтобы поддержать Канченнэ, недовольного уходом цинских войск из Лхасы. Орай и Канченнэ совершили совместную поездку в Нгари.

В 1723 г. против Цинов подняли восстание хошуты Кукунора, которых возглавил Лхавсан Дацзинь, внук Гуши-хана. Его отец имел китайский титул *цинъ-ван*, а после гибели Лхавсан-хана присвоил себе и китайский титул покойного — *сицзан ханъван*. Цинские войска разгромили хошутов, и регион Кукунора также был присоединен к Цин. Юн-чжэн своим указом определил допустимые размеры монастырских построек и число монахов в каждом из монастырей. Лхавсан Дацзинь бежал в Джунгарию. Он был в родстве с одним из тибетских *калонов*, и цинский двор опасался, что часть тибетской знати поддержит Лхавсан Дацзиня. Поэтому 2-тысячный отряд цинских войск, развивая успех на Кукуноре, вступил в Тибет. Та часть тибетцев, которая шла за Полханэ, сотрудничала с цин-скими войсками. Полханэ помог цинским войскам подавить восстание хошутов Кукунора и находился там до тех пор, пока Лхавсан Дацзинь не был изгнан в Джунгарию. {142}

Управлявшие Тибетом *колоны* не только не были едины, но почти открыто враждовали друг с другом. На одной стороне были Канченнэ и Полханэ, которые ориентировались на Цин, с другой — Нгабопа, родственник Лхавсан Дацзиня, и Джаранэ, которые опирались на Уй. К ним примыкал и Лумпанэ, дочь которого приходилась женой отцу Далай-ламы. В докладе одного чиновника цинскому двору от 1727 г. сообщалось: «Ведущие чиновники Тибета не в ладах друг с другом. Далай-лама умен, но еще слишком молод... *Калоны* ненавидят его отца... Далай-лама и Канченнэ, выступая друг против друга, неизбежно вызовут беспорядки» [Ya Hanzhang, 1994, p. 97].

В 1724 г. по совету цинского двора Канченнэ начал преследование сторонников школы Ньингмапа. Полханэ не поддержал его. А когда стало ясно, что Канченнэ не прекратит преследований Ньингмапа, Полханэ, опасаясь дурных последствий, под предлогом болезни жены покинул Лхасу и уехал в Цзан. Отсутствием Полханэ воспользовались другие *калоны*. 7 августа 1727 г. совет *калонов* собрался на заседание в храме Джокан. Во время заседания Канченнэ был схвачен и убит на месте, а его охрана перебита, дом был разграблен, две его жены убиты. Из Лхасы были посланы люди убить и Полханэ. Но Полханэ был предупрежден об опасности и уехал в Нгари. Там он собрал 9-тысячную армию для похода на Лхасу. В очередной раз Тибет оказался ввергнут в гражданскую войну.

На первых порах Полханэ терпел поражения. Но через короткое время ему удалось овладеть г. Шигацэ. Калоны из Лхасы двинули свои войска в Цзан. Ожесточенные бои развернулись за г. Гьянцэ, но они не принесли победу ни одной из сторон. И Панчен-лама и Далай-лама VII пытались примирить враждующих. Поначалу они имели успех. Обе противные стороны отвели свои войска от Гьянцэ и произвели обмен пленными. Однако

Полханэ в действительности не желал примирения, он использовал это время для сосредоточения своих сил и нанесения внезапного удара. Ему помогли хошуты, кочевавшие в долине р. Дам, и монахи трех главных монастырей. Враг был разбит, и 3 июля 1728 г. войска Полханэ вошли в Лхасу. *Калонов*, врагов Полханэ, бросили в тюрьму, а затем в ноябре публично подвергли жестокой казни *линъчи* — медленному и долгому отрезанию от казнимого частей его плоти. Семьи казненных *калонов* отправили в ссылку. Далай-ламу VII и его отца также выслали из Лхасы в Гартар близ Литана.

Все эти события привели к тому, что цинский двор направил в Тибет новый контингент войск — армию численностью в 11 тыс. {143} человек. Полханэ оказался под защитой китайских солдат, а Тибет заплатил за это немалую цену — Литан, Батанг и Дацзянлу были включены в территорию пров. Сычуанъ, Гьялтан — пров. Юньнань, а на севере 40 групп тибетцев-кочевников подчинили Синину. Области Цзан и Нгари были «подарены» цинским двором Панчен-ламе. В ведении лхасского правительства были оставлены только области уй и Чамдо. По верному замечанию Я Ханъ-чжана, «таким образом власть тибетских правящих группировок естественно была ослаблена и оказалась в большем подчинении у цинского двора» [ibid, p. 98-99]. Именно в это время «в Тибете образовались два режима — местное тибетское правительство, возглавляемое Далай-ламой, и другое — *панчен-пхаран*, возглавляемое Панчен-ламой. Оба находились под надзором комиссара-резидента — императорского правителя, амбаня, как он именовался по-тибетски, назначаемого цинским правительством» [ibid, p. 102].

Чуть позже Далай-ламу VII перевезли из Питана в г. Тайнин — и так возили с места на место под предлогом защиты от джунгаров, боясь, что джунгары захватят его и увезут к себе. В 1728 г. в Лхасе был размещен цинский гарнизон из 1500 солдат. С этого года началось постоянное пребывание цинских гарнизонов в Лхасе и правление в Тибете Полханэ.

Правление Полханэ

Подлинным именем Полханэ было Сонам Дордже. Полханэ — это прозвище, полученное им по названию его имения Полха. Он проявил себя способным и энергичным правителем. Полханэ сделал ставку на укрепление хозяйства страны, прежде всего монастырей. Он жаловал монастырям земли и, что существенно, в целом равно относился ко всем школам тибетского буддизма, полагая их опорой центральной власти. Это поддержали и цинские власти. Из Пекина ежегодно жаловали 5 тыс. лянов серебра на монастыри и поощряли институт монашества. С позиций Пекина это был хорошо продуманный шаг. Несмотря на воинственность отдельных монашеских общин и вмешательство их в текущие дела страны, чем больше мужчин шло в монахи, тем меньше там было потенциальных солдат, что облегчало контроль цинского Китая над Тибетом.

Как и некоторые его предшественники, Полханэ принял меры для налаживания и совершенствования работы почтовых станций как важнейшего средства связи в стране и с внешним миром. Он {144} старался урегулировать налогообложение, боролся со злоупотреблениями при взимании налогов, стремился оградить земледельцев и скотоводов от разорения.

Полханэ укреплял армию, и она вскоре успешно прошла первое испытание. В 1730-1731 гг. Тибет вел войну с Бутаном и одержал победу. По договору Бутан обязался посылать своего представителя к тибетскому правительству с дарами. Такая практика сохранялась до 1950 г. В 1732 г. власть Лхасы признал Ладак. При правлении Полханэ существенно были улучшены отношения с Непалом.

Полханэ добился сокращения цинского гарнизона в Лхасе до 500 человек. В 1735 г. Далай-лама VII Кэлсан Гьяцо был возвращен в Лхасу. Через некоторое время Кэлсан Гьяцо нанес визит уже находившемуся в почтенных годах Панчен-ламе. В 1737 г. он скончался в возрасте 74 лет. Панчен-ламой VII стал Пэлдэн Еше (1738-1780). В 1741 г.

Полханэ получил из Пекина от молодого императора Цянь-луна (1736-1795) титул *цзюнъ-вана*. В историю тибетского буддизма и тибетской культуры Полханэ вошел прежде всего как инициатор огромного по масштабам мероприятия — издания способом ксилографии канона Канджура и Танджура. В 1732 г. были вырезаны доски для печатания основного текста канона — Канджура. Доски поместили в Нартане. Издание благословил Панчен-лама. В 1742 г. завершили вырезывание текста на досках для комментариев на Канджур — Танджура. Доски тоже были положены на хранение в Нартан. Издание Танджура благословил Далай-лама VII. Наличие досок позволяло возобновить печатание в любое время и выпускать в свет книги требуемыми тиражами. Нартанские издания текстов канона до сих пор ценятся очень высоко.

В 40-х годах XVIII в. Полханэ реально осуществлял власть почти над всей территорией Тибета. Однако активная внутренняя и внешняя политика Полханэ, которая безусловно способствовала укреплению страны, была прервана его внезапной смертью. Нагноение на шее осложнилось заражением крови, от которого он скончался в 1747г. Отдавая должное Полханэ как государственному деятелю, некоторые историки полагают, что он подавлял Далай-ламу, цитируя высказывание самого Далай-ламы VII: «Если бы я удалился в... какой-либо отшельнический приют, то... Полханэ был бы только счастлив» [Shakabpa, 1967, p. 147]. Китайские авторы видят заслугу Полханэ в том, что он «пресек агрессию монгольского правящего класса в Тибете» и «признавал Тибет как часть Цинской империи», что, конечно, преувеличение [Сицзан цзяныпи, 1993, с. 219; Ya Hanzhang, {145} 1994, p. 115]. Полханэ сотрудничал с пинским двором, но отнюдь не думал превращать Тибет в часть Китая. Признавая Полханэ выдающимся государственным деятелем, В.Д. Шакабпа упрекает его за слишком тесное сотрудничество с Цинами: «Хотя Полханэ и был единственным правителем Тибета, своим сотрудничеством с маньчжурами он подготовил почву для маньчжурских, а позднее и китайских притязаний на господство над Тибетом» [Shakabpa, 1967, p. 147].

Однако, может быть, политика Полханэ в отношении цинского двора не была уж столь неразумной. С приходом к власти императора Цянь-луна, который, кстати, ценил тибетский буддизм, цинская династия в середине и второй половине XVIII в. достигла своего внешнеполитического могущества. Сдерживать внимание Пекина к Лхасе оказалось совсем непростой задачей, что вскоре и стало очевидным [ibid].

Иностранцы в Тибете

Есть мнение, что первым из европейцев Тибет посетил францисканский монах Одорик из Парденоне. В 20-х годах XIV в. он прибыл из Индии в Кантон, оттуда добрался до Пекина, а обратно в Индию возвратился через Тибет. Предполагают, что в Тибете он мог быть примерно в 1328-1330 гг. В своем отчете страну он именует Ри-бот, а Лхасу — Гота. По его заключению, Тибет — это «страна, где никто не смеет проливать крови ни людей, ни животных» [Cordier, 1891].

Португальский миссионер Антонио д' Андрад побывал в Тибете в 1624-1625 гг. Из города Агра в Индии он направился к истокам р. Ганг, а затем добрался до озера Манасаровар [Соколовский, 1926].

Следующими оказались армянские торговцы из г. Исфагана, где действовала торговая компания по связям с Востоком. Агент этой компании Ховханнес трудился в филиале фирмы в Лхасе с 1686 г. около шести лет. В Лхасе он обнаружил других армянских торговцев, активность которых простиралась до г. Синина. Ховханнес изучал тибетский язык, уезжая из Лхасы, он увез с собой большой груз мускуса.

В 1661-1662 гг. иезуиты Иоханнес Грюбер и де Орвиль проездом из Пекина в Индию через Сиань и Цайдам посетили Лхасу, в которой пробыли около двух месяцев. С их слов поступила информация об обычае тибетцев расчленять тела умерших и носить амулеты с сушеными экскрементами далай-лам. {146}

В 1708 г. в Лхасу из Катманду (Непал) прибыли четыре монаха-капуцина. В начале 1711 г. один из них — Орацио делла Пенна стал главой католической миссии в Лхасе. Миссионеры встретили благосклонный прием, что Н.В. Кюнер объяснял, и, очевидно, справедливо, тем, что тибетские власти «были слишком поглощены обострением внутреннего раздора, чтобы обратить особое внимание на кучку иностранцев» [Кюнер, 1907, с. 35]. Другой миссионер из этой четверки — Джузеппе де Фано ездил с докладом в Рим. В 1715 г. он возвратился в Лхасу и вручил правителям Тибета послание папы Климента XI. В 1716 г. в Лхасу из Индии прибыл иезуит Ипполит Дезидери. Он прожил в Лхасе пять лет, учил тибетский язык и оставил описание Тибета, подлинная рукопись которого пока не найдена.

По поручению императора Кан-си иезуиты Режи и Жерту в 1709-1718 гг. составляли карту Китая. В состав империи на этой карте был включен и Тибет. В Тибете производились съемки местности, и делали это специально обученные тибетские ламы [там же, с. 39].

В 1724 г. католическая миссия получает участок земли в Лхасе. Была построена часовня, которую посетил Далай-лама VII, состоялся религиозный диспут между Далай-ламой и делла Пенной. Миссионеры не теряли надежды обратить в христианство какое-то число тибетцев. В Италии был отлит тибетский шрифт, началась работа по переводу на тибетский язык Священного Писания. К 1733 г. казна миссии оскудела. Делла Пенна едет в Рим просить денег и возвращается с деньгами и шестью новыми миссионерами. Папа Климент XII посьшает послание Далай-ламе, ответное послание Далай-ламы хранится и ныне в Риме. Миссионеры трудились до 1745 г., того момента, когда в Лхасе начались гонения на христиан со стороны религиозных властей Тибета. Член миссии Беллигати оставил цветные рисунки жизни Лхасы, ее храмов и тибетских церемоний.

Попытка антицинского переворота. Правление Далай-ламы VII

У покойного Полханэ было два сына, которые играли видную роль в политической жизни страны. Старший, Гьюме Цэтен, был правителем Нгари и имел китайский титул *гуна*. Второй сын, Гьюме Намгьял, носил титул *цзюнъ-вана*, жил в столице и еще при жизни отца проявлял недовольство его процинской политикой. {147} Когда Гьюме Намгьял занял место отца, он и часть тибетской светской и духовной знати, которая разделяла его взгляды, поставили своей целью изгнать цинские войска из Тибета, а вместе с ними и амбаней, создать свою тибетскую армию и полностью держать власть в стране в тибетских руках. Гьюме Намгьял обратился к императору Цянь-луну с предложением сократить цинский гарнизон, так как тибетцы сами смогут обеспечить порядок в своем доме. Цинский двор готовился к решительной схватке с Джунгарским ханством и рассчитывал на нейтралитет Тибета. Поэтому Цянь-лун пошел навстречу Гьюме Намгьялу и сократил гарнизон в Лхасе до 100 человек. Гарнизон должен был охранять амбаней. Возможно, старший брат не разделял взглядов младшего, поэтому Гьюме Намгьял обвинил Гьюме Цэтена в заговоре и казнил его.

Отношения между Гьюме Намгьялом и Далай-ламой VII тоже были враждебными. Гьюме формировал тибетские отряды и просил у цинского двора согласия разместить в Лхасе тибетский гарнизон. В 1750 г. ему вторично было отказано. В ответ Гьюме Намгьял послал в Джунгарию письмо и пригласил джунгарские войска вступить в Тибет. Его письмо было перехвачено через подкупленных амбанями людей, и они начали действовать. Поначалу было объявлено, что Гьюме Намгьял опасен для Далай-ламы. Цель таких обвинений была ясна — отколоть от Гьюме Намгьяла ту часть тибетских верхов, которые ориентировались на Далай-ламу. Когда стало известно о намерении Гьюме Намгьяла пригласить в Тибет джунгаров, было решено убить его. Гьюме Намгьял был приглашен в ставку амбаней, в замок, бывший ранее резиденцией Лхавсан-хана, якобы для вручения ему подарков от цинского двора. Как только Гьюме Намгьял и его люди

прибыли туда, они подверглись нападению охраны. Амбанъ Фу Цин лично убил Гьюме Намгьяла, все сопровождавшие его тибетцы были перебиты, кроме одного, который сумел выпрыгнуть в окно и убежать. Этот человек быстро собрал сторонников Гьюме Намгьяла, и тибетцы атаковали ставку амбаней. Фу Цин, второй амбань и все их люди погибли. Было убито и большинство китайцев и маньчжуров, проживавших в Лхасе. Спастись удалось немногим, лишь тем, кто нашел убежище во дворце Потала у Далай-ламы.

Цинские войска оперативно были переброшены в Тибет из Сычуани. Восстание тибетцев было потоплено в крови. Шесть «мятежников» были казнены жесточайшей казнью линъчи, остальные пленные обезглавлены или удавлены. Некоторым представителям тибетской светской и духовной знати в порядке милости по китайскому {148} обычаю было предложено покончить с собой. После этого головы самоубийц были отрублены и выставлены на всеобщее обозрение. Все имущество восставших было конфисковано, в том числе и имения Гьюме Намгьяла. Жену его подвергли уголовному наказанию, сына увезли в Пекин, управление Тибетом было передано Далай-ламе VII. Главой правительства стал Дорин-пандита.

Восстание части тибетской элиты против цинского двора послужило причиной решения Дорин-пандиты и Далай-ламы осуществить переустройство высших органов управления страной. Была разработана «Программа для новой администрации Тибета», состоявшая из 13 пунктов. Главным из них стало окончательное упразднение должности *депа (деси, диши)* и учреждение Кашага, совета, составленного из четырех *калонов* (или *шапэ*), министров. Один из *калонов* должен был быть монахом, три остальных — светскими лицами. Возглавляли Кашаг совместно Далай-лама и амбани, которые считались равными по положению [Сицзан цзяньши, 1993, с. 221]. Кроме Кашага высшим органом власти являлся великий секретариат, Йигцзан (тиб. Yig tsang), состоявший из четырех монахов. *Калоны* назначались Далай-ламой пожизненно и давали ему клятву верности. Утверждал *калонов* также лама-оракул. Каждый из *калонов* имел государственную печать, у них не было конкретной сферы деятельности и обязанности курировать какую-либо сферу управления. По делам, рассматриваемым Кашагом, колоны должны были принять солидарное решение. Кашаг назначал правителей местных областей — *цзонов*. Все конкретные сферы управления были распределены между чиновниками, ответственными за свою деятельность перед Кашагом. В тех случаях, когда чиновник не мог решить дело, оно поступало для окончательного решения в Кашаг. Это была система, при которой никто не хотел принимать серьезных решений, нести ответственность за дела и судьбы страны. Она просуществовала 200 лет и, по справедливому мнению Шакабпы, «препятствовала прогрессу» Тибета [Shakabpa, 1967, p. 150].

Реформа предусматривала создание тибетской армии. При мобилизации каждая тибетская семья, владевшая землей, была обязана выставить одного солдата. В провинции Уй разместили гарнизон из 1000 тибетских солдат, в пров. Цзан — из 2000. Основной воинской единицей стал полк, состоявший из 500 человек. Полком командовал генерал. Цинский гарнизон в Лхасе был увеличен до 1500 человек. Подчинялся он только амбаням. Тибету было категорически запрещено вступать в контакт с Джунгарским ханством, которое доживало свои последние годы. Цинские амбани в Лхасе {149} начали активную подготовку к предстоящей войне Цин с Джунгарским ханством. Панчен-ламу перевезли из Ташилунпо в Лхасу. Предполагалось, что если джунгарские войска двинутся в Тибет, то Далай-ламу и Панчен-ламу следовало увезти в Китай, в г. Тайнин.

Вражда двух джунгарских ханов, Даваци и Амурсаны, позволила пинскому двору начать осуществлять свои планы уничтожения Джунгарского ханства. В период с 1754 по 1757 г. Джунгарское ханство было уничтожено Цин, семь десятых населения ханства было или истреблено, или погибло от эпидемий [Новая история Китая, 1972, с. 38]. В 1755 г. император Цянь-лун специальным письмом уведомил Далай-ламу и Панчен-ламу о разгроме ойратов и близком окончательном уничтожении Джунгарского ханства.

В марте 1757г., когда пинский двор торжествовал свою победу над джунгарами, в возрасте 50 лет скончался Далай-лама VII. С включением Джунгарии в состав пинского Китая Тибет был лишен надежды на получение военной поддержки монголоязычно-го мира. В Лхасе находился цинский гарнизон и сидели амбани, через них Пекин следил за ситуацией в Тибете, в некоторых сферах управления контролировал положение в стране, правящая верхушка Тибета в разной мере зависела от пинского двора. Но следует подчеркнуть, что было бы неверно полагать Тибет провинцией Китая. В Тибете не было провинциальной китайской администрации, на него не распространялась типовая «вертикаль управления» цинским двором территорией Китая. Как и Монголия, эта территория располагалась за пределами собственно Китая. Теоретически, да и практически Далай-лама имел личные отношения с цин-скими императорами. Весь опыт участия Далай-лам — от четвертого до седьмого включительно — в политической жизни показывает, что их положение — не почетно-духовное и безусловно важное, а реальное, как правителей страны, — зависело от покровительства монголов и маньчжуров. Не Далай-ламы влияли на положение дел в Монголии и Джунгарии, а монголы и маньчжуры через Далай-лам, вынужденных оспаривать власть у местных тибетских аристократических семей, устанавливали свой контроль над Тибетом. Признание примата духовной власти над властью светской, над централизованной властью в целом сыграло в судьбах Тибета роковую роль. {150}

Тибет накануне тибето-непальской войны

Далай-лама VII, несмотря на то что начало его карьеры было и неопределенным, и тяжелым, в последние годы жизни проявил себя достаточно гибким политиком. Он был образованным буддистом и оставил после себя восемь томов сочинений.

Далай-ламу VIII Джампэл Гьяцо нашли в 1761 г. в Цзане и годовалым ребенком возвели на трон. В год смерти Далай-ламы VII Панчен-ламе было 19 лет. До обнаружения Далай-ламы VIII делами страны ведал Кашаг. Когда нашли Далай-ламу VIII, то назначили при нем регента Дэмо-хутухту, который правил Тибетом около 20 лет и умер в 1777 г. в возрасте 55 лет. С 1765 г. учителем Далай-ламы VIII стал Панчен-лама VI, и Далай-лама принял обет гецула. На время правления первого регента, Дэмо-хутухты, пришелся конфликт Бутана с Бенгалией. Правящий лама Бутана просил Панчен-ламу выступить посредником в улаживании конфликта. Вместе с посланцем Бутана в Ташилунпо прибыл и представитель британской администрации в Индии Джордж Богль. Ему властями Британской Индии было поручено через Панчен-ламу вступить в контакт с регентом и Кашагом и добиваться подписания торгового соглашения между Британской Индией и Тибетом. Богль прожил в Ташилунпо четыре месяца, с ноября 1777 по март 1778 г., но никаких результатов не добился.

После смерти Дэмо-хутухты регентство перешло к Нгаван Цултиму. В 1779 г. в Китай, в Жэхэ, в летнюю резиденцию цинских императоров был приглашен Панчен-лама. Поездка началась в середине 1779г. Панчен-ламу сопровождало 2000 человек. В письме к нему император Цянь-лун писал: «Я всегда думаю о Вас. Сейчас я выслал людей встречать Вас. Церемония встречи будет такой же, какую мой предок устроил Далай-ламе V. Есть храм в том же стиле, что и монастырь Ташилунпо, приготовленный на императорской даче для Вашего пребывания. Сейчас я изучаю тибетский язык для того, чтобы нам было удобно вести наши беседы». Панчен-ламе прислали портрет Цянь-луна. В сопроводительном письме император сообщал: «Я позволю Вам, великому живому Будде на Западе, не кланяться моему портрету». Осенью Панчен-лама прибыл в монастырь Кумбум, где его приветствовали 3000 монахов. Зиму он провел в Кумбуме и весной 1780г. выехал в Жэхэ, куда он прибыл в конце лета. В воротах летней резиденции цинских императоров Цянь-лун лично встретил его. Когда Панчен-лама хотел встать на {151} колени, Цянъ-лун остановил его, сказав: «Лама не совершает поклонов коутоу!»

Действительно, Цянъ-лун начал беседу с Панчен-ламой по-тибетски, справился о его здоровье и здоровье Далай-ламы, сказал, что ему скоро 70 лет и он рад, что встречается с Панчен-ламой уже в пожилом возрасте. Политическая часть беседы содержала заверения в том, что приезд Панчен-ламы будет способствовать развитию буддизма в Китае, и все живые существа станут жить в мире и безопасности. Панчен-ламе с императорской кухни пожаловали молоко и чай. Он участвовал в торжествах по случаю 70-летия Цянь-луна. Резиденцией ему служил специально выстроенный храм, который до сих пор стоит в горах Сяншань под Пекином. Осенью 1780 г. Панчен-лама внезапно скончался от оспы. В 1781 г. цин-ские власти отправили в Тибет прах Панчен-ламы и те дары, которые он получил в Китае.

В том же, 1781 г. Далай-лама VIII взял управление страной в свои руки. В 1783 г. было завершено строительство летней резиденции Далай-лам Норбулинка (Яшмового сада).

Панчен-ламой VII стал Тенпэ Ньима (1782-1853), он был выбран из четырех претендентов, и этот выбор был одобрен Далай-ламой VIII и амбанями. На процедуре пострижения присутствовал английский офицер Тернер, который до этого около года прожил в Шигацэ, но так и не был допущен в Лхасу. Голову новому Панчен-ламе обрил лично Далай-лама, он же надел на нового панчена монашеское платье и дал ему имя. По английским сведениям, кроме Тернера на церемонии присутствовал еще индус, офицер британского генерального штаба в Индии Атсарсур Ганди [Ya Hanzhang, 1994, p. 144,145,148,157].

Власть Далай-ламы VIII все более ограничивал регент Нгаван Цултим. Одновременно он стремился постепенно уменьшить и влияние амбаней на внутритибетские дела. Это вызвало недовольство Пекина. В 1786 г. Нгаван Цултим был приглашен в Пекин, а по прибытии туда задержан китайскими властями.

Тибето-непальский конфликт. Результаты тибето-непальской войны 1788-1792 гг.

В 1769 г. гуркхи во главе с Притхви Нарайаном объединили Непал, раздробленный до того на ряд княжеств. Непал был главным поставщиком риса, меди для культовой скульптуры и отливал серебряную монету, имевшую хождение в Тибете. Из Тибета {152} в Непал везли чай, соль, скот, шерсть, серебро и золото, которое непальцы выгодно перепродавали в Индию. В Лхасе сложилась постоянная колония непальских купцов. Торговля носила в основном меновый характер. Серебро для отливки монеты тибетцы передавали в Непал по весу и по весу же получали такое же количество монеты обратно. Постепенно непальцы стали добавлять в отливаемую монету медь и тем самым обесценивать ее [Regmi,1961, p. 169]. Тибетцы попытались организовать выпуск собственной монеты в Демо (Конпо), но сделать это не удалось.

В 1775 г. гуркхи напали на Сикким. Тибетцы оказали помощь Сиккиму продовольствием. Гуркхи остались недовольны этим и стали искать повода для конфликта с Тибетом. Вскоре такой повод нашелся. После смерти в Пекине Панчен-ламы VI два его брата не поделили имущество, и один из них, Шамар-тулку, девятый верховный лама школы Кармапа, бежал в Непал и попытался использовать недовольство гуркхов Тибетом в своих интересах. Гуркхи предоставили тибетцам новую партию высокопробной монеты и потребовали изъять из обращения в Тибете старую монету с примесями. Эта акция должна была причинить убытки тибетским торговцам, денежное состояние которых обесценивалось, и принести доход Непалу, который выгодно продавал партию новой монеты. От тибетцев непальцы также потребовали поставлять в Непал более качественную соль. Кашаг предложил Непалу выпускать одновременно обе монеты, и полноценную и неполноценную, а потом постепенно изъять из обращения старую монету. За качеством ввозимой в Непал тибетской соли было предложено следить на пограничных

таможенных пунктах специальным тибетским и непальским инспекторам.

Гуркхи отвергли предложения Кашага и в мае 1788 г. двинулись на Тибет [ibid, p. 171]. Они заняли Ньянан, Роншар, Кьирон и Цзонка. Командующим тибетскими войсками был назначен колон Юток. Амбани немедленно сообщили в Пекин о нападении гуркхов. Цянъ-лун направил в Тибет войска. Китайские и тибетские отряды вытеснили гуркхов из большинства оккупированных ими районов Тибета и встали на зимние квартиры в Шекаре. Несколько тибетских отрядов было послано на помощь Сиккиму, также подвергшемуся нападению. Гуркхи были изгнаны из Сиккима, однако они все еще удерживали Цзонка и некоторые другие тибетские районы. Начались трехсторонние переговоры в Кьироне. Китайцы настояли на том, чтобы и Непал и Тибет отправили в Пекин миссии с благодарностью цинскому императору. Тибетцы были вынуждены {153} предоставить непальским подданным право экстерриториальности и соответственно разрешить пребывание непальских представителей в Шигацэ и Гьянцэ [ibid, p. 172]. Тибет обязался выплачивать Непалу ежегодную контрибуцию, а Непал согласился освободить захваченные им тибетские районы сразу же после получения первой выплаты. Стороны договорились снизить стоимость старой неполноценной монеты. Тибетская соль не должна была впредь содержать какие-либо примеси, а стоимость соли и риса в будущем следовало определять по рыночным ценам. Еще одно неравноправное условие пришлось принять тибетской стороне: в соглашении записали, что тибетским торговцам отныне запрещается посещать Непал, тогда как непальские торговцы могли свободно приезжать в Тибет, и им предоставлялись гостиницы и топливо по их выбору. Таким образом, соглашение в Кьироне носило явно неравноправный характер.

Тибетцы выплатили первый взнос контрибуции в 1789 г., и гуркхи ушли с тибетской территории. Но в дальнейшем тибетская сторона попыталась уменьшить, а затем и вовсе отменить выплату контрибуции. В 1791 г. гуркхи вновь вторглись в Тибет. Им удалось занять Шигацэ и Ташилунпо. Маньчжурские амбани предложили Далай-ламе и Панчен-ламе переехать в Кам в Чамдо. Но это сделано не было, так как в войсках гуркхов вспыхнула эпидемия, и их наступление остановилось.

Весной 1792 г. в Тибет прибыла 13-тысячная маньчжуро-китайская армия во главе с генералом Фу Кан-анем. Гуркхи ушли из Шигацэ. В битве у Кьирона они потерпели поражение, китайские и тибетские войска вступили в Непал. Вновь начались переговоры о мире. Непал согласился раз в пять лет посылать в Пекин посольства с дарами императору. Непальцы должны были вернуть всех пленных и награбленное имущество. Шамар-тулку, не дожидаясь своей выдачи победителям, отравился. {154}

Часть II

Тибет в XIX в.

Далай-ламы и политика изоляции

Прибытие крупной китайской армии в Тибет и победа китайско-тибетских войск над Непалом позволили Цянъ-луну укрепить верховную власть Цинов над Тибетом. Поскольку и в это время, в конце XVIII в., «статус Тибета оставался лишь статусом великих лам» [Мартынов, 1978, с. 227], подчиненных непосредственно императору Цинской империи, то и форма укрепления власти императора была выбрана соответствующая. В 1793 г. в Лхасу была прислана золотая урна и Цянь-лун повелел впредь избирать Далай-лам и Панчен-лам по жребию из зодотой урны при участии цинских амбаней.

Золотая урна была установлена в соборе Джокан в Лхасе. В столице Тибета, в Шигацэ и Динри разместились китайские гарнизоны.

По распоряжению Цянь-луна Далай-лама, Панчен-лама и Кашаг не могли представлять петиции непосредственно императору. Они должны были подавать все прошения только через амбаней. Отныне вся переписка тибетских властей (даже с монголами Кукунора, союзниками Цинов в Тибете) шла под контролем амбаней. Они же командовали цинскими гарнизонами и местной тибетской армией, отвечали за охрану границ и за недопущение в Тибет иностранцев. Только амбани подписывали документы, разрешающие путешественникам находиться в стране; они контролировали важнейшие судебные решения и финансовые вопросы.

Конец XVIII в. стал зенитом реальной цинской власти в Тибете. Своего рода символом этой власти стала процедура избрания Далай-лам и Панчен-лам с помощью жребия из золотой урны. Цинский император повелел использовать эту процедуру; цинский амбань должен был вынимать из золотой урны билетик с именем {155} нового перерожденца. Таким образом, высшие сакральные тибетские власти определялись с помощью процедуры, предписанной пинским императором, что и должно было символизировать верховную власть Цинов над Тибетом. Но так было в теории. На практике в XIX в. реинкарнация каждого нового Далай-ламы проходила в условиях борьбы. Обязательно применялись традиционные тибетские методы определения нового перерожденца. Метод «жребия из золотой урны» использовался в большинстве случаев, но не всегда.

С ослаблением Цинской империи в XIX в. ослабевала и реальная власть цинских амбаней в Лхасе. Уменьшались цинские гарнизоны. Амбани были вынуждены набирать в солдаты так называемых сино-тибетцев — детей солдат-китайцев и тибеток. Эти люди часто даже не знали китайского языка, говорили только по-тибетски. Боеспособность местных солдат и их вооружение оставляли, как говорится, желать лучшего.

При столкновениях внутри тибетской элиты и при нападении на Тибет амбани часто просто не имели реальных сил, чтобы вмешаться, и бездействовали. Донесения амбаней в Пекин не вызывали никакой реакции цинского правительства. В XIX в. Цины уже не могли организовать походы многотысячных маньчжуро-китайских войск в Тибет, как они делали это в XVIII в.

После 1793 г. двери Тибета оказались закрытыми для иностранцев. Большинство исследователей считают, что политика изоляции стала проводиться либо по указанию, либо под влиянием китайцев [Гюк и Габэ, 1866, с. 257; Regmi, 1961, p. 136; Shakabpa, 1967, p. 173]. Так или иначе, но Кашаг приказал всем местным властям и старейшинам общин всеми средствами препятствовать иностранцам вступать на территорию Тибета. Политика изоляции проводилась в течение всего XIX в. и оказалась большим препятствием для познания тибетцами окружающего мира и, соответственно, для познания Тибета окружающим миром. Она, несомненно, тормозила развитие тибетского общества. В ее проведении были заинтересованы цинское правительство, местные маньчжуро-китайские власти и китайское купечество. Резкое ограничение контактов тибетцев с внешним миром и недопущение в Тибет иностранцев, прежде всего европейцев, должно было способствовать сохранению верховной власти Цинов над Тибетом. Все это неоднократно отмечали иностранцы, посещавшие Тибет в XIX — начале XX в.

«В течение XIX столетия, — писал С.Ч. Дас, — тибетцы следовали во всем китайской политике замкнутости не из боязни потери {156} самостоятельности, но потому, что они незадолго перед этим были покорены и вполне подчинились китайскому влиянию» [Дас, 1904, с. 252]. Другими причинами введения политики изоляции Дас считал коммерческие интересы Китая, боязнь проникновения в Тибет оспы и иных болезней, враждебность пограничных чиновников [там же].

«Несомненно, что Китай, пользуясь своей сюзеренной властью над Тибетом, постоянно заставлял вытеснять европейцев из этой страны, боясь, что в противном случае китайские коммерческие интересы и политическое значение пострадают», — писал А.

уодделъ, участник английской военной экспедиции в Тибет в 1903-1904 гг. [Уодделъ, 1906, с. 23].

Значительная часть тибетской элиты, прежде всего высшего ламства, также бьша заинтересована в изоляции страны от религиозного, культурного и политического влияния извне, в особенности европейского влияния. Экспансия Англии в Индии, естественно, беспокоила и цинское правительство, и местные тибетские власти [Гюк и Габэ, 1866, с. 243].

Далай-лама VIII Джампэл Гьяцо (1758-1804) в 1781 г. получил верховное управление страной, но занимался главным образом религиозными делами. Реальная власть находилась в руках регентов Нгаван Цултима и Тэнпи Гонпо Кунделина. Последний управлял Тибетом несколько лет и после смерти Далай-ламы ХТП. Правительство приняло меры для восстановления хозяйства областей, разоренных во время войны с Непалом. В Лхасе имело место антицин-ское выступление, в ходе которого регенту пришлось послать тибетских солдат для охраны амбаней. В 1805 г. Цины прислали в Лхасу двух инспекторов для расследования инцидента. Амбани были обвинены в бездеятельности и коррупции и отозваны. Один из них был отправлен в Китай в оковах, другой — переведен в Урумчи (Восточный Туркестан). Два *калона* были отстранены от должности, а руководители антицинских демонстраций отправлены в ссылку [Shakabpa, 1967, p. 170-172].

Правительству Лхасы неоднократно приходилось подтверждать свою власть над зависимыми княжествами и племенами. Так, в 1796 г. отказался платить налоги Л о Ментан, правитель владения на границе с Непалом. В 1808 г. вышли из повиновения два вождя племени голок в Восточном Тибете. *Калон* Шэтра с солдатами в течение двух лет «умиротворял» территорию племени голок [ibid.].

Далай-лама VIII скончался 9 ноября 1804 г. В 1807 г. были найдены два кандидата в перерожденцы, один из Кама, другой {157} из Амдо. Оба были привезены в Лхасу и подвергнуты испытаниям. Претендент из Кама «опознал» вещи покойного Далай-ламы VIII, т.е. «свои» вещи, которые он знал в прошлом перерождении, и был признан Далай-ламой IX Лунтог Гьяцо. В 1808 г. он и был возведен на трон во дворце Потала. Весь процесс утверждения нового Далай-ламы совершался по традиционным тибетским правилам, золотая урна не использовалась. В 1810 г., после смерти Тэнпи Гонпо Кунделина, новым регентом стал Дэмо Тубтэн Джигмэ.

Английский путешественник Томас Маннинг в 1811 г. имел возможность видеть Далай-ламу IX. «Красивое и интересное лицо ламы и его манеры, — писал Маннинг, — поглотили все мое внимание. Ему было тогда около 7 лет; у него были простые, непринужденные манеры хорошо воспитанного царственного ребенка. Его лицо мне показалось поэтичным и чрезвычайно красивым. На меня произвела чрезвычайно сильное впечатление моя аудиенция у ламы. Я готов был плакать от непонятного мне ощущения» (цит. по [Дас, 1904, с. 218]).

26 марта 1815 г., по официальной версии, простудившись во время *монлама*, Далай-лама IX умер от воспаления легких. Из пяти кандидатов в Далай-ламы отобрали вначале трех и привезли в Ньетан. Здесь после испытаний высшие тибетские ламы и чойчжоны-прорицатели указали на Джампэл Гьялцена как на несомненного по всем признакам «перерожденца» скончавшегося Далай-ламы IX.

Правитель Дэмо-хутухта хотел сразу же возвести на престол нового Далай-ламу, но потерпел неудачу. Амбани и часть тибетской элиты настаивали на проведении церемонии выбора по жребию из золотой урны. В 1819 г. Дэмо-хутухта скончался. Новым регентом стал Цэмолин Джампэл Цултим. Одновременно пришел императорский указ избрать Далай-ламу по жребию. «На это новшество в практике избрания Далай-лам, — писал позже Г.Ц. Цыбиков, — тибетские ламы и сановники согласились с большим неудовольствием. Тем не менее с приказом императора, исполнителями коего являлись два маньчжурских амбаня, не могли не согласиться...» [Цыбиков, 1981а, с. 147].

В 1822г. во дворце Потала перед изображением императора в золотую урну поместили три билета с именами трех кандидатов, написанными на маньчжурском языке. Один из амбаней вынул билет с именем Джампэл Гьялцена. Обращаясь к отцу мальчика, находившемуся здесь же, амбань сказал: «Так как из золотой урны вышел твой сын, Джампэл Гьялцен, кандидат в драгоценные Далай-ламы, то молись милости великого императора!» [там же]. {158}

Как замечает Цыбиков, окончательный результат удовлетворил и ту и другую стороны: выбор нового Далай-ламы был произведен по жребию из золотой урны, как и приказывал император, но Далай-ламой оказался кандидат, намеченный тибетцами.

Всей церемонией руководил Панчен-лама VII, который и дал новому «перерожденцу» имя Цултим Гьяцо. Далай-лама X Цултим Гьяцо, слабый здоровьем, скончался в 1837 г. в возрасте 21 года. Два кандидата на роль Далай-ламы XI были привезены в Лхасу и подвергнуты испытаниям. Официальное избрание произошло в 1841 г. по жребию, с использованием золотой урны. Один из амбаней вынул билетик с именем перерожденца; им оказался уроженец Гартара из восточного Кама. Панчен-лама дал ему имя Кэдуб Гьяцо, и он был признан Далай-ламой XI [Shakabpa, 1967, p. 176]. В 1842г. во дворце Потала состоялась церемония его возведения на трон.

В правление регента Цэмолин Джампэл Цултима была произведена перепись населения и учет производимой продукции в провинции Уй. Правительство Лхасы дважды направляло войска для приведения к покорности племен в Амдо около Кукунора и населения района Пово в Каме [ibid.].

Вернемся еще раз к процедуре избрания нового Далай-ламы. Через несколько месяцев или даже несколько лет после кончины его предшественника Кашаг и настоятели трех «великих монастырей» посылали группы монахов для нахождения нового перерожденца [Ya Hanhzang, 1994, p. 180,184]. Иногда прежний Далай-лама перед смертью давал указания — в каком районе, каком направлении от Лхасы, какой семье родится тот ребенок, которому суждено стать его перерожденцем. Он мог определить годы рождения отца и матери перерожденца, год рождения его самого, сказать, какие деревья растут около его дома, как выглядит сам дом, какой ручей или гора находятся около него и т.п. [Bell,1924, p. 51]. Иногда соответствующие указания давал государственный оракул в Лхасе Нёйчун-*чойчжон*.

Когда монахи находили ребенка, семья и дом которого и сам он соответствовали определенным указаниям, они осматривали мальчика и «экзаменовали» его. Если он узнавал «свои» вещи: чётки, кольцо, чашу, части одежды своего предшественника, легко и правильно отвечал на вопросы о «своей» жизни в предшествующем перерождении, то становился «кандидатом» в Далай-ламы. В XIX в., когда в Лхасе несколько раз исполнялась церемония выбора посредством «жребия из золотой урны», таких кандидатов отбиралось несколько. {159}

Г.Ц. Цыбиков так описывает эту церемонию: «Избрание Далай-ламы до 1882 г., года выбора десятого перерожденца, основывалось на предсказаниях высших лам и определениях прорицателей, но при выборе десятого перерожденца впервые было применено на практике установленное при императоре Цяньлун (так в тексте. — Б.М.) метание жребия посредством так называемой „сэрбум" („золотая урна"). Оно состоит в том, что имена трех кандидатов, определенных прежним порядком, пишут на отдельных билетиках, которые затем кладутся в золотую урну. Эта урна сначала ставится перед большой статуей Чжово-Шакья-муни, и возле нее депутатами от монастырей совершаются богослужения о правильном определении перерожденца. Затем урна переносится в Поталу, во дворец Далай-ламы, и здесь перед дощечкой с именем императора, в присутствии высших правителей Тибета и депутации от главнейших монастырей маньчжурский амбань посредством двух палочек, заменяющих у китайцев вилки, вытаскивает один из билетиков. Чье имя написано на этом билетике, тот и возводится на далай-ламский престол. Избрание утверждается императорской грамотой...» [Цыбиков,

19816, с. 22].

Теперь приведем пример того, как находили будущего Далай-ламу традиционными тибетскими способами. Далай-лама XIII был найден и избран без использования церемонии «жребия из золотой урны».

Вот что писал об этом С.Ч. Дас: «В 1875 году, через год после смерти Далай-ламы Тинле Гьяцо, регент и коллегия кардиналов обратились за советом к знаменитому оракулу Нейчун-чомчжону относительно нового появления Далай-ламы, и оракул объявил, что его воплощение может быть обнаружено только монахом самых строгих обетов. Для нахождения такого монаха снова потребовались сверхъестественные свойства оракула, и этим монахом оказался кэнпо (наставник. — Б.М.) школы Шарце монастыря Ганден, лама, известный своей святостью и глубокими познаниями.

Кроме того, оракул заявил, что этот лама должен отправиться в Чойк'ор-чжи, так как новое воплощение необходимо искать где-нибудь вблизи Кон-по. К'аньпо отправился в указанную оракулом местность и просидел там около семи дней в глубоком созерцании; вдруг в ночь седьмого дня он имел видение, причем он услышал голос, который велел ему отправиться к Чойк'орскому озеру Му-ли-дин-ки цо. Пробудившись от сна, к'аньпо отправился к указанному озеру, где на кристальной поверхности воды увидел изображение воплощения великого ламы. Последний сидел на коленях {160} своей матери, а отец нежил и ласкал младенца. Он видел также дом со всем его убранством. После этого видение исчезло, и к'аньпо тотчас отправился в Кон-по.

По дороге он остановился в Таг-по, в доме одной уважаемой и богатой семьи, и здесь вдруг увидел ребенка и всех лиц, показавшихся ему в видении. Он немедленно известил об этом лхасское правительство; регент с высшими духовными лицами прибыли в Таг-по и взяли ребенка, которому тогда был всего один год, а родителей его поместили во дворец Ричжял вблизи Лхасы» [Дас, 1904, с. 208-209].

Молодого Далай-ламу воспитывали наставники-монахи. Ему давали, естественно, религиозное образование, и он получал «высшую ученую степень по богословию» [Цыбиков, 1981а, с. 22]. Когда Далай-лама достигал совершеннолетия, т.е. 18 лет [Дас, 1904, с. 228; Пржевальский, 1883, с. 271], регент был обязан в присутствии *калонов*, высших чиновников и лхасской знати передать ему печати для религиозных и светских дел. Но не все Далай-ламы достигали совершеннолетия. Другие, получив печати, находились у власти один-два года и потом внезапно умирали [Цыбиков, 1981а, с. 147-148; Ya Hanzhang, 1994, p. 172].

При несовершеннолетних далай-ламах реальная власть в Лхасе находилась в руках регентов, и за этот пост постоянно шла борьба различных группировок тибетской элиты. Гюк сохранил сведения об одном из эпизодов этой борьбы. Регент Джампэл Цултим пользовался поддержкой монахов монастыря Сэра. Он находился у власти с 1819 по 1844 г., принял титул *деси* и управлял единолично, мало считаясь с другими представителями лхасской элиты и даже с амбанями [Гюк и Габэ, 1866, с. 247, 249, 272-273]. Известно, в частности, о конфликтах регента с Панчен-ламой Тэнпэ Ньима (1781-1854) и с ламой Чанджа, хутухтой из монастыря Дэпун [Shakabpa, 1967, p. 180]. Что касается амбаней, то их корыстолюбие и отсутствие реальной власти позволяли сильному регенту с ними практически не считаться.

В 1818 г. центральное правительство отозвало одного амбаня, в 1823 г. - сместило другого [Richardson, 1984, p. 71]. В 1844 г. в Лхасу прибыл новый амбань Ци Шань. Это был пожилой сановник, занимавший в прошлом самые высокие посты (наместник столичной провинции Чжили, канцлер, наместник провинций Гуандун и Гуанси) при цинском дворе и в администрации империи. В разворачивавшихся первых столкновениях с англичанами на юге Китая Ци Шань придерживался соглашательской политики; он не {161} оказал помощи гарнизону форта Хумынь, защищавшего подступы к Гуанчжоу, в результате чего в феврале 1841 г. форт пал. По приказу императора Ци Шань был арестован и отправлен в кандалах в Пекин, все его имущество конфисковано. Однако

обстоятельства изменились. В ходе войны с англичанами 1841-1842 гг. при пекинском дворе взяла верх капитулянтская группировка. В апреле 1843 г. Ци Шань получил назначение на пост командующего маньчжурскими войсками пров. Жэхэ, а в декабре 1843 г. был назначен амбанем в Лхасу [Новая история Китая, 1972]. С его приездом усилилась борьба внутри тибетской элиты. Не в интересах китайцев было оставлять у власти в Лхасе сильную личность на посту *деси*. Чтобы получить согласие на смещение *деси* (а оно затем было получено), Ци Шань направил в Пекин меморандум. В 28 пунктах он перечислял различные провинности регента и обрисовал порядок управления Тибетом, которого намеревался придерживаться. Ци Шань заявлял, что в решении тибетских дел императорский резидент (амбань) должен быть равен Далай-ламе и Панчен-ламе, а регент и правитель (*деси*) обязаны получать от него инструкции. Все контакты с иностранцами и военные дела должны находиться под контролем амбаня. Регент захватил и раздал своим родственникам и друзьям множество государственных имений. Большое имение, которое полагалось предоставить отцу малолетнего Далай-ламы, регент отдал своему приемному племяннику Сакья-хутухте. Наконец, Ци Шань требовал для амбаня права утверждать назначения всех светских чиновников в Тибете, начиная от 6-го ранга и выше (всего рангов было семь, седьмой — низший) [Ya Hanzhang, 1994, p. 398-407]. Как сообщает Гюк, Ци Шань, действуя совместно с Панчен-ламой и четырьмя *калонами*, арестовал *деси*. Под пыткой тот «сознался» в убийстве трех предшествующих Далай-лам. Арест деси вызвал восстание монахов монастыря Сэра. Восставшие вошли в Лхасу, убили одного *калона* и освободили деси, но не смогли найти Ци Шаня и других китайских чиновников и к вечеру вернулись в монастырь. На следующий день под угрозой штурма восставшие монахи сдались. *Деси* был вновь арестован и отправлен в Сычуань.

С сентября 1844 и до мая 1845 г. власть в Лхасе осуществлял Панчен-лама VII. Затем новым регентом стал Еше Гьяцо Радэн, а в состав Кашага вошли *калоны* Пэлхун, Ванчук Гьялпо Шэтра, Чикан Чагдонпа и Таши Кансар. *Калон* Шэтра стал самой влиятельной фигурой в правительстве [Smith, 1996, p. 180-181].

После поражения цинского Китая в войне с Англией в 1840-1842 гг., а впоследствии в результате тайпинского восстания 1851-{162} 1864 гг. и новых поражений Цинов в столкновениях с европейскими державами влияние центрального правительства империи на дела в Тибете начало уменьшаться. В 1847 г. амбань Ци Шань передал решение военных и финансовых вопросов в руки местной тибетской администрации [ibid, p. 139,146].

Тибет и соседи

В XIX в. Тибет дважды подвергался нападению своих западных и южных соседей. В 1841 г. из Ладака вторглись догры. Ладдк еще в 1834 г. был захвачен дограми, платившими дань махарадже Сикхского государства Ранджит Сингху. После смерти Ранджит Сингха в 1839 г. в Ладаке появился Зоравар Сингх, полководец догрского правителя княжества Джамму Гуляб Сингха. Вскоре он подчинил Балтистан. В 1841 г. Зоравар Сингх во главе 5-тысячной армии вторгся в Западный Тибет. Догры оккупировали Рутог, Гарток, Цапаран и Пуран. Зоравар Сингх объявил о намерении занять весь Тибет к западу от перевала Маюм как территорию, якобы принадлежавшую в прошлом Ладаку. В ходе ожесточенных сражений в условиях суровой зимы тибетцам удалось нанести поражение дограм, Зоравар Сингх пал в бою [Ргапке, 1904, p. 163-164]. Тибетские отряды вступили на территорию Ладака, но были разбиты. В столице Ладака городе Лех начались переговоры, в которых приняли участие по два представителя Тибета, княжества Джамму и сикхов Лахора. В мирном договоре 1842 г. подтверждалась существовавшая ранее граница между Центральным Тибетом и Ладаком. Она проходила по р. Лхари в районе оз. Пангон. Обе стороны обязались содействовать двусторонней торговле. В тибетском тексте договора говорилось, что «Далай-лама и его высшие сановники, как и в прежние годы,

будут принимать от Ладака ежегодную дань» [Пубаев, 1970, с. 123; Ahluvalia, 1980, p. 52-53]. Фактически миссии с «данью» приезжали в Лхасу один раз в три года [Дас, 1904, с. 70-71]. Был произведен обмен пленными. Правительство наградило *калона* Пэлхуна, победителя Зоравара Сингха. Часть пленных ладакцев осталась в Тибете. Осев в южных районах страны, они культивировали яблоки, абрикосы, виноград и персики [Shakabpa, 1967, p. 178].

Лхасский амбань сообщил в Пекин о нападении догров и о заключении договора 1842 г., но цинское правительство никак не отреагировало на эти сообщения. В это время шла война с Англией, и в Пекине были озабочены совсем другими делами. {163}

Торговля между Тибетом и Ладаком была еще раз урегулирована соглашением 1853 г., согласно которому торговые агенты обеих сторон освобождались от уплаты таможенных пошлин [ibid, p 181, 328-329].

В первой половине XIX в. Непал неоднократно обращался к Цинам с просьбой о помощи против англичан. Такие обращения имели место в 1814, 1840, 1842 и 1846 гг. Цины реально не могли оказать помощь из-за внутренних беспорядков в империи и в условиях войны между Китаем и Англией. Формально отказ в помощи объяснялся тем, что Непал не является частью Цинской империи, а есть лишь зависимое государство, платящее дань. Тем не менее гуркхи продолжали посылать миссии с «данью» в Пекин. Миссии пользовались дипломатическим статусом, привозимые ими товары не облагались таможенными пошлинами.

В 1852 г. Непал направил в Пекин миссию, которая вернулась обратно лишь в 1854 г. [Smith, 1996, p. 139]. Увиденное в Пекине и Китае убедило непальцев в слабости цинского правительства и в его полной неспособности оказать какую-либо помощь тибетцам. Как раз в это время, в начале 1853 г., восставшие тайпины заняли всю долину Янцзы от Уханя до Нанкина и фактически отрезали Южный и Юго-Западный Китай от столицы.

В 1855 г. гуркхи вторглись в Тибет. Им удалось захватить Ньянан, Роншар, Цзонка и Пуран. Тибетцы не смогли изгнать захватчиков. Цинское правительство никакой помощи не оказало. Тибет был вынужден подписать 24 марта 1856 г. мирный договор, в котором подтверждал свободу торговли непальским купцам и предоставлял им право экстерриториальности. Непал получил право иметь резидента в Лхасе, который совместно с тибетскими представителями должен был решать все спорные вопросы, касающиеся непальских подданных. Тибетцы обязались ежегодно выплачивать гуркхам 10 тыс. непальских рупий. Стороны обменялись пленными, и гуркхи покинули тибетскую территорию. В обмен на все уступки тибетцев гуркхи обещали оказать помощь Тибету в случае нападения на его территорию [Be11, 1924, p. 46-47, 278-279; Shakabpa, 1967, p. 181-182; Van Walt van Praag, 1987, p. 292-293; Ya Hanzang, 1993, p. 212].

Внутренняя борьба в Тибете

1 марта 1855 г. Далай-лама XI достиг совершеннолетия и взял власть в свои руки, но в феврале 1856 г. он скончался. Кашаг {164} призвал к управлению прежнего регента. Новый Далай-лама XII, уроженец Олка, в 1858 г. был выбран по жребию из трех кандидатов и получил имя Тинле Гьяцо. В 1862 г. вспыхнул конфликт между регентом Радэн Начитху-хутухтой и одним из *калонов* Ванчук Гьялпо Шэтра. Амбань бездействовал. Монахи Дэпуна и Гандена поддержали Шэтра, заняли дворец Потала и храм Джокан. Шэтра принял титул *деси*. Его союзник, казначей монастыря Ганден Пэлдэн Дондуб, был призван в правительство и вскоре стал одним из *калонов*. В храме Джокан новый *деси* созвал ассамблею, состоявшую из представителей монахов Гандена, Дэпуна, знатных лхасских семей и чиновников правительства. Шэтра назвал это собрание «Ассамблея чиновников и монахов Гандена и Дэпуна». Регент был обвинен, в частности, в том, что он без всякой необходимости, но лишь из личных интересов и желания выслужиться перед Цинами организовал в 1858 г. избрание Далай-ламы XII путем вытаскивания жребия из

золотой урны. Ассамблея утвердила отстранение регента от должности. Монахи Гандена и Дэпуна захватили его резиденцию. Регент бежал в монастырь Сэра, а оттуда в Китай. Имущество и имения регента и его сторонников были конфискованы.

Бывший регент просил цинского императора помочь ему вернуть власть, но никакой реальной помощи не получил. Император через амбаня в Лхасе передал письмо *деси* Шэтра с просьбой вернуть конфискованные имения и разрешить регенту вернуться в Тибет. Ассамблея постановила считать это письмо не приказом, а просьбой, которую можно и не выполнить. На пути в Лхасу бывший регент скончался [Shakabpa, 1993, p. 183-186; Ya Hanzhang, 1993, p. 205-206; Smith, 1996, p. 140].

С 1862 по 1871 г. реальную власть в Лхасе осуществляла «Ассамблея чиновников и монахов Гандена и Дэпуна». *Деси* Шэтра в первые годы имел непререкаемый авторитет. Он назначил *калоном* своего приемного сына Цэрин Ванчук Шэтра.

В сентябре 1864 г. *деси* Шэтра умер. Лама монастыря Дэпун Кэнраб Ванчук стал советником малолетнего Далай-ламы. В 1868 г. Ассамблея назначила управляющим двора Далай-ламы Пэлдэн Дондуба. Это был человек суровый и властный. У входа в свою канцелярию он приказал всегда держать свежеснятую шкуру быка или яка. Провинившихся немедленно после установления вины заворачивали в еще сырую шкуру, которая, высыхая на солнце, стальным панцирем, как обручем, стягивала жертву, причиняя ей невыносимые мучения, после чего ослушника бросали в реку, где он и тонул. Жестокость и безжалостность Пэлдэн Дондуба временно {165} уменьшили коррупцию среди чиновников, позволили ему собрать значительные средства в казну, но, разумеется, восстановили против него большую часть лхасской элиты.

Пэлдэн Дондуб быстро привык наслаждаться неограниченной властью, и подрастающий Далай-лама XII становился для него неприятной помехой. В 1871 г. Пэлдэн Дондуб задумал засадить ламу в отшельнический скит. Кашаг выразил протест против подобного плана. Тогда Пэлдэн Дондуб приказал арестовать трех *калонов*, а *калона* Цого велел завернуть в свежую шкуру и бросить в реку. Советник Далай-ламы Кэнраб Ванчук объединил противников Пэлдэн Дондуба. Он объявил о роспуске «Ассамблеи чиновников и монахов Гандена и Дэпуна». Преследуемый солдатами и монахами монастыря Сэра, Пэлдэн Дондуб покончил с собой. Его сторонники, в том числе Цэрин Ванчук Шэтра, были арестованы и высланы из Лхасы.

Место распущенной Ассамблеи заняла Национальная ассамблея (Цонду), включавшая на первых порах настоятелей «трех великих монастырей» (Сэра, Ганден и Дэпун) и руководителей правительственных департаментов [Shakabpa, 1967, p. 187-190; Ya Hanzhang, 1993, p. 207-208; Smith, 1996, p. 140]. Именно с этого времени Национальная ассамблея формально стала высшим органом управления в Тибете[10].

В 1872 г. умер Кэнраб Ванчук. В 1873 г. Далай-лама XII взял власть в свои руки, но в начале 1875 г. он внезапно скончался. Кашаг арестовал двух его фаворитов по подозрению в отравлении, конфисковал их имущество и выслал из Лхасы.

Слухи о насильственной смерти Далай-лам возникали в Тибете неоднократно. О них писал еще Гюк, который видел Лхасу в 1846 г.: «Во время нашего пребывания в Ла-Ссе (Лхаса. — Б.М.) на троне Тале-ламы сидел девятилетний мальчик; трое его предшественников умерли насильственной смертью, не достигнув совершеннолетия... Первого Тале-ламу будто удавили, второй был задушен в своей спальне, третий же отравлен вместе со всеми членами своего многочисленного семейства» [Гюк и Габэ, 1866, с. 246-247].

Слухи об отравлении Далай-ламы XII и его родных во время путешествия по монастырям южного уя держались особенно упорно. О них сообщают, в частности, Н.М. Пржевальский и Г.Ц. Цы-биков [Пржевальский, 1883, с. 271; Цыбиков, 1981а, с. 151; Bell,

[10] Разумеется, Далай-лама мог принимать любые решения, даже противо¬речившие решениям Национальной ассамблеи.

1924. p. 124]. {166}

Ни регенты, ни лхасская элита, по крайней мере значительная ее часть, ни цинские власти и их представители в Тибете не были заинтересованы в появлении сильного харизматического лидера во главе Тибета, так сказать, второго Великого Далай-ламы V. А у молодых Далай-лам, часто слабых здоровьем, погруженных в изучение канонов, как правило, не оказывалось влиятельных сторонников, и даже если они достигали 18-летия и получали в свои руки печати для религиозных и государственных дел, то не очень долго оставались у власти и «неожиданно» покидали сей мир.

«Китайцы постоянно стараются лишить жизни Далай-ламу раньше, чем тот достигнет совершеннолетия, — утверждала А. Марстон, — хорошо сознавая, что способный правитель, почитаемый с необычайной преданностью не только жителями Тибета, но и всем окрестным буддийским народонаселением, легко может свергнуть китайское иго» [Марстон, 1896, с. 18].

Экономика, социальные отношения и государственно-административное устройство Тибета

Границы и население

В течение столетий границы территории, находившейся под непосредственным управлением правительства Лхасы, постоянно менялись. Но прямое управление Лхасы всегда осуществлялось в областях уй и Цзан, в западнотибетской области Нгари и на части Восточного Тибета [Описание Тибета в нынешнем его состоянии, 1828, с. 200]. Далай-лама, глава секты Гэлугпа, признавался всеми тибетцами в качестве религиозного и политического лидера Тибета, был символом всего тибетского, высшим сакральным авторитетом в тибетском буддизме. С.Ч. Дас определил численность всех тибетцев цифрами от 2,5 до 3 млн. человек. Н.М. Пржевальский говорил о 1,5 млн. человек всего населения, имея в виду территорию, непосредственно подчиненную правительству Далай-ламы (Уи, Цзан, Нгари и Кам) [Пржевальский, 1883, с. 273]. П.К. Козлов называет эти же четыре района и приводит такие цифры: 1,5 млн. человек при 300 тыс. монахов [Козлов, 1920]. {167}

Экономика

Земледелие. Тибет в XIX в. оставался страной с относительно малочисленным населением и малопродуктивным материальным производством. Большая часть тибетцев занималась земледелием, меньшая — скотоводством.

В Тибете земледелие было богарным или поливным. Полив производился из рек, воду иногда на большие расстояния подводили к полям по деревянным желобам, выдолбленным из древесных стволов и установленным на козлы. Там, где полив производили из рек, каждая семья имела свои оросительные сооружения. Там же, где поля были выше воды, возводились дамбы, плотины, и для пользования водой семьи объединялись в группы, а каналы принадлежали тем семьям, которые их построили или на средства которых они были сооружены, либо общине, если они возводились общими усилиями ее членов. Владельцы каналов распределяли воду за плату. Конфликты, связанные с распределением воды, обычно решались местными властями.

Главная культура Тибета — ячмень, единственный злак, который хорошо растет и в долинах, и на больших высотах. Второе место принадлежит гречихе и пшенице. Сеют тибетцы также овес, просо, горох и бобы. Очень много высаживается редьки, репы, моркови. На огородах выращивают капусту и картофель. В садах Южного и Центрального Тибета выращивают яблоки, груши, грецкий орех, абрикосы и виноград.

Обычный урожай ячменя сам-шест, в лучшие годы — сам-десят.

Пахали тибетцы землю деревянным плугом с деревянным же лемехом, иногда с насаженным на него железным наконечником. Обычно плуг делался из ивы. Тянула его пара быков, чаще всего *чжа (дзо)* — помесь яка с коровой. Рога быков соединялись деревянным поперечным брусом, к середине которого крепили дышло. Поле пахали наискосок, чтобы постепенно согнать с земли всех злых духов в один угол и привалить их там камнем потяжелее. Пары быков было достаточно для обработки участка земли, которым владела средняя крестьянская семья.

Обычно пахота и сев происходили в марте, уборка зерна производилась в августе. Мололи зерно ручные или водяные мельницы. В качестве платы за помол брали 10% полученной муки.

В целом урожаи в Тибете были невысокими. И хотя землю удобряли (в основном золой и навозом), религиозный запрет {168} убивать все живое мешал борьбе с вредителями, и много хлеба поедали насекомые, грызуны и птицы. Примитивная техника вспашки также не обеспечивала высоких урожаев.

Скотоводство. В Тибете имеются благоприятные условия для развития скотоводства. Это и просторные выпасы, и обилие соли в почве, и отсутствие летом насекомых. В целом по Тибету 15% населения занято только скотоводством.

Скотоводческие районы Тибета лежат на его северо-западных, северных и северо-восточных окраинах, в Каме — к северу от Чамдо, в Уй и Цзане — в основном к югу от оз. Ямдок. У тибетцев-кочевников скотоводство экстенсивное, укрытий для скота кочевники, как правило, не сооружают. Тем не менее во многих местах скотоводы стараются сделать хотя бы минимальные запасы кормов на зиму. В земледельческих районах скот зимой подкармливают соломой и горохом.

Главным домашним животным тибетцев был як (*шалу* — як-бык, *ди* — самка яка). Тибетцы также в большом количестве разводили коров, овец, лошадей, коз, ослов, мулов.

Роль скотоводства в жизни страны велика. Одна и та же группа населения может жить по-разному летом и зимой: летом переходить на пастбища, зимой — возвращаться в деревни. Скотоводы и земледельцы, живущие по соседству, традиционно обмениваются продуктами своего труда. Такой обмен носил постоянный и локальный характер и вполне соответствовал форме натурального обмена.

Нередко одно племя делилось на две части — группу земледельцев, живущих в долине, и группу скотоводов, живущих на пастбищах. Обе группы имели одно племенное имя и одного вождя.

Пастбища составляли собственность всего племени. Скот был собственностью отдельных семей. Кочевники платили дань вождям или покорившим их правителям княжеств и губернаторам провинций.

Ремесло. Помимо земледельцев и скотоводов в Тибете были семьи, занимавшиеся преимущественно рыбной ловлей, охотой, ремеслом и торговлей.

Тибет издавна славился продуктами ремесла, сукнами и разными шерстяными тканями, коврами, упряжью и изделиями из кожи, холодным оружием (кинжалами, мечами и т.п.), художественным литьем из меди и бронзы, ювелирными изделиями.

Отдельные районы Тибета были известны своими ремесленными изделиями: Гьянцэ — производством ковров, Дэргэ — кинжалов, {169} Нагчука — сбруи, Шигацэ — серебряных украшений. Деревни Танаг и Лхолин, расположенные на берегу р. Цанпо недалеко от Шигацэ, славились производством глиняной посуды, которая находила сбыт не только в Тибете, но также в Сиккиме и других странах, лежащих по южную сторону Гималаев [Дас, 1904, с. 89].

В городах ремесленники были объединены в цехи. Цех возглавлял мастер — *цимо*. Ремесленник часто и сам продавал собственные изделия. Его дом был мастерской и лавкой одновременно. Часть своего заработка он должен был отдавать цеху. Мастер

представлял цех перед властями, распределял среди членов цеха налоги и повинности. Ремесленник не мог покидать город без разрешения мастера.

Торговля. Торговля в Тибете была меновой, в меньшей степени — денежной. Развитие ее сдерживалось трудностями передвижения. В стране отсутствовали дороги в обычном понимании и не использовался колесный транспорт [Харрер, 1953, с. 291]. Груз по тропам и караванным путям везли яки и овцы, а владельцы груза путешествовали на тех же яках или лошадях. В Тибете XIX в. только Далай-лама, Панчен-лама, регент и амбани имели право пользоваться носилками-паланкином [Дас, 1904, с. 230].

Торговым сезоном считались зимние месяцы, начиная с конца ноября. В это время оканчивались дожди, уже был собран урожай и заготовлена провизия, прекращались сельскохозяйственные работы. Внутри страны обмен совершался в двух направлениях — землевладельцы и скотоводы обменивались продуктами своего труда, а те и другие обменивали свои продукты на продукты ремесла. В больших городах, таких, как Лхаса, Шигацэ, Гьянцэ, Нагчу, Чамдо и др., помимо рынков имелись постоянно работавшие лавки.

Меновая торговля занимала главное место. Своего рода условной монетой служили плитки китайского чая. В обращении были также тибетская серебряная монета, китайские монеты, индийские рупии и слитки серебра.

В районах торговая деятельность была сосредоточена вокруг монастырей, которые взимали определенный налог с торгующих. Монастырю, особенно на городских рынках, могли принадлежать и лавки, которые он сдавал в аренду торговцам. Торговый обмен между тибетцами и их соседями велся постоянно и имел большое значение для тибетского хозяйства. Важнейшими центрами торговли с Китаем являлись города Синин и Дацзяньлу (Кандин).

«Лхасское правительство, — писал С.Ч. Дас, — ежегодно посылает по два каравана и более в торговые центры, находящиеся на {170} границах с Китаем, для закупки товаров для правительства» [Дас, 1904, с. 253]. Сюда же везли свои товары тибетские и китайские торговцы. В Китай везли шерсть, шерстяные изделия, кожи и меха, ячьи хвосты и рога антилоп, ревень, благовония, буру, курительные свечи, пряности, буддийские книги. Из Китая в Тибет ввозили хлопчатобумажные и шелковые ткани, сахар, фарфор, железные орудия, изделия из кожи, бирюзу, лекарства, табак, муку, рис, уксус, ружья, седла, сапоги, чугунные чаши, но главным предметом ввоза являлся кирпичный китайский чай [Пржевальский, 1883, с. 367; Сувиров, 1905, с. 113]. С юга, из-за Гималаев в обмен на тибетские товары, включая драгоценные металлы, везли рис, хлопчатобумажные ткани, пряности, предметы роскоши, например кораллы.

Внешнюю торговлю вели в основном *качисы* — кашмирцы и *балпо* — непальцы. В Лхасе постоянно находился представитель Непала, и непальские купцы пользовались правом экстерриториальности (после договора 1856 г.). Кашмирцы-мусульмане жили в Лхасе в течение многих столетий и составляли, как свидетельствовал Гюк, богатейшую часть населения столицы Тибета.

«Ежегодно несколько мусульманских купцов отправляются в Калькутту, — писал Гюк, — им одним только дозволяется переходить англо-индийскую границу. Тале-Лама дает им паспорты и конвой до Гималая (так в тексте. — Б.М.). Они привозят с собой ленты, галун, ножи, ножницы и другие металлические товары и небольшой выбор шерстяных материй. Шелка и сукна выписывают они из Пекина; сукна русской фабрикации дешевле калькуттских» [Гюк и Габэ, 1866, с. 240]. С иноземных купцов тибетские власти взимали пошлину в размере одной десятой стоимости привезенных ими товаров. Через территорию Тибета осуществлялась транзитная торговля китайскими и индийскими товарами. Так, китайский плиточный чай тибетцы везли в Ладак и Непал. Караваны из Непала, Ладака, Верхнего Тибета доставляли в Центральный Тибет золото, соль, буру, шерсть, мускус и меха в обмен на чай, сахар, табак, бумажные изделия, тонкое

сукно и железные товары [Уоддель, 1906, с. 161]. Внутренняя тибетская торговля находилась в руках непальских, кашмирских, китайских и тибетских купцов. «Большая часть магазинов, которые мы видели по пути, содержалась кашмирцами, непальцами и китайцами, — писал С.Ч. Дас об улицах Лхасы, — тибетских магазинов было мало, и притом все они были плохо обставлены» [Дас, 1904, с. 193]. Столица Тибета являлась в XIX в. относительно небольшим городом, «в окружности не более двух часов езды и не окружена стеной» [Гюк и Габэ, 1866, {171} с. 233]. «Город оказался меньше, чем мы ожидали. Его сплошная часть занимает пол квадратной мили, — писал Уоддель, — улицы Лхасы очень узки, не вымощены и не осушаются; но главные из них проложены по хорошему плану. Дома большей частью выстроены из камня и в них два, три этажа; у них плоские крыши (покатой нет ни одной). Их стены заботливо выбелены известью, балки очень часто выкрашены коричневой или синей краской» [Уоддель, 1906, с. 250]. «Дома выстроены из камней, кирпича или просто из земли, в одном предместье дома целого квартала выстроены из воловьих и овечьих рогов: это оригинальные, но весьма прочные здания, приятной наружности» [Гюк и Габэ, 1866, с. 233]; см. также [Пржевальский, 1883, с. 269]. Н.М. Пржевальский оценивал постоянное население Лхасы в 20 тыс. жителей, добавляя, что зимой это число увеличивается до 40-50 тыс. за счет богомольцев и торговцев [Пржевальский, 1883, с. 269].

В 1904 г. население Лхасы, по мнению непальского представителя, насчитывало 30 тыс. человек, из которых 20 тыс. были монахи, а из оставшихся 10 тыс. тибетцев было около 7 тыс., китайцев и синотибетцев — 2 тыс., непальцев — около 800, кашмирцев и ладакцев — около 200, бутанцев — 50, монголов — 50 [Уоддель, 1906, с. 254-255; Козлов, 1920, с. 43]. Среди тибетцев большинство составляли женщины. Проживавшие в Лхасе китайцы почти все были военными, полицейскими или чиновниками. Китайские солдаты лхасского гарнизона по правилам должны были сменяться через три года [Гюк и Габэ, 1866, с. 240; Уодделъ, 1906, с. 255]. Выходцы из Бутана (пебуны), по воспоминаниям Гюка, — лучшие ремесленники: кузнецы, медники, механики, котельщики, золотых дел мастера, бриллиантщики, а также красильщики и врачи [Гюк и Габэ, 1866, с. 239]. Мусульмане из Кашмира, богатые купцы, держали в своих руках значительную часть внешней и внутренней торговли Тибета. Но самыми богатыми и влиятельными в Лхасе являлись непальцы — купцы и ростовщики [Дас, 1904, с. 238]. Непальские магазины и лавки существовали почти в каждом городе Тибета. Непальцы, естественно, контролировали торговлю с Непалом и Индией. С расширением британских владений в Индии и приближением их к границам Тибета увеличивался поток товаров из этих владений в Лхасу. Если путь от Лхасы до Синина торговые караваны проходили за 4 месяца, то после проведения железной дороги Калькутта — Дарджилинг в 70-е годы XIX в. товары стали доставлять из Калькутты в Лхасу за три недели. Причем в Калькутте, как отмечал С.Ч. Дас, «в настоящее время можно приобрести за недорогую {172} цену большинство китайских товаров, которые ценятся тибетцами» [там же, с. 253-254].

От расширения английской торговли страдали и непальские купцы [там же, с. 91-92]. Англичане настойчиво добивались открытия тибетского рынка и торговых привилегий. Объем тибето-индийской (английской) торговли в конце ХГХ в. непрерывно рос, даже еще до заключения специальных соглашений. Из Индии в Тибет везли продовольствие, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, металлические изделия, сахар и табак в обмен на скот, шерсть, буру, соль и др. [Сувиров, 1905, с. 122].

Государство

Тибет XIX в. был теократическим государством. Религии принадлежала монополия в сфере идеологии и культуры, она играла ведущую роль в политике, экономической и социальной сфере. Главной и основной функцией государства являлись защита и распространение религии, обеспечение потребностей монашества. Монашество, в свою

очередь, направляло всю повседневную жизнь тибетского общества и каждого тибетца и было представлено на всех уровнях и во всех органах государственной власти.

Во главе государства всегда находился монах — Далай-лама или регент. Тибетская элита была представлена, прежде всего и главным образом, монашеством. Далай-лама, реинкарнация бодхи-саттвы Авалокитешвары, являлся абсолютным, никем и ничем не ограниченным в своей власти правителем Тибета.

Все монастыри секты Гэлугпа независимо от того, на какой территории они находились, подчинялись непосредственно Далай-ламе и часто являлись «дочерними» монастырями трех «великих лхасских монастырей» — Сэра, Дэпун и Ганден, куда и направляли своих монахов на обучение. Глав этих «дочерних» монастырей либо прямо назначал Далай-лама, либо осуществлялась процедура их реинкарнации, опять-таки при руководящей роли лхасских лам. Через эти монастыри Далай-лама и правительство Лхасы могли влиять и влияли на религиозную и политическую ситуацию в соответствующих районах. Все иные секты тибетского буддизма и все зависимые владетели, а также так называемые живые будды признавали высший авторитет Далай-ламы. Более того, к Далай-ламам обращались с просьбой вынести окончательное решение, например по вопросам права наследования власти в Ладаке и Бутане либо о внутренней администрации буддийской церкви в Сиккиме {173} [Carrasco, 1972, p. 79]. В промежутке между смертью Далай-ламы и обнаружением нового перерожденца, а также в течение всего времени несовершеннолетия Далай-ламы власть находилась в руках регента. Регента обычно назначали из числа лам-перерожденцев из четырех лхасских так называемых царских монастырей.

Почти весь XIX в. Далай-ламы не играли самостоятельной роли ни в управлении страной, ни в делах церкви — всем распоряжались регенты. За этот пост велась постоянная борьба, и имущество свергнутых регентов обычно конфисковывали. Высшим органом исполнительной власти, подчиненным непосредственно Далай-ламе или регенту, был Кашаг, который состоял из четырех министров — *калонов*. Кашаг был создан в середине XVIII в. при Далай-ламе VII. Калоны назначались Далай-ламой и приносили ему клятву верности. Помимо Далай-ламы каждый из калонов утверждался еще ламой-оракулом и пинским императором.

Назначение было пожизненным. Каждый колон имел свою печать, но они не возглавляли какое-либо управление и не несли личной ответственности за какую-либо сферу деятельности. Все решения принимались коллективно с приложением печати каждого *калона*. Далай-лама или регент мог поручить любому *калону* решение конкретной задачи в военной, дипломатической, гражданской либо какой-либо иной сфере деятельности. Он же назначал и контролировал действия всех чиновников центрального и местного аппарата управления. Кашаг также являлся высшей судебной инстанцией. Одним из четырех *калонов* обычно был лама; по специальному постановлению 1894 г. такой порядок стал обязательным. Кашаг собирался на свои заседания ежедневно, кроме субботы. По четвергам в заседании Кашага принимал участие Далай-лама. В этот день Кашаг заседал во дворце Потала, и на заседании обсуждались дела страны за истекшую неделю.

Кашаг руководил великим секретариатом (Йигцзан), финансовым управлением (Цзикан) и другими ведомствами центральной администрации. Йигцзан возглавляли четыре ламы-чиновника. Великий секретариат ведал делами церкви. Он вел списки всех монастырей и монахов, должностей церковной иерархии страны, имущества монастырей, а также отвечал за обучение монахов — будущих чиновников. Деятельность Йищзана контролировал Чигьяб Кэмпо — монах-чиновник, через которого члены великого секретариата могли сноситься непосредственно с Далай-ламой или регентом, минуя Кашаг. Цзикан возглавляли четыре секретаря финансов (*цзипёна*), которые непосредственно управляли всей светской {174} администрацией. Цзикан ведал государственной собственностью, вел учет состояний светской знати и нес ответственность за подготовку

светских чиновников. *Цзипёнам* присваивался четвертый чиновничий ранг. Посты калонов, великих секретарей и цзипёнов являлись ключевыми постами всей тибетской администрации. Недаром в Тибете говорили, что четыре *калона* — это четыре внешние опоры, а четыре великих секретаря и четыре *цзипёна* — это восемь внутренних опор государства.

Кабинет министров при необходимости созывал Национальную ассамблею, в число членов которой обычно входили четыре великих секретаря, четыре *цзипёна*, некоторые руководители других центральных ведомств и представители трех великих лхасских монастырей, всего около 20 человек. Но в особых случаях собиралась Большая национальная ассамблея, в которой были представлены все монастыри Тибета. Тогда в ассамблее принимали участие помимо перечисленных выше лиц все бывшие настоятели Дэпуна, Сэра и Гандена, все светские и церковные чиновники, находившиеся в это время в Лхасе, все *дакпёны, рупёны* и *чжапёны* Лхасы, 20 младших чиновников и около 30 служащих. Документы с решениями Национальной ассамблеи заверялись четырьмя печатями: одна — от всех правительственных чиновников и по одной от каждого из трех великих монастырей: Дэпуна, Сэра и Гандена [Goldstein, 1989, p. 19-20]. В центральной администрации имелись ведомства сельского хозяйства, налоговое, обороны, почт и телеграфа и др. Обычно их возглавляли два начальника, один светский и один монах. Тибет был разделен на 53 округа (*цзон* — «замок», «крепость»), во главе которых стояли два начальника (*цзонпёна*) — один светский и один монах, причем лама считался старшим начальником [Дас, 1904, с. 312; Мак Говерн, 1929, с. 86]. Некоторые важные города и области управлялись губернаторами. И губернаторов, и *цзонпёнов* назначал Кашаг. «В каждом из этих округов тот или другой город или деревня служат административным центром. В большинстве случаев губернаторы живут в огромном укрепленном замке, расположенном на вершине невысокой горы, господствующей над окружающей равниной; город или деревня лежат у подножия этой горы» [Мак Говерн, 1929, с. 85]. *Цзонпёны* и губернаторы назначались обычно на три года [уодделъ, 1906, с. 296]. Их главной задачей являлись сбор и присылка в Лхасу ежегодно определенной натуральной подати. Почти во всех остальных делах они пользовались огромной и часто бесконтрольной властью, в особенности в отдаленных от столицы округах. А. Уоддель в книге «Лхаса и ее тайны» {175} приводит табель о рангах тибетской администрации. Имелось семь разрядов. Высший — первый ранг имел один только Далай-лама. Второй ранг имели регент и первый министр (если таковой официально утверждался). Третий ранг имели *калоны*; четвертый — члены Йигцзана и Цзикана, губернаторы важнейших областей, главнокомандующий (если он был назначен в связи с военным положением) и генералы (*дакпёны*). Пятый ранг присваивался *цзонпёнам*, командирам военных частей (*рупёнам*), некоторым чиновникам казначейства, судьям, ламам-правителям городов и др. Шестой ранг получали капитаны (*чжапёны*), некоторые служащие центральных ведомств. Седьмой ранг получали различные чиновники-инспекторы, местные чиновники и сельские старосты (*дзопёны*) [там же, с. 128].

Лхасская знать и дворянство

В Тибете существовало 150-200 светских знатных фамилий. Так, представители лхасской знати занимали 175 постов в центральной администрации, но поскольку из некоторых семей происходили два чиновника, то общее число знатных семей составляло примерно около 150. Один из источников приводит более точную цифру — 164 семьи светской аристократии Лхасы [Carrasco, 1972, p. 127-128]. К высшей знати принадлежали, во-первых, семьи, в которых имела место реинкарнация Далай-ламы. После смерти Далай-ламы его семья получала новое имя, под которым она и становилась известна в дальнейшем. К таким фамилиям следует отнести Самдуб Побран (происходившую от брата Далай-ламы VII); Лхалу (от брака потомков родственников Далай-лам VIII и XII);

Пункан (по одним сведениям, от брата Далай-ламы X; по иным данным — от брата Далай-ламы XI); Юток (от потомков одного из членов семьи Далай-ламы X) и Ландун (от семьи Далай-ламы XIII) [ibid., p. 128, 258-259].

К высшей знати принадлежали потомки древних цэнпо Тибета либо крупных местных правителей (*дэпёны*). Две фамилии вели свою родословную от древних владетелей, правивших еще до правления Сонцэн Гампо (629-649). Это были семейства Ракашаг и Лха Гьяри. Владение фамилии Лха Гьяри и в XIX в, являлось своего рода полунезависимым владением. Всего же к высшей знати этой группы принадлежало пять аристократических семей.

К *дэпёнам* относились и семьи, которые вели свой род от выдающихся сановников или министров. Например, семья Тонпа {176} происходила от Тонми Самбхота, министра Сонцэн Гампо, с именем которого связано создание тибетской письменности. Семья Дорин вела свой род от Падмасамбхавы. Семья Палха происходила от семьи бутанского монаха, поступившего на службу в администрацию Лхасы в XVII в.

Все перечисленные семьи составляли высшую светскую знать Лхасы. Как правило, браки у них совершались только в своем аристократическом кругу. Всего таких семей было 15-20 [Carrasco, 1972, p. 129,132]. Остальные знатные семьи Лхасы были, если можно так выразиться, обычной знатью, дворянством. Только в редких случаях простолюдин мог подняться в круг этой знати. Для этого он должен был иметь достаточное богатство, личные способности, быть усыновленным или жениться на девушке из знатной семьи.

Карьера регента Шэтра в XIX в. может служить одним из редких примеров такого выдвижения на высшие посты человека из низов тибетского общества. Простолюдин по имени Пишипа стал первоначально монахом в Ташилунпо и достиг здесь высокого ранга. В возрасте 30 лет он стал монахом-чиновником в Лхасе и был взят секретарем к *калону* Шэтра. Тот усыновил талантливого секретаря и выдал за него свою дочь. После смерти своего приемного отца Пишипа унаследовал его должность и стал *калоном* Шэтра. Впоследствии он вновь стал ламой, выдвинулся в Кашаге и стал первым министром, а после событий 1844 г. — регентом [ibid., p. 129]. Именно об этом человеке писал Гюк: «Регент был человек очень даровитый и только своими необыкновенными способностями из самой низкой среды достиг высокой степени калона» [Гюк и Габэ, 1866, с. 261].

Другой пример — Дзэсар — служитель дома Далай-ламы, благодаря активности которого удалось задержать китайский отряд, преследовавший Далай-ламу в 1910 г. во время его бегства в Индию. После возвращения Далай-ламы в Лхасу в 1913 г. глава семьи Царон и его сын были казнены за их связи с китайцами, и семья Царон осталась без главы — мужчины. С разрешения Далай-ламы простолюдин Дзэсар женился на вдове Царона, на дочери Царона и на вдове сына Царона и стал главой фамилии Царон. Новый Царон стал *калоном*, главнокомандующим и начальником монетного двора.

Каждая знатная фамилия занимала один или два поста в администрации в зависимости от количества имений и условий, на которых эти имения ей предоставлялись. Главе фамилии наследовал сын, обычно старший, но не обязательно. Сын наследовал и {177} имение, и обязанность служить. Младшие (другие) сыновья могли либо стать ламами, либо быть найдены в качестве перерожденцев так называемых живых будд, либо в дальнейшем стать ламами-чиновниками. Они имели возможность в будущем, в зависимости от обстоятельств в их семье, выйти из монашества и стать главой семьи и светским чиновником. Младшие «дворянские» сыновья могли быть усыновлены другой знатной семьей, в которой не имелось сыновей.

Если сыновья из знатных семей не наследовали своим отцам, не становились монахами и не были усыновлены другими семьями, то они рассматривались как простолюдины. Их могли использовать для управления имениями семьи. Большинство младших сыновей все-таки становились монахами и лишь некоторые — простолюдинами.

Знатные семьи могли разделяться; в этом случае член семьи, получивший свою

долю фамильного владения, становился основателем новой фамилии. Число знатных фамилий пополнялось и в случае иммиграции в Лхасу представителей аристократии из соседних государств и княжеств. Так, например, член королевской семьи Сиккима бежал в Тибет, вступил во владение сиккимскими королевскими имениями на территории Тибета и основал фамилию Тэрин. Первый министр Сиккима в аналогичной ситуации стал родоначальником фамилии Тэлин. Принц Дэргэ, когда его княжество заняли китайские войска, бежал в Лхасу и вошел в ряды лхасской знати. После бегства Панчен-ламы в Китай в 1923 г. контролируемые им прежде районы перешли под прямое управление Лхасы, и «дворяне» этих районов (41 знатная семья) влились в ряды лхасской знати [Carrasco, 1972, p. 130-131,260].

Наконец, в ежегодно составляемых Кашагом списках чиновников находились имена представителей трех богатых тибетских купеческих фамилий: Помда Цан, Саду Цан и Цатул Цан. Молодые люди из этих трех семей вступали в брачные отношения с представителями знатных фамилий. Семья Помда Цан происходила из Восточного Тибета и сохраняла там большое влияние. Она породнилась с семьей Самдуб Побран из высшей лхасской знати. Саду Цан были самыми богатыми тибетскими торговцами в Калимпонге.

Молодой дворянин начинал учиться в финансовом управлении и готовился к занятию какой-либо должности. Уже в это время ему присваивался седьмой ранг. Трижды в год Управление финансов представляло в Кашаг имена подготовленных для правительственной службы студентов. Окончательное решение принимали Далай-{178} лама или регент. Чиновника назначали на какую-либо должность на три года с соответствующим этой должности рангом. Затем следовало назначение уже на другую должность, что определялось его успехами, способностями, связями семьи и т.п. Помимо системы рангов имелась система почетных титулов. Отцы и братья Далай-ламы получали китайский титул *гун*[11]. Присваивались также монгольские титулы *дзасак* и *тайджи*[12]. Держатели этих титулов, вне зависимости от их административных должностей, получали третий ранг, причем имевшие титул *гун* рассматривались как стоящие выше *калонов*, а *дзасаки* и *тайджи* — ниже. Специальные привилегии имели и дети дворян из семей, предки которых занимали должность *калонов*. В частности, в период обучения в Управлении финансов они уже имели четвертый ранг, а не седьмой, и, разумеется, быстрее продвигались по административной лестнице, обычно сами становясь калонами. Чиновники высших рангов (четвертого и выше) и имевшие почетные титулы участвовали в Национальной ассамблее вместе с настоятелями трех великих монастырей.

Земельные владения дворянских семей были наследственными, но их административные должности и политические позиции наследственными не являлись. В кругах высшей лхасской знати можно было возвыситься до самых вершин власти, стать колоном или регентом, но можно было и пасть с этих вершин, несмотря на все привилегии рождения. Последнее особенно относилось к регентам. За этот пост среди лхасской элиты постоянно шла борьба, и каждая смена регента сопровождалась конфискацией имущества того, кто потерял власть.

Местное дворянство

Помимо лхасских знатных семей существовали и местные дворяне. Под этим названием объединены разные прослойки и группы привилегированных. Это и наследники древних фамилий в зависимых княжествах, и местные чиновники при *цзонпёнах*, и чиновники низшего ранга в армии, почтовой службе и т.д. Все {179} они

---

[11] При цинской династии китайский титул *гун* (князь) поначалу присваивался лишь монгольским князьям. *Гун* — это князь 6-й степени (в порядке значимости княжеские звания подразделялись на следующие: *циньван, цзюнъван, бэпле, ёэйсэ, тушэ-гун, гун*).

[12] *Дзасак* — наследственный правитель удела (*хошуна*) в Монголии при Цинах, здесь — почетный титул. *Тайджи* — звание невладетельных феодалов в Монголии при Цинах, здесь — почетный титул.

также владели имениями. В центральных провинциях имелось относительно мало представителей подобного местного дворянства. Крестьяне были прикреплены к имениям церковных иерархов, монастырей, знати либо управлялись чиновниками, назначенными центральным правительством. Например, в районе Пари два *цзонпёна* с двумя казначеями, одним сборщиком налогов и одним секретарем имели дело непосредственно со старостами деревень, которых выбирали крестьяне. Но здесь же, в Пари, наравне с наследственными деревенскими старостами управляли несколько местных вождей, владельцев имений, которые не входили в лхасское «бюрократическое» дворянство [Carrasco, 1972, p. 134]. В Конпо местные вожди управляли большими земельными владениями. Они формально подчинялись администрации района, но практически имели больше власти в своих владениях, чем местные чиновники. В Цаюле несколько деревень не платили налоги, но находились в зависимости от чиновников округа. Жители этих деревень были переселены из Центрального Тибета и получили на новом месте землю на льготных условиях. Но одна из этих деревень уже была пожалована тибетским правительством за службу местному чиновнику. Вдова смещенного правителя Поюла после смерти своего мужа получила от правительства Лхасы земельное владение [ibid].

Более ясную картину системы местного управления можно увидеть в Западном Тибете. Провинцией Нгари управляли два светских губернатора, назначаемых Лхасой на три года. Резиденцией губернаторов служил город Гарток. Губернаторам подчинялись четыре чиновника — правители округов Рутог, Цапаран, Даба и Пуран, их также назначали из Лхасы на три года. На всей территории провинции почтой заведовал один почтовый чиновник. В провинции находилось много монастырских имений, при этом все монастыри являлись «дочерними» по отношению к монастырям Центрального Тибета, и, соответственно, всеми монастырями управляли настоятели и казначеи, которых присылали на три года из Лхасы.

Большое владение с центром в Тарчэне принадлежало бутан-ской церкви, им управляли чиновники из Бутана.

Чиновники администрации в большинстве случаев не имели дела непосредственно с крестьянами. В Нгари 13 территорий находились под управлением наследственных вождей *пён* — некоторые территории в земледельческих районах, таких, как Пуран или Цугэ, другие — в скотоводческих. Так, например, в округе Пуран все{180} деревни, не принадлежавшие монастырям, объединялись в три «территории». Наследственные вожди отвечали за поддержание порядка и сбор налогов и подчинялись районному чиновнику в г. Таклакот.

Провинцией Накцзан управляли два цзонпёна, которых назначала Лхаса. *Цзонпёны* находились в Сэнцза. Провинция делилась на районы, управляемые наследственными вождями, собиравшими налоги и передававшими часть их *цзонпёнам*.

В Намру также имелись местные вожди (*дэпа*), подчинявшиеся чиновникам из Лхасы. Еще севернее, в Хорпа было пять даннических владений, причем главное из них — Цзэмар — возглавлял вождь с титулом *дэпён*, считавшийся старшим среди всех пяти. Вожди округа Хор посылали дань непосредственно императорскому двору один раз в четыре года [ibid., p. 135-136].

Наследственные старосты деревень и наследственные местные вожди составляли низшее звено управления в тибетском обществе. Строго говоря, они не входили в административный аппарат государства. Как правило, в источниках эти люди лишь упоминаются и нет подробного описания их прав и обязанностей, их функций и т.п.; часто даже трудно отнести конкретное лицо к той или другой категории. Но существование обеих категорий низших управленцев в целом не вызывает сомнений.

Княжества

На тибетской территории также существовали небольшие княжества, или владения,

подчинявшиеся непосредственно правительству в Лхасе. Над ними не было власти цзонпёнов или местных чиновников. В этих княжествах имелись свои чиновники и мелкие вожди либо наследственные деревенские старосты.

Крупнейшим полунезависимым владением являлось владение Панчен-ламы с центром в Ташилунпо. Панчен-лама управлял тремя районами: Лхацзэ, Пунцок Намгьяллин и Гамрин. Некоторое время под его контролем находилась также территория Камба-*цзона*. Это были густонаселенные земледельческие районы в долине р. Цанпо и часть скотоводческих территорий к северу в районе Чантан. Система управления в Ташилунпо в общем копировала лхасскую.

Существовало местное дворянство, из представителей которого назначались чиновники (*дункор*), получавшие земельные владения {181} [ibid, p. 139]. Из 28 семей брались светские чиновники, а из 13 семей — религиозные. Две фамилии (из 41) являлись боковой ветвью двух лхасских знатных фамилий.

Казначейство Панчен-ламы предоставляло монастырям в Таши-лунпо и их «филиалам» в других районах земельные владения и продовольственные выдачи (ячмень и т.п.).

В Центральном Тибете единственным полунезависимым владением, о котором сохранились сведения, являлось владение одной из знатных лхасских фамилий, Лха Гьяри. Около 1912 г. эту фамилию возглавляли три брата. Старший из семейства владел большой территорией от перевала Пу до пров. Дагпо, в рамках которой ему принадлежали весь административный район Рончакар, а также район золотодобычи около перевала Пу. Семья Лха Гьяри стала наследственно владеть этой территорией в XIII в.

По этим же сведениям, около 1912 г. второй брат служил офицером в тибетской армии и погиб в бою с китайцами, а младший — являлся «живым буддой» в районе Таван.

Полунезависимым княжеством на юго-западе от Лхасы был Поюл. Здесь находился наследственный правитель Каннам-*дэпа*, плативший дань Лхасе. В то же время правительство Тибета периодически назначало в это владение районных чиновников. Около 1910 г. в столице княжества Поюл Това при *дэпа* имелся совещательный совет из восьми человек. Княжество состояло из пяти владений: Танма, Ката, Гонцза, Като и Ньило во главе с местными вождями — данниками *дэпа*. В Поюле имелись три владения, принадлежавшие непосредственно лхасскому правительству, и для управления ими Лхаса назначала трех *цзонпёнов*. *Цзонпёны* обычно сами не приезжали в эти владения, а присылали управляющих. Владение Падмако в излучине р. Цанпо принадлежало лично правителю Поюла. Правитель назначал туда трех чиновников, одним из которых всегда был лама.

В Западном Цзане полунезависимым княжеством являлись владения Сакья. Они включали около 60 деревень и около 20 монастырей, расположенных в этом районе. У сакьяского иерарха имелись первый министр и штат чиновников. В Амдо и в других районах существовали «дочерние» монастыри Сакья, настоятели которых назначались, или, лучше сказать, определялись, сакьяскими иерархами и которые посылали своих послушников и монахов на обучение в Сакья.

В Каме действовали крупные монастыри секты Гэлугпа. Монастырь в Чамдо возглавлял «живой будда» Пагпа Лха. Управленческий {182} штат монастыря составляли три главных ламы (ламы-министры) и 24 светских чиновника. Монастырь контролировал территорию, на которой проживало более 80 тыс. семей. Непосредственно в монастырских имениях находилось более 10 тыс. семей крестьян. К юго-востоку от Чамдо монастырь Дагьяб также возглавлял «живой будда». Монастырь Чамдо являлся филиалом монастыря Сэра, а монастырь Дагьяб — филиалом монастыря Дэггун. Настоятели упомянутых камских монастырей должны были пройти обучение в соответствующих лхасских монастырях, титулы им присваивались Лхасой, тибетское правительство также могло определять назначения внутри монастырской администрации. К западу от Чамдо и Дагьяба находился район Пагшод, владение «живого будды» монастыря Кунделин в

Лхасе. Территория Пагшод делилась на 6-8 небольших областей, которыми управляли чиновники, назначаемые на три года из Лхасы [ibid., p. 139].

Таким образом, внутри правящего класса тибетского теократического государства можно определить четыре основные группы: 1) высшая лхасская знать, 2) местные наследственные правители, 3) светские чиновники-дворяне, 4) чиновники-монахи.

Ко второй группе должны быть отнесены вожди полунезависимых владений Лха Гьяри и Поюл, правители небольших княжеств Кама, наследственный настоятель монастыря Сакья (являвшийся одновременно правителем полунезависимого владения Сакья), «живые будды» монастырей секты Гэлугпа и др.

В третьем случае мы имеем дело с «дворянскими» семьями, члены которых наделены наследственными семейными поместьями. Внутри своих имений они исполняли определенные судебные и административные функции. Они владели имениями на правах несения государственной службы в качестве чиновников. Как чиновники они к тому же получали жалованье. Чиновничьи должности не являлись наследственными, и каждый дворянин обычно в течение своей жизни занимал разные должности.

Монахи-чиновники, разумеется, тоже не передавали свои должности по наследству. Им не предоставляли земельные владения, но они получали жалованье. Правда, колоны и чиновники на местах (главы районов) получали временно земельное владение в соответствии с их должностью. Во всех случаях для всех представителей правящего класса права на владение землей были связаны с выполнением политико-административных функций, и наоборот. Чиновники получали свою часть доходов с земли в той или иной форме. Не существовало собственников земли (имений), не занятых {183} на государственной службе, не занятых управлением государства в широком смысле этого слова. С другой стороны, не существовало и чиновника, который не имел бы экономических привилегии. Те же сотни семей и лиц, которые владели землей, контролировали также и государственный аппарат, говоря иначе, они-то и представляли собой государственный аппарат.

Земельные отношения

Вся земля в Тибете считалась принадлежащей верховному правителю, т.е. Далай-ламе. От имени Далай-ламы производилось наделение крестьян землей для ее обработки в обмен на уплату налогов и выполнение повинностей.

Другая часть земли находилась под непосредственным контролем правительства Далай-ламы или его представителей, эту землю обрабатывали мобилизованные с этой целью крестьяне либо нанимаемые работники, и все доходы с нее поступали государству.

Доходы с обоих видов земель могли поступать прямо в государственные хранилища, а могли быть пожалованы Далай-ламой монастырям и знатным семьям (дворянам). Если Далай-лама жаловал землю местному правителю, монастырю или чиновнику за службу, то доход с этой земли шел полностью или частично тому, кому земля была пожалована.

Ч. Белл приводит общие суммы доходов по трем типам землевладения за 1917г. Доходы с монастырских земель составили 800 тыс. фунтов (42% всех доходов). К тому же с этих земель никаких налогов в казну не поступало. Государственное казначейство собрало с государственных земель доходов на 720 тыс. фунтов (37%). В руки знатных семей от их имений попало доходов на 400 тыс. фунтов (21% всех доходов). Доходы правительства в денежном выражении составили 60 тыс. фунтов, тогда как поставки продукции в натуральном виде — зерне, масле, чае, бумаге, ячьем навозе, сукне, дереве (строевом лесе), мясе — были оценены в 300 тыс. фунтов. Стоимость выполнения повинностей, главным образом транспортной (улд), составила 200 тыс. фунтов. Различные иные доходы правительства от земли оценивались в 160 тыс. фунтов ([Bell, 1946, p. 165-166]; цит. по [Carrasco, 1972, p. 86]).

Таким образом, основными являлись натуральные налоги, а налоги в денежной форме играли второстепенную роль.

Тибетская система взимания налогов требовала детального и тщательного учета. Постоянно проводились переписи населения {184} и земельные кадастры в каждом районе. Записи о земле и населении имелись также в каждом имении. Финансовое управление в Лхасе, возглавляемое четырьмя цзипёнами, сохраняло документы о всех имениях, принадлежавших государству и знатным семьям. Материалы об имениях, принадлежавших монастырям, хранились в Великом секретариате.

Государство взимало следующие налоги:

1. Подушный налог с каждого человека либо с каждой семьи соответственно ее составу; обычно взимался в денежной форме.

2. Налог на имущество крестьянской семьи, т.е. земельный налог и налог на животных; взимался либо натурой, либо деньгами.

3. Специальный налог на крестьянина натурой или в виде отработок за право владения землей.

4. Таможенная пошлина и налоги на провоз товаров деньгами или натурой.

Тибетское правительство получало также доходы от оплаты судебных дел, штрафов, от предоставления взаймы зерна и от торговли.

Следует добавить, что земельный налог (пункт 2) и специальный налог (пункт 3) государственное казначейство получало лишь с тех крестьян, которые владели участками государственной земли.

Земельный налог

Крестьяне платили земельный налог в зависимости от размеров земельного участка. Как уже говорилось выше, в Тибете земельный участок измерялся в *канах*, на одном *кане* можно было посеять от 10 до 60 *кхалов* зерна в зависимости от почвы, поэтому кан по-разному исчислялся для разных категорий земли. С каждого *кана* земли требовали уплаты денежного налога, определенное количество зерна и выполнения в тех или иных размерах транспортной повинности (улы).

По сведениям С.Ч. Даса, государственный земельный налог с каждого *кана* земли составлял от 50 до 55 унций[13] серебра в год, что равнялось 125 рупиям. Точная сумма налога, уплачиваемая в данном конкретном году, исчислялась в зависимости от урожая этого года. {185}

В каждом районе хранились записи об урожаях прошлых лет и качестве всех земельных участков. Сборщики налога оценивали урожай текущего года, качество земли на сегодняшний день и в соответствии с налогом за последние пять лет устанавливали сумму налога на этот год. В благоприятные урожайные годы государство забирало в качестве земельного налога до 2/5 урожая [Carrasco, 1972, p. 88].

На землях, впервые введенных в сельскохозяйственный оборот, сборщик обмерял размеры поля и оценивал урожай, причем должен был делать это лично, после чего устанавливалась сумма налога, который должно получить государство.

Земельный налог можно было уплатить тремя взносами — в ноябре, декабре и январе; в январе районный чиновник посылал всю сумму в Лхасу.

Налоги на домашний скот

Налоги на домашний скот взимались по числу голов. По сведениям 1850 г., один раз в три года из каждых десяти овец следовало отдать одну. В конце XVIII в. один раз в не определенное точно количество лет, от 13 до 20, брали одну лошадь из каждых десяти. Полную картину о взимании этого налога составить трудно.

---

[13] 1 унция серебра = 28,3 г.

Крестьяне Тибета страдали от большого числа реквизиций и отработок, количество и величина которых не были строго определены, а также не были одинаковыми в различных районах. Самой тяжелой и наиболее широко распространенной из отработок была транспортная повинность — *ула*. Размеры ее зависели от участка земли, которым владела семья. Лицо, имевшее от правительства право на проезд, обеспечиваемый *улой*, снабжалось подорожной — *ламиг*. По этой подорожной местные власти должны были предоставить проезжающему транспортных животных, продовольствие и людей для сопровождения. От транспортной повинности освобождались только владения монастырей. Светские землевладельцы и крестьяне обязаны были нести эту повинность. Но прежде всего все, что требовал проезжающий, брали из крестьянских хозяйств. Крестьянин к тому же вынужден был лично сопровождать владельца ламиг, на время пути кормить себя и своих животных и предоставлять проезжающему любое продовольствие по первому его требованию. Транспортная повинность наносила большой ущерб хозяйству крестьян, зачастую просто разоряя его. {186}

Из хозяйства крестьян государство путем взимания специального налога и различных реквизиций получало самую разнообразную продукцию. Виды и количество этой продукции в разных районах были различными. Здесь можно назвать масло, сыр, баранину, кожи, шкуры, шерсть, а также ткани (сукно), соль, золото, порох, боеприпасы, бумагу, железо, ящики, палатки и т.д. Получали и курительные палочки, топливо, бамбук, лесной материал (строевой лес), краску.

Отработки также были различными. Крестьяне должны были косить траву и носить воду, ткать сукно, заниматься строительными и горнорудными работами, ремонтом каменных дамб и т.д. Крестьяне обрабатывали земли имений и пасли стада их владельцев. Наконец, все крестьяне должны были нести воинскую повинность.

Вся система сбора налогов и выполнения повинностей была достаточно сложной. Так, например, отдельные районы или деревни могли выплачивать только один вид натурального налога либо выполнять только один вид повинности, и их освобождали от всех остальных видов. Например, в одной деревне вблизи Лхасы ткали одежду для Далай-ламы, и эта деревня не платила никаких иных налогов. Чиновники почтовых станций, офицеры низших рангов и, по всей видимости, старосты деревень и управляющие имений получали участки земли, свободные от уплаты налогов.

В XIX в. сборщики налогов и *цзонпёны* могли уменьшать сумму земельного налога в случае неурожая или в иных чрезвычайных обстоятельствах. *Цзонпёны* должны были обращаться с соответствующей просьбой в государственное казначейство.

Три типа земельных владений

Государственные земли. Финансовое ведомство в Лхасе сохраняло регистры всех земель, непосредственно управляемых государством. Продукция с этих земель поступала в различные казначейства (сокровищницы): в Лавране — в главное казначейство, в личное казначейство Далай-ламы, в резервное «казначейство Сыновей Неба» и в казначейство армии.

Из прокламации цинского амбаня, опубликованной около 1792 г., видно, что главное казначейство Тибета контролировало в это время 190 имений, расположенных в 54 различных районах. Эти имения обрабатывали крестьяне, призванные на отработки, или наемные работники.

Имения находились под контролем {187} *цзэпёнов* (счетоводов, учетчиков) и *дэпа*, назначаемых казначейством.

Начальники имений, один на каждое имение либо один на группу имений в каждом районе, ведали всем управлением имений.

Начальник имения мобилизовывал крестьян для выполнения трудовой повинности, и они должны были обрабатывать и поливать земли имения. Он предоставлял им семена и

рабочий скот. Урожай, который нужно было собрать с каждого имения, определялся в зависимости от качества земли и количества посеянных семян. После сбора урожая начальник имения передавал в казначейство установленное количество зерна и брал себе все, что удавалось собрать сверх этого. Иногда начальник имения лично не занимался делами, а посылал своих представителей, которые и вели дела от его имени.

В прокламации 1792 г. отмечались различные злоупотребления со стороны начальников имений. Например, они мобилизовывали большее количество крестьян, чем требовала обработка земель имения. «Лишних» крестьян заставляли обрабатывать личные земли. Были даже случаи, когда начальник имения «продавал» право на труд этих «лишних» крестьян.

Следует признать, что, хотя цинские амбани сами по себе часто отличались корыстолюбием, неумением либо нежеланием добиваться наведения порядка, обуздания коррупции, уменьшения произвола местных чиновников, в общем плане они были лично и весьма серьезно заинтересованы в поддержании порядка, сохранении спокойствия, в эффективном функционировании тибетского административного аппарата.

Спрос за все это со стороны императора и пекинских властей мог быть весьма строгим, и любые недостатки и ошибки в этом плане могли стоить лхасским амбаням карьеры, а то и головы. Кроме того, от величины доходов государственного казначейства в Лхасе зависела возможность личного обогащения амбаня, ведь он контролировал все расходы финансового ведомства.

Поэтому сильные и деятельные амбани могли являться и являлись своего рода «надзорной инстанцией» по контролю за всем аппаратом управления в стране, наблюдению за деятельностью всех чиновников, ограничению противоправных действий этих чиновников и т.п. Сказанное выше — отнюдь не восхваление существования самого института цинских амбаней, а констатация реального положения вещей. {188}

В прокламации 1792 г. цинский амбань попытался ограничить произвол и коррупцию начальников имений. С этой целью он потребовал составить полные списки семей крестьян в каждом имении и представить их в его канцелярию и колонам. Он обязал цзонпёнов и других местных чиновников проконтролировать составление списков. Разумеется, такое «бюрократическое» ограничение коррупции начальников имений если и могло иметь какой-либо эффект, то только временный.

Собранное в государственных имениях зерно частично отсылали в казначейство, другую часть *цзонпёны* сохраняли в своих районах.

Размеры имений существенно различались. Так, для обработки земли в имении Лонцзэ использовали лишь трех яков. В имении Намлин — 16 яков [Carrasco, 1972, p. 96]. Большинство имений находилось в земледельческих и густонаселенных районах Цзана, уй, Дагпо и Конпо, в особенности в долинах рек Ньян и Кьи. Много имений было в районах Гьянцэ и Шигацэ, в долине р. Ярлун. Были имения и в скотоводческих районах. Так, монастырь Сэра владел имением в Нагчуке, монастырь Дэпун — в Нагчу; монастырь Сакья имел землю в долине Пуцо между Нагчу и Намру, а дворянская семья Мондон — владение в Намру [ibid., p. 106]. В западной пров. Нгари не предоставляли имений дворянам. Там находились только государственные и монастырские земли. Монастыри в Нгари, как правило, являлись ответвлениями «великих» монастырей Центрального Тибета или Бутана.

В конце XIX в. в собственности государства находилось более 1 млн. голов крупного рогатого скота. Управляющие стадами назначались сроком на один год. Коровы и дзомо (помесь яка и коровы) находились под присмотром кочевников, управляющие должны были отсылать в казначейство по пять фунтов масла ежегодно с каждой коровы [Дас, 1904].

Государство также владело большими табунами лошадей, которыми управлял начальник государственных конюшен. Лично Далай-ламе принадлежали луга и стада. Так, его кухня получала молоко и масло от стада в 500 голов дзомо, за которым ухаживали 20

чиновников-монахов. Доходы из нескольких имений шли на снабжение армии и четырем *калонам*. В каждом районе имелись государственные имения, доходы с которых шли *цзонпёнам*.

Далай-лама жаловал большое число имений знатным семьям и монастырям. В этом случае доход с этих имений шел полностью или частично тому, кому земля была пожалована. С земель, пожалованных {189} знатным семьям, требовали и транспортную повинность. (С имений церкви *ула* обычно не требовалась.) Пожалованные имения нельзя было отчуждать: продавать, давать взаймы, закладывать и т.п. [Carrasco, 1972, p. 100].

Имения дворян (знатных семей). Каждая знатная фамилия владела как минимум одним имением, поступления с которого обычно являлись для нее главным источником доходов. Имение предоставлялось одному из мужчин этой семьи за службу чиновником. Если у семьи было два имения, то два человека из этой семьи должны были служить на государственной службе. Эти имения передавались в семье по наследству по мужской линии. Были и другие имения — их чиновник получал на время службы (*калоны, цзонпёны* и некоторые другие). Пожалование земли давало не только право на доход с нее, но и право сбора налога и право суда за некоторые преступления.

Среди лхасской знати были очень богатые семьи. В имениях Палха имелось 1400 крестьянских хозяйств. Палха владели 13 пастбищами, на каждом из которых проживало от 15 до 20 семей скотоводов. Общий ежегодный доход семьи Палха, по оценке Белла, составлял 7200 английских фунтов, из которых 2200 фунтов они платили государству [ibid., p. 107].

Семья Лхалу происходила от родственников одного из Далай-лам. Их вилла в Лхасе была одним из пяти красивейших домов в городе. Доходы семьи, получаемые в натуральной форме, оценивались суммой около 20 тыс. фунтов в год. Кроме того, семья обеспечивалась транспортом и работой домашних слуг [ibid., p. 104].

Во времена путешествия С.Ч. Даса регент Тацак-римпоче Кунде-лин имел свыше 3 тыс. крестьян в своих имениях. Один из прежних регентов имел около 5 тыс. крестьянских хозяйств в своих имениях в Конпо. Многие «живые будды» и дворяне владели 1000 крестьян каждый.

Имения церкви. Церковные имения были самыми обширными. Продукция, получаемая монастырями из этих имений, использовалась для отправления культа и для питания монахов (чай, ячменная мука и др.). «Живые будды» обычно возглавляли крупные монастыри и, таким образом, распоряжались в имениях, принадлежавших этим монастырям. Но «живые будды» также имели свои личные имения, управляемые отдельно от монастырских земель. Церковные имения были освобождены от уплаты налогов. Монастыри сдавали земли принадлежащих им имений крестьянам-{190} арендаторам — *лхабранам*, которые в качестве арендной платы отдавали треть полученного урожая.

В 1882 г. в правительстве Лхасы было зарегистрировано 1026 монастырей секты Гэлугпа и в них 491 242 монаха, а всего в Тибете было 2500 монастырей и 760 тыс. монахов. Эти цифры включают провинции уй, Цзан, Пьян (Ньянгпо), Лобрак (Лхобраг), Конпо, Нижний и Верхний Кам и Пёчэн.

Монастыри получали доходы от своих земельных владений, субсидии от правительства, доходы от совершения различных обрядов для верующих. Так, например, в 1917 г. доходы тибетского правительства составили 720 тыс. английских фунтов; из них 274 тыс. было выделено на поддержку монастырей и проведение религиозных церемоний. Большие пожертвования в монастыри ежегодно вносили местные дворяне и паломники из тибетских районов и других территорий и стран. Монастыри также занимались торговлей и ростовщичеством. Хозяйством монастырей ведали казначеи и управляющие. Владельцем всех имуществ и доходов монастыря могла считаться или вся монашеская община, или одно лицо — его настоятель, прежде всего в тех случаях, когда это был

«живой будда».

Система реинкарнации существовала во многих сектах тибетского буддизма, но наиболее широко она была распространена в секте Гэлугпа. Имелось четыре ранга для лиц, включаемых в систему реинкарнации. К высшему рангу относились только Далай-лама, перерождение бодхисатгвы Авалокитешвары, и Панчен-лама, перерождение будды Амитабхи. Второй ранг имели настоятели четырех монастырей в Лхасе, из числа которых обычно назначали регентов при несовершеннолетних Далай-ламах. Число «живых будд» третьего ранга колебалось от 50 до 60, они являлись настоятелями крупных монастырей, владельцами больших имений. Почти в каждом монастыре имелись один-два перерожденца низшего ранга, но они не были ни настоятелями, ни владельцами имений.

Внутри монастырей имущественного равенства между монахами не было. Они происходили из разных по состоянию семей, имели свою собственность, могли заниматься торговлей и имели личные доходы от совершения каких-либо обрядов для верующих. Бедные монахи работали в качестве слуг богатых коллег. В старых сектах, где монахам можно было жениться, женатые монахи жили в деревне и занимались хлебопашеством. Но и бедные монахи Гэлугпы в период сева и страды часто уходили домой в деревню, {191} чтобы помочь семье в сельскохозяйственных работах. В больших монастырях существовали военизированные отряды монахов — *добдоб*, которые несли караульную службу, обеспечивали порядок на праздниках, например во время *монлама* в Лхасе, приводили в исполнение приговоры, связанные с телесными наказаниями, и т.д. *Добдобы* носили особую форму, а волосы укладывали в прическу, похожую на закрученные за уши рога барана. В администрацию монастыря входили настоятель, который назначался на три года, *шамо* — «правитель добродетели великого собрания», следивший за соблюдением монашеской дисциплины и выполнявший обязанности судьи (назначался на один год), и *шабдогпа* — помощник *шамо* (назначался на шесть месяцев). Каждое внутреннее подразделение монастыря — *дацан* — управлялось такими же административными лицами.

Привилегированные и простолюдины

Итак, в тибетском обществе XIX в. можно выделить два класса: класс привилегированных и класс простолюдинов. Практически не существовало так называемого среднего класса. Внутри класса привилегированных имелись различные группы и прослойки. Класс простолюдинов включал крестьян, скотоводов, ремесленников, мелких торговцев, перевозчиков. Существовали крепостнические отношения: крестьянин фактически был прикреплен к конкретному имению и, таким образом, к конкретному его владельцу. Крестьянин получал от владельца имения участок земли на правах наследственного арендатора. За это он был обязан безвозмездно обрабатывать и поливать земли имения, собирать и свозить в амбары урожай, собирать топливо, ремонтировать усадьбу, выполнять в доме владельца имения обязанности слуги и ремесленника: ткать сукно, заниматься пошивом одежды, кузнечными работами и т.п. Владелец имения мог даже «сдать в аренду» труд крестьянина, например, для того, чтобы строить дом богатого купца в Лхасе. Крестьянин также был обязан платить налоги в натуральной и денежной форме. Он мог попросить разрешения уйти с земли держателя имения, подав прошение об этом — «петицию на выделение человека», *митрошува*, но в случае, если хозяин удовлетворял его просьбу, отпускаемый был обязан выплатить хозяину в качестве выкупа большую сумму. За самовольный уход крестьянина сурово наказывали и возвращали к хозяину. Предпочитали поймать беглого и заставить его взять обратно землю и все связанные {192} с ней повинности, чем конфисковать эту землю и передать ее другому. Разрешение на уход давалось весьма редко.

В каждом имении земля делилась на две части: во-первых, земля, не сдаваемая в аренду (часть пахотной земли, сад, парк и др.), и, во-вторых, земля, передаваемая

небольшими участками крестьянам. Первая часть составляла обычно от половины до трех четвертей всей земли имения, и все доходы с нее поступали владельцу имения. Эту часть земли, как уже говорилось, безвозмездно обрабатывали крестьяне, но владелец предоставлял им семена и тягловый скот. На своем участке крестьянин сам решал, что выращивать, когда сажать и сеять.

Семьи земледельцев объединялись в общины. Община каждой деревни управлялась старостой деревни, который собирал с крестьян налоги и передавал их государственному чиновнику или управляющему имением. Старосту избирал сход, обычно на три года, но часто благодаря своему влиянию, престижу и богатству он переизбирался неоднократно. Сход мог снять старосту с должности. В некоторых случаях должность старосты была наследственной. Старосте помогал совет старейшин, который формировался самим старостой. Совет нередко выполнял функции суда. Староста и совет ведали землями общины — горными пастбищами, лесами, полями, на доходы с которых содержался храм общины, большими оросительными каналами.

Внутри общины существовало имущественное и, в известной мере, социальное расслоение. Крестьяне-владельцы земли регулярно собирались на собрания для решения под руководством старосты всех дел общины. Крестьяне, не имевшие надела, не участвовали в этих собраниях.

Тибетская армия

Армия Тибета была невелика по численности, вооружена устаревшим оружием и практически малобоеспособна. Тибетской армией распоряжались амбани. Численность ее не превышала 3000 человек, в самом крайнем случае — 6000 солдат. Имелось шесть *дакпёнов*, каждый из которых командовал отрядом из 500 солдат. Отряд состоял из двух батальонов по 250 солдат в каждом во главе с *рупёном*. В каждом батальоне также были два *чжапёна* и четыре *динпёна* (поручика) [Дас, 1904, с. 115].

Расположение военных частей, разумеется, менялось. Во времена поездки в Тибет С.Ч. Даса два *дакпёна* со своими отрядами {193} находились в Лхасе, один — в Шигацэ, один — в Гьянцэ, один — в Динри и еще один — около озера Тэнгри [там же, с. 127].

В Гьянцэ *динпён* сообщил С.Ч. Дасу, что император Китая выдает на содержание каждого солдата по 5 рупий в год, а от тибетского правительства солдат получает «на прокорм» 16 кг ячменя в месяц [там же]. Командиры получали денежное жалованье и также паек ячменем. Вооружение тибетской армии, как говорится, оставляло желать лучшего.

«Отправляясь на войну, надевают латы. Латы их бывают из железных узких пластинок, кольчатые или из цепочек. Конные прикрепляют на шлемах красные кисти или павлиньи перья, к бедру привешивают тесаки, а за спиною имеют ружье, в руках пику. Пехотные солдаты в шишаках, прикрепляют петушьи перья, на бедра вешают тесаки, за пояс втыкают сабельки, за спиною имеют лук и стрелы, в руках держат щит, тростяной или деревянный, у иных есть длинные пики. Деревянные щиты их расписаны изображениями тигров и снаружи обиты железными листами... луки их из дерева с роговыми наконечниками, малы, но туги... Каждого года в первом, втором и третьем месяце производят смотр войскам. Испытывают их в стрелянии из лука и ружей, в конной езде и борьбе...» [Описание Тибета, 1828, с. 134-135]. Это описание тибетского войска сделано в начале XIX в. Для сравнения приведем слова А. Уодделя, нарисовавшего картину вооружения тибетцев в начале XX в.: «Оружие тибетского воина многочисленно и живописно. За его спиной висит мушкет или современное ружье; рукой он сжимает длинное копье; с его пояса свешивается безобразный длинный односторонний меч с прямым тяжелым лезвием. Когда огнестрельного оружия не хватает на весь полк, остальные солдаты несут луки и стрелы (последние сделаны из бамбука с оперенными железными остриями в 3 дюйма длины), а также пращи и тяжелые деревянные, плетеные

или покрытые железными выпуклостями щиты...

Их мушкеты — длинные и тяжелые железные ружья с вилкой в конце дула, для того чтобы во время выстрела утверждать его на земле. У самых больших мушкетов этой вилки нет; они поддерживаются плечом второго солдата, стоящего спиной к стрелку» [Уодцель, 1906, с. 130].

Разумеется, некоторые изменения имели место. Тот же А. Уоддель пишет далее о том что англичане захватили «много современных ружей лхасского изделия... [которые] изготовлены в Лхасе двумя магометанскими рабочими из Индии» [там же]. Тибетская армия использовала пушки. Однако даже в 20-е годы XX в. еще существовала {194} как боевая единица старая тибетская гвардия, имевшая на вооружении луки и стрелы, мечи, щиты, ружья производства XVII-XVIII вв., заряжавшиеся через дуло, и т.п. [Мак Говерн, 1929, с. 203-204]. Численность манъчжуро-китайских войск в Тибете постоянно менялась. После тибето-непальской войны 1788-1792 гг. в Лхасе, Шигацэ и Динри остались большие гарнизоны. Однако к 80-м годам XIX в. в Гьянцэ, например, находились всего 50 китайских солдат [Дас, 1904, с. 115; Уоддель, 1906, с. 150]. Китайские отряды на южной границе Тибета и на единственном постоянно охраняемом пути в Тибет из внутренних районов империи были невелики.

В сочинении китайского чиновника в Тибете Ли Хуа-чжу, созданном в 1792 г., указывалось, что на дороге от Чэнду до Лхасы самые крупные гарнизоны размещались в Дацзяньлу (46 китайских солдат), Литане (92 солдата и 300 тибетских воинов), Батане (302 солдата и 60 тибетцев) и Хлари (128 солдат и 20 тибетцев) [Описание Тибета, 1828, с. 196-199].

Гкж писал: «Китайцы не содержат в Тибете большого войска. От Ссе-Чуэна (Сычуани. — Б.М.) до Ла-Ссы солдаты размещены только по сторожевым станциям для конвоя императорских курьеров и чиновников; в Ла-Ссе находятся только несколько сот человек — в качестве телохранителей посланника. От столицы на юг до Бутана тянется такая же сторожевая линия, но караул здесь очень плох. На границе стоят китайские и тибетские солдаты, оберегая переход через Гималайские горы» [Гюк и Габэ, 1866, с. 242].

Китайские солдаты в Тибете сменялись каждые три года. Из императорской казны они получали жалованье по шесть унций серебра в месяц и по количеству членов семьи по 24 кг риса в месяц на человека [Дас, 1904, с. 115].

Восточный Тибет

Восточный Тибет исторически делится на две этногеографические области: северную — Амдо (район кочевого скотоводства) и южную — Кам (земледельческо-скотоводческий район). Территория Амдо населена тибетцами и монголами. Центральное правительство давно уже стремилось установить здесь общеимперские административные структуры. В 1724 г. Амдо была передана сининскому наместничеству. «Округ сининского ведения, — писал Н.М. Пржевальский, — захватывает громадный район через Куку-нор, Цайдам и Северо-Восточный Тибет, до границ собственно Далай-ламских владений, т.е. тибетской провинции Уй... Подведомственные {195} Синину тибетцы разделяются на семь аймаков...» [Пржевальский, 1883, с. 260-261].

В Амдо находятся знаменитые монастыри тибетского буддизма — Кумбум и Лавран. Монастырь Кумбум был основан в конце XVI в., имел четыре *дацана* (факультета); находился недалеко от Синина и занимал выгодное положение на пути караванов между Тибетом и Монголией. Монастырь Лавран был основан в 1709 г., имел пять *дацанов*. В Кумбуме во время путешествия Г.Ц. Цыбикова имелось около 2000 монахов, в Лавране — 2500 [Цыбиков, 1919, с. 43-53].

Область Кам состояла из нескольких десятков тибетских княжеств. Граница реального контроля правительства Лхасы на территории Кама постоянно менялась. После 1720 г. Цины отторгли от Тибета все земли к востоку от Батана и Литана. Власть Лхасы

заканчивалась тогда у Гьямда, приблизительно в 100км восточнее столицы. На остальной территории Кама было образовано 27 округов, подчиненных сычуанъскому наместнику. Однако как только Цины укрепили свою власть в Лхасе, ввели туда войска и назначили двух амбаней как представителей императора (1728 г.), они передали под прямое управление Лхасы 14 округов: Гунбу, Лали, Бобу, Башу, Гунцзяо, Лэйуцзи, Шопандо, Чжая, Бянъба, Мэнкун, Санъяй, Лолоцзун, Чувалун, Джаюл. Под властью наместника Сычуани остались 13 округов. Горы Наньцзиньшань служили границей между территорией, подчиненной соответственно лхасским и сычуаньским властям [Празаускене, 1978, с. 124,127-129].

В Восточном Каме Цины ввели институт *тусы*. Местные князья и вожди племен получили из Пекина этот титул и печать, но полностью сохраняли свою власть и свой — различный в каждом княжестве — административный аппарат. Титул *тусы* передавался по наследству, но наследник должен был утверждаться императором. Цины не вмешивались во внутренние дела княжеств и племен. Они стремились привлечь на свою сторону местных князей и вождей племен и этим обеспечить здесь свою верховную власть. Центральное правительство империи постоянно проводило в Каме политику постепенного дробления княжеств. К началу XX в. здесь насчитывалось уже 22 округа (вместо 13). «Таким образом, такие крупные княжества, как Дэргэ, Хор, Батан, Литан, Чхала и др., были значительно урезаны, за счет чего были образованы новые округа: Чункэ, Гаожи, Линыгун, Байли (на территории Дэргэ), Дункэ, Шанлокэма, Сялокэма, Чжовэй (на территории Хора), Минчжэн, Юйтун, Лэнь-бянь, Чэньбянь, Цзаньли (на территории Чхала)» [там же, с. 129]. {196}

Как уже говорилось, граница реального контроля правительства Лхасы на территории Кама постоянно менялась. Гюк называет границей владений Далай-ламы город Батан. «На восток от Батанга, — пишет он, — страна уже независима от Тале-ламы: она разделена между многими Ту-ссе-ами, феодальными владетелями, поставленными первоначально китайским императором; они признают его верховную власть и через каждые три года должны являться в Пекин с повинною данью» [Гюк и Габэ, 1866, с. 317-318]. В Чамдо и Батане, по сведениям Гюка, в 1846 г. находились гарнизоны лхасских войск в количестве 300 солдат в каждом. Пограничным китайским городом он называет Дацзяньлу (Кандин). Путь от Лхасы до Дацзяньлу занял у Гюка почти три месяца и составил, по его мнению, 5050 ли [там же, с. 320-321].

Территория от Батана на восток до Дацзяньлу занята была тибетскими княжествами и племенами, подчиненными наместнику Сычуани. На пути Лхаса — Дацзяньлу стояли относительно небольшие китайские гарнизоны, находилась цепочка почтовых станций. Между Пекином и Лхасой имелось 120 почтовых станций. Правительственные курьеры доходили из Лхасы в Пекин (самые срочные) за 36 дней [Дас, 1904, с. 244]. По другим сведениям, путь из Пекина до Чэнду занимал 10 дней, из Чэнду до Лхасы — 20 дней. Через Восточный Тибет ежегодно шла основная масса паломников в Лхасу из Китая и Монголии. «Богомольцы, идущие в Лхасу из Монголии и Китая, входят в Тибет главным образом в трех пунктах: в Кумбуме, в Сунпане и в Да-цзянь-лу; через последний идут богомольцы из Сычуани и южных провинций Китая; через Кумбум — богомольцы из Северной Монголии; через Сун-пан идут жители Гань-су и Шень-си, а также часть богомольцев и из северного Амдо» [Потанин, 1950, с. 308]. Через Восточный Тибет осуществлялась и основная тибето-китайская и тибето-монгольская торговля.

Путь из Лхасы до Синина занимал приблизительно четыре месяца; путь из Лхасы до Дацзяньлу — три месяца [Гюк и Габэ, 1866, с. 321]. Это был долгий, трудный и опасный путь, ибо относительного порядка и спокойствия как в Амдо, так и в Каме часто не существовало. Кочевые тибетские племена егpаев и голоков в Амдо нападали на торговые караваны и грабили их. Н.М. Пржевальский писал, что егpаи и голоки «не признают над собой ни Далай-ламской, ни китайской власти» [Пржевальский, 1883, с. 239], и приводил такой пример их действий: «В 1874 г. эти разбойники, в числе 800

человек, напали на караван китайского резидента, возвращавшегося из Лхасы в Пекин и везшего с собой помимо разных вещей {197} около 30 пудов золота. В охране при резиденте находилось 200 солдат, но играи и голыки их разогнали и нескольких убили. Затем забрали золото и более ценные вещи, а в наказание за сопротивление уничтожили носилки резидента...» [там же, с. 237-238]. Нападению кочевых тибетцев подвергся и караван самого Пржевальского. Разбойные нападения перемежались приношением дани властям. Как замечает русский путешественник, «их (кочевников-тибетцев. — Б.М.) начальник возит подарки Далай-Ламе; дает также взятки и сининским властям» [там же, с. 239]. Добиться полного «замирения» ни в Амдо, ни в Каме китайским властям почти никогда не удавалось, о чем писал еще Гюк [Гюк и Габэ, 1866, с. 315]. В Каме местные князья на документах вначале ставили собственную печать, а затем пожалованную им Пекином печать тусы. Уплата налогов чиновникам из Сычуани обычно носила чисто символический характер. Многие местные правители, наоборот, получали из императорской казны ежегодные подношения в виде шелковых тканей [Козлов, 1947, с. 267-268].

Некоторые *тусы* не признавали установленных цинскими властями границ округов и собирали дань за пределами своих княжеств [там же, с. 340-341]. *Тусы* неоднократно воевали друг с другом. Так, в начале 60-х годов правитель Ньярона Гомпо Намгьял попытался подчинить себе соседние княжества. 6 тыс. беженцев из Дэргэ, Питана, Чатина, Дзакхока, Батана и княжеств Хорпа бежали в Лхасу. Правители княжеств обратились за помощью к губернатору Сычуани и правительству Лхасы. Сычуаньский губернатор, занятый борьбой с таипинами, не мог помочь и оказался вынужден «одобрить» вмешательство лхасских властей. В 1863 г. тибетское правительство направило в Ньярон войска под командованием *калона* Пулунва и *дакпёна* Тимена. Война продолжалась два года. Гомпо Намгьял погиб. Лхаса установила свой контроль над Ньяроном, Дэргэ и княжествами Хорпа. 17 князей и вождей на территории между Дэргэ и Дацзяньлу были восстановлены в своих правах. Они обязались подчиняться назначенному Лхасой губернатору Ньярона [Shakabpa, 1967, p. 187; Smith, 1996, p. 140-141]. В результате этих событий реальная власть Лхасы была распространена на восток вплоть до р. Янцзы. Однако в 1877 г. солдаты Лхасы ушли из Дэргэ [Рокхиль, 1901].

По оценке американского дипломата и путешественника В. Рокхиля, в 1889 г. в Каме существовало 18 крупных княжеств, в том числе Дэргэ, Хорпа, Литан, Батан, Чжала, княжество Мэн-ния с главным городом Дацзяньлу и др. {198}

После того как из Дэргэ ушли лхасские солдаты, «князь независим и от Китая, и от Лхассы» [Рокхиль, 1901, с. 149], — такое впечатление создалось у В. Рокхиля. По его же сообщению, княжества Литан и Мэнния «теперь присоединены к Лхассе» [там же, с. 174]. В области Чжядэ своего рода самоуправлением пользовались приверженцы старой тибетской религии бон [Дас, 1904, с. XIII; Потанин, 1950, с. 311-313].

Духовная власть Далай-ламы распространялась, разумеется, на весь Восточный Тибет. В Каме имелось много крупных, богатых и весьма влиятельных монастырей.

«Немало затруднений светским властителям в этой стране причиняют настоятели 14 больших монастырей восточного Тибета, — писал В. Рокхиль. — Они назначаются властями Лхассы и имеют принадлежащее им в силу обычая право суда по всем уголовным и гражданским делам не только над монахами своего монастыря, но и над своими рабами и арендаторами... Хотя большая часть Камдо не подчинена им непосредственно, но de facto они все же являются настоящими хозяевами этой страны... В их руках находятся почти все богатства страны, которые приобретены были ими благодаря торговле, ростовщичеству, дарственным записям старших и другими путями. Их земельная собственность зачастую имеет огромные размеры, а их рабам и невольникам буквально нет счета» [Рокхиль, 1901, с. 142]. Весьма любопытное замечание можно найти в книге А. Уодделя «Лхасса и ее тайны. Очерк Тибетской экспедиции 1903-1904 гг.». После прибытия английской экспедиции в Лхасу цинский амбань несколько раз навещал

генерала Макдональда и старался установить с англичанами более тесные отношения. Вот что говорил амбань Макдональду о положении в Каме: «Говоря о восточных границах Тибета, он заметил, что *Джайад, в сущности, независимая страна и не находится ни под властью Лхассы, ни под властью Китая* (курсив мой. — Б.М.). Восточные области Дердже и „Чан-це" (Джайад?), или Чиамло, несколько лет тому назад, около 1896 г., были захвачены сычуаньским наместником но когда депутация тибетцев отправилась в Пекин с протестом, наместнику приказали освободить эти провинции» [Уоддель, 1906, с. 265-266]. В устах цинского амбаня такая оценка уровня цинской власти в одном из районов Кама весьма примечательна. {199}

Тибет — часть Цинской империи

В XIX — начале XX в. Тибет, как и ранее, являлся частью Цинской империи. Все путешественники, посетившие Тибет в XIX в., и исследователи, писавшие о Тибете, так или иначе отмечали зависимость Тибета от Цинов. Эта зависимость могла усиливаться, могла ослабевать, но она существовала постоянно. Постоянно существовали и атрибуты, выражавшие зависимое положение Тибета. Выбор Далай-лам и Панчен-лам по жребию из золотой урны, присутствие в Лхасе пинских амбаней, контроль со стороны амбаней над военными, финансовыми и некоторыми другими сферами жизни, постоянное присутствие китайских войск, указы цинских императоров, большинство из которых были обязательны к исполнению, — все это были ясные показатели зависимости Тибета. В XIX в. Далай-лама регулярно направлял пинскому императору в Пекин посольство с «дарами»; до 1840 г. это делалось ежегодно, а позже — один раз в три года [Гюк и Габэ, 1866, с. 217; Анненская, 1899, с. 208].

Однако Тибет являлся *особой* частью Цинской империи. Его зависимость выражалась прежде всего в зависимости Далай-ламы от цинского императора. Тибет находился вне фискальной и административной общеимперской системы. На тибетской земле не взималось никаких общеимперских налогов. Существовала своя, тибетская административная система. В Тибете отсутствовали цинские земельные владения (императорские земли, например пастбища, как в Монголии; земли амбаней; земли каких-либо китайских чиновников; земли лхасских, китайских солдат и т.п.). Цинский двор не мог, в силу ряда объективных причин (географические условия, дальность расстояния, ослабление самой империи), установить прямое военно-административное господство в Тибете и был вынужден создать систему «косвенного управления», которая создавала определенный баланс сил между местной элитой и представителями центра империи (амбанями) и включала помимо прочего политику изоляции, символику императорской верховной власти и др.

Тибетская элита монопольно владела тибетской землей, но признавала зависимость от империи и регулярно посьшала посольства с «данью». «Это единственная подать, какую тибетцы платят Китаю», — свидетельствовал Свен Гедин (цит. по [Анненская, 1899, с. 208]). «Дань» эта, опять же, иногда бывала весьма дорогой [Пржевальский, 1883, с. 239], иногда — незначительной по ее стоимости [Анненская, 1899, с. 208]. Но так или иначе, она всегда отправлялась. {200}

Тибет являлся данником Цинской империи. В этом плане, на наш взгляд, нельзя согласиться с мнением Н.С. Кулешова, который писал, что «в указанный период (с конца XVIII в. до Синьхайской революции) не существовало никакого „формального сюзеренитета Китая над Тибетом": нет ни одного документа, который свидетельствовал бы об оформлении такого сюзеренитета» [Кулешов, 1992, с. 17]. С точки зрения европейской международной практики — по форме — да, такого документа в XIX в. не существовало. Но зависимость Тибета от Цинской империи была установлена много ранее XIX в., и не было никакой необходимости ее подтверждать вновь каким-либо официальным документом. Она подтверждалась фактически каждый раз при церемонии

выбора по жребию из золотой урны, при выполнении указов императора и распоряжений амбаней и т.д. Другое положение Н.С. Кулешова, на наш взгляд, более адекватно реалиям XIX — начала XX в. В Заключении книги «Россия и Тибет в начале XX в.» Н.С. Кулешов писал: «За амбанем, представителем Цинов в Тибете, стояла не просто империя, но *древняя богатейшая китайская цивилизация, частью которой были тибетцы* (курсив мой. — Б.М.). Порвать Тибету с этой цивилизацией было нелегко. Поэтому даже в период самых суровых и ожесточенных тибетско-китайских военных распрей 1906-1912 гг. китайский амбань в Лхасе при всей незначительности состоявшего при нем военного эскорта оставался неприкосновенным. Сложившаяся на протяжении истории китайско-тибетская общность ограничила вооруженное сопротивление тибетцев цинским войскам, *оно не стало общенациональным движением* (курсив мой. — Б.М.). Китайско-тибетская война не воспринималась в Лхасе как война с Китайской империей, и цинскому представителю в Лхасе сохранялся его статус до тех пор, пока само китайское правительство в 1913 г. не упразднило института амбаней» [там же, с. 249].

Тибет в XIX в. оставался страной средневековья. По уровню развития материального производства (низкие урожаи и примитивная техника сельскохозяйственного производства, «непроезжие» дороги, практическое неиспользование колеса и гончарного круга и др.) и социальных отношений (большая роль внеэкономического принуждения) Тибет отставал в своем развитии от большинства окружавших его территорий. Социально-политическая организация Тибета представляла собой явление, характеризуемое в востоковедении как «государство-класс». Разумеется, имелись и важные тибетские особенности, первой из которых являлось то, что это было *теократическое* государство-класс. Тибет отставал в своем развитии {201}и от большинства регионов Цинской империи, в особенности от ее восточных, собственно китайских провинций. Контакты, связи и отношения с китайским обществом являлись фактором развития тибетского общества. Это были политические, религиозные, торговые и иные отношения.

Основная масса нетибетцев, ежегодно достигавших Лхасы и вступавших на территорию Центрального Тибета, состояла из подданных Цинской империи. Это были паломники, торговцы, солдаты, чиновники, курьеры — монголы и китайцы, в редких случаях — маньчжуры. Единственной смешанной этнической группой, которая появилась в Тибете в XIX в., прежде всего в Лхасе, были сино-тибетцы — дети от китайских солдат и тибеток. Единственные торговые пути для тибетских торговцев вели в глубь Китая, в Синин, Дацзяньлу и далее вплоть до Пекина с караванами, везущими тибетскую дань Цинам (в Ладаке торговый представитель Лхасы не выезжал далее ладакской столицы Лех).

Китайские товары, знания и навыки китайцев, постоянно или временно находившихся на тибетской территории, знания и впечатления тибетцев, посещавших внутренние районы Китая и его столицу, — все это оказывало влияние на тибетцев.

Китай являлся важнейшим торговым партнером Тибета на протяжении всей тибетской истории XIX в. Редкие исключения в этом отношении только подтверждают это общее правило. {202}

Часть III

Тибет в конце XIX — начале XX в.

Начало правления Далай-ламы XIII

Далай-лама XIII родился 27 мая 1876 г. в Дагпо, на юго-востоке области уй. В 1877

г. он был обнаружен как возможный перерожденец своего предшественника. Церемония вытягивания жребия из золотой урны не проводилась. В 1878 г. Панчен-лама и высшие ламы лхасских монастырей признали мальчика новым Далай-ламой, и 31 июля 1879 г. он был возведен на трон в Лхасе [Дас, 1904, с. 136; Bell,1924, p. 52; Smith,1996, p. 192-193].

В 1895 г. после столкновения с регентом Дэмо-хутухтой Далай-ламе XIII удалось взять власть в свои руки. Регент и его братья были арестованы, их имущество отобрано в казну. Вскоре бывший регент был задушен в тюрьме (по другим сведениям — внезапно умер в монастыре, где находился «под домашним арестом») [Цыбиков, 1981а, с. 150; Shakabpa, 1967, p. 221-222].

«Взявши верх в этой борьбе, нынешний Далай-лама, без сомнения, избавился от участи многих своих предшественников, умиравших в самом раннем возрасте, — писал Г.Ц. Цыбиков. — 13-й Далай-лама по наружности довольно красивый молодой человек и, по-видимому, с твердым характером, так как он проявляет в настоящее время много самостоятельности и энергии в светских и духовных делах Тибета. Он отменил, по крайней мере на первые годы своего правления, смертную казнь, отменил и открытую продажу должностей — мера громадной важности» [Цыбиков, 1981а, с. 148]. Приход к власти Далай-ламы XIII произошел при полном бездействии амбаней. Хотя они не сочувствовали этому перевороту, но были вынуждены с ним смириться.

«Получив в свои руки печати, Далай-лама овладел браздами правления и лишил китайских амбанов всякого голоса в государственных делах», — отмечал А. Уоддель [Уодделъ, 1906, с. 35]. Амбани {203}сообщили о случившемся в Пекин, и из столицы пришел эдикт, в котором император повелевал вернуть печати регенту и восстановить его у власти. Но регент умер, и новый амбань даже не решился обнародовать императорский эдикт [там же]. В 1882 г. скончался Панчен-лама VIII. Панчен-лама IX (1883-1937) родился в Цзане. В 1888 г. он был выбран по жребию из трех кандидатов и в 1892 г. возведен на трон [Ya Hanzhang, 1993, p. 216]. В 1894 г., по требованию лам Цонду, Кашаг и регент приняли закон о том, что одним из *калонов* обязательно должен быть представитель духовенства. В законе говорилось также о необязательности передачи должностей *калонов* по наследству и о возможности занимать эти должности просто способным людям.

Первый натиск англичан

В XIX в. к границам Тибета постепенно приближались владения Британской Индии. Англо-сиккимский договор 1861 г. установил фактический британский протекторат над Сиккимом. В 1865 г., после вооруженных столкновений с англичанами, Бутан был вынужден подписать договор с английскими властями и передать им часть своей территории на юге. Хотя Сикким и Бутан считались в Пекине «вассалами» Цинской империи, Цины помощи им не оказали. После убийства 21 февраля 1875 г. в пограничном районе пров. Юньнань переводчика британской военной экспедиции А. Маргари англичане заставили Ли Хун-чжана в 1876 г. подписать в Чифу с английским посланником уэйдом специальную конвенцию. Китай обязался выплатить контрибуцию, открыть на р. Янцзы четыре новых порта для иностранной торговли, защищать интересы иностранных дипломатов и торговцев и разрешал англичанам послать из Индии миссию в Тибет [Новая история Китая, 1972, с. 239-240]. Однако Тибет категорически отказался принять миссию. Члены Национальной ассамблеи на специальном заседании постановили, что цинский император не имел права разрешать англичанам вступить в Тибет, и поклялись не допустить их на тибетскую землю [Кулешов, 1992, с. 36]. В 1886 г. сиккимский чогъял и лхасский амбань встретились в долине Чумби и заключили соглашение о сопротивлении продвижению английской миссии Маколея. Отряд тибетцев (около 1000 человек) на территории Сиккима у деревни Линту в 20 км южнее тибето-сиккимской границы построил стену на дороге из Индии. Военный отряд, сопровождавший миссию Маколея в

Тибет, атаковал и захватил укрепление; через три {204}месяца тибетцы попытались вернуть эту позицию, но потерпели неудачу. Однако они продолжали преграждать дорогу англичанам, и Маколей был вынужден вернуться в Индию [Уа НапгЪап^;, 1993, p. 218-219]. В 1887г. власти Лхасы подтвердили свой запрет на вступление в Тибет иностранцев, публично казнив Сенчен-ламу, регента Панчен-ламы V. Он тайно способствовал пребыванию в Шигацэ и Лхасе в 1879 и 1881-1882 гг. бенгальца С.Ч. Даса, направленного в Тибет англо-индийской разведслужбой. Сенчен-ламу зашили в шкуру яка и бросили в реку.

Начавшиеся вскоре китайско-английские переговоры завершились подписанием 17 марта 1890 г. в Калькутте двусторонней конвенции. Китай признал британский протекторат над Сиккимом. Была определена граница между Сиккимом и Тибетом. Стороны согласились вести в дальнейшем переговоры о торговле через сик-кимо-тибетскую границу, а также о способах официальных сношений между властями Британской Индии и властями Тибета. Для этих переговоров вице-король и генерал-губернатор Индии маркиз Лэнсдаун и цинский амбань в Тибете должны были назначить специальных представителей. Конвенцию подписали Лэнсдаун и второй амбань в Лхасе Шэн Тай [Уоддель, 1906, с. 339-340; Кулешов, 1992, с. 258-259].

Заключение конвенции 1890 г. еще раз подтвердило желание властей Британской Индии проникнуть непосредственно в Тибет. Конвенция усилила опасения тибетских властей в отношении британской политики. Тибетцы сообщили англичанам, что Тибет не признает конвенцию 1890 г., так как он ее не подписывал. Тибетцы опрокинули пограничные столбы, поставленные на границе с Сиккимом [Уоддель, 1906, с. 44]. Тибет отказался признать и новое англо-китайское соглашение 1893 г. «Дополнительные правила относительно торговли, коммуникаций и пастбищ к Сиккимо-Тибетской конвенции 1890 г.»[14] были подписаны в Дарджилинге с китайской стороны — Хэ Чан-жуном и руководителем Управления морских таможен Китая англичанином Хартом, с английской стороны — британским политическим представителем в Сиккиме Чарльзом Беллом. Согласно «Дополнительным правилам...» Ятун в долине Чумби с 1 мая 1894 г. открывался для торговли и все товары из Сиккима, кроме оружия, боеприпасов, алкоголя и чая, должны были ввозиться без пошлины. Однако тибетские власти установили в Пари военный пост с таможней и запретили тибетцам селиться в Ятуне{205} [там же, с. 44; Сувиров, 1905, с. 120-121]. Тем временем торговля между британскими владениями в Индии и Тибетом на рубеже XIX и XX вв. продолжала увеличиваться. Общую картину ее роста показывают цифры, приведенные в книге Н.И. Сувировым [Сувиров, 1905, с. 122].

	Ввоз в Тибет, млн. рупий*	Вывоз из Тибета, млн. рупий
1890-1891 гг.	0,40	0,77
1894-1895 гг.	0,65	1,45
1898-1899 гг.	1,27	1,67
1901-1902 гг.	1,13	1,84
1902-1903 гг.	1,15	1,99

*1 рупия равнялась примерно 63 коп.

Таким образом, если принимать эти цифры, то за 12 лет ввоз в Тибет вырос почти в 3 раза, а вывоз — более чем в 2,5 раза. Однако не столько торговые интересы, сколько стратегические цели подталкивали колониальные власти Британской Индии к активным действиям в отношении Тибета. План вице-короля Индии лорда Керзона заключался в том, чтобы прекратить изоляцию Тибета и добиться здесь для англичан преимущественных прав и привилегий. Следовало также зафиксировать сюзеренитет Цинов над Тибетом и этим «оградить» Тибет от вмешательства и влияния какой-либо

[14] [Речь идет об Англо-китайской конвенции 1890 г.]

другой державы. В последнем случае имелась в виду прежде всего Россия. Некоторые англо-индийские газеты начали поддерживать слухи о проникновении царских агентов в Тибет и заявляли, что место Китая в Тибете может вскоре занять Россия.

Российско-тибетские контакты и связи на рубеже XIX и XX вв.

Конец XIX — начало XX в. отмечены определенным соперничеством России и Англии за влияние на Тибет. Россия еще в 1870-е годы пыталась установить отношения с Тибетом. Н.М. Пржевальский, начиная с 1872 г., совершил четыре экспедиции по территории Тибетского нагорья, но не был допущен тибетцами в Лхасу (1879). Исследование северной и северо-восточной части нагорья продолжили в дальнейшем В.М. Певцов, В.И. Роборовский и П.К. Козлов. Россия не желала установления английского контроля над Тибетом. В 1895 г. в Лхасу были направлены для сбора сведений о положении в Тибете несколько бурят — агентов близкого к императорскому двору тибетского врача П.А. Бадмаева. В Лхасе они тайно встречались с ламой Агваном Доржиевым. {206}

Агван Доржиев (1854-1938), бурят из Забайкалья, в 19-летнем возрасте отправился с паломниками в Тибет. Он окончил высшую богословскую школу при монастыре Дэпун, получил ученую степень *лхарамба*, был назначен наставником-воспитателем юного Далай-ламы. Впоследствии Доржиев стал старшим советником и доверенным лицом Далай-ламы. В 1898 г. он был направлен в Китай, Францию и Россию для ознакомления с государственным устройством этих стран. Николай II принял Доржиева и выразил пожелание получить письменное обращение от Далай-ламы.

Летом 1900 г. Доржиев вновь совершил путешествие в Петербург, а 30 сентября 1900 г. Николай II принял его в Ливадийском дворце. Состоялись переговоры Доржиева с министром иностранных дел В.Н. Ламздорфом, военным министром А.Н. Куропаткиным и министром финансов С.Ю. Витте. Летом 1901 г. Доржиев привез в Петербург тибетское посольство (7 человек). 23 июня 1901 г. посольство из Тибета было принято в Петергофе царем. Николай II вручил Доржиеву послание на имя Далай-ламы с дружественными, но весьма общими формулировками. В результате переговоров Доржиева с В.Н. Ламздорфом МИД России направил российского бурята Б. Рабданова в качестве секретаря консульства России в Дацзяньлу (Кандин), поручив ему собирать информацию о положении в Тибете, у военного министра А.Н. Куропаткина Доржиев просил помощи оружием, а также вел переговоры о посылке русских военных инструкторов в Тибет. Несмотря на согласие А.Н. Куропаткина направить партию легкого стрелкового оружия, трудно ответить на вопрос, достигло ли это оружие Лхасы или нет. В 1900-1901 гг. в Тибете находился бурят из Забайкалья Гомбожаб Цэбеко-вич Цыбиков (1873-1930), первый ученый из России, которому удалось проникнуть в Лхасу, изучить Центральный Тибет и благополучно вернуться. Цыбиков посетил крупнейшие города и религиозные центры Тибета: монастыри Кумбум и Лавран в Амдо, Лхасу и три главных монастыря — Ганден, Дэпун и Сэра, резиденцию Панчен-ламы — монастырь Ташилунпо, древнейшую столицу Тибета — Цэтан и монастырь Самье. Г.Ц. Цыбиков собрал и представил научной общественности России огромный материал о политическом положении и государственном устройстве, социально-экономических отношениях и религии Тибета.

Экспедиция Янгхазбенда

Активность России в Тибете расценивалась в английской печати как наносящая ущерб британским интересам. Лондон{207} попытался через Пекин организовать прямые англо-тибетские переговоры. Лорд Керзон назначил главой английской миссии для переговоров полковника Ф. Янгхазбенда. Далай-лама под давлением амбаня (получившего соответствующие инструкции из Пекина) назначил тибетскую делегацию в составе двух чиновников.

Англичане, тибетцы и китайский представитель пробыли в Камба-*цзоне* три месяца, но встречались вместе только один раз. Стороны изложили взаимные претензии, и на этом «переговоры» закончились. Тибетцы требовали вывода из Камба-*цзона* большого военного эскорта англичан; англичане, со своей стороны, настаивали на присылке тибетских представителей самого высокого ранга. Лорд Керзон стал настаивать на том, чтобы «выступить и устрашить тибетцев».

6 ноября 1903 г. отряд английских войск под командованием генерала Макдональда и Янгхазбенда получил приказ вице-короля Индии лорда Керзона о продвижении в Тибет. Официально в Лхасу направлялась английская миссия во главе с Янгхазбендом, для того чтобы потребовать от Тибета выполнения условий уже заключенных соглашений и провести с тибетцами новые переговоры. Военный отряд Макдональда (около 3000 солдат и офицеров при девяти орудиях и около 7000 сопровождающих — носильщиков, прислуги и т.п.) должен был служить «эскортом» для миссии Янгхазбенда [Уодцель, 1906, с. 63]. Англичане вошли на территорию Тибета через перевал Джелеп-па и 22 декабря 1903 г. заняли пограничный тибетский пост Пари. Пройдя 38 км в глубь долины Чумби, они остановились у Туны и стояли здесь зимние месяцы. Весной 1904 г. англичане дважды разгромили отряды тибетцев, стремившихся преградить им путь. Первое столкновение произошло 31 марта 1904 г. у стены, преграждавшей путь к поселку Гуру к северу от Туны. Как писал очевидец, участник экспедиции А. Уодделъ, «сипаи начали отнимать ружья у тибетских воинов, раздались непроизвольные выстрелы, и тогда солдаты экспедиции — сикхи и сипаи, окружившие тибетцев с трех сторон, дали залп, еще и еще...». «Эта чернь, — далее писал Уоддель, — не имевшая возможности устоять против сосредоточенного огня нашего войска, через несколько секунд отошла, побросала оружие и бросилась бежать изо всех сил, но, конечно, не очень быстро, благодаря крутизне. Большая часть тибетцев, пробегая под нашим огнем, падала; на них сыпался град наших пуль и шрапнель горных батарей, которые разрывались вверху; они погибли почти все до одного человека. Между тем наша ездящая пехота безжалостно преследовала толпу рассеянных и беспорядочно спешивших беглецов из числа тех тибетцев, которые {208}находились на более далеком расстоянии; их тела усеяли дорогу на протяжении нескольких миль» [там же, с. 121-122]. Тибетские воины оказались живой мишенью для английских солдат. «В общем тибетцы потеряли около 300 убитых, 200 раненых и 20 пленников. У нас было ранено 13 человек, потому что наших солдат прикрывала стена», — подвел итоги этого «боя» А. Уоддель [там же, с. 122].

Затем англичане двинулись к деревне Гуру. «Наша артиллерия, — продолжает А. Уоддель, — осыпала снарядами эту позицию, и мы взяли ее при помощи штыков, захватив около 100 человек пленников» [там же, с. 123-124].

10 апреля 1904 г. англичане вторично разгромили тибетские отряды. 11 апреля экспедиция Янгхазбенда достигла Гьянцэ, а 4 августа 1904 г. английские войска вошли в Лхасу. Путь от границы до столицы Тибета составил около 600 км и потребовал более семи с половиной месяцев. В 16 боях и столкновениях проявилось полное военное превосходство англичан над тибетцами.

Далай-лама XIII отказался вести переговоры с англичанами, покинул столицу Тибета и выехал в Цинхай и далее в Монголию.

Покидая Лхасу, Далай-лама объявил правителем Тибета главу монастыря Ганден Ти-римпоче «и оставил ему одну из своих великих печатей, употреблявшихся для скрепления документов религиозного содержания» [Кулешов, 1992, с. 81].

Цинское правительство не предприняло никаких шагов для защиты Тибета. Китайские солдаты в Лхасе не оказали помощи тибетцам. Как свидетельствовал А. Уоддель, «китайцы до известной степени признали независимость Тибета в объявлении, которое они расклеили в предместье Джиантсе (Гьянцэ) и в деревнях вдоль нашей линии сообщения, говоря, что Тибет и Англия ведут войну; Китай друг обеих стран» [Уоддель,

1906, с. 195]. Более того, Цины объявили о низложении Далай-ламы, ставшего символом сопротивления. Обратимся еще раз к свидетельству очевидца. «13 сентября, — писал А. Уоддель, — город (Лхаса. — Б.М.) сильно взволновался благодаря тому, что амбан вывесил объявление, которым он, по приказанию китайского императора, низлагал Далай-ламу; население скоро сорвало его. В нем говорилось, что великому ламе Ташилунпо предоставляется заведывать религиозной администрацией до тех пор, пока не будет принято окончательное решение относительно бежавшего» [там же, с. 321, 342].

В Лхасе цинский амбань поспешил посетить Янгхазбенда в первый же день прибытия английского отряда. Амбань пообещал снабжать англичан продовольствием и оказывать им всяческое содействие. Но, несмотря на обещания, амбань реального влияния {209}на положение вещей в Лхасе оказывать не мог. «Амбан, несмотря на обещание употребить в дело всю суверенную власть Китая для установления хороших отношений между Британией и Тибетом (и он действительно напрягал все усилия в этом смысле), не мог сделать многого», — писал А. Уоддель [Уоддель, 1906, с. 309]. Более того, как говорил А.Уодделю непальский представитель в Лхасе, «амбан имел очень маленькое влияние на тибетцев, за последнее время жил почти как пленник и несколько недель до прихода нашей армии не смел выходить из дома» [там же, с. 264].

Лхасская конвенция 1904 г.

Англичане начали переговоры с правительством Тибета. Цинский амбанъ к переговорам допущен не был. 7 сентября 1904г. Янгхазбенд подписал с тибетцами Лхасскую конвенцию. Приведем слова участника церемонии подписания этого важного документа: «7 сентября 1904 г. состоялось заключение дружеского трактата между Британией и Тибетом. Церемония происходила с большой пышностью в новой тронной комнате Далай-ламы, в замке Потала. Британский коммиссионер, в сопровождении других членов миссии и военного эскорта, в процессии поехал к северным воротам крепости. Наши войска окаймляли дорогу, стоя от подножия холма до больших ворот почтенного старого дворца, мрачно смотревшего на всю картину» [там же, с. 312]. Далее А. Уодделъ писал: «Развернули трактат: это был длинный пергаментный свиток с тремя вертикальными параллельными колонками, заключавшими в себе тибетский, китайский и английский тексты соглашения. Имелось пять копий, и каждую следовало подписать, или, вернее, заштемпелевать, в семи различных местах, а потому операция заняла долгое время. Сначала поставили свои печати чиновники низших рангов и представители Национального собрания, потом монахи трех больших монастырей и советники; предпоследним был регент, последним — британский коммиссионер. Когда эти два лица прикладывали свои подписи, все присутствующие встали с кресел и не садились до конца церемонии. Замечательно, что регент, видевший исполнение своих желаний и потому весь сиявший улыбками, не сам поставил большую печать Далая на трактате, но, дотронувшись до этого высокого знака, приказал одному из монахов приложить штемпель вместо него».

По условиям Лхасской конвенции правительство Тибета обязывалось признать границу между Сиккимом и Тибетом, установленную Англо-китайской конвенцией 1890 г., открыть рынки для торговли {210}в Гьянцэ, Гартоке и Ятуне, не облагать не согласованными взаимно пошлинами англо-индийские товары. Тибет должен был выплатить контрибуцию в 500 тыс. фунтов стерлингов в возмещение всех убытков, понесенных британской миссией во время похода в Лхасу. До окончания выплаты контрибуции англичане оставляли свои войска в долине Чумби. Более того, английские власти могли продолжать оккупацию этого района Тибета и позже, до тех пор, пока открытые по договору рынки в трех городах не станут функционировать в течение трех лет.

Таким образом, цели, официально поставленные лордом Керзоном перед миссией

Янгхазбенда, были достигнуты. Тибет обязался признавать Англо-китайскую конвенцию 1890 г. и Торговые правила 1893 г. Однако главные требования Керзона к Тибету оказались сформулированы в IX статье Конвенции. Здесь было зафиксировано следующее: «Тибетское правительство гарантирует, что без предварительного согласия британского правительства

а) никакая часть тибетской территории не будет уступлена, продана, заложена или каким-либо иным способом передана какой-либо иностранной державе;

б) вмешательство в тибетские дела не будет дозволено ни одной иностранной державе;

в) никакие представители или агенты любой иностранной державы не будут допускаться в Тибет;

г) никакие концессии на железные дороги, шоссейные дороги, телеграф, горно-рудные разработки и никакие другие права не будут предоставляться никакой иностранной державе или ее подданным. В случае, если такое согласие на концессию будет дано, то одинаковая или равноценная концессия должна быть предоставлена и британскому правительству;

д) никакая статья государственного дохода Тибета не будет отдана в залог или переуступлена ни в ритуальном виде, ни в денежном выражении какой-либо иностранной державе или ее подданным»[15].

В тот же день Янгхазбенд подписал с тибетскими представителями Отдельную статью Лхасской конвенции. Правительство Тибета, согласно условию этой статьи, разрешало британскому торговому представителю в Гьянцэ посещать Лхасу в случае необходимости. С тибетской стороны были поставлены печати Далай-ламы, Совета, монастырей Дэггун, Сэра, Ганден и печать Национальной {211}ассамблеи. Предыстория подписания Отдельной статьи ясно отражает расхождение в политике Лондона и властей Британской Индии. Керзон предписал Янгхазбенду учредить британское представительство в Лхасе. Но правительственная директива из Лондона запрещала действовать в этом направлении. Янгхазбенд вынужден был выбрать «срединный» путь. С одной стороны, он добился возможности для английского представителя приезжать в столицу Тибета и находиться там, причем сроки пребывания не были определены. С другой стороны, эта статья не была прямо включена в Конвенцию.

Условия Конвенции, навязанные тибетцам, показывают, что колониальная администрация Британской Индии, и прежде всего сам Керзон, стремилась максимально использовать военные успехи Янгхазбенда для установления британского влияния в Тибете и «ограждения» его от какого-либо влияния других держав, в известном смысле также и Китая. Но в этом вопросе стремление администрации Британской Индии не получило поддержки правительства Великобритании. Глобальная политика Великобритании в начале XX в. требовала сохранения китайского присутствия в Тибете, хотя бы номинального. Это позволяло англичанам не допускать «политического вакуума» в Тибете, т.е. возникновения независимого Тибета и появления здесь влияния каких-либо других держав, прежде всего России. Между правительствами Великобритании и Цинской империи к этому времени уже сложилось определенное взаимопонимание в отношении проблем Тибета. Обострение отношений с Цинами по поводу положения в Тибете никоим образом не входило в планы Лондона. В глубокой тайне в Калькутте, а потом в Пекине начались англо-китайские переговоры, о результатах которых будет сказано несколько позже.

Сообщения о вступлении на территорию Тибета английской военной экспедиции Янгхазбенда с тревогой воспринимались в России — царем, военным руководством, общественным мнением. Общее представление о происходящем сводилось к тому, что «англичане обошли русских» и нарушили определенное равновесие сил в этой части

[15] Конвенция между Великобританией и Тибетом. Подписана в Лхасе 7 сентября 1904 г. (цит. по [Кулешов, 1992, с. 259-260]).

Азии. Интересы России в Тибете лежали преимущественно в религиозной сфере: российские буряты и калмыки — буддисты признавали Далай-ламу своим духовным главой. Представители «протибетского лобби» в кругах петербургской элиты (князь Э.Э. ухтомский, П.А. Бадмаев, вел. князья Николай Михайлович и Константин Константинович, востоковеды П.П. Семенов-Тянь-Шанъский, Ф.И. Щербатской и др.) побуждали правящие {212}круги занять более решительную позицию в тибетском вопросе. 14 января 1904 г. по просьбе Э.Э. Ухтомского и по согласованию с военным министром А.Н. Куропаткиным Николай II принял в Зимнем дворце подъесаула 1-го Донского казачьего полка Н.Э. Уланова и *бакши* (вероучителя) Д. Ульянова — будущих руководителей группы калмыков-буддистов, направляемых в Лхасу. Куропаткин так записал в своем дневнике об этой аудиенции: «Докладывал о посылке калмыка, подъесаула Уланова, в Тибет разузнать, что там делается и особенно что там делают англичане... Государь соизволил, чтобы это была частная поездка на свой страх и риск. Приказал посоветовать Уланову „разжечь там тибетцев против англичан"» [Андреев, 1997, с. 11].

6 февраля 1904 г. калмыки выступили в путь и после длительного путешествия 20 мая 1905 г. достигли Лхасы (во время пути скончался Н. Уланов, и руководство миссией перешло к Д. Ульянову). Английская экспедиция к этому времени давно уже покинула столицу Тибета. Калмыки нанесли визиты тибетским руководителям и амбаню, посетили монастыри Дэпун, Сэра и Ганден, осмотрели Лхасу, приобрели буддийские трактаты.

Уланов подал регенту монастыря Ти-римпоче доклад, в котором со ссылками на мифологию буддизма проводил мысль, что тибетцам следует искать покровительства России и Китая, а не Англии. В августе 1905 г. миссия выступила в обратный путь в Россию. Записки Д. Ульянова об этом путешествии были опубликованы в «С.-Петербургских ведомостях» [СПб. ведомости, 1906, № 119]. Подписание Лхасской конвенции, а в особенности ее IX статья вызвали протест России. Поверенный в делах в Лондоне С.Д. Сазонов (будущий министр иностранных дел) заявил британскому министру иностранных дел Лэнсдауну, что условия статьи IX ставят Тибет под политический и экономический контроль Англии. Это — действия, направленные к получению односторонних выгод.

Правительство России не считало возможным поддержать призывы Далай-ламы XIII к созданию независимого Тибета. В Петербурге Тибет всегда рассматривался как часть Китая. Тем не менее стремление Далай-ламы установить официальные и более тесные связи с Россией требовало от Великобритании учитывать российскую позицию. Была еще и более важная причина. В правящих кругах Великобритании к началу XX в. главным соперником все более и более стала рассматриваться быстро усиливавшаяся Германия. Великобритания шла на сближение с франко-русским союзом. 8 апреля 1904 г. был подписан англо-французский договор. После {213}окончания русско-японской войны Англия предприняла шаги для установления более тесных отношений с Россией.

В дальнейшем вопрос о Тибете стал одним из пунктов переговоров при наметившемся англо-русском сближении.

23 сентября 1904 г. англичане покинули Лхасу. 11 ноября 1904 г. новый генерал-губернатор Индии Эмфтил ратифицировал Лхасскую конвенцию. Эмфтил уменьшил тибетскую контрибуцию втрое и сократил оккупацию англичанами долины Чумби до 3 лет (с гипотетических 75 лет). В то же время он не утвердил Отдельную статью Лхасской конвенции. Сама Лхасская конвенция в дальнейшем не получила утверждения со стороны парламента Великобритании, правительства и короля Эдуарда VII.

Китайско-английская конвенция 1906 г. и Конвенция между Россией и Великобританией 1907 г.

Правительство Великобритании вскоре вступило в тайные переговоры с Китаем по поводу Лхасской конвенции. 27 апреля 1906 г. в Пекине была подписана «Китайско-

английская конвенция о Тибете и Индии». Великобритания обязалась не аннексировать тибетскую территорию и не вмешиваться в дела внутреннего управления Тибетом. В Конвенции фактически признавалась зависимость Тибета от Цинской империи. Со своей стороны, Цины обязались «не разрешать какой-либо иностранной державе вторгаться на территорию или вмешиваться во внутреннее управление Тибетом» [Кулешов, 1992, с. 110].

31 августа 1907 г. в Петербурге была подписана «Конвенция между Россией и Великобританией по делам Персии, Афганистана и Тибета». Обе стороны признавали сюзеренные права Китая над Тибетом и обязались уважать территориальную целостность Тибета и воздерживаться от всякого вмешательства в его внутреннее управление. Россия и Великобритания также принимали на себя обязательства не посылать своих представителей в Лхасу, не приобретать, не брать в аренду или под залог никаких концессий и каких-либо доходов Тибета, сноситься с Тибетом только через посредство китайского правительства. В статье 2 Конвенции специально оговаривалось право английских коммерческих агентов на непосредственные контакты с властями Тибета, а также право всех буддистов — подданных России и Великобритании вступать в отношения с Далай-ламой исключительно на религиозной почве. {214}

Англо-русское соглашение по Тибету связывало действия обеих держав, вынуждало их соизмерять свою политику в тибетском вопросе с достигнутыми официальными договоренностями. В частности, Лхасская конвенция практически потеряла силу.

В результате похода отряда Янгхазбенда на Лхасу и заключения всех указанных соглашений проиграл Тибет, ибо активная дипломатическая деятельность англичан в конце концов оставила тибетцев один на один с цинскими властями. Суверенные права Цинов над Тибетом впервые оказались зафиксированы в международных договорах. Россия, на поддержку которой надеялась часть тибетской элиты, в соответствии с англо-русским соглашением 1907 г. официально устранилась от участия в тибетских делах.

После заключения англо-китайского соглашения 1906 г. цинское правительство взяло на себя выплату контрибуции англичанам. Последний взнос был внесен в начале 1908 г. В марте того же года английский отряд покинул долину Чумби. Еще ранее, в конце 1906 г. через Индию в Лхасу прибыл новый представитель Цинов в Тибете — Чжан Иньтан. 20 апреля 1908 г. он подписал с англичанами «Правила торговли с Тибетом», которые усиливали контроль Китая за англо-тибетской торговлей.

Далай-лама в Монголии и Пекине

Как уже говорилось, Далай-лама отказался вести переговоры с миссией Янгхазбенда и бежал из Лхасы в Цинхай и далее в столицу Монголии Ургу. Цинские амбани в Урге и специальные цинские посланники из Пекина пытались заставить Далай-ламу покинуть Монголию, но не добились успеха. В апреле 1905 г. Российское географическое общество направило в Ургу путешественника П.К. Козлова, как писал сам Козлов, «для принесения приветствия и подарков правителю Тибета и для выражения благодарности за гостеприимство русским путешественникам в Тибете» [Козлов, 1920, с. 66]. П.К. Козлов жил в Урге два месяца, июль и август 1905 г., и почти ежедневно встречался с Далай-ламой. По заданию Главного штаба и МИДа России П.К. Козлов должен был «выяснить вопрос, чем могла бы быть полезной Россия по отношению к Тибету, или иначе, чем должна быть выражена фактическая помощь первой страны второй» [Андреев, 1997, с. 40]. Сам П.К. Козлов предлагал организовать конвой из бурятов-казаков, который бы сопровождал Далай-ламу при его возвращении в Лхасу и в дальнейшем находился при нем в качестве почетной стражи. Этот проект был отклонен МИДом России. {1215}

Российские официальные лица заняли сдержанную позицию в ответ на просьбы

Далай-ламы об установлении официальных отношений в какой-либо форме. Осенью 1907 г. Далай-лама переехал в Кукунор, а в сентябре 1908г., по приглашению цинского императора, прибыл в Пекин. Состоялись аудиенции у императора Гуансюя и у вдовствующей императрицы Цы Си (имевшей реальную власть), причем Далай-лама, согласно церемониалу, был вынужден совершить глубокий поклон перед последней. Далай-лама просил разрешения сноситься непосредственно с императором и Цы Си, но получил отказ. Ему заявили, что вся переписка должна идти только через амбаня в Лхасе [Bell, 1924, p. 125; Мак Говерн, 1929, с. 270-271; Ya Hanzhang, 1993, p. 233-234].

В опубликованном вскоре императорском декрете указывалось, что «по возвращении в Тибет Его святейшество обязан тщательно соблюдать законы своего суверенного государства, Китая, он должен всех известить о доброте китайского императорского двора. Он должен призывать тибетцев к послушанию и следованию путем высокой нравственности. Он должен следовать древним обычаям, слушаться амбаня и с уважением исполнять нашу волю» (цит. по [Кулешов, 1992, с. 177; Smith, 1996, p. 166]). Здесь можно упомянуть, что для поездки в Пекин Далай-лама получил от правительства России 110 тыс. китайских лянов (1 лян равнялся примерно 1,5 руб.), а перед отъездом из Пекина — еще 40 тыс. лянов.

Прием в Пекине не способствовал установлению добрых отношений между Далай-ламой XIII и цинскими властями. Вскоре Далай-лама вернулся в Кукунор и сделал своей резиденцией монастырь Кумбум. Здесь состоялась вторая встреча духовного лидера буддистов с П.К. Козловым. Прощаясь с П.К. Козловым, Далай-лама XIII сказал: «Надеюсь, что Россия будет поддерживать с Тибетом лучшие дружеские отношения и впредь также будет присылать ко мне своих путешественников-исследователей для более широкого ознакомления как с моей горной природой, так и с моим многочисленным населением» [Козлов, 1920, с. 86].

Попытка Цинов установить прямой военный контроль над Тибетом и превратить его в обычную провинцию

Еще в конце XIX в. Цины пытались установить свою полную власть над восточно-тибетскими княжествами. С 1896 г. началось «освоение» Кама. В том же году китайские власти вмешались {216}в междоусобный конфликт между правителями Ньярона и вождями Чакла. Китайские войска под командованием Тан Ли заняли Дэргэ. Правитель Дэргэ бежал, его родители, взятые китайцами в плен, умерли в тюрьме в Сычуани. В 1903 г. китайские войска заняли Гартар. После того как в Ба монахи убили китайского амбаня Фэн Чэня, который находился там проездом и вмешался во внутренние дела монастыря, новая китайская армия под командованием Ма Дин-тая вступила в Кам из Сычуани и заняла Ба. 322 монаха были арестованы и казнены, их имущество конфисковано, часть монастырских строений сожжена. Вскоре в районах Ба и Чатин появились войска генерала Чжао Эр-фэна. Солдаты разрушали монастыри, убивали монахов и жителей, медные предметы культа были вывезены из Кама в Сычуань и перелиты в монету. Центром сопротивления захватчикам стал монастырь Санцилин в районе Сянчэна. В январе 1906 г. две тысячи солдат Чжао Эр-фэна с четырьмя пушками осадили Санцилин. Около полугода продолжалось сопротивление тибетцев. Только с помощью хитрости и обмана китайцам удалось ворваться в монастырь. Монахи приняли за своих сторонников отряд тибетцев из армии Чжао Эр-фэна и открыли ворота. Почти все защитники Санцилина были перебиты, а монастырь полностью разрушен [Кулешов, 1992, с. 114-115].

В 1906 г. Цины назначили Чжао Эр-фэна «верховным комиссаром по пограничным делам» и вторым амбанем в Лхасе. Чжао Эр-фэн упразднил институт *тусы* в Каме [Smith, 1996, p. 170]. Опираясь на помощь своего брата, будущего генерал-губернатора Сычуани Чжао Эр-сюня (назначен в марте 1908 г.), Чжао Эр-фэн начал создавать на землях тибетцев имперскую административную систему уездов с центром в Батане. Границы

уездов не совпадали с границами владений бывших тусы. В Батане в том же, 1906 г. Чжао Эр-фэн создал Высшую комиссию по пограничным делам. Затем началась планомерная оккупация территории Кама китайскими войсками.

В 1910 г. китайские власти приняли решение о создании здесь провинции Сикан [Кулешов, 1992, с. 254]. Жителей Сычуани официально призывали переселяться на «свободные плодородные» земли Восточного Тибета. Однако организовать поток китайцев-переселенцев не удалось.

Цели Чжао Эр-фэня по колонизации Восточного Тибета хорошо видны из документа, относящегося к области Батан, в котором говорилось следующее: «Все население Батана отныне является подданным китайского императора; все налоги уплачиваются {217}китайцам; все население отныне живет по китайским законам; в ближайшее время в Батане открывается китайская школа для наставления местных жителей; каждая тибетская семья в Батане должна взять себе китайскую фамилию; жители Батана должны одеваться по-китайски» (цит. по [Кулешов, 1992, с. 117]). Осенью 1909 г. войска Чжао Эр-фэна захватили Чамдо. Из своей шеститысячной армии Чжао сформировал отборный отряд в две тысячи солдат во главе с генералом Чжун Ином для похода на Лхасу. 12 февраля 1910 г. отряд Чжун Ина вошел в столицу Тибета. Захват Лхасы китайцами сопровождался насилиями, грабежами и убийствами.

Военные успехи подталкивали Цинов к осуществлению давнего плана — превращению Тибета в обычную провинцию Цинской империи. Генерал Чжао усилил деятельность по созданию пров. Сикан, простирающейся «от Дацзяньлу на востоке до перевала Танта на западе и от Вэйси на юге до Кукунора на севере» [Кулешов, 1992, с. 255]. Летом 1910 г. Чжао Эр-фэн докладывал в Пекин о том, что граница между новой провинцией и Тибетом должна проходить не более чем в 100 милях к востоку от Лхасы.

Синьхайская революция помешала провести в жизнь решение о создании провинции Сикан. В 1914 г. на этой территории появился «пограничный район Чуаньбянь», но в 1924 г. он был переименован в провинцию Сикан. Однако повсеместные восстания тибетцев сковывали военные силы Чжао и китайского гарнизона в Лхасе. Летом 1911 г. Чжао Эр-фэн еще смог захватить Ньярон и изгнать оттуда тибетскую администрацию. Это был последний успех генерала, прозванного тибетцами за жестокие репрессии «Чжао-мясник». В декабре 1911 г. он был убит собственными солдатами.

Положение в Лхасе в условиях китайской оккупации оставалось нестабильным. Бесчинства китайских солдат вызывали сопротивление жителей. Еще в декабре 1909 г. в Лхасу возвратился Далай-лама. Но уже 13 января 1910 г. он вновь покинул столицу Тибета и в сопровождении более 100 человек (свита, охрана, слуги) ночью тайно бежал в Индию. Амбань Лянь Юй спешно организовал погоню, приказав принести ему голову Далай-ламы. 300 китайских всадников уже настигали беглецов у переправы Чхаксам через р. Цанпо, но были здесь задержаны на два дня тибетцами под командованием Дасан Дэюла. Когда караван Далай-ламы остановился у самой границы в Ятуне, преследователи вновь настигли беглецов, но не смогли помешать Далай-ламе перейти индийскую границу. Началась вторая эмиграция духовного лидера Тибета. {218}

25 февраля 1910 г. указом цинского императора Далай-лама вновь был «смещен со своего поста» и амбаню в Лхасе было приказано организовать избрание его преемника. Одновременно китайцы пригласили Панчен-ламу IX, Гелек Намгьял (1883-1937), приехать в Лхасу. Панчен-лама принял приглашение. В 1911 г. он приехал в столицу Тибета, остановился сначала в соборе Джокан, затем в Норбулинке и стал выполнять некоторые функции Далай-ламы. Однако он отклонил предложение китайцев стать регентом Тибета.

Далай-лама в Индии

Далай-лама находился в Индии около двух лет. Английские власти предоставили ему резиденцию в Дарджилинге, но старались ограничить его контакты вообще и с

представителями России в особенности. Далай-лама по-прежнему стремился получить поддержку со стороны царского правительства. Когда в ноябре 1910 г. его посетил русский индолог и тибетолог Ф.И. Щербатской, Далай-лама заявил ему «о своей и тибетского народа преданности России» (цит. по [Белов, 1994, с. 104]). В феврале 1912 г. русский генеральный консул в Калькутте приехал к Далай-ламе в Дарджилинг и передал ему ответное письмо царя Николая II, составленное в общих, «неполитических» выражениях. Несмотря на настойчивые хлопоты в Петербурге посланника Далай-ламы Агвана Доржиева, его призывы о помощи в решении тибетских дел, правительство России уклонилось от вмешательства в какой-либо форме. Планы Далай-ламы о поездке из Индии в Европу также не смогли осуществиться.

События 1911-1912 гг. и возвращение Далай-ламы в Лхасу

Революция 1911-1913 гг. в Китае, провозглашение Китайской Республики, а в Урге в декабре 1911 г. независимости Монголии, отречение цинской династии от трона в феврале 1912 г., крупные перемены в самом Тибете побудили Далай-ламу XIII вернуться в Лхасу. Там после его бегства амбань Лянь Юй попытался взять в свои руки всю полноту власти. Однако его возможности были ограничены. Цинские войска в Тибете быстро превращались в неконтролируемую вооруженную силу. Солдаты в Лхасе, Гьянцэ и Ятуне не подчинялись приказам своих командиров. При получении {219}известий о начале Синьхайской революции взбунтовавшиеся солдаты в ноябре 1911 г. напали на резиденцию амбаня — маньчжура Лянь Юя. Амбань бежал, но был схвачен и доставлен в Ши-гацэ в качестве заложника. Солдаты избрали новым амбанем генерала Чжун Ина, кстати, также маньчжура. Чжун Ин выдал бунтовщикам 250 тыс. рупий, чем на некоторое время добился повиновения с их стороны. Но в Лхасу начали собираться солдаты из гарнизонов других тибетских городов и участники боев с восставшими тибетцами. Солдаты грабили жителей, постепенно они захватили всю южную часть Лхасы. Небольшие китайские гарнизоны в Шигацэ и Гьянцэ вскоре сложили оружие и через долину Чумби ушли в Индию. Но в Лхасе еще оставались китайский гарнизон, старый амбань Лянь Юй и новый амбань Чжун Ин с личной охраной.

24 июня 1912 г. Далай-лама выехал из Индии в Тибет. В конце июля он остановился в семи километрах от Лхасы, поддерживая постоянные контакты со своими сторонниками в столице Тибета.

Быстрому изгнанию китайцев мешала внутриполитическая борьба в правящих кругах Тибета. Если монахи монастырей Сэра и Ганден приняли активное участие в борьбе с китайцами, то руководители крупнейшего монастыря Дэпун (около 8 тыс. монахов), некоторые члены Кашага не желали порывать с китайскими властями. Конфликт привел к столкновению. Прокитайские лидеры были арестованы, и восемь человек из них казнены [Shakabpa, 1967, p. 241]. Так, монахи монастыря Сэра убили без всякого суда и следствия первого колона Царон-шапэ, одного из его сыновей и несколько других высших чиновников.

Многие богатые жители Лхасы спешно отправили свои семьи и ценности под защиту стен монастыря Сэра. 5 февраля 1912 г. сычуаньские солдаты окружили Сэра. В течение двух дней они обстреливали монастырь и пытались ворваться внутрь, но получили отпор от 5500 монахов, большинство из которых было вооружено. Отбив нападение, монахи монастыря Сэра вместе с другими группами вооруженных тибетцев двинулись в Лхасу [ibid., p. 240; Ya Hanhzang, 1993, p. 242-243].

Начиная с 8 февраля и до 19 июня в Лхасе шли бои. Наконец, 19 июня 1912 г. при посредничестве непальского резидента в Лхасе было достигнуто соглашение. Китайские солдаты должны были передать оружие и снаряжение тибетцам. Китайцам разрешалось покинуть Тибет южным путем через Индию; им обещали предоставить транспорт и продовольствие. В Лхасе мог оставаться китайский {220}резидент, но его охрана

ограничивалась 20 вооруженными людьми [Ya Hanhzang, 1993, p. 243].

4 августа Лянь Юй и его эскорт выехали из Лхасы в Индию. После новых переговоров 12 августа 1912г. было достигнуто новое соглашение. Оно содержало следующие главные пункты: «1. Амбань с небольшой свитой остается в Лхасе. 2. Он сохраняет при себе 200 китайских солдат личной охраны. 3. Все остальные китайские войска сдают оружие и амуницию и возвращаются в Китай. 4. Оружие и амуниция остаются в Лхасе под печатями. 5. Тибетцам, бывшим на стороне Китая, обещается прощение. Около 500 китайских солдат с генералом Чжуном без оружия возвращаются в Китай через Индию» [Кулешов, 1992, с. 160].

14 декабря 1912 г., после переговоров при посредничестве непальского представителя тибетцы и китайцы заключили еще одно соглашение. В нем назначался день (16 декабря), когда китайские солдаты должны покинуть Лхасу и направиться в Китай через Индию, не делая остановок на тибетской территории. Их оружие и амуниция оставались в Лхасе под контролем непальской стороны. Тибетцы обещали предоставить транспорт и продовольствие китайским солдатам и офицерам на время их эвакуации. 19 декабря 1912г. новый амбань генерал Чжун Ин со своим отрядом под охраной гуркхов покинул Лхасу и в апреле 1913 г. пересек границу Сиккима. В 1914 г. он был обвинен во всех неудачах китайцев в Тибете, осужден и казнен в Пекине.

При содействии британской миссии по репатриации китайцев через сиккимо-тибетскую границу было переправлено более 2 тыс. человек. 6 января 1913 г. последние китайские солдаты ушли из Лхасы. В 1913 г. китайское правительство упразднило институт амбаней.

23 января 1913 г. Далай-лама вернулся во дворец Потала в качестве общепризнанного лидера Тибета. По возвращении в Лхасу он издал Декларацию, в которой, в частности, говорилось: «Владыка Будда из священной страны Индия предсказал, что перевоплощения Авалокитешвары будут, посредством преемственного ряда правителей от ранних царей веры до наших дней, править Тибетом... Во времена монгольских Чингис-хана и Алтан-хана, при китайской династии Мин и при маньчжурской династии Цин Тибет и Китай сотрудничали на основе отношений священника и покровителя. Несколько лет назад китайские власти в Сычуани и Юнънани попытались превратить страну в китайскую колонию. Они послали крупные воинские отряды в Тибет под предлогом {221}охраны рынков. Поэтому я оставил Лхасу и вместе с несколькими министрами уехал на индо-тибетскую границу в надежде разъяснить маньчжурскому императору по телеграфу, что существующие между Тибетом и Китаем отношения являются отношениями покровителя и священнослужителя и не основываются на подчинении одной страны другой...

Из Индии я послал несколько телеграмм императору, однако ответа не последовало из-за препятствий, чинимых бесчестными чиновниками в Пекине. Тем временем маньчжурская империя пала. Это помогло тибетцам изгнать китайцев из Центрального Тибета. Я также смог вернуться в Тибет... по моему приказу ныне остатки китайских войск изгнаны из Докама (Амдо и Кам. — Б.М.) в Восточном Тибете. Таким образом, замыслы китайцев угнетать Тибет путем извращенного истолкования отношений священник — покровитель исчезли, подобно радуге в небе...

Мы небольшая нация, независимая и религиозная. Нам предстоит защищать свою страну. Мы знаем из прошлого, что, защищая свою страну, наш народ может встретиться с некоторыми трудностями. Он должен пренебречь этими трудностями. Мы все должны трудиться во имя сохранения независимости страны» [Богословский, Москалев, 1984, с. 41; Shakabpa, 1967, p. 246-247].

Вернувшись в Лхасу, Далай-лама XIII щедро наградил тех, кто способствовал его возвращению. Монастырь Сэра за верную службу получил восемь имений кочевников в области Дам, монастырь Ганден — половину области Цзон. Своим сторонникам Далай-лама пожаловал имения и титулы. В то же время верховный правитель Тибета покарал

поддерживавших контакты с китайцами монахов монастыря Тэнгьелин (один из четырех лхасских «лингов»). Настоятель именно этого монастыря был когда-то регентом при малолетнем Далай-ламе XIII и был обвинен в заговоре против жизни «перерожденца». Еще в то время земли монастыря были конфискованы, а монахи подверглись репрессиям. Монастырь возродился в 1910 г. с помощью китайских властей. На этот раз (в 1913 г.) монастырь Тэнгьелин был закрыт, его здания вскоре переданы Управлению почт и телеграфа, монахов этого монастыря разослали по другим монастырям Тибета.

Тибето-монгольский договор 1913 г.

Как уже говорилось, 1 декабря 1911 г. в Урге была провозглашена независимость Монголии. 16 декабря 1911 г. состоялась {222}церемония восшествия на престол хана Монголии — главы монгольской буддийской церкви богдо-гэгэна. 3 ноября 1912 г. в Урге было подписано русско-монгольское соглашение, предусматривавшее помощь России монгольскому правительству в сохранении автономии, формировании вооруженных сил, недопущении китайских войск и колонистов в страну.

В конце 1912г. посланец Далай-ламы Агван Доржиев начал в Урге переговоры с и.о. министра иностранных дел Монголии, великим ламой Рабданом о заключении тибето-монгольского договора. 11 января 1913 г. договор был подписан. Во вступительной части его говорилось: «Монголия и Тибет, освободившись от маньчжурской династии и отделившись от Китая, стали независимыми государствами» [Кулешов, 1992, с. 204]. Далее обе стороны взаимно признавали независимость друг друга.

Тибето-монгольский договор 1913 г. не получил международного признания, в частности, со стороны Великобритании и России. Но сам он свидетельствовал о стремлении правительства Далай-ламы XIII добиваться такого признания.

Переговоры представителя Далай-ламы в Петербурге и позиция невмешательства царского правительства

Из Урги Доржиев направился в Петербург и в феврале 1913 г. передал в правительство России два письма Далай-ламы и «Памятную записку о положении Тибета». Далай-лама просил о признании независимости Тибета и Россией, и Англией. Он предлагал направить английских и русских дипломатических представителей в Лхасу. Царское правительство оставило это обращение без ответа.

Причиной пассивности политики России являлось нежелание царского правительства в случае активного русского вмешательства в дела Тибета иметь конфликт с Англией. Однако была и еще одна причина, на которую весьма справедливо, на наш взгляд, указывает Н.С.Кулешов: «...невмешательство царского правительства в тибетские дела объясняется опасением чрезмерного усиления влияния Далай-ламы среди буддистов, проживающих в России, которое английское правительство могло бы использовать в своих целях» [там же, с. 187]. {223}

Конференция в Симле 1913-1914 гг.

Правительство Великобритании настойчиво предлагало президенту Китайской Республики Юань Ши-каю решить «тибетский вопрос» за столом переговоров, но с участием тибетцев. В марте 1913 г. Юань Ши-кай назначил двух представителей на переговоры с тибетцами в Чамдо. Однако переговоры вскоре были прерваны. В конце концов, 6 октября 1913 г. в г. Симле в Индии открылись трехсторонние переговоры тибетской, китайской и английской делегаций. Предложения тибетской и китайской сторон оказались явно несовместимыми, и конференция затягивалась. Однако между представителем Англии Генри Макмагоном и представителем Тибета Лончэн Шэтра

(первым министром) была достигнута договоренность о тибетско-индийской границе (так называемая «линия Макмагона»). 24 и 25 марта 1914 г. эта договоренность была зафиксирована обменом нотами. 27 апреля 1914 г. главы всех трех делегаций парафировали предложенный англичанами проект Конвенции. Статья II Конвенции говорила, что «Правительства Великобритании и Китая, признавая, что Тибет находится под сюзеренитетом Китая, и признавая автономию Внешнего Тибета, обязуются уважать территориальную целостность страны и воздерживаться от вмешательства в управление Внешним Тибетом (включая выборы и введение в должность Далай-ламы), которое должно оставаться в руках тибетского правительства Лхасы. Правительство Китая обязуется не превращать Тибет в китайскую провинцию. Правительство Великобритании обязуется не аннексировать Тибет или какую-либо часть его» (см. [Кулешов, 1992, с. 265]).

В соответствии с Конвенцией в Лхасе мог находиться китайский чиновник с эскортом не более 300 человек. Были зафиксированы преимущественные права англичан в торговле с Тибетом, включая право британского торгового резидента в Гьянцэ посещать Лхасу для консультаций с тибетским правительством. В статье IX говорилось: «По настоящей Конвенции граница Тибета и рубеж между Внешним и Внутренним Тибетом должны проходить так, как указано на прилагаемой карте красным и синим цветом соответственно» [там же, с. 266]. Красным цветом была размечена тибетско-индийская граница, признанная, как уже отмечалось выше, представителями Тибета и Великобритании. А вот определение рубежа между Внешним и Внутренним Тибетом явилось камнем преткновения для Симлской конференции. Глава китайской делегации Чэнь И-фань оспаривал отмеченное синей линией прохождение {224}границы между Тибетом и провинциями Сычуань и Юньнань. 3 июля на последнем заседании конференции Чэнъ И-фань заявил, что согласно инструкции из Пекина он не может подписать трехстороннюю Конвенцию. В свою очередь, инструкции Лондона запрещали Макмагону поставить свою подпись без подписи представителя Китая. В результате сама Симлская Конвенция никем не была подписана. Однако по инициативе Макмагона он и тибетский уполномоченный подписали специальную «Декларацию, приложенную к тексту Симлской Конвенции от 3 июля 1914 г.». Декларация гласила: «Мы, уполномоченные Великобритании и Тибета, составили настоящую декларацию для того, чтобы заявить о признании парафированной Конвенции обязательной для правительства Великобритании и Тибета; мы пришли также к соглашению, что, до того как правительство Китая подпишет данную Конвенцию, оно не будет пользоваться привилегиями, вытекающими из этой Конвенции». С тибетской стороны Декларацию подписал Лончэн Шэтра и были приложены печати Далай-ламы, Лончэн Шэтра, монастырей Дэпун, Сэра и Ганден, печать Национальной ассамблеи. Поскольку китайцы не подписали Конвенцию, то, следовательно, Китай не мог ссылаться на Симлское соглашение как на международно-правовой документ, подтверждающий сюзеренитет Китая над Тибетом. С другой стороны, не подписав Симлское соглашение, Китай не признал и «линию Макмагона», что явилось причиной ее неполноценности с точки зрения международного права.

Первая мировая война надолго отвлекла внимание Великобритании от тибетских дел. Внутренняя нестабильность в Китае, борьба китайцев с японской агрессией не позволили центральному правительству Китая кардинально решить проблемы взаимоотношений с Тибетом.

Правительство Далай-ламы XIII функционировало как реальная власть внутри Тибета. Однако в течение всего периода 10-40-х годов XX в. Тибет не был признан ни одним государством и ни одной международной организацией в качестве суверенного государства. Разумеется, независимость Тибета не признавало и правительство Китайской Республики. Неоднократно предпринимались действия, которые должны были подчеркнуть, что Тибет является частью Китая. Так, например, еще 12 апреля 1912 г.

Юань Ши-кай издал декрет, в котором указывал, что Монголия, Восточный Туркестан и Тибет — это неотъемлемые части Китайской Республики и все жители этих трех регионов — ее граждане. В том же месяце Юань Ши-кай приказал войскам в Сычуани и Юньнани начать военный{225} поход в Тибет на помощь китайскому гарнизону в Лхасе. Англия заявила, что признает сюзеренитет Китая над Тибетом, но не может допустить введение неограниченного количества китайских войск и приравнивания Тибета к собственно китайским провинциям. Англия отказывалась признать Китайскую Республику до тех пор, пока военный поход не будет прекращен. В августе 1912 г. Юань Ши-кай был вынужден отдать приказ остановить наступление.

В 1913 г., когда в Пекине формировался первый китайский парламент, в состав сената и палаты представителей оказались включены представители Тибета. 15 мая 1913 г. в Пекине был опубликован список сенаторов и членов палаты от Тибета, практически — от тибетцев, так как это были выходцы из внутренних районов Китая [Уа Hanzhang, 1993, p. 251-252].

Первые японо-тибетские контакты

В начале XX в. первые попытки собрать подробные сведения о Тибете и установить контакты с тибетскими властями предпринимают японцы [Кузнецов, 1999, с. 125-134]. В марте 1901 г. в Лхасу прибыл бывший настоятель токийского монастыря Дзёхякурукан Экай Кавагучи. Благодаря своим познаниям в философии буддизма и в медицине Кавагучи познакомился с представителями лхасской элиты, но потом был заподозрен в шпионаже и вынужден спешно покинуть Тибет.

В 1908 г. во время поездки Далай-ламы XIII в Пекин он встречался в горах Утайшань (пров. Шаньси) с японским монахом Сонью Отани, а в самом Пекине — с японским посланником в Китае Гэнсукэ Хаяси и японским военным атташе генералом Ясунаси Фукусима.

В 1911 г. японский монах Бунко Аоки встречался с Далай-ламой в Калимпонге, а затем поехал в Лхасу и пробыл там около года. Бунко Аоки перевел на японский язык некоторые буддийские сутры. В 1914 г. в Лхасу снова приехал Кавагучи и собрал книги по буддизму. В 1913 г. по желанию Далай-ламы японец Ясухиро Ядзима, обосновавшийся в Лхасе, был приглашен в качестве военного инструктора в тибетскую армию. Ядзима служил также и как телохранитель Далай-ламы. Он покинул Тибет в 1919 г.

Японец Токан Тада провел десять лет (1913-1923) в одном из монастырей Лхасы, изучая тибетский буддизм. Далай-лама неоднократно обсуждал с Тада международные проблемы. {226}

Усиление Японии в начале XX в. и первые контакты между Тибетом и японцами способствовали появлению определенных симпатий к Японии у Далай-ламы и части тибетской элиты. Это были симпатии к стране единоверцев, способной, как считали в Тибете, в случае необходимости остановить натиск китайцев на Тибет, подобный походу 1910 г. {227}

Часть IV
Тибет в 1913-1949 гг.

Первые мероприятия правительства Далай-ламы XIII

Взяв в свои руки власть в Тибете, правительство Далай-ламы XIII попыталось сделать некоторые шаги для улучшения положения в стране. В 1914 г. в Лхасе стали чеканить медные деньги в дополнение к золотым и серебряным монетам. Были напечатаны первые бумажные деньги достоинством в 5, 10, 15, 25 и 50 тыс. транка.

Однако постоянный и несбалансированный выпуск бумажных денег вскоре привел к инфляции. Если в 1910 г. одна транка стоила 6 пенсов, то в 1920 г. — 2 1/2 пенса. В эти годы интенсивно чеканили и новую монету из золота и серебра. Были выпущены первые тибетские марки. Правительство послало в Калькутту двух тибетцев для изучения технологии печатания денег. Четыре тибетца отправились учиться в Англию горному делу, электротехнике, военному делу и работе на телеграфе. Тибетских студентов сопровождал во время их обучения аристократ из семьи Лхалу Луншар, который после возвращения в Тибет стал секретарем финансового департамента, а впоследствии — главой военного департамента. Была сделана попытка отправить тибетцев для обучения в Россию, Германию и США, но она потерпела неудачу.

Большое внимание уделялось созданию новой тибетской армии. В 1916 г. Тибет направил несколько солдат и офицеров в Индию для обучения стрельбе из пушек и пулеметов. Британские и индийские офицеры из охраны торгового агентства в Гьянцэ обучали военному делу 50 тибетцев. Три российских военных инструктора из числа бурятов тайно (они говорили по-тибетски и носили тибетскую одежду) служили в тибетской армии. В Лхасе начиная с 1913 г. работал военным советником японец Ясухиро Ядзима. В том же, 1913 г. Далай-лама назначил главнокомандующим своего фаворита {228}Царона (собственное имя Дасан Дэюл, годы жизни 1886-1959), выходца из незнатных кругов, не связанного с монастырской элитой и лхасской знатью. В конечном счете удалось создать регулярную армию численностью около 5 тыс. человек. Новая армия стала реальной силой для укрепления центральной власти.

Начиная с 1914 г. правительство начало взимать налоги на соль, шкуры и шерсть, а затем ввело подушный налог по две *транки* с человека. Начали взимать 10%-ную пошлину на чай, ввозимый из Китая. Тибет пытался сделать первые шаги навстречу современной цивилизации, но эти шаги были еще явно недостаточны.

Положение в Каме

После революции 1911-1913 гг. реальная власть в провинциях Китая перешла в руки местных милитаристов. Центральное китайское правительство в Пекине мало вмешивалось в события в отдаленных провинциях.

Еще в 1912 г. местные тибетские племена в Каме и монахи монастыря в Чамдо попытались изгнать из города китайский гарнизон, но потерпели неудачу. После возвращения в Лхасу в 1913 г. Далай-лама назначил *калона* Джампа Тэндара губернатором Кама, наделив его большими полномочиями. Вместе с Джампа Тэндаром в Кам направились восемь генералов. В1917 г. сычуаньский генерал Бэн Цзо-шен попытался вытеснить отряды тибетцев из Восточного Тибета. В сентябре 1917 г. тибетские войска начали контрнаступление и после длительной осады 16 апреля 1918 г. заняли Чамдо. К лету 1918 г. войска Далай-ламы заняли весь Кам до Дацзяньлу и границы пров. Юньнань. 19 августа 1918 г. в Чамдо при посредничестве британского консула в Кандине Э. Тейхмана командующий тибетскими войсками *калон* Джампа Тэндар и сычуаньский милитарист генерал Лю Цзань-тин подписали соглашение, в соответствии с которым линия, проходящая примерно вдоль верховьев Янцзы, была признана в качестве временной линии разграничения власти. Под контроль тибетского правительства также переходили расположенные восточнее Янцзы области Дэргэ и Баюл и все монастыри в тибетских районах, оказавшихся под властью Лю Цзань-тина. В соглашении подчеркивалось, что «контроль над всеми монастырями в областях, находящихся под китайским управлением, как и право назначать высших лам и других монастырских чиновников, а также контроль над всеми делами, относящимися к буддийской религии, должны быть в руках Далай-{229}ламы; китайские власти не вправе каким-либо образом вмешиваться в них, но и ламы, со своей стороны, не могут вмешиваться в местную власть китайских чиновников» (ст. 5) [Богословский, 2002, с. 21].

По дополнительному соглашению, подписанному 10 октября 1918 г. в Ронгбацза, предусматривались прекращение военных действий и взаимный отвод войск к 31 октября 1918 г.

Тибет в 20-х — начале 30-х годов XX в.

Первая половина 20-х годов была ознаменована развитием двух процессов. С одной стороны, Далай-лама XIII делает новые шаги по модернизации Тибета и укреплению своей личной власти. С другой стороны, нарастает сопротивление новшествам со стороны высшего духовенства, монахов и многих простых тибетцев, ибо эти новшества либо затрагивали их интересы, либо просто не соответствовали традиционным представлениям и реалиям прошлого. Так, вразрез с проводимой прежде политикой изоляции Далай-лама разрешил находиться в Лхасе в течение целого года, с ноября 1920 по октябрь 1921 г., английскому политическому резиденту в Сиккиме Чарльзу Беллу и неоднократно обсуждал с ним вопросы тибето-английских отношений и реформ в Тибете.

Между Далай-ламой и Ч. Беллом было достигнуто соглашение об оказании англичанами помощи в модернизации Тибета. Англичане соглашались предоставить тибетцам горные орудия, пулеметы и боеприпасы, но с обещанием не использовать это вооружение в столкновениях с китайцами. Англичане также соглашались провести телеграфную линию Гьянцэ — Лхаса, содействовать в организации в этих городах двух школ со светской программой обучения, обучать командный и рядовой состав тибетской армии и помочь организовать разведку полезных ископаемых в Тибете.

Летом 1922 г. открылась прямая линия телеграфа Гьянцэ — Лхаса длиною 219,5 км. В 1923 г. в Гьянцэ появилась первая в истории Тибета светская школа, куда по приказу правительства были зачислены 40 юношей — детей лхасских аристократов и чиновников. Учитель-англичанин Фрэнк Ладлоу был приглашен из Индии и пытался организовать обучение по английскому образцу. В том же, 1923 г. по распоряжению Далай-ламы главнокомандующий создал в Лхасе в составе армии особую воинскую часть, наделенную полицейскими функциями. Во главе ее был поставлен бывший начальник полиции в Дарджилинге сиккимец Сонам Ледэнла, {230}направленный в Лхасу из Индии по просьбе Далай-ламы. Полиция должна была не только поддерживать порядок в столице, но и прямо следить за настроением жителей. В начале 20-х годов Далай-лама продолжал посылать тибетцев для обучения в Индию. В 1921 г. один тибетец поехал в Дарджилинг изучать телефонное и телеграфное дело. Три чиновника-монаха были посланы в Индию учить английский язык. В 1923 г. Чанлочен Кон изучал организацию военного дела и современное вооружение в Гартоке. В том же году Дорин Тэджи был направлен в Индию для ознакомления с политической, экономической и культурной ситуацией в этой стране в целом. По распоряжению Далай-ламы был создан Институт тибетской медицины и календаря, принимавший студентов из уй, Цзана, Нгари и Кама [Уа Hanzhang, 1993, p. 318-319]. В 1925 г. появилась тибетская почтовая служба; на первых порах она связывала только Лхасу, Шигацэ, Гьянцэ и Пари. Наконец, следует упомянуть и первый тибетский Государственный банк, который взял под свой контроль все денежное обращение [ibid., p. 320].

Особое внимание, как уже говорилось, Далай-лама XIII обращал на увеличение численности и повышение боеспособности армии, видя в ней опору своей власти. Большая часть средств, полученных от новых налогов и пошлин, шла на эти цели. На командные посты в армии выдвигались молодые военачальники, ставленники Далай-ламы и Дасан Дэюла. Сам Дасан Дэюл к этому времени стал богатейшим человеком в Тибете. Дэюл был главнокомандующим, колоном, а с 1914 г. заведовал государственным монетным двором. Его влияние в армии и при дворе Далай-ламы росло. Опираясь на новую тибетскую армию, Далай-лама пытался подчинить власти Лхасы все районы,

населенные тибетцами в Каме, провинциях Цинхай, Сычуань и Юньнань. Основная часть армии находилась поэтому в Восточном Тибете. Военные успехи в 1917-1918 гг. в Каме побудили Далай-ламу составить план дальнейшего увеличения численности постоянной армии с 5 до 15 тыс. человек. Однако этот план вызвал недовольство руководителей трех «великих монастырей» Сэра, Дэпуна и Гандена. Высшее духовенство опасалось введения новых налогов на содержание армии и рекрутских наборов, которые скажутся на численности монашеской общины. Вопрос обсуждался в Национальном собрании. В конце концов оно высказалось за увеличение армии до 15 тыс. человек, но предписало делать это постепенно.

Правительство обещало не набирать в армию монахов и призывать ежегодно лишь по 500-1000 человек. Как писал Ч. Белл, {231}настоятели монастырей «оказались способны понять, что китайское господство в Тибете, хотя и сопровождается субсидиями монастырям, в конечном счете причинит больший вред религии и их собственному влиянию, чем господство своего собственного правительства» [Bell,1924, p. 185].

В августе 1919 г. в Лхасу прибыла китайская миссия, направленная военным губернатором пров. Ганьсу по распоряжению правительства в Пекине. Миссия предложила Далай-ламе послать своих представителей в Пекин для переговоров. Вопрос обсуждался на совещании, в котором приняли участие доверенные лица Далай-ламы и Панчен-ламы, четыре *калона* и представители трех «великих монастырей». В результате тибетская сторона предложила китайцам провести тройственные переговоры в Лхасе или в Чамдо с участием делегаций Китая, Тибета и Великобритании. В апреле 1920 г., не добившись своей цели, китайская миссия покинула Лхасу [Уа Hanzhang, 1993, p. 255].

Характерна судьба четырех тибетцев, вернувшихся в Тибет в 1920 г. после обучения в Англии. Один из них, Кэнраб Кунсан Мондон, горный инженер по образованию, начал разрабатывать к северу от Лхасы месторождение золота. Монахи местного монастыря потребовали прекратить раскопки, которые, как они заявляли, могут вызвать гнев духов земли. И раскопки были прекращены. Мондон стал личным переводчиком Далай-ламы, а также служил в лхасской полиции. Второй, Сонам Гомпо Гокарва, получил направление в Кам в качестве офицера армии, но вскоре умер. Третий, Ванду Норбу Кьибук, начал работать на линии телеграфа Лхаса — Гьянцэ, но вскоре подал в отставку. Он служил потом в качестве городского чиновника в Лхасе. Лишь один из четырех тибетцев, Ригдаин Дордже Ринган, получил постоянную работу на электростанции в Лхасе: он электрифицировал летний дворец Далай-ламы и некоторые районы столицы Тибета [Shakabpa, 1967, p. 249-250; Богословский, Москалев, 1984, с. 64].

В начале 1921 г. вспыхнул открытый конфликт между лидерами духовенства и молодыми военачальниками, группировавшимися вокруг Царона (Дасан Дэюла). Во время празднования монлама в Лхасе собралось более 40 тыс. монахов. В эти дни проходило заседание Национальной ассамблеи, на котором решался вопрос о распространении налогов на имения *калонов* и командиров армии. Царон во главе группы военачальников явился на заседание и потребовал ввести в состав ассамблеи представителей военных. Луншар, один из руководителей ассамблеи и давний соперник Царона, призвал {232}оказать сопротивление требованиям военных. Заседание было прервано. Тогда тысячи монахов окружили дворец Потала и летнюю резиденцию Далай-ламы Норбулинку. Только личное вмешательство Далай-ламы, осудившего действия военачальников, предотвратило столкновение между военными и монахами. Однако летом 1921 г. массовое выступление монахов все же произошло. Правительство арестовало трех монахов монастыря Дэпун, руководителей одного из дацанов, подозреваемых в контактах с китайцами. 3 тыс. монахов этого монастыря собрались вокруг Норбу-линки и потребовали освобождения своих лидеров. Власти вызвали в Лхасу войска. Организаторы демонстрации были арестованы [Shakabpa, 1967, p. 262].

Успехи администрации Далай-ламы XIII в установлении своей власти по всему Тибету углубили наметившиеся ранее противоречия между Далай-ламой XIII и Панчен-

ламой IX. Еще в 1904г., во время прихода отряда Янгхазбенда в Лхасу, Панчен-лама остался в Лхасе и был вынужден вступить в переговоры с англичанами, хотя и не поставил свою подпись под Лхасской конвенцией. В 1905 г., во время визита Панчен-ламы в Индию, британские власти предложили ему «занять тибетский престол» вместо Далай-ламы, но получили решительный отказ. В 1910-1911 гг., во время захвата Лхасы китайскими войсками и бегства Далай-ламы, Панчен-лама сотрудничал с амбанем. В июле 1912 г., после встречи Далай-ламы и Панчен-ламы в Ралуне, было объявлено о достижении полного согласия между двумя высшими духовными лидерами Тибета. Однако в действительности противоречия между ними сохранились. Лхаса настойчиво требовала от администрации Панчен-ламы уплатить крупную сумму денег — задолженность областей, находившихся под управлением Панчен-ламы, перед лхасской казной. В 1922 г. Лхаса также потребовала, чтобы администрация Панчен-ламы взяла на себя четвертую часть расходов по реорганизации и увеличению армии и выплатила все долги. Когда это не было сделано, тибетское правительство арестовало нескольких чиновников из Шигацэ. Панчен-лама обратился к английскому торговому агенту в Гьянцэ с просьбой выступить посредником для урегулирования его разногласий с Далай-ламой. Англичанин ответил, что он не может вмешиваться во внутренние дела Тибета. 26 декабря 1923 г. Панчен-лама IX вместе с сотней ближайших сторонников покинул Шигацэ и направился на север, в Синин, а затем в Монголию. В своем заявлении он объяснял свой отъезд намерением найти посредников для переговоров с Далай-ламой. Однако Далай-лама XIII {233}резко осудил произошедшее. В прокламации, опубликованной 26 января 1924 г., говорилось, что Панчен-лама отправился в пустыню подобно мотыльку, которого манит свет лампы. «Трудно предположить, — писал Далай-лама, — что человек, который думает только о себе и который не свободен от трех грехов, может считаться ламой или буддой» (цит. по [Богословский, Москалев, 1984, с. 62]).

Казалось, что во всех кризисных ситуациях 1921-1923 гг. победа оставалась на стороне правительства Далай-ламы. Власти Лхасы даже назначили двух губернаторов для управления городом Шигацэ и районами, подвластными ранее Панчен-ламе. Однако многочисленные последователи Панчен-ламы желали и требовали его возвращения и восстановления в правах, причем некоторые из них готовы были приветствовать китайское вмешательство для этой цели. Часть лхасской аристократии выражала недовольство действиями полиции и другими нововведениями Далай-ламы. Суеверные тибетцы истолковывали некоторые события как предзнаменования грядущих бедствий. Так, около кафедрального собора Джокан росла старая плакучая ива, получившая название «волосы Владыки» (т.е. Будды). В 1924г. сильный ветер сломал множество ветвей ивы, что вызвало страх у жителей Лхасы. Власти распорядились привязать к стволу все отломанные ветви и провести во всех монастырях специальные богослужения. Но бедствие все-таки случилось: в следующем, 1925 г. эпидемия оспы погубила более четверти населения города. Общее настроение в обществе было против каких-либо нововведений. И это, и постоянное сопротивление со стороны высшего духовенства, а также части аристократии не позволили Далай-ламе продолжать политику реформ. Верховный лидер Тибета был вынужден пойти на уступки. В 1925 г. он сместил своего фаворита Царона с поста главнокомандующего и назначил вместо него Дзаса Думпа, которого Шакабпа характеризует как ленивого и безынициативного человека. Царон на время сохранил должность *калона*, но потерял свое влияние. Луншар стал секретарем по делам обороны. Сторонники Царона генералы Шасур и Цого, а также *калон* Кемэй лишились своих должностей [Shakabpa, 1967, p. 264]. По некоторым сведениям, были отправлены в отставку 12 высших военных чинов[16] [Ya Hanzhang, 1993, p. 339]. Далай-

[16] По мнению одного из компетентных китайских авторов, склонного, однако, во многих внутритибетских событиях того времени видеть скрытое вмешательство англичан, имел место заговор проанглийски настроенных офицеров армии. Заговорщики хотели свергнуть Кашаг и взять власть в свои руки. Англичане планировали даже сместить Далай-ламу и установить в Тибете светское правительство.

лама {234}прекратил увеличение армии и практически приостановил деятельность столичной полиции. В 1926 г. была закрыта светская школа в Гьянцэ.

Еще ранее, в 1922 г., скончался колон Джампа Тэндар, давний сподвижник Далай-ламы XIII. После его смерти губернатором Кама стал колон Цимён. Между тем положение в Каме не было стабильным. Китайские милитаристы в провинциях Цинхай, Сычуань, Ганьсу, занятые междоусобными столкновениями и укреплением своей власти в борьбе с соперниками, не могли направить крупные военные силы против тибетской армии. Еще меньшие возможности к этому были у правительств в Пекине и Гуанчжоу. Все это позволяло тибетским властям постоянно расширять область своего контроля в Восточном Тибете. Заставы и патрули тибетцев проникали все дальше на север и восток Кама. Так, монгольское посольство в Тибет весной 1927г., двигавшееся в Лхасу по северному пути, встретило первую тибетскую заставу на р. Напчатай-Улан-Морин, вторую — на р. Мур-Усу, третью — в урочище Китай-ширин перед перевалом Данла, четвертую — на р. Шагчу. Как можно видеть, северный путь из Амдо в Лхасу оказался «прикрыт» тибетцами достаточно плотно. На каждой заставе располагался отряд «в 20-30 тибетских солдат, вооруженных кремневыми ружьями и большими тибетскими мечами. На зиму первые два кордона, стоящие на р. Напчатай-Улан-Морин и р. Мур-Усу, выдвигались ближе к горам Гурбун-Хапцага, где начинаются поселения тибетских номадов» [Андреев, 1997, с. 183]. Главная застава на северном пути находилась в Нагчу, где обычно окончательно решался вопрос, можно ли допустить этот караван или этого человека (прежде всего иностранца) в Лхасу.

Осенью 1927 г. тибетские власти задержали в Нагчу экспедицию Н.К. Рериха и после долгого ожидания отказали ей в возможности посетить Лхасу. Это было сделано по наущению английского резидента в Сиккиме Ф.М. Бейли, который сообщил тибетцам, что Н.К. Рерих является агентом «красных русских». Экспедиция Н.К. Рериха пришла в Нагчу северным путем и видела военные посты тибетцев.

Согласно записи в дневнике К.Н. Рябинина, доктора экспедиции, ее участники встретили 24 сентября 1927 г. у озер из группы {235}Олун-нор «первый... на территории Тибета охранный милицейский пост из местных жителей, несущих эту государственную повинность» [Рябинин, 1996, с. 292-293]. А 4 октября участники экспедиции «встретили шестерых хоров верхом с кремневыми ружьями-рогатками. Все они были без головных уборов, с растрепанными волосами. Оказывается, это был военный отряд, направляющийся в горы Кукушили для организации там пограничного поста в целях охраны северной границы от предполагаемого появления русских» [там же, с. 306].

Другой участник экспедиции, полковник Кордашевский, записал в дневнике: «Видно, что лхасское правительство создает целую сеть кордонов для охраны путей во внутренний Тибет» [Декроа, 2000, с. 148].

«...Три года тому назад, — свидетельствовал Ю.Н. Рерих, — опасаясь вторжения китайцев из провинции Ганьсу, тибетское правительство выставило несколько военных постов на северном пути, и ныне путешественники проходят досмотр в Шэнди, к югу от Тангла. Сравнительно недавно аванпосты Лхасы продвинулись еще дальше на север, вплоть до южного берега реки Чумар, а в 1926 году они стояли даже в Нейжи на юге Цайдама, но вскоре были сняты» [Рерих, 1982, с. 236-237].

Что же касается времени пребывания экспедиции Рерихов в Тибете, их вынужденной длительной остановки в Нагчу в конце 1927 — начале 1928 г., то в это время, как писал Ю.Н. Рерих, «вдоль всего хребта Марко Поло, образующего как бы северную границу Тибета, стоят посты, наблюдающие за караванными путями из Монголии и из Китая. На таком посту обычно служит от 6 до 10 солдат» [там же, с. 216].

Зона контроля лхасского правительства в Восточном Тибете продолжала расширяться и в последующие годы. К 1932г. Лхаса уже контролировала территории к

Заговорщиков возглавлял Царон, что и послужило причиной, после раскрытия заговора, смещения Царона и его сторонников с военных постов. Такова одна из версий событий 1925 г.

востоку от Янцзы вплоть до р. Ялунцзян, включая районы Ганьцзы и Чжаньхуа. Граница сфер влияния Лхасы и властей Сычуани стала проходить по линии Баань-Лихуа-Даофу-Лухо [Празаускене, 1978, с. 126, 132]. Однако тибетским войскам приходилось не только изгонять китайские отряды из Кама, но и удерживать эту обширную область под своим контролем. Местные племена Восточного Тибета, прежде традиционно полузависимые и от Пекина, и от Лхасы, оказывали сопротивление введению налогов, проведению рекрутских наборов, установлению власти лхасских администраторов. Одно из больших восстаний в Каме произошло в 1928 г. Ю.Н. Рерих записал в дневнике {236}экспедиции, что 4 мая 1928 г. в Каме «началась война» [Рерих, 1982, с. 276]. Далее он писал: «Что же произошло в Каме? Отягощенные чрезмерными налогами, воинственные племена восстали с оружием в руках против лхасских правителей. По слухам, там были убиты губернатор и около 60 тибетских солдат. В Лхасу и Шигацэ срочно стягивались войска, и лхасской казне предстояло вынести это новое напряжение» [там же, с. 277]. Н.К. Рерих в письме буддийскому центру в Нью-Йорке, написанном несколько позже, уточнил, что во время восстания в Каме погибло 500 солдат тибетских войск. «Стрела войны — объявление мобилизации в виде стрелы, обернутой красным шелком, — следовала несколько дней при нашем караване. Можете себе представить нас, в виде носителей стрелы войны! В К'ам двинут даже гарнизон Шигацэ и двести пятьдесят человек с запада от Тингри» (см. [Рябинин, 1996 с. 700-701]).

Советские миссии к Далай-ламе XIII

Планы посылки миссии в Тибет и установления отношений с Далай-ламой появились в Москве уже в 1918 г. и активно обсуждались в последующие годы в НКИДе, в Русском комитете для изучения Средней и Восточной Азии (находился в ведении НКИДа) и на различных совещаниях. Наконец, в сентябре 1921 г. из столицы Монголии Урги выступила миссия во главе с калмыком В.А. Хомутниковым (настоящее имя — Василий Кикеев), командиром Красной армии, формировавшим в новой Монголии кавалерийские части. Советская миссия достигла Лхасы 9 апреля 1922 г. и на следующий день была принята в Потале Далай-ламой, а еще через день провела переговоры с руководителями Тибета. Тибетцы просили прислать мастеров для производства пороха, патронов и снарядов, а также специалистов по радиотелеграфии (среди подарков Далай-ламе от Советского правительства был небольшой радиоприемник). Как писал Хомутников в своем отчете в НКИД, зо время прощальной аудиенции 29 апреля Далай-лама заявил: «Мне желательно установить добрососедские отношения с Россией, ибо хотя мы с Англией официально находимся в мирных отношениях, фактически она стремится подчинить нас себе» (цит. по [Андреев, 1997, с. 143]). В то же время Далай-лама отказался направить тибетское посольство в Москву, указав, что это вызовет недовольство англичан. Миссия Хомутникова вернулась в Россию в конце 1922 г. {237}

В 1921 г. Советская Россия подписала договоры с Персией, Афганистаном, Турцией и Монголией. Велись переговоры об установлении дипломатических отношений с Китаем. Одновременно началась подготовка новой секретной тибетской экспедиции. В конце 1922 г. нарком иностранных дел Чичерин отправляет к Далай-ламе курьера калмыка С. Бакбушева, который вернулся в Москву с ответным письмом Далай-ламы в августе 1923 г. Вторая советская экспедиция в Тибет во главе с С.С. Борисовым (1889-1937), сотрудником Дальневосточного секретариата Коминтерна, а в дальнейшем — консультантом НКИДа, выступила из Урги в январе 1924 г. и 1 августа того же года добралась до Лхасы. С.С. Борисов вручил Далай-ламе письма от председателя ЦИК СССР М.И.Калинина и от правительства СССР. Советская экспедиция пробыла в Лхасе около трех месяцев. Однако переговоры с тибетским руководством не привели к конкретным результатам ([там же, с. 169]; см. также [Путевой дневник, 2000, с. 185-186]). В то же время благодаря хлопотам Агвана Доржиева в России и переписке между ним и Далай-

ламой удалось с конца 1924 г. и по 1928 г. отправить в Россию 10-20 тибетцев для обучения в Комуниверситете в Москве либо в Институте живых восточных языков в Ленинграде. «Известно, что в последнем для тибетцев был устроен „спецкласс" по изучению „порохового дела", просуществовавший, по крайней мере, до конца 1928 г.» [Андреев, 1997, с. 169].

В 1924 г. Москву тайно посетил наместник западнотибетской пров. Нгари Нага Нгаван. Однако конкретных сведений о результатах его переговоров с представителями Советского правительства не найдено. Скорее всего, они не дали никаких результатов.

В 1925 г. Чичерин попытался организовать постоянную советскую миссию в Тибете. Теперь предполагалось создать в Лхасе представительство Монгольской Народной Республики и поставить во главе его назначенного Москвой дипломата. В октябре 1926г. монгольская миссия выехала из Улан-Батора и в апреле 1927г. достигла Лхасы. Только в октябре Далай-лама согласился принять для беседы А.П. Чапчаева, назначенного Москвой советником при полпреде МНР. Но предложение А.П. Чапчаева об обмене дипломатическими представителями между Тибетом и МНР Далай-лама отклонил. Лидер Тибета дважды поднимал вопрос о гонениях на буддистов в СССР. Как раз в это время Далай-лама получил секретное письмо от Агвана Доржиева, в котором последний писал о религиозных преследованиях в Монголии. Еще ранее правитель Тибета познакомился с переводом заметки из «Бурят-Монгольской {238}правды» о суде в поселке Агинском над 88 ламами. Переговоры с А.П. Чапчаевым не привели к каким-либо соглашениям.

Экспедиция Н.К. Рериха, как уже говорилось выше, осенью 1927 г. была задержана тибетцами в Нагчу, и ей не было разрешено посетить Лхасу.

Осенью 1928 г. в Лхасу прибыл новый советский представитель бурят Булат Мухрайн. Он находился в столице Тибета до февраля 1930 г. Результаты его деятельности неизвестны. Поездкой Б. Мухрайна завершились контакты между Москвой и Лхасой.

Посылкой миссий, предложением об установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Тибетом Советское правительство пыталось усилить свое влияние в буддийском мире, в частности среди калмыков, бурят, тувинцев, а также среди монголов, тибетцев. Исключительно в виде предположения (без документального подтверждения) заметим, что кое-кому в Москве, возможно, виделось движение Тибета по пути Внешней Монголии, т.е. МНР, разумеется, с «дружеской» советской помощью. Но советско-тибетский диалог не принес никаких конкретных результатов.

Смерть Далай-ламы XIII. Борьба за власть в Лхасе в 1934 г.

Несмотря на вынужденный отказ от некоторых нововведений, Далай-лама XIII никоим образом не отказался от политики укрепления своей власти и проведения ряда организационных мер. Была упорядочена транспортная повинность (*ула*), ограничены проценты по займам. Далай-лама запретил ламам употребление вина, табака, опиума, азартные игры. Он обязал чиновников носить традиционную тибетскую одежду.

В последние годы своего правления Далай-лама XIII не созывал Национальную ассамблею. Все дела решались на встречах с отдельными *калонами*, а чаще — на встречах с фаворитами самого Далай-ламы. В круг самых близких к верховному правителю Тибета лиц в последние годы его жизни входили Кунга Ванчук Ландун, Кунпэл Ла Дэчэн Чойдэн, Луншар Дорджэ Цэгьял, Цимён-шапэ и Царон-дзаса. Кунга Ванчук, племянник Далай-ламы, светский аристократ, занимал пост первого министра (*лончэна*) начиная еще с 1926 г. Но Кунга не смог стать главным лицом в управлении страной и являлся, в общем, фигурой декоративной. {239}

Самым влиятельным из фаворитов Далай-ламы был 28-летний Кунпэл Ла, выходец из крестьянской семьи в Ньемо к юго-западу от Лхасы. В 1916 г. он начал учиться в Лхасе на писца, проявил большие способности и был взят слугой ко двору Далай-ламы, а в 1921

г. отправлен в монастырь Сэра на обучение. Далай-лама дал ему монашеское имя Тубтэн Кунпэл Ла, поручал ему выполнение некоторых важных дел и в 1931 г. назначил его главой нового ведомства электрических машин в Тапчи, в нескольких километрах к северу от Лхасы. Здесь располагались арсенал, монетный двор и фабрика по изготовлению воинской амуниции. В 1931-1932 гг. Кунпэл Ла создал полк Тонтра в составе тысячи солдат «из хороших семей» (главным образом горожан из уже появившейся к этому времени «средней» прослойки населения, т.е. не крепостных, но и не привилегированных). Полк имел лучшее в тибетской армии вооружение, амуницию, снабжение, прошел полугодичное обучение стрельбе из пулеметов на равнине около Гьянцэ. Солдаты были собраны по принудительному набору. Командиры полка Югок и Тарин получали приказы только от Кунпэл Ла. Полк — наиболее боеспособная воинская часть тибетской армии того времени — практически контролировал Лхасу.

Другой «сильной личностью» среди тибетской элиты был 52-летний светский чиновник Луншар Доржэ Цэгьял, происходивший из семьи аристократов, врач по образованию, постоянный оппонент и конкурент Кунпэл Ла. В 1912-1914 гг. Луншар находился в Англии, где был ответственным за обучение четырех юношей-тибетцев. В эти годы он побывал во многих странах Западной Европы. Знакомство с историей и политическими системами европейских стран привело Луншара к убеждению в необходимости реформы политической системы Тибета. По возвращении домой Луншар стал *цзипёном*. Он пользовался большим влиянием в Национальной ассамблее. После отставки Царона в 1925 г. Луншар стал особо доверенным лицом Далай-ламы, который советовался с ним по делам управления страной. В апреле 1929 г. правитель Тибета назначил Луншара главнокомандующим. Находясь на этом посту, Луншар увеличил армию на 2 тыс. человек, жалованье и пищевое довольствие солдатам и полицейским, ввел в армии тибетскую униформу взамен английской. Однако его высокомерие и резкие действия нажили ему много врагов среди лхасской элиты. В 1931 г. Далай-лама сместил Луншара с поста главнокомандующего, оставив за ним лишь пост *цзипёна*.

Большую роль в правительстве играл также калон Цимён-шапэ. Еще в 1910-1913 гг. он вместе с Джампа Тэндаром и Цароном организовал {240}сопротивление тибетцев китайским солдатам и возвращение Далай-ламы XIII из Индии в Лхасу. Цимён входил в состав тибетской делегации на конференции в Симле, а потом был назначен генерал-губернатором Кама. В 1933 г. в Кашаг входили также Чойдар и Ланчунга-шапэ, но ведущим деятелем в Кашаге являлся Цимён.

В 20-е годы Далай-лама назначал на высшие посты в администрации еще одного своего фаворита — Царона. Одно время он являлся главнокомандующим армией, а потом колоном, но затем потерял оба этих поста и с 1933 г. жил в своем имении. Он вернулся в Лхасу только в мае 1934 г.

Далай-лама XIII скончался 17 декабря 1933 г. После его смерти около полугода в кругах лхасской элиты шла борьба за власть, которая одновременно являлась борьбой за выбор политики.

Собралась Национальная ассамблея. Решали вопрос, в чьи руки передать власть на период поисков нового Далай-ламы и до его совершеннолетия. В это время соперникам Кунпэл Ла удалось вызвать бунт в полку Тонтра. Солдаты потребовали распустить их по домам. Кашаг расформировал полк, оставив в нем только 250 солдат под командованием Тарина. Юток был переведен в другое воинское подразделение. В результате Кунпэл Ла лишился своей главной опоры. Сам он, также личный врач Далай-ламы и оракул Нэчун были обвинены в неправильном лечении больного и в том, что вовремя не сообщили Кашагу о болезни правителя Тибета. Кунпэл Ла был арестован и отправлен в ссылку в Конпо под надзор монахов монастыря Чамнак. Его имущество было конфисковано. Родственники и сторонники Кунпэл Ла были брошены в тюрьмы или сосланы в отдаленные районы Тибета. Оракул Нэчун оказался «под домашним арестом» в монастыре Дэпун [Ya Hanzhang, 1994, p. 289]. Попытка одного из сторонников Кунпэл Ла

из семьи Памдацан — офицера Тобгье поднять в Каме восстание против правительства потерпела неудачу. После нескольких месяцев боев восставшие во главе с Тобгье вместе с семьями и стадами овец и яков ушли к Батану под защиту китайцев.

На заседаниях Национальной ассамблеи не смогли договориться об общем кандидате в регенты. Решили тянуть жребий. В результате был избран 24-летний лама, настоятель монастыря Радэн Джампэл Еше. Он был введен в должность 23 февраля 1934 г. Небольшой монастырь Радэн находился в 60 км к северо-востоку от Лхасы и считался одной из главных святынь тибетского буддизма. Он был основан в 1057 г. Далай-лама XIII часто посещал этот {241}монастырь. К тому же ламы-настоятели монастыря Радэн одновременно возглавляли монастырь Шидэлинг, один из четырех лхасских монастырей (*лингов*), из настоятелей которых обычно избирались регенты.

После избрания Радэн-хутухты регентом получилось так, что посты первого министра и регента оказались заняты молодыми людьми, неопытными в делах и невлиятельными. Это обстоятельство побудило Луншара попытаться взять власть в свои руки. Человек, безусловно, талантливый, влиятельный и обладавший широким кругозором, Луншар принял меры, чтобы сплотить вокруг себя светских и духовных чиновников. Он выдвинул план улучшения центрального управления страной. Луншар предлагал, чтобы впредь Национальная ассамблея выбирала *калонов* на четыре года и они были ответственны перед ассамблеей[17]. Таким образом, эта реформа, будучи проведена в жизнь, передала бы реальную власть из рук Кашага Национальной ассамблее, что само по себе могло стать позитивным изменением в системе управления. К тому же впервые вводился принцип выборности власти на определенный срок. Луншар и его ближайший союзник монах Тэмпа Джаян собрали два отдельных собрания — светских и духовных чиновников и предложили подписать петицию, в которой констатировалась неудовлетворительная работа Кашага и предлагались указанные выше меры. По сообщениям участников и очевидцев происходивших событий, в собраниях приняли участие около 100 чиновников, т.е. от 1/5 до 1/4 всех чиновников в то время. Луншар рассчитывал, что в случае проведения предложенной реформы в жизнь ассамблея, где он имел большое влияние, выберет его *калоном* либо вторым *лончэном*. Участники собраний решили представить петицию в Кашаг 10 мая 1934 г. Но вечером 9 мая светский чиновник Кашопа сообщил канону Цимёну о действиях Луншара. 10 мая Луншар был приглашен во дворец Потала, арестован и заключен в тюрьму. Аресту подверглись и его ближайшие сподвижники. Регент, *лончэн*, Кашаг и назначенный ими комитет по расследованию обвинили Луншара в намерении убить *калона* Цимёна, свергнуть правительство и ввести в Тибете «большевистскую систему управления» [Goldstein, 1989, p. 204; Ya Hanzhang, 1994, p. 189-290]. Комитет первоначально хотел казнить Луншара. Но, как заявили члены комитета, они опасаются, что дух такого сильного человека, как Луншар, {242}может помешать процессу нахождения нового Далай-ламы, даже навредить мальчику после его рождения. По этой причине решили не убивать Луншара, а ослепить его, что и было сделано 20 мая 1934 г. [Сицзан тунши цзяпянь, 2000, с. 296; Ya Hanzhang, 1993, p. 386]. Все его ближайшие сподвижники потеряли свои должности, имения, собственность и были сосланы в отдаленные места Тибета. Сам Луншар находился в тюрьме до мая 1938 г. Через год после освобождения из тюрьмы он скончался. Так провалилась последняя серьезная попытка реформировать тибетскую политическую систему.

В итоге острой борьбы за власть в Лхасе в первой половине 1934 г. консервативное большинство лхасской элиты, прежде всего высшее духовенство, в очередной раз одержало победу. Победила политика сохранения традиционных порядков. Между тем система центрального и местного управления в Тибете становилась все более и более неэффективной, являясь в условиях середины XX в. своего рода реликтовой структурой. Приведем об этом мнения участников экспедиции Н.К. Рериха 1927-1928 гг. Местные

[17] По традиции Далай-лама назначал *калонов* пожизненно и ни о какой их ответственности перед ассамблеей речи быть не могло.

власти, как писал К.Н. Рябинин, заявили экспедиции, что «полученный далай-ламский указ здесь не имеет значения» [Рябинин, 1996, с. 661]. Об этом упоминал и сам Н.К. Рерих в своем письме буддийскому центру в Нью-Йорке о результатах экспедиции: «Если вы думаете, что указ Далай-ламы много стоит, то вы ошибаетесь. У нас был широковещательный паспорт далай-ламского правительства, и на наших глазах народ отказывался исполнять указы своего правителя. „Мы Девашунга не знаем", — говорит старшина» [там же, с. 696]. (Девашунг — правительство в Лхасе.)

О неэффективности управления писал и полковник Кордашевский: «Всякие распоряжения центральной власти игнорируются как населением, так и старшинами. Можно себе представить, с каким театральным уважением отнеслись бы где-нибудь в Париже или другом месте Европы к бумаге с печатью самого Далай-ламы, — а здесь такой даик — приказ просто пропадает на полдороге, выброшенный гонцом, или бросается старшиной в угол палатки без исполнения. И это не наваждение — а самая реальная действительность» [Декроа, 2000, с. 300]. По впечатлениям Н.В. Кордашевского, «Тибет — это Европа XIV столетия в ее отрицательных чертах — не больше» [там же, с. 222]. Он писал также, что Тибет, может быть, самая гнилая страна во всей Азии [там же, с. 291]. «Замечайте: среди подавленного состояния, среди поражающей нищеты и грязи народа... ясно видна картина разложения Тибета, — отмечал Н.К. Рерих, — послушайте рассказы о чрезмерных поборах. {243} Всему приходят сроки. То, что еще в недавнем прошлом могло под прикрытием таинственности просуществовать, в сегодняшнем восходе уже оказывается неприемлемым» (цит. по [Рябинин, 1996, с. 698]).

«Дела Тибета пришли в упадок, — делал вывод Н.К. Рерих, — *в подобном положении, как сейчас, Тибет существовать не может*» (курсив мой. — Б.М.) [там же, с. 697].

Весьма резко и пессимистично о возможных перспективах будущего Тибета выразился полковник Кордашевский: «Тибет нуждается в твердой и сильной власти, чтобы, с одной стороны, поднять благосостояние страны, а с другой — культурный уровень населения. *Сами тибетцы, во главе с Далай-ламой, не могут справиться с задачей управления страной и попросту ведут ее к политической смерти... Не государственный организм, не духовный центр, а разлагающийся труп - вот подлинный облик современного Тибета*» (курсив мой. — Б.М.) [Декроа, 2000, с. 259]. И далее: «На фоне общего разложения страны видно, что даже воля желтого ламы здесь игнорируется, а его грамоты мало чего стоят. И как-то невольно думаешь, что только серьезное и мудрое правительство взамен лхасских шарлатанов может дать гаснущему народу Тибета последние светлые дни, использовав одновременно и природные богатства страны в разумных и хозяйственных руках» [там же, с. 296-297].

Приведенные выше высказывания принадлежат не случайным любопытствующим туристам, оказавшимся в бедственном положении в незнакомой им стране, а ученому с мировым именем Н.К. Рериху и его спутникам — Ю.Н. Рериху, К.Н. Рябинину и Н.В. Кордашевскому, основательно подготовившимся к тибетской экспедиции. Путешественники, хорошо знакомые с положением дел в Европе, Америке, Китае, Индии и других регионах земли, дали весьма негативную, но достаточно объективную оценку состоянию тибетского общества, аморфности и неэффективности системы управления в Тибете. Вместе с этим все участники экспедиции Н.К. Рериха подчеркивали, что Тибет необычайно богат природными ресурсами, «ископаемыми ценностями, лежащими без разработки» [там же, 2000, с. 234].

«Однако Тибет, как ни странно, не беден, — писал К.Н. Рябинин, — мы упоминали уже об этом, но невежество, суеверие и лень держат народ в цепких когтях нищеты. Для оздоровления страны необходимо прежде всего *просвещенное и деятельное* правительство и внедрение в сознание народных масс Тибета здоровых идей труда» [Рябинин, 1996, с. 667]. {244}

Итак, Тибет богат природными ресурсами. Но в первой половине XX в. эти

богатства пропадали втуне, они не использовались. Невежество и суеверия были обычным явлением, тормозили развитие культуры и хозяйственной деятельности. Большинство тибетцев существовало в условиях нищеты и антисанитарии, в атмосфере «борьбы за выживание». Неэффективность системы управления поражала иностранных наблюдателей. Отдельные попытки улучшить систему правления (Далай-лама XIII, Луншар) блокировались консервативной элитой. Все эти и многие другие негативные явления в жизни тибетского общества существовали во многом благодаря продолжавшейся экономической и культурной изоляции Тибета. В этих условиях где уж было говорить о появлении в Тибете «серьезного и мудрого правительства», «просвещенного и деятельного правительства» и т.п. «Мечтать не вредно» — могли бы мы сказать вместе с читателем и К.Н. Рябинину, и Н.В. Кордашевскому. Но именно мечтать... и только.

Но вернемся к фактам истории.

Поиски и интронизация Далай-ламы XIV

Разгромив заговор Луншара, регент, лончэн, Кашаг и главы трех «великих монастырей» обратились к решению важнейшей задачи — следовало отыскать нового Далай-ламу. Регент монастыря Радэн в эти годы постепенно укреплял свою власть. Ему нужен был кандидат в Далай-ламы, семья которого не имела бы связей среди лхасских аристократов. Монастырь Радэн находился на северо-востоке области уй вблизи Амдо и принимал на «стажировку» амдоских монахов. Регент, как мы увидим ниже, практически определил направление и место поисков нового Далай-ламы: северо-восток, область Амдо. В 1937 г. в Амдо направилась полномочная розыскная делегация монахов, в которую заранее включили переводчика с амдоского диалекта [Богословский, 2002, с. 93]. Делегация установила, что мальчик по имени Лхамо Дондуб из семьи крестьян в местности Такцер в районе монастыря Кумбум около оз. Кукунор по всем признакам является «перерожденцем» умершего Далай-ламы.

Лхамо Дондуб родился 6 июня 1935 г. Сам Далай-лама XIV так рассказывал о процедуре поисков:

«Вначале Национальная ассамблея назначила регента, который должен был управлять страной, пока новый воплощенец не будет найден и не повзрослеет. Затем, в согласии с древними обычаями {245}и традициями, в качестве первого шага к нахождению места, где должно было появиться новое воплощение, на консультации были призваны государственные оракулы и ученые ламы. К северо-востоку от Лхасы были замечены любопытные формы облаков. И люди вспомнили, что после смерти Далай-ламы его тело, помещенное на троне в Норбулинке, летнем дворце Далай-лам в Лхасе, было повернуто к югу, но через несколько дней заметили, что лицо его повернулось к востоку. Кроме того, на деревянном столбе с северо-восточной стороны храма, где находилось тело, вдруг появился громадный гриб в форме звезды. Все эти и другие знаки указывали направление, в котором следовало искать нового Далай-ламу.

Затем в 1935 г., в год воды-свиньи, регент отправился на священное озеро Лхамолацо, в Чойхоргьеле, около 90 миль на юго-восток от Лхасы. Тибетцы верят, что в водах этого озера могут явиться видения о будущем. Таких священных озер в Тибете много, но Лхамолацо наиболее известно. Иногда, как говорят, видения появляются в форме букв, иногда как картины мест и будущих событий. Несколько дней было проведено в молитвах и медитации, затем регент узрел три тибетские буквы: А, Ка и Ма[18]. И еще — монастырь с нефритово-зелеными и золотыми крышами, а также дом с лазурной плиткой. Подробное описание этих видений было записано и держалось в строгом секрете.

В следующем году высшие ламы и высокопоставленные лица, хранившие тайны

[18] Буква *А* была воспринята как указание на Амдо; буква *К* — на монастырь Кумбум.

этих видений, были посланы во все части Тибета, чтобы найти место, которое регент увидел в водах озера. Те мудрецы, которые были отправлены на восток, прибыли в наш До-кам зимой и увидели зеленые и золотые крыши монастыря Кумбум. А в деревне Такцер они заметили и дом с лазурными плитками на крыше. Начальник группы спросил, есть ли дети в семье, живущей в этом доме. И ему ответили, что там есть мальчик, которому почти два года» [Далай-лама XIV, 2000, с. 18-19].

Дальнейшие события Далай-лама описывал следующим образом: «Люди пришли на ферму моих родителей. Всю ночь играли со мной, внимательно наблюдали за каждым моим движением. Несколько дней спустя они вернулись на ферму с разными предметами. Некоторые из них принадлежали тринадцатому Далай-ламе. И я узнал все эти предметы. Видя впервые каждый из них, я кричал: „Это мое!" И был признан новым Далай-ламой» ([Известия, {246}09.09.1995, с. 6]; более подробно см. [Далай-лама XIV, 2000, с. 19-26]). Тибетская поисковая партия, обнаружившая кандидата в Далай-ламы, была вынуждена передать губернатору пров. Цинхай большой «выкуп» за возможность увезти мальчика. Сначала тибетцы сказали китайским властям, что они нашли перерожденца настоятеля одного крупного монастыря и немедленно заплатили «выкуп», который потребовали китайцы. Тогда китайцы заподозрили, что найден перерожденец значительно более важного лица, и увеличили размеры выкупа. Тибетцы такой суммы не имели, но деньги были немедленно высланы из Лхасы, «выкуп» выплачен, и тибетская поисковая делегация вместе с мальчиком и его семьей сразу же выехала в Тибет[19].

Еще во время пути каравана по тибетской земле Национальная ассамблея в Лхасе утвердила выбор нового перерожденца, указав, что поиски проходили в полном соответствии с традицией. Все высшие власти Тибета, представители Китая, Непала и Бутана, глава британской миссии в Лхасе Х. Ричардсон и тысячи тибетцев встречали нового Далай-ламу [там же, с. 29]. Дата церемонии возведения на трон «была утверждена регентом в соответствии с советом государственных астрологов и по консультации с Национальной ассамблеей. Были посланы пригласительные телеграммы правительствам Китая, британскому правительству Индии, королю Непала и махараджам Бутана и Сиккима, в которых им сообщалась дата возведения на трон» [там же, с. 30].

22 февраля 1940 г. во дворце Потала состоялась официальная церемония интронизации Далай-ламы XIV Тэнцзин Гьяцо [Уа Hanhzang, 1993, p. 408].

Контакты между тибетским правительством и центральным правительством Китая

После создания в 1928 г. нового Национального правительства Китая в Нанкине во главе с Чан Кай-ши начинаются контакты между центральным правительством в Нанкине и Далай-ламой.

В 1928 г. на базе Палаты по делам Монголии и Тибета, существовавшей с 1914 г., был образован Комитет по делам Монголии {247}и Тибета во главе с генералом Янь Си-шанем. В состав Комитета вошли и тибетцы: Кэлсан Цэрин (уроженец Батана, советник сы-чуаньских пограничных войск в Каме), Чилай Цзянцо («Живой будда красношапочной секты», в 1918-1923 гг. находился в тибетской тюрьме за выступления против Далай-ламы XIII, после 1923 г. бежал во внутренние провинции Китая) и др. [Богословский, 2002, с. 44-45]. Нанкин предполагал вести переговоры с Далай-ламой, передавать советы и распоряжения через созданный Комитет.

В 1928 г. в Нанкин приезжает представитель Далай-ламы в буддийском центре Утайшань около Пекина Кенпо Лосан Пасан. Чан Кай-ши вручает ему письмо к Далай-ламе. В феврале 1930г. переводчица Комитета по делам Монголии и Тибета Лю Мань-цин привезла в Лхасу письмо от Чан Кай-ши к Далай-ламе, а затем в том же году в Лхасу

[19] В воспоминаниях Далай-ламы XIV приводятся несколько иные детали «выкупа», который составил около 100 тыс. долл. США [Далай-лама XIV, 2000, с. 23, 26].

прибыл настоятель монастыря Юнхэгун в Пекине Кончхок Джуннэ. Однако эти поездки не привели к началу официальных переговоров между Нанкином и Лхасой. Далай-лама, в частности, отверг возможность возвращения в Тибет Панчен-ламы IX, тем более в сопровождении китайских солдат, как хотел сам Панчен-лама.

После возвращения Кончхока Джуннэ в Пекин через него поддерживались контакты между Далай-ламой XIII и Нанкинским правительством [Ya Hanhzang, 1993, p. 341-347].

В 1930 г. вновь началась открытая конфронтация тибетских и китайских войск в Каме. В конце года монахи монастыря Дачжэ совместно с тибетскими войсками из Дэргэ предприняли наступление на восток и заняли области Бери, Канцзэ (Ганьцзы) и Ньярон. На границе с Цинхаем тибетцы продвинулись до Джэкундо. Сычуаньский милитарист Лю Вэнь-хуэй летом 1932 г. начал контрнаступление, и его войска заняли Канцзэ, Ньярон, Дачжэ и, наконец, Дэргэ. На севере тибетцы потерпели поражение от цинхайского милитариста Ма Бу-фана, войска которого стали угрожать Чамдо. Тибетцы запросили перемирия, и оно было заключено 10 октября 1932 г. Разграничительной линией обе стороны вновь признали р. Янцзы.

В условиях военных поражений в Каме Национальная ассамблея Тибета 6 декабря 1932 г. приняла обращение к британскому генерал-губернатору Индии с просьбой содействовать немедленному принятию Симлской конвенции 1914 г., т.е. оказать давление на Китай, с тем чтобы последний принял эту конвенцию. В январе 1933 г. Чан Кай-ши в телеграмме на имя Далай-ламы изложил позицию Нанкинского правительства. В телеграмме, в частности, {248}говорилось: «На протяжении веков Китай и Тибет объединены, как принадлежащие одной семье. Ныне Китай стал республикой, и поэтому имеются все возможности свободно обсудить любой вопрос между нами... совершенно неуместно привлекать какое-либо лицо другой национальности в качестве посредника, как это практиковалось до сих пор» [Богословский, 2002, с. 60]. Чан Кай-ши предлагал прямые переговоры без британского посредничества.

15 июня 1933 г. тибетские представители подписали соглашение о мире с цинхайским милитаристом Ма Бу-фаном. Летом тибетцы заняли г. Чжундянь на севере Юньнани. В ноябре того же года тибетские войска перешли Янцзы и заняли Батан[20]. На западном берегу Янцзы были сосредоточены 10 тыс. тибетских солдат [там же, с. 63]. Назревал очередной вооруженный конфликт. 16 декабря Комитет по делам Монголии и Тибета Нанкинского правительства потребовал от Далай-ламы немедленно прекратить все военные действия. Смерть Далай-ламы приостановила столкновение в Каме. Но в феврале 1934г. тибетские войска начали наступление и в марте взяли Дэргэ. А 17 мая 1934г. генерал Лю Вэнь-хуэй подписал с тибетским командующим новое соглашение о перемирии.

Сторонники нового регента Тубтэн Джампэл Еше выступали за установление позитивных отношений с центральным правительством Китая при условии невмешательства Нанкина во внутренние дела Тибета. 25 августа 1934 г. в Лхасу прибыл «специальный посол и уполномоченный по примирению», кандидат в члены ЦИК Гоминьдана, заместитель начальника генштаба генерал Хуан Му-сун. Он воздал почести умершему Далай-ламе в одном из храмов Лхасы. Тибетские власти встретили миссию доброжелательно и согласились на пребывание в Лхасе после возвращения Хуан Му-суна в Нанкин двух китайских офицеров связи. Они имели радиопередатчик и поддерживали постоянную связь с Нанкином.

Хотя переговоры Хуан Му-суна с тибетскими властями не завершились подписанием какого-либо соглашения, тем не менее для понимания китайско-тибетских отношений того времени важно упомянуть позиции сторон на этих переговорах. Хуан Му-сун требовал, чтобы Лхаса признала Тибет частью территории Китая. Внешняя политика, оборона, коммуникации, утверждение высших должностных лиц переходили в ведение

[20] Китайские войска вскоре вытеснили оттуда тибетцев.

центрального правительства. Тибету обещалась автономия, но Нанкин имел право назначить {249}специального уполномоченного, чтобы руководить этой региональной автономией [Ya Hanhzang, 1993, p. 388; Богословский, 2002, с. 72].

Представители Лхасы соглашались лишь на следующие условия: «В будущем любой важный договор между Тибетом и какой-либо страной должен заключаться совместным решением с китайским правительством». В случае вторжения извне тибетское правительство обещало консультироваться с центральным правительством в Нанкине о мерах обороны [Богословский, 2002, с. 73]. Тибетцы соглашались «уведомлять» Нанкин об избрании регента и назначении высших чиновников, а также на присутствие в Лхасе представителя Нанкина со свитой не более 25 человек. Этот представитель не имел права контролировать китайцев в Тибете, все они подчинялись местным властям и местным законам. Тибетцы требовали гарантий, что Тибет не будет превращен в китайскую провинцию [там же]. Они также требовали вернуть под юрисдикцию Лхасы Дэргэ, Ньярон, Хоркок и некоторые другие области в Каме и Амдо. Лхаса требовала от Нанкина «не предоставлять убежища или признавать в качестве представителя любого тибетца, монаха или мирянина, который восстал против тибетского правительства и бежал в собственно Китай» (речь тут шла о Панчен-ламе и других тибетцах, в частности работавших в Комитете по делам Монголии и Тибета) [там же].

Таким образом, представители Лхасы шли на переговоры и соглашались по ограниченному кругу вопросов рассматривать Тибет де-факто в составе Китайской Республики. Требуя гарантий, что Тибет не будет превращен в обычную провинцию Китая, представители Лхасы молчаливо соглашались на *особый* статус Тибета *в рамках Китая*. Как отмечал В.А. Богословский, «Лхаса пошла на переговоры с Нанкином прежде всего в целях урегулирования вопроса о границах» [там же, с. 72], но Нанкин, естественно, именно по этому вопросу не собирался вести какие-либо переговоры.

В целом предложения сторон расходились весьма серьезным образом, впрочем, Хуан Му-сун и не имел полномочий заключать официальные соглашения по кардинальным вопросам.

По возвращении в Нанкин Хуан Му-сун возглавил Комитет по делам Монголии и Тибета центрального правительства Китая.

Летом 1934 г. в Тибет вновь прибыл Ч. Белл, но новое тибетское правительство не допустило его в Лхасу. В августе 1936 — феврале 1937 г. в Лхасе находилась британская миссия во главе с комиссаром в Сиккиме Б. Гоулдом. Член миссии бригадир Ним проинспектировал {250}некоторые отряды тибетской армии и высказал крайне негативное мнение об их боеспособности. Попытки англичан добиться примирения между Лхасой и Панчен-ламой IX не имели успеха. После отъезда Б. Гоулда в Лхасе остался Х. Ричардсон с радиопередатчиком. Протест Нанкина по этому поводу тибетское правительство отклонило [там же, с. 84-85].

В декабре 1938 г. регент отстранил Ютока от командования элитным гвардейским полком. Вслед за этим регент вынудил лончена Ландуна уйти в отставку и сосредоточил всю власть в своих руках. Регент в целом продолжал политику Далай-ламы XIII. Однако с уходом из жизни сильной личности и выдающегося политического лидера, обладавшего к тому же сакральным авторитетом и абсолютной властью (Далай-ламы XIII), как-то незаметно исчезли и многие позитивные импульсы в политической жизни Тибета. В этом отношении для характеристики внутреннего положения в Тибете в конце 30-х — начале 40-х годов нам представляется совершенно точным следующее высказывание В.А. Богословского: «Через несколько лет после смерти Далай-ламы XIII роль и значение центральной власти резко ослабевают. Ни о каких „реформах" не могло быть и речи. Более того, ослабление центральной власти повлекло за собой регресс, прежде всего в системе управления, регулирования хозяйства (торговли), организации обороны» [там же, с. 84].

В 1939 г. правительство Чан Кай-ши направило в Лхасу для участия в церемонии

интронизации Далай-ламы XIV председателя Комитета по делам Монголии и Тибета У Чжун-синя. Со своей стороны, регент Джампэл Еше направил прошение центральному правительству в Чунцин с просьбой отменить церемонию избрания Далай-ламы с помощью жребия из золотой урны. Китайское правительство выразило свое согласие, утвердило кандидатуру нового Далай-ламы и послало для проведения церемонии 400 тыс. китайских долларов [Богословский, Москалев, 1984, с. 183; Уа Hanhzang, 1993, p. 408].

Тибетские власти предъявили У Чжун-синю требование о возвращении под власть Лхасы Дэргэ и Ньярона. Вскоре У Чжун-синь покинул Тибет, заявив, что в Лхасе остается начальник тибетского отделения Комитета по делам Монголии и Тибета Кун Цин-цзун, через которого следует осуществлять все дальнейшие контакты. {251}

Положение в Каме и Амдо в 30-е годы

Налаживанию более тесных отношений между Нанкином и Лхасой мешали, с одной стороны, стремление Далай-ламы XIII установить военный контроль над всеми населенными тибетцами районами Китая, а с другой стороны — политика Нанкинского правительства по «освоению» тибетских районов. В июне 1935 г. в Яане был создан Комитет по организации провинции Сикан. В августе 1936 г. он бьш переведен в Кандин (Дацзяньлу) и объявлен административным органом Сикана. Кандин должен бьш стать столицей новой провинции. Здесь бьш построен аэродром и установлено прямое регулярное воздушное сообщение с Нанкином [Празаускене, 1978, с. 135].

В Каме в каждом уезде, находившемся под контролем Комитета в Кандине, было создано по одной начальной школе. Начали работу две средние школы, в которых училось около 1000 человек. Так благодаря деятельности отдела образования Комитета в Кандине на этих землях впервые в истории появились светские школы.

Что касается Амдо, то территория этого региона была разделена между провинциями Цинхай и Ганьсу. Власти постепенно, но неуклонно проводили политику приравнивания двух регионов (Кама и Амдо) к внутренним провинциям Китая в административном, политическом, военном, судебном, в меньшей степени — в хозяйственном отношении. В процессе проведения в жизнь этой политики ограничивалось влияние Далай-ламы в восточнотибетских областях, крупные княжества искусственно дробили, вводили деление на уезды. 1 января 1939 г. в Кандине было провозглашено создание пров. Сикан.

Бежавший из Тибета Панчен-лама IX в 1925 г. покинул Монголию и прибыл в Пекин. Национальное правительство в Нанкине после 1928 г. поддерживало с ним тесные контакты. В 1932 г. Далай-лама пригласил Панчен-ламу вернуться в Тибет, пообещав возвратить ему все прежние права и привилегии, если он уплатит «спорный» налог и если его будут сопровождать только тибетцы [Богословский, 2002, с. 76]. Но сам Панчен-лама настаивал на китайском военном эскорте и требовал передать под его юрисдикцию множество *цзонов* в пров. Цзан. «Для того, чтобы усилить оборону границ, — заявил в своем интервью в Пекине в июне 1934 г. Панчен-лама, — я намерен разъяснять народу Тибета политику центральных властей, их заботу о благополучии тибетцев» [там же, с. 78]. {252}

После смерти Далай-ламы XIII внимание к личности Панчен-ламы со стороны Нанкина возросло. В начале 1935 г. Панчен-лама был направлен в Синин, а в Нанкине появилось «представительство» Панчен-ламы как «уполномоченного на западных границах» [там же, с. 89]. В марте 1937 г. Панчен-лама прибыл в Джэкундо в Восточном Тибете и распространил сообщение, что он собирается вступить в Лхасу в сопровождении 20 китайских чиновников и 500 солдат. В августе 1937 г. Панчен-лама пытался проехать далее, но в связи с началом широкомасштабной японской агрессии Нанкин отозвал китайский военный эскорт. Панчен-лама вернулся в Джэкундо, где и умер 1 декабря 1937 г.

Китайская Красная армия в тибетских районах Китая

Во время Великого похода Китайской Красной армии ее части прошли через тибетские районы Хоркок, Ба, Литан, Ньярон и Дэргэ. В этих районах двигались части 4-го фронта под командованием Чжан Го-тао. Они находились в Каме в сентябре 1935 — июле 1936 г. В первое время командование 4-го фронта создавало в населенных тибетцами западных районах Сычуани уездные и волостные советские правительства. Эти правительства формировали специальные отряды молодежи из бедных семей для борьбы с помещиками, конфисковывали их земли и имущество и передавали безземельным и малоземельным крестьянам. В 1936 г. руководство Красной армии вместо советских правительств начало формировать так называемые тибетские правительства (*боба чжэнфу*). В состав уездного правительства уезда Лухо вошли среди прочих и «патриоты высших слоев тибетской национальности», а председателем правительства стал батрак, тибетец Ло Цэрин [Богословский, Москалев, 1984, с. 156-157]. В мае 1936 г. в г. Ганьцзы состоялся I съезд народных представителей из Лухо, Даофу, Ганьцзы и других мест, проходивший под председательством Чжу Дэ. Съезд образовал Тибетское автономное правительство Китайской советской республики (*Чжунхуа сувэпап боба цзычжи чжэнфу*). Председателем правительства был избран «живой будда» Гэда. Однако сразу после ухода частей Красной армии Тибетское автономное правительство прекратило свое существование. Некоторые тибетцы в это время вступили в ряды КПК. Среди них были Таши Ванчук, Ло Тента, Пунцок Ванджан, Нгаван Кэлсан, Сангье Еше (китайское имя Тянь Бао), Шэраб Дондуб (Ян Тун-шэн) и др. {253}

Партия реформ Западного Тибета

В 1939 г. в Калимпонге тибетцы-эмигранты основали Партию реформ Западного Тибета. Ее создали Пандацан Рагпа, Чанлочен Кон, Кунпэл Ла и Гэдун Чойпэл. Кунпэл Ла и Чанлочен были отправлены в ссылку в Конпо после смерти Далай-ламы XIII. В декабре 1937 г. они бежали в Индию. Рагпа уехал в Индию еще в 1935 г., затем вернулся в Чунцин и некоторое время работал в Комитете по делам Монголии и Тибета при центральном правительстве Китая. Он стал сторонником идей Сунь Ят-сена, утверждал, что практические мероприятия Гоминьдана непригодны для улучшения положения в Тибете, и выражал надежду на то, что Центральное китайское правительство поможет создать автономную Тибетскую республику в составе Китайской Республики. Несколько лет Рагпа жил в Калимпонге. В сентябре 1943 — январе 1944 г. он вновь выезжал в Китай. По мнению некоторых исследователей, в годы войны Рагпа получал финансовую помощь от Гоминьдана [Goldstein, 1989, p. 452].

Гэдун Чойпэл родился в Амдо. Он учился в монастыре Дэпун. В 30-е годы уехал в Индию и находился там около 12 лет. Считал необходимым провести политические и социальные реформы в Тибете.

В конце 1945 г. Рагпа направил Гэдун Чойпэла в Лхасу. Однако письмо Гэдун Чойпэла из Лхасы в Калимпонг к Рагпа попало в руки британского агента в Гьянцэ Ричардсона. 10 апреля 1946 г. Ричардсон уведомил тибетские власти о существовании Партии реформ Западного Тибета. 26 апреля Бюро иностранных дел Тибета обратилось с просьбой к английским властям о высылке Рагпа в Тибет. 19 июня колониальная полиция произвела обыски в домах Рагпа и шести других активистов и захватила документы партии, которые свидетельствовали о намерении Рагпа, Чанлочена и Кунпэл Ла свергнуть существующее тибетское правительство и провозгласить в Тибете республику в составе Китая. В июле 1946 г. в Лхасе был арестован Гэдун Чойпэл, он был «наказан кнутом» и брошен в тюрьму, где находился до 1951 г. Число сторонников Партии реформ в самом Тибете установить трудно.

Тибет в годы Второй мировой войны

В годы Второй мировой войны Тибет сохранял контакты с Центральным правительством Китая, но практически территория {254}Тибета не была вовлечена в военные действия. В начале 1941 г. Джампэл Еше был вынужден оставить пост регента и вернуться в монастырь Радэн. К власти пришла группировка тибетской столичной аристократии во главе с новым регентом Нгаван Сунрабом, настоятелем небольшого монастыря Тактра недалеко от Лхасы.

После начала войны на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии (декабрь 1941 г.) в монастырях Тибета прошли молебны, но не за победу какой-либо из воюющих сторон, а за восстановление мира [Богословский, Москалев, 1984, с. 246]. После захвата японцами Бирмы Чунцин предложил построить дорогу через Тибет для транспортировки военных грузов из Индии на фронты антияпонской войны. Регент Тактра отклонил это предложение. Англичане смогли добиться лишь согласия Лхасы на перевозку через территорию Тибета невоенных грузов, но без строительства какой-либо новой дороги.

В конце 1942 г. в Лхасе побывала официальная миссия США в составе сотрудников Бюро стратегических служб (разведки) подполковника Ильи Толстого и капитана Доллана Брука. Состоялся обмен письмами между президентом США Ф. Рузвельтом и Далай-ламой XIV. Американцы также пытались договориться о транспортировке военной помощи Китаю из Индии через Тибет, но не добились успеха.

До 1940 г. в Лхасе имелось только постоянное представительство Непала. Кашаг вел с ним дела через Управление по делам гуркхов. Затем появились постоянные представители Центрального китайского правительства (начальник тибетского отделения Комитета по делам Монголии и Тибета и др.) и правительства Британской Индии. Во второй половине 1942 г. в Лхасе было «восстановлено» Управление по делам всех государств[21] [Ya Hanhzang, 1993, p. 410]. Управление возглавили чиновники 3-го ранга: аристократ-мирянин Суркан-дзаса и монах Йонтэн-дзаса Кончок Джунне. Китайский представитель в Лхасе Чэнь Си-чжан отказался признать новое Управление и вести с ним дела. Управление существовало до мая 1951 г., но практически через него вели дела с Кашагом только англичане. {255}

Тибет в первые послевоенные годы

Летом 1944 г. в Лхасу прибыл посланец Центрального правительства Китая, советник Чан Кай-ши Шэнь Цзун-лянь. В результате переговоров с ним власти Лхасы согласились направить в Нанкин «миссию доброй воли». Миссия ехала через Индию, и по прибытии ее в Нанкин в конце 1946 г. правительство Китая объявило членов миссии делегатами Тибета в Национальном собрании Китайской Республики. Тибетцы действительно присутствовали на заседаниях Национального собрания, но, как они впоследствии утверждали, лишь в качестве наблюдателей, а не участников. В новой Конституции Китайской Республики, принятой Национальным собранием в 1946 г., записано, что «Тибету гарантируется автономия» [Миньго чжи цзан синчжэн фалюй, 1999, с. 21].

Между тем в самом Тибете в эти годы обстановка была нестабильной. Представители духовенства выражали недовольство политикой регента Тактра (сбор недоимок с монастырских крестьян, открытие весной 1945 г. в Лхасе светской школы с обучением, в частности, английскому языку и т.д.). Центром оппозиции являлись монастырь Радэн и его настоятель Джампэл Еше, а также дацан Дже (2,5 тыс. монахов)

[21] Впервые такое Управление создал в 1909 г. Далай-лама XIII, но оно практически не функционировало. В литературе управление по делам всех государств иногда называется «Бюро иностранных дел».

монастыря Сэра.

В ноябре 1946 г. было совершено покушение на цзэпёна Лхалу, сына Луншара[22]. Неизвестные обстреляли его, но он не пострадал. В начале 1947 г. регент получил из Кама посылку, в которую оказалась вложена ручная граната. Регент также не пострадал. Власти решили действовать. 14 апреля 1947 г. солдаты окружили монастырь Радэн и арестовали Джампэл Еше. Восстания монахов этого монастыря, а также дацана Дже монастыря Сэра были подавлены, погибло более 200 монахов. Следственная комиссия обвинила Джампэл Еше в заговоре с целью убить регента и в попытке получить помощь со стороны китайцев. Обвинение использовало, в частности, телеграмму от тибетских представителей в Нанкине, в которой сообщалось о письме Джампэл Еше к Чан Кай-ши с просьбой о помощи [Shakabpa, 1967, p. 293; Ya Hanzhang, 1993, p. 327-329]. 8 мая, еще до вынесения приговора, Джампэл Еше умер в тюрьме. Один из видных сторонников экс-регента Ньунэ-лама покончил жизнь самоубийством. Ближайший сподвижник и главный секретарь экс-регента получили по 250-260 ударов плетьми и были посажены в особую тюрьму в Норбулинке. 30 монахов и один мирянин {256} (мелкий чиновник) были наказаны плетьми, закованы в кандалы и переданы для работы в имения лхасских аристократов.

Следственная комиссия объявила невиновными и освободила бывшего *калона* Пункана и некоторых других арестованных аристократов и высших чиновников [Богословский, 2002, с. 114-116]. Более 200 человек — сторонников Джампэл Еше бежали на территорию, находившуюся под контролем войск Гоминьдана. Гоминь-дановское правительство не имело возможности как-либо повлиять на развитие событий в Тибете. В Китае в эти годы (1946-1949) шла гражданская война между КПК и Гоминьданом, и перевес все более переходил к вооруженным силам КПК. Обе стороны, разумеется, считали Тибет неотъемлемой частью Китая. В Лхасе после событий весны 1947 г. укрепились позиции регента Тактра, вокруг которого объединились сторонники независимого курса. Делались попытки заявить о независимости Тибета.

Весной 1947г. партия Индийский национальный конгресс организовала в Дели Азиатскую конференцию, и тибетские власти направили туда свою делегацию. На церемонии открытия конференции 23 марта 1947 г. был поднят тибетский государственный флаг, а на карте Азии, вывешенной в зале заседаний, Тибет был выделен как независимое государство. Лишь после протеста МИДа Китая тибетский флаг был снят, а Тибет на карте включен в состав Китайской Республики [Богословский, Москалев, 1984, с. 215].

После провозглашения независимости Индии на правах доминиона (15 августа 1947 г.) британская миссия в Лхасе, английские торговые агентства в Гьянцэ, Ятуне и Гартоке стали индийскими. К Индии перешли все права и обязанности по договорам и соглашениям с Тибетом.

Власти Лхасы первоначально поставили перед правительством Индии вопрос о «возвращении всех тибетских территорий», включая Ладак, Сикким и Дарджилинг, но потом согласились отложить решение этого вопроса на будущее. В октябре 1947 г. Тибет направил в Индию, Китай, Англию и США официальную делегацию, которую возглавил *цзэпён* Шакабпа [Ya Hanzhang, 1993, p. 329-332]. Делегации поручалось добиться выплаты правительством Индии сумм за тибетский экспорт в долларах или фунтах стерлингов, а не в рупиях, как прежде, а также приобрести слитки серебра для чеканки тибетских монет. Но главная цель поездки состояла в установлении официальных отношений между «независимым Тибетом», как заявлял Шакабпа, и перечисленными странами. Этой цели, разумеется, достичь не удалось, хотя делегация была принята {257}в Дели — М.К. Ганди и Дж. Неру, в Нанкине — Чан Кай-ши, в Вашингтоне — госсекретарем США Дж. Маршаллом, а в Англии — премьер-министром Эттли и министром финансов. МИД Китая направил официальный протест в госдепартамент США по поводу приема тибетской делегации, а китайский посол в Индии также сделал соответствующее

[22] Лхалу отказался от своего отца и получил правительственный пост.

представление индийским властям. Госдепартамент США разъяснил, что США считают Тибет частью территории Китая [Гуревич, 1958, с. 89]. Тибетской делегации удалось добиться успеха лишь в переговорах о торговле. Так, правительство Индии согласилось платить в долларах и фунтах за товары, принадлежащие тибетскому правительству, но за товары частных торговцев — в рупиях. Индия также согласилась не взимать пошлин с товаров, следующих транзитом в Тибет.

В Китае полная победа КПК в гражданской войне определилась уже совершенно ясно. В июле 1949 г. тибетское правительство объявило о немедленной высылке из Тибета членов гоминьданов-ской миссии во главе с Чэнь Си-чжаном и всех проживающих в Тибете китайцев. Тибетские власти закрыли китайскую школу, радиостанцию и метеостанцию. Высылка китайцев была осуществлена. Она должна была символизировать полный разрыв отношений между Тибетом и правительством Гоминьдана [Уа Hanzhang, 1993, p. 333-334].

С 27 августа до начала октября 1949 г. в Лхасе находился американский «радиокомментатор» Лоуэлл Томас. Он вел переговоры с руководителем Тибета о военной помощи тибетской армии со стороны США [Harrer, 1956, p. 187; Уа Hanzhang, 1993, p. 419].

2 сентября 1949 г. агентство Синьхуа заявило: «Китайская Народно-освободительная армия освободит всю территорию Китая, включая Тибет, Сикан, острова Хайнань и Тайвань. Она не позволит ни одной пяди китайской земли остаться вне власти Китайской Народной Республики» (цит. по [Гуревич, 1958, с. 93]). {258}

Часть V
Образование КНР. Тибет в 1949-2000 гг.

Тибет в 1949-1951 гг.

Соглашение 23 мая 1951 г.

1 октября 1949 г. в Пекине была провозглашена Китайская Народная Республика. 1 ноября 1949 г. Панчен-лама X Лосан Тинле Лхундуб Чоки Гьялпо Гонпо Цзэтэн, мальчик в возрасте около 10 лет, находившийся в Цинхае и признанный перерожденцем Панчен-ламы IX, обратился к Мао Цзэ-дуну и Чжу Дэ с приветственным посланием, в котором, в частности, говорилось: «Можно ждать в ближайшие дни освобождения Сицзана (Тибета)» [Уа Hanzhang, 1993, p. 337-338; Кузнецов, 2001, с. 170]. 4 ноября 1949 г. регент Тактра заявил о независимости Тибета и обратился ко всем государствам с просьбой о помощи.

К началу 1950г. части Народно-освободительной армии Китая (НОАК) непосредственно подошли к тибетским районам, контролируемым властями Лхасы. В январе 1950 г. ЦК КПК и Военный совет ЦК КПК направили директиву Юго-западному бюро ЦК КПК о начале подготовки похода в Тибет, который планировалось осуществить силами 2-й полевой армии. Главную силу похода составлял 18-й корпус под командованием генерала Чжан Го-хуа. В этих условиях Лхаса объявила, что направляет в Пекин делегацию для переговоров о будущем Тибета. В Индии британские власти отказали делегации в выдаче виз на въезд в Гонконг. Тогда глава делегации цзэпён Шакабпа заявил, что они будут ждать приезда китайских представителей в Индию. 25 июня 1950 г. началась война в Корее. Это еще более осложнило обстановку в Азии. Однако центральное правительство КНР не теряло надежды на мирное решение проблемы воссоединения Тибета с Китаем. К тибетским властям {259}был направлен «живой будда» Гэда, занимавший в то время пост заместителя председателя Народного правительства пров. Сикан. Гэда прибыл в Чамдо 24 июля, но тут же был арестован и скончался в тюрьме 22 августа 1950 г. при подозрительных обстоятельствах. 7 октября 1950 г.

правительство КНР отдало приказ о начале похода для освобождения Тибета. Части НОАК двигались через Сычуань и Сикан в составе северной и южной групп, а также вошли в Тибет из Цинхая и Синьцзяна. Тибетская армия в это время состояла из 14 батальонов (по 500 солдат в каждом) и имела на вооружении несколько десятков орудий, 40 пулеметов, 20 минометов и около 30 тыс. винтовок. За 10 дней наступления войск по южному маршруту (Баань-Нинцзин-Туньдо-Банда) на сторону НОАК перешли более 3 тыс. тибетских ополченцев и «бойцов-монахов». Так, 11 октября в Нинцзине (ныне Макам) восстал 9-й батальон тибетской армии во главе со своим командиром и целиком перешел на сторону НОАК. 18 октября северная группа под командованием Инь Фа-тана заняла Эньда и, таким образом, отрезала тибетцам путь отхода на запад. 19 октября части НОАК вошли в Чамдо [Уа Hanzhang, 1993, p. 341, 343]. Тибетский гарнизон разбежался. Однако к северу от Чамдо начались бои. В этих боях были уничтожены главные силы тибетской армии — 6 батальонов полностью и 3 батальона частично. Губернатор Кама колон Нгапо Нгаван Джигме попал в плен. 24 ноября 1950 г. в Каме был создан первый Тибетский автономный район пров. Сикан с центром в Кандине. Район занимал территорию от Янцзы на западе до р. Дадухэ на востоке. Население района составляло в то время 700 тыс. человек, в том числе около 600 тыс. тибетцев, а также ханьцы, уйгуры и народность и (в 1954 г. центром района стал г. Ганьцзы, а с упразднением пров. Сикан в 1955 г. район был переименован в Ганьцзый-ский автономный округ пров. Сычуань).

В этих условиях 17 ноября 1950 г. в Лхасе Национальная ассамблея отстранила от власти регента Тактра и объявила о передаче всей светской и религиозной власти Далай-ламе XIV. Первым актом нового правительства стало объявление политической амнистии и освобождение из тюрем сторонников Тубтэн Джампэл Еше и других заключенных. Однако окружение Далай-ламы также приняло решение о его отъезде из Лхасы. 19 декабря 1950 г. Далай-лама XIV покинул Лхасу с военным эскортом в несколько сот солдат во главе с Цароном. 5 января 1951 г. он прибыл в Ятун в долине Чумби и сделал своей резиденцией монастырь Донкар. В январе 1951 г. Далай-лама отозвал из Индии делегацию во главе с калоном {260}Шакабпа, а в марте 1951 г. сформировал новую делегацию для переговоров с центральным правительством КНР. Новую делегацию возглавил отпущенный из плена *калон* Нгапо Нгаван Джигме. В состав делегации вошли главнокомандующий тибетскими вооруженными силами *дзасак* Кемэй Сонам Вандуй, личный секретарь Далай-ламы Кэнчун Тубтэн Лэгмон, а также 18 человек — представители крупных монастырей и чиновники правительства. В Пекин из пров. Цинхай для участия в переговорах выехал Панчен-лама X. Переговоры проходили с 29 апреля по 21 мая 1951 г.

23 мая 1951 г. в Пекине было подписано «Соглашение между Центральным народным правительством Китая и местным тибетским правительством о мероприятиях по мирному освобождению Тибета». Соглашение подписали от имени Центрального народного правительства Китая — председатель Комиссии по делам национальностей Ли Вэй-хань (глава делегации), Чжан Цзин-у, Чжан Го-хуа и Сунь Цзи-юань; от имени тибетской делегации — *калон* Нгапо Нгаван Джигме (глава делегации), *дзасак* Кемэй Сонам Вандуй, Тубтэн Тэнтар, Кэнчун Тубтэн Лэгмон. На церемонии присутствовали заместители председателя Центрального народного правительства Чжу Дэ и Ли Цзи-шэнь, заместитель премьера Госсовета Чэнь Юнь, Дун Би-у, Го Мо-жо и другие китайские руководители, а также представители «Совета каньбу» при Панчен-ламе X.

Соглашение состояло из 17 статей. Статья I Соглашения гласила: «Тибетский народ объединится и изгонит империалистические агрессивные силы из Тибета и вернется в великую семью народов матери-родины — Китайской Народной Республики». В статье III отмечалось, что «тибетский народ имеет право на осуществление под общим руководством Центрального народного правительства национальной областной автономии». Статьи IV, V и XI, внутренне связанные друг с другом, следует привести полностью. Статья IV: «Центральные власти не будут изменять политической системы,

существующей в Тибете, а также существующего статуса, функций и полномочий Далай-ламы. Должностные лица различных рангов по-прежнему останутся на своих постах». Статья V: «Существующие статус, функции и полномочия Панчен-ламы будут сохранены». Статья XI: «В вопросах, касающихся различных реформ в Тибете, не будет никакого принуждения со стороны центральных властей. Местное правительство Тибета должно проводить реформы добровольно, и когда народ потребует проведения реформ, вопрос о них будет решаться путем консультации с видными деятелями Тибета». {261}

По Соглашению, Центральное правительство КНР брало в свои руки все внешние отношения Тибета, а также учреждало в Тибете военно-административный комитет и штаб военного округа. Тибетские войска постепенно реорганизовывались и становились частью вооруженных сил национальной обороны КНР [Конституция и акты КНР, 1955, с. 119-123; Гуревич, 1958, с. 200-205].

Соглашение 23 мая 1951 г. стало результатом взаимных уступок и носило компромиссный характер. Это видно даже из тех статей, которые приведены выше. Политическая система Тибета сохранялась, а возможные реформы были отнесены в будущее. В то же время все военные дела и внешние отношения Тибета переходили к Центральному правительству КНР.

Соглашение 1951 г. явилось крупнейшим событием в истории Тибета и в истории Китая в целом. Заключение Соглашения и его выполнение обеспечили территориальную целостность Китая и мирное воссоединение Тибета.

В результате заключения Соглашения части НОАК могли продвигаться в глубь территории Тибета без боевых действий. 9 сентября 1951 г. в Лхасу вошли передовые части НОАК под командованием генералов Чжан Го-хуа и Тань Гуань-саня. 15 ноября части НОАК вошли в Шигацэ и Гьянцэ. Еще ранее, 17 августа 1951 г., в Лхасу из Донкара возвратился Далай-лама XIV. 24 октября 1951 г. в телеграмме на имя Мао Цзэ-дуна Далай-лама выразил свою поддержку Соглашению 23 мая 1951 г.

Таким образом, состоялось мирное вхождение Тибета в состав Китайской Народной Республики.

Всекитайский комитет Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) 1 ноября 1951 г. избрал своими членами Далай-ламу, Панчен-ламу и Нгапо Нгаван Джигме.

10 февраля 1952 г. был образован Тибетский военный округ НОАК. Командующим округа был назначен генерал Чжан Го-хуа, а его заместителями — двое тибетцев и Чан Бин-гуй, политкомис-саром — Тань Гуань-сань. Тибетские воинские части вошли в состав НОАК. 23 февраля 1952 г. в Пекине открылось постоянное представительство Далай-ламы, а в Лхасе — постоянное представительство Центрального народного правительства КНР.

В январе 1952г. был сформирован Народно-освободительный комитет (НОК) района Чамдо, который стал выполнять функции местного правительства, подчиненного центральному правительству в Пекине. 23 июня 1952 г. в Ташилунпо прибыл Панчен-лама X [Уа Hanzhang, 1993, p. 358]. Под управление Панчен-ламы перешли {262}районы Цзана с населением около 100 тыс. человек. «Совет каньбу» при Панчен-ламе также подчинялся непосредственно Пекину.

Созданием НОК района Чамдо и утверждением в Ташилунпо «Совета каньбу» при Панчен-ламе Пекин реально ограничил власть и влияние Далай-ламы и местного тибетского правительства в Лхасе.

Национальная политика КПК после образования КНР. Создание тибетских национальных округов и уездов

После образования КНР КПК и правительство Китая в качестве основы решения национального вопроса приняли систему районной национальной автономии. Уже в

общей программе НПКСК, утвержденной в сентябре 1949 г., были провозглашены как основы национальной политики равноправие национальностей, дружба и сотрудничество между ними, преодоление великодержавного и «узкого национализма» (т.е. национализма малых народов), запрещение национальной дискриминации, гнета и действий, направленных на раскол сплоченности национальностей; осуществление районной национальной автономии в местах компактного проживания нацменьшинств; формирование в районах автономии органов национального самоуправления, свобода языка и письменности, свобода религиозных верований нацменьшинств и другие весьма позитивные положения, которые в целом начали проводиться в жизнь. В 1952 г. были приняты «Основные принципы осуществления районной национальной автономии в КНР», регламентировавшие процесс строительства автономий.

Первые автономии у тибетцев были созданы еще в 1950 г.: в мае 1950 г. — Тибетский автономный уезд Тяньчжу в пров. Ганьсу и в конце 1950 г. — Ганьцзыйский тибетский автономный округ в пров. Сычуань (первоначально — автономный район). В дальнейшем появились тибетские автономные округа в пров. Цинхай: Юйшу (декабрь 1951 г.), Хайнань, Хайбэй и Хуанань (все три в декабре 1953 г.), округ Голо (январь 1954 г.); в пров. Ганьсу был создан Ганьнаньский тибетский автономный округ (октябрь 1953 г.); в Сычуани — Тибетский автономный округ Аба (январь 1953 г.) и Тибетский автономный уезд Мули (май 1953 г.); в Юньнани — Дацинский тибетский автономный округ (1957). Переход к системе районной национальной автономии сыграл исключительно важную роль в обеспечении территориальной целостности Китая. {263}

В то же время создание множества автономий тибетцев на территории Восточного Тибета так или иначе в административном или ином плане отделяло эти районы от собственно Тибета.

Конституция КНР 1954 г. подтверждала основные принципы национальной политики. Китайская Народная Республика была определена в Конституции как единое многонациональное государство. Статус автономий по Конституции ограничивался тремя ступенями: автономными районами на уровне провинции, автономными округами и автономными уездами. Правительство Китая и в то время, и позже противодействовало отдельным требованиям и попыткам повысить статус автономного района, придать такому району более «широкую» автономию и даже статус государственности в рамках единой КНР (например, статус автономной национальной республики).

Не рассматривая здесь все этапы развития национальной политики в КНР, подчеркнем лишь, что в течение последних более чем двух десятилетий XX в. она носила в целом конструктивный характер и в политическом, и в практическом плане. Еще в 1982 г. в докладе Генерального секретаря ЦК КПК Ху Яо-бана на XII съезде КПК, в частности, говорилось, что Китай — многонациональная страна и что равноправие всех национальностей и их сплоченность являются вопросами исключительно важными. В Китае сегодня официально признается, что религия и социализм не противоречат друг другу. Отброшена бытовавшая в 60-70-е годы установка на «слияние национальностей». Признан ошибочным тезис о так называемой «сущности национального вопроса как классового вопроса» и т.д.

В 1998 г. в КНР насчитывалось 5 автономных районов уровня провинций, 30 автономных округов и 129 автономных уездов. В официальном списке национальных меньшинств Китая числится 55 национальностей, 45 из них располагают в настоящее время собственными автономными единицами. В КНР также создано более 1700 национальных волостей, что позволяет учитывать интересы и особенности живущих компактно небольших групп. Приблизительно 3/4 всего неханьского населения КНР проживает в пределах созданных автономий.

В 50-х и начале 60-х годов КПК в национальных районах осуществляла политику «единого фронта». Так, в перечисленных выше тибетских автономиях на руководящие посты привлекались представители тибетских «верхов»: «живые будды», ламы, выходцы

из семей местных князей и вождей. {264}

В 80-90-х годах достигнуты успехи в подготовке национальных кадров, представители которых, как правило, возглавляют администрацию автономий. Общие достижения национальной политики КПК за годы существования КНР и в особенности в последние два десятилетия XX в., как мы увидим ниже, во многом созвучны имевшимся успехам этой политики и в Тибете — при всех особенностях и дополнительных трудностях проведения этой политики именно в Тибетском районе.

Тибет в 1951-1959 гг.

Развитие сельского хозяйства, промышленности, транспорта, связи, торговли, просвещения и здравоохранения

Первую материальную помощь тибетские крестьяне и скотоводы получили от солдат и офицеров еще во время вступления частей НОАК в Тибет. Уже в 1951 г. для обеспечения населения зерном в Тибет были направлены караваны с продовольствием. Солдаты помогали тибетским крестьянам изготовлять металлические мотыги, кирки, топоры, бороны и сохи. Части НОАК организовали четыре показательных предприятия: пошивочную и слесарную мастерские, шерстоткацкую и шорную артели. Около Лхасы началась добыча угля и была создана агротехническая станция. Здесь на опытных полях солдаты начали выращивать пшеницу, картофель, соевые бобы, лен, огурцы, арбузы, перец, баклажаны, а также хлопок, чай и масличные культуры. Стали проводиться работы по ирригации и лесонасаждению.

В 1951-1954 гг. государство выдало денежные ссуды: крестьянам — в размере 1,7 млн. юаней и скотоводам — ОД млн. юаней. Ссуды выдавались на покупку орудий труда, семян и других товаров. Помощь государства позволила крестьянам к 1954 г. освоить 3300 га новых посевных площадей. Начали проводить противоэпи-зоотические мероприятия, что позволило только в 1953 г. предохранить от заболеваний и вылечить более 90 тыс. голов скота.

Огромное значение для дальнейшего развития Тибета имело открытие 25 декабря 1954 г. движения по Сикан-Тибетской (2300 км) и Цинхай-Тибетской (2100 км) шоссейным дорогам. После начала движения по этим дорогам время поездки из Пекина или Шанхая в Лхасу уменьшилось с 90 до 20 дней. В 1955г. Государственная торговая компания завезла в Лхасу в 4 раза больше товаров, чем {265}в 1954 г. В Тибет везли новые сельскохозяйственные орудия, тракторы, комбайны, токарные станки, краны, книги, медикаменты. Эта же компания в 1955 г. вывезла из Тибета шерсти и лекарственных трав на сумму 1 млн. юаней — в 3 раза больше, чем в 1954 г. Государственная торговая компания Тибета стала монополистом в торговле с центральными районами КНР, что ущемило интересы частных торговцев, а также чиновников и монастырей, занимавшихся торговлей.

В Тибете началось большое строительство. В 1955 г. открылось движение по дорогам Лхаса-Шигацэ и Шигацэ-Гьянцэ, а вскоре — Гьянцэ-Ятун. К концу 1956 г. новые дороги связали все восемь областей Тибета. В январе 1957 г. закончилось строительство дорог Лхаса-Ньетан и Лхаса-Цэтан. Все технические кадры и транспортные средства для обслуживания дорог и ремонтные бригады направлялись правительством КНР. Так, только в 1955 г. в Тибет было послано 500 шоферов и 550 грузовых машин.

В июле 1952 г. открылась регулярная почтово-телеграфная связь между Чунцином и Лхасой, а затем и Шигацэ. В декабре 1953 г. была открыта телефонная линия Пекин-Лхаса. В июле 1955 г. были пущены радиостанции в Лхасе, Шигацэ и Чамдо [Богословский, 1978, с. 55]. В мае 1956 г. стал действовать аэродром около Лхасы. В августе 1959 г. открылось судоходство между Лхасой и Цэтаном. 1 октября 1956 г. дала первый ток новая гидростанция в Лхасе. Были также построены доменная печь,

авторемонтная мастерская, лесопилка, печь для обжига кирпича, предприятие по производству цемента. Все эти и многие другие предприятия появились на земле Тибета впервые.

В Лхасе, Шигацэ и Гьянцэ с 1952 г. отделения Народного банка КНР начали выдавать кредиты для торговых операций. Государство снизило цены на ввозимый чай и повысило цены на закупаемую у тибетцев шерсть, причем закупалась вся шерсть, а не только высшего качества, которую скупали частные торговцы.

В 50-е годы XX в. в Тибете впервые в его истории усилиями центральных властей КНР было создано несколько десятков светских школ. В 1957 г. насчитывалось 78 начальных и одна (в Лхасе) средняя школа с общим числом учеников 6 тыс. человек, однако неизвестно, сколько из этих детей были из китайских, а сколько из тибетских семей. Учителей-тибетцев имелось в первые годы очень мало (в 1956 г. — 50 человек), поэтому к преподаванию привлекались также бывшие ламы; перед началом уроков разрешалось чтение молитв. Вообще, подготовка кадровых работников и специалистов-{266}тибетцев в 50-е годы велась главным образом вне Тибета, в частности в Центральном институте национальностей в Пекине, где в 1959 г. насчитывалось 900 студентов-тибетцев, а также в Чунцине и других городах. В октябре 1957 г. в Тибете насчитывалось более 5 тыс. кадровых работников-тибетцев, более тысячи тибетцев — членов КПК и более 2 тыс. тибетцев — членов комсомола КНР [Богословский, 1978, с. 59].

Правительство КНР организовало поездки нескольких делегаций тибетских торговцев, промышленников, лам, молодежи по территории Китая, что способствовало ознакомлению тибетцев с развитием всей страны в те годы.

В сентябре 1952 г. в Лхасе открылась поликлиника, превращенная вскоре в больницу. Вслед за этим появились больницы в Шигацэ и Чамдо и поликлиника в Гьянцэ. К концу 1958 г. имелось 18 медицинских учреждений, на места выезжали подвижные медицинские группы. За 1952-1955 гг. в Тибет было направлено более 400 китайских врачей и медицинских сестер и подготовлено 170 медработников из числа тибетцев. Тем не менее большинство тибетцев крестьян и скотоводов еще не были охвачены системой современной медицинской помощи.

Таким образом, в 50-е годы XX в. в Тибете были предприняты первые шаги в развитии промышленности, светского образования и современного здравоохранения, осуществлены первые мероприятия правительства КНР по повышению жизненного уровня населения. Однако объективные условия (сохранение старой тибетской политической системы, неграмотность населения, огромное влияние религии и монашества, отсталость экономики и т.д.) препятствовали более быстрому культурному и экономическому развитию Тибета.

Политика «единого фронта» в Тибете

В 50-е годы правительство КНР проводило в районах, населенных национальными меньшинствами, политику «единого фронта» с вождями и элитой этих народов. Их привлекали к участию в управлении, избирали в состав новых административных органов, стремились получить их согласие на проведение каких-либо реформ. Во многих случаях именно представители местной элиты, пользовавшиеся влиянием среди национальных меньшинств, должны были проводить реформы. В Тибете реальная обстановка не позволяла начинать реформы, так как для их проведения отсутствовала {267}какая-либо социальная опора внутри тибетского общества. Это отметил Мао Цзэ-дун в беседе с тибетской делегацией 8 октября 1952 г.: «В Тибетском районе вопрос о делении земли сейчас не стоит. Будет или не будет земля перераспределена в будущем — этот вопрос должны решать сами тибетцы, мы не можем делать это за вас» [Богословский, 1978, с. 45].

«Пока нет действительного согласия большинства верхних слоев на проведение

преобразований, — говорил на VIII съезде КПК в 1956 г. Чжан Го-хуа, — их нельзя проводить в принудительном порядке, так как это неизбежно окажет отрицательное влияние на единство внутри национальности и между национальностями, что не будет благоприятствовать успешному проведению мирных преобразований» [Материалы, 1956, с. 281].

Однако история распорядилась так, что преобразования в Тибете пришлось проводить именно в принудительном порядке в суровых условиях военного управления и чрезвычайно быстрыми темпами. Но об этом позже.

Речь генерала Чжан Го-хуа, заместителя секретаря Тибетского рабочего комитета КПК, произнесенная 20 сентября 1956 г. на съезде правящей КПК, явилась своего рода отчетом о проделанной в Тибете за предыдущие пять лет работе, а также изложением принципов дальнейшей деятельности, прежде всего по проведению демократических преобразований. Чжан Го-хуа отметил, что «Тибет занимает территорию площадью около 1 млн. 520 тыс. км с населением примерно 1 млн. 200 тыс. человек, подавляющее большинство которого составляет тибетская национальность»[23], что «общественно-экономической формацией в Тибете по-прежнему является феодально-крепостнический строй, техника производства — отсталая, исключительно тяжела жизнь трудящихся» [там же, с. 277]. Перечислив далее определенные достижения в развитии хозяйства и культуры за прошедшие годы, Чжан Го-хуа напомнил, что в апреле 1956 г. «был образован Подготовительный комитет по созданию Тибетского автономного района» [там же, с. 278]. Он сказал, что для проведения преобразований «нужно иметь некоторые необходимые условия. Эти условия заключаются в том, чтобы: 1) трудящиеся требовали проведения преобразований, а представители верхних слоев искренне поддерживали их; 2) был разработан метод проведения преобразований, основанный на научном обследовании {268}социально-экономического положения Тибета и согласованный с представителями всех слоев населения; 3) было в наличии определенное количество национальных кадров. Ясно, что в настоящее время мы еще не обладаем полностью всеми этими условиями. Поэтому потребуется сравнительно длинный период времени, прежде чем можно будет приступить к преобразованиям» [там же, с. 280-281]. Далее в своей речи Чжан Го-хуа неоднократно подчеркивал, что необходимо одобрение преобразований «верхними слоями», что представителям «верхних слоев» должна быть предоставлена соответствующая работа. Генерал упомянул даже о том, что «в ходе консультаций, если это необходимо, мы должны также убедить народные массы пойти на соответствующие уступки в вопросах о времени, очередности и методах проведения преобразований, с тем чтобы добиться согласия верхних слоев на социальные преобразования и их отказа от эксплуатации» [там же, с. 281]. «Мы и впредь будем проводить политику свободы вероисповедания и защиты религии, усиливать работу по сплочению религиозных кругов, — продолжал Чжан Го-хуа. — В целях содействия сплочению внутри религиозных кругов Тибета в этом году будет создано тибетское отделение общества буддистов. В течение ближайших двух лет намечается также открыть в Лхасе религиозный институт, чтобы привлечь лам к учебе» [там же, с. 282]. Разумеется, все сказанное Чжан Го-хуа с трибуны съезда выражало точку зрения руководства КПК и политику правительства КНР.

Между тем в самом Тибете, как уже говорилось, появились ячейки КПК и Новодемократического союза молодежи Китая (впоследствии — комсомол Китая). Еще в 1953 г. в Тибете были созданы Культурная ассоциация патриотической молодежи и Женская патриотическая федерация г. Лхасы. Такие федерации появились и в других городах Тибета. В Гьянцэ в 1956 г, был образован Комитет учебы для представителей местных властей.

В июне 1953 г. на учредительной конференции в Пекине была создана Китайская

[23] Имелись в виду территория и население, находившиеся под контролем Подготовительного комитета по созданию Тибетского автономного района, учрежденного по постановлению Госсовета КНР от 9 марта 1955 г.

буддийская ассоциация (далее — КБ А). В совете КБА из 93 человек было 29 тибетцев, а на второй конференции КБА в 1957 г. ее президентом стал тибетец Шэраб Гьяцо (в дальнейшем переизбирался на три срока). Далай-лама и Панчен-лама стали почетными председателями КБА. В октябре 1956 г. в Лхасе было учреждено тибетское отделение КБА. Деятельность всех перечисленных выше организаций и их филиалов способствовала включению многих тысяч тибетцев в общественную, политическую и культурную жизнь Тибета и всего Китая. {269}

Китайско-индийское и китайско-непальское соглашения относительно Тибета

Интеграции Тибета в состав КНР способствовали соглашения, заключенные правительством Китая с Индией и Непалом. По соглашению, подписанному 29 апреля 1954 г. в Пекине между Китаем и Индией о торговле и связях между Тибетским районом и Индией на основе пяти принципов мирного сосуществования, сохранялись торговые агентства Индии в Ятуне и Гьянцэ и учреждались индийское торговое агентство в Гартоке и три китайских торговых агентства в Дели, Калькутте и Калимпонге. Были согласованы также места торговли, паломничества и правила передвижения через границу между Индией и Китаем в Тибет. В конце 1954 г. Индия вывела из Тибетского района еще остававшиеся там воинские части. Все почтовые, телеграфные и телефонные службы, принадлежавшие правительству Индии, были переданы КНР.

20 сентября 1956 г. в Катманду посол КНР в Непале и министр иностранных дел Королевства Непал обменялись нотами, в которых высказались за поддержание между двумя странами дружественных отношений на основе пяти принципов мирного сосуществования, и заключили соглашения о торговле и сообщении между Тибетским районом КНР и Непалом. В соответствии с достигнутым соглашением с территории Китая 18 марта 1957 г. были полностью эвакуированы части непальской вооруженной охраны.

Таким образом, в этих двух соглашениях на основе признания Тибетского района неотъемлемой частью КНР были окончательно урегулированы отдельные остававшиеся от прошлого спорные вопросы.

Изменения в административной системе Тибета.
Создание Подготовительного комитета по образованию Тибетского автономного района

После вступления частей НОАК в Тибет по инициативе китайских военных властей в отдельных деревнях и районах, в основном вокруг Лхасы, появились *миман-цзондю* — народные советы, куда помимо местных крестьян вошли многие бывшие солдаты тибетской армии. Однако в некоторых *миман-цзондю* проявились антикитайские настроения. Весной 1952 г. участники движения *миман-цзондю* стали организовывать митинги и демонстрации, подавали петиции с требованием ухода китайских войск из Тибета. 31 марта {270}1952 г. представители деревни Чушул недалеко от Лхасы пришли в столицу и подали петицию в Кашаг, а также петицию из шести пунктов — лично Чжан Го-хуа. В тот же день более тысячи тибетцев окружили дом Чжан Го-хуа, требуя немедленного ухода китайских войск. 1 апреля был обстрелян дом Нгапо Нгаван Джигме. Охрана отогнала нападавших [Tsering Shakya, 1999, p. 103, 106]. Представитель правительства КНР в Лхасе Чжан Цзин-у потребовал и добился смещения с постов первых министров Луканва и Лосан Таши, имевших контакты с организаторами беспорядков.

6 апреля 1952 г. ЦК КПК издал директиву о работе в Тибете, в которой, в частности, говорилось: «Наша точка зрения: в настоящее время не следует реорганизовывать тибетскую армию, также не следует создавать военный подокруг, не следует учреждать военно-административный комитет. Временно — все по-старому,

событий не форсировать. Когда спустя год или два наша армия действительно сможет добиться самообеспечения и получит поддержку народных масс, тогда можно будет вновь обсудить эти вопросы» [ibid., p. 107; Богословский, 1978, с. 51].

В результате в Тибете так и не был создан военно-административный комитет, а в октябре 1952 г. сама система военно-административных комитетов в КНР была упразднена. После смещения двух первых министров этот пост был вообще ликвидирован. «Ликвидация промежуточной инстанции лишала Далай-ламу функции верховного судьи, низводила его роль до исполнения обычных функций председателя правительства, тем более „местного"», — отмечал В. А. Богословский [Богословский, 1978, с. 62].

В январе 1953 г. был реорганизован Кашаг. Четко разграничивались функции *калонов* и подчиненных каждому из них чиновников. Все чиновники получали зарплату. *Дзонпёны* отныне должны были назначаться только на три года; точно устанавливалась сумма налогов с каждого района, и всю эту сумму *дзонпёны* обязаны были передавать в центр. Начальникам уездов запрещалось взимать какие-либо дополнительные налоги, а также поручать владельцам имений взимать налоги с крестьян, живших в их имениях. Все эти меры, разумеется, вызвали недовольство со стороны тибетской знати, владельцев имений и *дзонпёнов*.

15 сентября 1954 г. в Пекине открылась первая сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП), которая 20 сентября единогласно приняла Конституцию КНР. На сессию по приглашению правительства КНР прибыла представительная делегация Тибета во главе с Далай-ламой. В составе делегации находились {271}члены семьи Далай-ламы, два его наставника, три *калона*, руководители всех крупнейших монастырей. Во главе отдельной группы выехал в Пекин и Панчен-лама. Представители Тибета участвовали в заседаниях ВСНП и принятии Конституции. Таким образом, правительству КНР удалось добиться того, чего безуспешно пытались достичь правительства Китайской Республики в течение нескольких десятилетий. Далай-лама и Панчен-лама встречались с Мао Цзэ-дуном и другими высшими руководителями Китая. На сессии Далай-лама был избран заместителем председателя постоянного комитета ВСНП, а Панчен-лама — его членом. Для тибетских представителей были организованы поездки по стране, чтобы показать им достижения в развитии КНР. В феврале 1955 г. делегация Тибета встречала тибетский Новый год в Пекине.

19 января 1955 г. в Пекине Далай-лама XIV и Панчен-лама X подписали Соглашение об улаживании спорных вопросов между ними (споры велись по вопросам распределения налогов, трудовой повинности, о расходах на армию и т.п.). 9 марта Госсовет КНР принял постановление об образовании Подготовительного комитета (ПК) по созданию Тибетского автономного района (ТАР). На заседании Госсовета присутствовали Далай-лама, Панчен-лама, Нгапо Нгаван Джигме, Суркан Лушар и другие тибетские руководители. Подготовительному комитету был придан статус органа государственной власти на тех тибетских территориях, которые предполагалось включить в ТАР, т.е. на территориях, находившихся под управлением Далай-ламы, Панчен-ламы и НОК Чамдо. Сам же ПК подчинялся непосредственно Госсовету КНР. В ведение комитета передавались многочисленные функции по руководству общественной и хозяйственной жизнью Тибета. В его составе создавались соответствующие отделы и комиссии.

Председателем ПК был назначен Далай-лама XIV, его заместителями — Панчен-лама X и Чжан Го-хуа. Ответственным секретарем комитета стал Нгапо Нгаван Джигме. В состав комитета вошли 55 человек: председатель и два его заместителя, по 10 представителей от местного правительства в Лхасе, от «Совета каньбу» при Панчен-ламе и от НОК района Чамдо, пять китайских кадровых работников и 17 представителей-тибетцев от различных местных организаций и монастырей. Таким образом, решение Госсовета от 9 марта 1955 г., а также декрет Председателя КНР Мао Цзэ-дуна от 26 сентября 1955 г. приравнивали статус правительства Далай-ламы к статусу «Совета каньбу» и НОК района

Чамдо и ставили Тибет под руководство нового правительственного органа. {272}

Финансовый отдел ПК постепенно взял в свои руки сбор налогов. Отдел юстиции взял на себя функции судебных органов и руководствовался при этом, разумеется, законами КНР.

Чтобы представить в полном объеме права и функции ПК, приведем здесь подробное перечисление всех его отделов и комиссий. «В конце сентября 1956 г. были созданы следующие отделы и комиссии Подготовительного комитета: 1) канцелярия, в ведении которой находятся делопроизводство и редактирование различных документов и другие вопросы; 2) финансово-экономическая комиссия, которая путем консультаций с аналогичными органами местного правительства, советом настоятелей при Панчен-ламе, Народно-освободительным комитетом района Чамдо планирует местное экономическое строительство в рамках единой централизованной финансово-экономической системы; 3) отдел гражданской администрации, в компетенцию которого входит содействие разрешению социальных вопросов, гражданских споров и т.д.; 4) финансовый отдел, ведающий местными доходами и расходами, составлением бюджетов и отчетов об их исполнении; 5) отдел строительства, руководящий городским строительством, организацией и распределением рабочей силы, регулированием заработной платы; 6) отдел культуры и просвещения, который руководит работой в области культуры и просвещения, издательским делом, научно-исследовательскими и другими учреждениями; 7) отдел здравоохранения; 8) отдел общественной безопасности, осуществляющий охрану порядка и общественной безопасности в Тибете; 9) отдел сельского и лесного хозяйства, который руководит ирригационным строительством, делом улучшения сельскохозяйственного производства, охраной лесов и насаждением деревьев; 10) отдел животноводства, который разрабатывает мероприятия по развитию скотоводства, предотвращению эпизоотии и т.д.; 11) отдел промышленности и торговли, занимающийся развитием местной торговли и строительством промышленных объектов; 12) отдел коммуникаций; 13) отдел юстиции, выполняющий впредь до создания соответствующих судебных и прокурорских органов их функции; 14) комиссия по делам религии, которая занимается разрешением религиозных вопросов, сплочением различных религиозных сект Тибета, проверяет осуществление политики свободы вероисповедания» [Валиахметов, 1958, с. 37-38].

Деятельность ПК постоянно расширялась. В июле 1956 г. Постоянное бюро ПК постановило создать канцелярии ПК во всех округах, а к концу 1956 г. — уездные канцелярии во всех уездах. Создавшееся {273}положение усилило недовольство части тибетской элиты, группировавшейся вокруг Далай-ламы, что выразилось, в частности, в бойкоте первого заседания ПК 30 октября 1955 г., для участия в котором явились лишь 40 членов комитета. Только 22 апреля 1956 г. открылось первое пленарное заседание комитета, в котором приняли участие 1083 делегата. Начали работать секретариат и отделы комитета. 26 сентября 1956 г. Госсовет КНР утвердил краткое положение о деятельности Подготовительного комитета по созданию ТАР.

К августу 1957 г. отделения ПК уже были созданы в 50 уездах и восьми особых округах Тибета [Богословский, 1978, с. 68-69].

Поездка Далай-ламы и Панчен-ламы в Индию

В связи с празднованием 2500-летия парининрваны Будды по приглашению индийского правительства в ноябре 1956 г. две тибетские делегации прибыли в Индию. В делегацию, возглавляемую Далай-ламой, входили также колоны Нгапо Нгаван Джигме, Суркан и Ракашар; вторую делегацию возглавлял Панчен-лама. Далай-лама и Панчен-лама посетили священные буддийские места в Индии, встретились с Джавахарлалом Неру и другими индийскими руководителями. Далай-лама выразил желание остаться в Индии, но после двух встреч с Чжоу Энь-лаем в Дели и заверений, что проведение реформ в

Тибете может быть отложено и должно осуществляться только с согласия самих тибетцев [Smith, 1996, p. 414-415; Yao Zhao Liu, 1999, p. 14], решил вернуться в Тибет.

27 февраля 1957 г., выступая на расширенном заседании Верховного государственного совещания с речью «О правильном разрешении противоречий внутри народа», Мао Цзэ-дун сказал: «В Тибете демократические реформы еще не проводились, поскольку там еще не созрели условия. В соответствии с соглашением из 17 статей, которое было заключено между центральным правительством и местным правительством Тибета, реформы общественного строя непременно будут там осуществлены, но решение о времени проведения реформ может быть вынесено только тогда, когда большая часть народных масс Тибета и их вожди признают это возможным; здесь нельзя допускать поспешности» [Мао Цзэ-дун, 1957, с. 31].

1 апреля 1957 г. Далай-лама прибыл в Лхасу [Smith, 1996, p. 417].

В августе 1957г. была упразднена финансово-экономическая комиссия ПК, а остальные комиссии (отделы) объединены в четыре, которые ведали внутренними делами, строительством, культурой и просвещением, а также финансами. {274}

Движение миман-цзондю в Лхасе и вооруженные выступления в Каме. Антикитайское движение 1959 г.

В эти годы продолжалось движение *миман-цзондю*. Во главе движения в Лхасе встали крупный торговец, занимавшийся тибето-индийской торговлей, Алу Чонцэ Цэрин Дордже, чиновники Лхабчук Дарпа Тинле и Бумтак Гьялцен Лосан. Движение финансировал *калон* Суркан Ванчен Гэлэк, его поддерживал один из лидеров ламства Цзатул-ринпоче. В феврале 1956 г. во время *монлама* члены движения *миман-цзондю* распространяли в Лхасе листовки с требованием ухода китайцев из Тибета.

К этому времени в тибетской столице появились беженцы из Восточного Тибета. Первые антикитайские выступления имели место в Каме еще осенью 1954 г. Непосредственным поводом к выступлениям послужили попытки китайских военных властей заставить население сдать оружие. Но главной причиной являлись опасения местных князей и вождей племен в связи с установлением в Каме и, соответственно, над ними прямого китайского военного контроля и подготовкой социальных преобразований. Эта подготовка заключалась, в частности, в проведении собраний, на которых местное население разделялось на «крепостников» и «рабовладельцев», с одной стороны, и на «рабов» и «крепостных» — с другой. Как отмечал В.А. Богословский, «искусственное классовое размежевание на деле привело к своеобразной межклассовой консолидации, к тому, что „верхам" удалось увлечь за собой „низы" и антикитайские настроения начали распространяться вглубь именно среди них» [Богословский, 1978, с. 73-74].

В августе 1954 г. началось вооруженное выступление в Южном Каме, на подавление которого китайские власти направили было 18-ю армию НОАК. Однако широкомасштабных военных действий не было, так как с июля 1954 до июня 1955 г. Далай-лама, как уже говорилось, находился в Пекине на сессии ВСНП и правительство КНР не хотело мешать переговорам с ним. После возвращения Далай-ламы в Лхасу китайские войска в Каме попытались подавить движение, но потерпели неудачу. Зимой 1955/56 г. восставшие заняли Кандин, а затем Батан и Литан [Smith, 1996, p. 409]. Весь 1956 г. шли бои в Каме, а в августе того же года волнения охватили часть тибетоязычного населения пров. Цинхай. Однако затем началось постепенное, но непрерывное наступление войск НОАК. В результате его антиправительственные отряды оказались вытеснены {275}на территорию Центрального Тибета, главным образом в область Пока южнее Цанпо [ibid., p. 441-442].

В Лхасе активисты движения *миман-цзондю* еще в 1956 г. создали специальную организацию, члены которой помогали беженцам из Кама, а также раздавали бедным *цзамбу* и тибетские деньги, вносили пожертвования монастырям и вели антикитайскую

пропаганду. Китайские военные власти потребовали от Кашага пресечь деятельность движения *миман-цзондю*. После некоторых колебаний Кашаг арестовал Алу Чонцэ, Бумтака и Лхабчука. Три лидера движения были заключены в тюрьму. Лхабчук вскоре там и умер. В августе 1956 г. тибетское правительство освободило Алу Чонцэ и Бумтака под ручательство настоятелей трех «великих монастырей» в том, что они не будут заниматься политической деятельностью. Вскоре оба уехали в Индию [Tsering Shakya, 1999, p. 146-147].

В самом начале 1959 г. отряды *кампа* (тибетцев Кама) атаковали 3-тысячный китайский гарнизон в Цэтане, южнее Лхасы на берегу Цанпо и заняли город [Богословский, 1978, с. 76-77]. 16 февраля 1959 г. один из вождей *кампа* обратился к Далай-ламе и Кашагу с требованием поддержать вооруженное движение тибетцев Кама. Но местное тибетское правительство отклонило это требование и запретило командирам тибетской армии помогать *кампа*. В то же время правительство в Лхасе не выполнило требования правительства КНР подавить повстанческое движение силами тибетской армии. Далай-лама и Кашаг заняли выжидательную позицию.

В первых числах марта в Лхасу стали собираться тысячи монахов и паломников, пришедших на праздник *монлам*. В городе находились также десятки тысяч беженцев из Кама. В столицу Тибета начали проникать группы вооруженных повстанцев.

В апреле 1959 г. в Пекине открывалась сессия ВСНП, и уже в марте в столице КНР было объявлено о приезде на сессию Далай-ламы. В Лхасе стали распространяться слухи о том, что Далай-ламу увезут в Пекин насильно. Когда в городе стало известно, что Далай-лама принял приглашение китайских властей приехать в штаб военного округа, чтобы присутствовать на театральном представлении, начали собираться толпы тибетцев с целью воспрепятствовать этому. Вечером 9 марта летний дворец Норбулинка оказался окружен 10-тысячной толпой беженцев из Кама, горожан и монахов [Smith, 1996, p. 445]. Утром 10 марта некоторые члены семьи Далай-ламы, оба его наставника, религиозные лидеры и некоторые представители тибетской аристократии приехали по приглашению в штаб военного округа. Тем временем вокруг дворца Норбулинка {276}толпа выбрала «народных представителей». Был создан так называемый «Комитет свободы» из 70 человек; в составленной им декларации содержалось требование немедленного ухода китайцев из Тибета. К восставшим присоединились десятки местных чиновников и офицеры из охраны Далай-ламы, а также солдаты некоторых тибетских подразделений. Из арсеналов всем желающим раздавали оружие. Лидеры трех «великих монастырей» — Сэра, Дэпун и Ганден — заявили о поддержке движения.

В этот момент китайский гарнизон Лхасы состоял приблизительно из 1 тыс. человек. Обе противоборствующие стороны заняли выжидательную позицию. Исполняющий обязанности представителя правительства КНР в Тибете генерал Тань Гуань-сань и Далай-лама обменивались письмами. Повстанцы построили укрепления на дороге, ведущей в Лхасу от аэродрома. Они пытались организовать митинги и демонстрации в других районах Тибета и получить оттуда помощь. Они также обращались в миссии Индии и Непала с просьбой сообщить всему миру о событиях в Тибете. Власти концентрировали военные силы вокруг Лхасы. Им удалось за короткое время перебросить сюда значительные подкрепления, в том числе тяжелую артиллерию и танки.

В ночь на 17 марта 1959 г. Далай-лама, его мать, брат и сестра тайно покинули Лхасу и 31 марта прибыли в. Индию. В Лхасе в ночь на 19 марта, как сообщали китайские источники, восставшие предприняли нападение на штаб военного округа, но получили отпор. Утром 20 марта войска НОАК перешли в наступление и заняли дворец Потала, а затем и всю Лхасу. Уже 28 марта 1959 г., как сообщало агентство Синьхуа, китайские войска установили свой контроль над Нгари, Гьянцэ, Паро, Ятуном, Нетоном, Линьчжи, Чамдо и Чаюем. 8 апреля войска НОАК форсировали Цанпо. Здесь развернулись бои, в которых быстро проявилось полное военное превосходство НОАК. После разгрома сил

беженцев из Восточного Тибета — *кампа* и *амдова* — в районах южнее Цанпо части НОАК продолжали подавление групп повстанцев на всей территории Тибета. Между мартом 1959 и сентябрем 1960 г. было убито 87 тыс. повстанцев [Далай-лама XIV, 1992, с. 148, 191], 25 тыс. человек арестовано. За пределы КНР начиная с марта 1959 г. в течение года бежали 80 тыс. человек [Богословский, 1978, с. 86].

Вооруженное выступление в Лхасе проходило под лозунгом «Изгнать китайцев!». Оно имело массовый характер. Тысячи монахов, горожан, солдат, беженцев из Восточного Тибета приняли участие в движении. Видимо, прав был Далай-лама XIV, когда писал {277}в своей книге «Моя страна и мой народ», что именно эти люди были настроены крайне решительно, тогда как значительная часть тибетской элиты шла на переговоры с китайскими властями, а сам он убеждал тибетцев воздерживаться от насильственных действий. В то же время повстанцы в Лхасе не выдвинули никаких социальных требований. Объективно движение оказалось направлено против проведения социальных и политических реформ, за сохранение старого социально-политического строя. Можно сказать, что масса повстанцев слепо шла за теми представителями тибетской элиты, которые опасались потерять свои привилегии и были настроены антикитайски. Ледник — теократическое феодальное государство — в 50-е годы XX в. начал подтаивать. Он не мог вечно оставаться айсбергом в условиях перемен и развития в Китайской Народной Республике. Тибет не мог бесконечно долго оставаться одним из наиболее отсталых районов КНР в экономике, народном образовании, здравоохранении, по жизненному уровню населения и т.д. Правительство КНР проводило осторожную и компромиссную политику в Тибете, стремясь в рамках «единого фронта» либо добиться согласия на перемены со стороны тибетской элиты, либо в крайнем случае нейтрализовать ее. Центральное правительство Китая обещало проводить эту политику и в дальнейшем. Однако события 1959 г., естественно, резко изменили всю ситуацию в Тибете. В частности, перестало действовать Соглашение 1951 г.

Реформы в Тибете. Создание Тибетского автономного района. 1959-1965 гг.

Подавление движения 1959 г. в Тибете открыло путь для проведения реформ и дальнейшей интеграции Тибетского района в состав Китайской Народной Республики. Эти процессы проходили в условиях военного контроля НОАК в Тибете. Для правительства КНР и китайских военных властей бьшо весьма важно получить поддержку со стороны представителей тибетской элиты, не принимавших участия в вооруженных выступлениях. И они получили эту поддержку, уже в апреле 1959 г. в Пекине на сессии ВСНП авторитетные тибетские лидеры в своих выступлениях подчеркнули, что «Тибет является неотъемлемой частью КНР» и «Соглашение 1951 г. не бьшо заключено по принуждению и в целом выполнялось китайской стороной», что «КПК не преследовала религию». С такими заявлениями выступили на сессии депутаты {278}ВСНП Панчен-лама X, Нгапо Нгаван Джигме, председатель Всекитайской буддийской ассоциации геше Шэраб Гьяцо (лама из Амдо), бывший настоятель монастыря Сэра, заместитель председателя Всекитайской буддийской ассоциации Нгаван Гьяцо и др.

Административная реформа

28 марта 1959 г. Госсовет КНР издал приказ о роспуске местного тибетского правительства и передаче его функций Подготовительному комитету по созданию ТАР. Чжоу Энь-лай заявил, что четыре колона тибетского правительства и 18 членов ПК по созданию ТАР были связаны с мятежниками. Госсовет КНР распустил и все местные органы власти в Тибете. Они сохранились лишь в Шигацэ, в районах, руководимых Панчен-

ламой. Был обновлен состав Подготовительного комитета по созданию ТАР. Из его рядов приказом Госсовета вывели 18 человек (все тибетцы) и пополнили комитет новыми 16 (в их числе 5 китайцев). Новые члены Подготовительного комитета — тибетцы, назначенные Госсоветом КНР, — были представителями тибетской элиты. Правительство Китая, таким образом, не отказывалось от взаимодействия с традиционными лидерами тибетцев [Smith, 1996, p. 451, n. 2].

В приказе Госсовета КНР от 28 марта 1959 г. сообщалось, что Далай-лама насильно увезен мятежниками. В его отсутствие Панчен-лама был назначен исполняющим обязанности председателя Подготовительного комитета по созданию ТАР, его заместителями стали Пагпа Лха Гэлэк Намгьял и Нгапо Нгаван Джигме, за последним сохранялся пост генерального секретаря Комитета. Уже 6 апреля 1959 г. в Лхасе под председательством Панчен-ламы прошла первая сессия ПК. На второй сессии ПК по созданию ТАР Нгапо Нгаван Джигме и Панчен-лама выступили с докладами о проведении реформ в Тибете [Богословский, 1978, с. 86].

На всей территории Тибета были созданы комитеты военного контроля, в функции которых было включено не только окончательное подавление мятежа, но также и создание новых административных органов всех ступеней. Уже в ноябре 1959 г. в Тибете существовало 503 крестьянских союза и союза скотоводов, призванных быть первичными органами власти в деревнях и районах кочевого скотоводства. К апрелю 1960г. новые органы управления появились в Лхасе, в 7 округах, 78 уездах, в большинстве районов и более чем в 1300 волостях. К концу 1962 г. действовало 447 районных {279}и 2080 волостных органов управления [там же, с. 91]. Комитеты военного контроля первоначально назначали все перечисленные выше органы управления. Но 25 августа 1962 г. была создана Избирательная комиссия Тибетского района под председательством Панчен-ламы X. Согласно Положению о выборах (30 марта 1963 г.), население избирало депутатов волостных собраний народных представителей, те — депутатов в уездные собрания, а те, в свою очередь, депутатов в Собрание народных представителей ТАР. Право избирать и быть избранным получили все граждане КНР, начиная с 18 лет, независимо от национальной и расовой принадлежности, пола, рода занятий, социального происхождения, вероисповедания, образования, имущественного положения или времени проживания. Весной 1963 г. выборы были проведены в большей части волостей, но затем прекращены и вновь начались лишь летом 1965 г. Прежние выборы не учитывались. Новые выборы проходили в июле-августе 1965 г. 23 августа 1965 г. Госсовет КНР принял постановление об образовании Тибетского автономного района. Первая сессия Собрания народных представителей ТАР, открывшаяся 1 сентября 1965 г., избрала Народный комитет ТАР во главе с Нгапо Нгаван Джигме.

Большинство депутатов первой сессии Собрания народных представителей составляли тибетцы [5тйЬ, 1996, p. 303]. Среди 301 депутата также были 65 китайцев и 10 представителей других национальностей (хуэй, монпа, лоба). Среди заместителей Нгапо Нгаван Джигме было пять тибетцев и двое китайцев. В число членов Народного комитета вошли 24 тибетца, 10 китайцев, один монпа, один хуэй, один лоба.

Народный комитет ТАР состоял из следующих рабочих органов: 1) высший народный суд; 2) канцелярия; 3) комиссия по гражданским делам; 4) отдел средств сообщения; 5) отдел здравоохранения; 6) бюро почт и телеграфа; 7) бюро транспорта; 8) бюро по делам культуры и образования; 9) плановая комиссия; 10) комитет общественных работ (цит. по [Богословский, 1978, с. 187]).

Таким образом, Тибетский автономный район был создан. Однако реальная власть в Тибете сохранялась в то время в руках военных и партийных органов. После 1959 г. в Тибете постоянно дислоцировалась армия численностью в 130-150 тыс. человек. Гарнизоны стояли в каждом городе и крупном поселении. Начиная с 1956 г. шел прием тибетцев в ячейки КПК. Если в 1959 г. в парторганизациях КПК в Тибете насчитывалось 5846 членов, из которых только 875 являлись тибетцами и представителями других

народов {280} (некитайцами), то в 1963 г. общее количество членов КПК возросло до 14 523, из них было уже 5711 тибетцев и представителей других народов — некитайцев [Smith, 1996, p. 255]. В 1965 г. число членов КПК в районе увеличилось до 14830 человек. Однако в состав Рабочего комитета КПК ТАР в 1965 г. вошли только китайцы: первый секретарь — Чжан Цзин-у, второй секретарь — Чжан Го-хуа (вскоре назначен первым секретарем); секретари: Тань Гуан-сань, Чжоу Жзнь-шань, Го Си-лань, Ван Ци-мэй, Ся Фу-жэнь, Фань Мин; заместители секретаря: Чжан Сян-ми, Сун Кань-лян. Все социальные преобразования, включая аграрную реформу и кооперирование, а также создание новых органов управления фактически, а во многом и официально проходили под руководством местных военных властей, органов военного контроля и организаций КПК.

Социальные преобразования. Аграрная реформа. Кооперирование

Вторая сессия ПК в июле 1959 г. приняла решение о проведении социальных преобразований [Yao Zhao Liu, 1999, p. 18-19]. Намечалось на первом этапе организовать движение «против трех» (против мятежа, повинности *ула*, системы личной зависимости) и движение «за два снижения» (арендной платы и ссудного процента). На втором этапе предполагалось провести аграрную реформу. Земля и другие средства производства, принадлежавшие участникам антиправительственных выступлений, конфисковывались, а принадлежавшие феодалам, не участвовавшим в движении, выкупались государством [Smith, 1996, p. 471]. Конфисковывались земли тибетского правительства, прежних правительственных чиновников, большинства аристократических семей и земли монастырей. Конфискованные земли и средства производства перераспределялись среди крестьян. Аграрная реформа практически началась уже весной 1959 г. и была завершена к осени 1960 г. К октябрю 1960 г. общая площадь конфискованных и выкупленных земель составила более 186 тыс. га [Богословский, 1978, с. 98; 5пи1п, 1996, p. 253]. Почти вся эта конфискованная пахотная земля прежде была разделена на наделы, на которых трудились крепостные крестьяне — жители имений. Таким образом, перераспределение земли реально заключалось в официальном утверждении прав крестьян на эти наделы. В то же время крестьяне освобождались от личной зависимости и выплаты ренты в пользу бывших владельцев имений. Была отменена вся прошлая задолженность крестьян, за {281}исключением задолженности за 1959 г. со сниженным ссудным процентом. Право на землю получили 800 тыс. бывших «рабов» и «крепостных», т.е. более 2/з всего населения (численность населения ТАР в 1965 г. оценивалась в 1 млн. 200 тыс.). Таким образом, в среднем каждый крестьянин получил чуть более 0,233 га земли [Yao Zhao Liu, 1999, p. 26]. Как уже говорилось, у землевладельцев, не принимавших участия в мятеже, земля, скот, дома и сельскохозяйственные орудия, имевшиеся «сверх нормы», выкупались. Большинство выкупленных землевладений находилось в округе Шигацэ. Здесь было выкуплено 712 дворов духовных и светских феодалов. К февралю 1961 г. 1300 семей прежних землевладельцев получили удостоверение о выкупе у них излишков земли, домашних животных и орудий производства [ibid., p. 26-27]. Одновременно был произведен обмен прежних тибетских денег на народный юань КНР, и последний объявлен единственной валютой, имеющей хождение в Тибете [Smith, 1999, p. 472].

Зимой 1959/60 г. в Тибете были созданы первые бригады взаимопомощи. Кооперирование проводилось очень быстрыми темпами, как правило непосредственно вслед за проведением аграрной реформы. К февралю 1961 г. в земледельческих районах 140 тыс. крестьянских дворов (90%) оказались объединены в 13 тыс. бригад. Различались временные бригады (совместная пахота и уборка урожая) и постоянные (общая земля, тягловый скот и сельскохозяйственные орудия).

Высшей формой кооперации являлись бригады «высшего типа», где бьша кооперирована и рабочая сила. Ускоренное кооперирование без учета местных условий вызвало недовольство значительной части крестьян. Производство зерна сократилось.

Серьезный ущерб был нанесен скотоводству. В январе 1961 г. ЦК КПК проанализировал ситуацию и принял новый курс: в Тибете не создавать кооперативы и не проводить социалистические преобразования в течение ближайших пяти лет. Бригады «высшего типа» были ликвидированы. Большинство бригад (18 тыс. из 22 тыс. в 1964 г.) превратились во временные бригады. И после проведения кооперирования тибетское сельское хозяйство оставалось технически отсталым и не могло обеспечить потребности снабжения населения городов и армии. {282}

Реформа буддийской церкви

По китайским сведениям, на территории будущего ТАР в начале 60-х годов находилось 2469 монастырей с 110 тыс. монахов и послушников [Tsering Shakya, 1999, p. 253]. Численность населения Тибета составляла в 1959 г. 1180 тыс. [ibid., p. 501]. В вооруженных выступлениях 1959 г. приняли участие тысячи монахов. В 1959 г. указом Госсовета КНР были распущены все органы управления тибетской буддийской церкви. После подавления движения большинство монастырей было закрыто, многие разрушены, тысячи монахов были репрессированы, бежали в Индию или погибли. Власти конфисковали сокровища монастырей, связанных с вооруженным движением. На землях монастырей бьша проведена аграрная реформа. Под эгидой властей развернулась массовая кампания за выход монахов из монашеской общины и возвращение их «в мир». Так, в одном из храмов монастыря Дэпун из 301 монаха 281 снял монашеское одеяние. В целом в Дэпуне из 8-10 тыс. монахов осталось только 700.

Панчен-лама выдвинул лозунг: «Пусть Конституция войдет под своды храмов и монастырей». В монастырях стали создаваться Комитеты демократического управления. 9 июля 1961 г. Госсовет КНР распустил и «Совет каньбу» при Панчен-ламе. В Ташилунпо, собственном монастыре Панчен-ламы, в 1959-1961 гг. число монахов уменьшилось вдвое, с 4 тыс. до 1980 человек[24] [Smith, 1996, p. 523-524; Преобразования в Тибете, 2001, с. 165].

После принятия ЦК КПК в январе 1961 г. нового курса в Тибете положение несколько стабилизировалось. В апреле 1961 г. 5-я сессия ПК по созданию ТАР провозгласила пять принципов дальнейшей работы: 1) устранение эксплуатации и гнета; 2) осуществление демократического управления в монастырях и храмах; 3) соблюдение Конституции в монастырях и храмах, исполнение декретов правительства; 4) участие лам в труде; 5) решение правительством вопросов материального обеспечения старых и слабых физически лам, а также лам-знатоков канонов. Некоторое число представителей высшего ламства вновь было привлечено к работе в администрации. Так, 3-я сессия тибетского отделения Всекитайского общества буддистов осенью 1963 г. избрала правление отделения в составе 117 человек и президента Тубтэн Кунга, который одновременно являлся заместителем председателя ПК по образованию ТАР. {283}

В 1964 г. правительство КНР решило отказаться от попыток установить взаимоприемлемые отношения с высшими иерархами тибетской буддийской церкви. В августе 1964 г. на сессии ПК по созданию ТАР Панчен-лама был подвергнут критике и осуждению, затем арестован и отправлен в Пекин, где находился в заключении до 1974 г. и под домашним арестом до его реабилитации в 1978 г. Только в июле 1982 г. он смог вернуться в Лхасу. После бегства Далай-ламы XIV в Индию в 1959 г. власти КНР неоднократно заявляли, что его увезли насильно. В декабре 1964 г. Далай-лама XIV был официально снят со всех еще сохранившихся за ним постов.

В результате реформ 1959-1965 гг. было ликвидировано теократическое государство (буддийская монархия), существовавшее в Тибете с середины XVII в. Исчезли церковное землевладение и политическое господство ламства. Резко сократилась численность сангхи — буддийской монашеской общины. Все эти явления сами по себе имели прогрессивный характер, способствовали освобождению тибетских крестьян и

[24] В 2001 г. в монастыре Ташилунпо находилось 800 лам.

скотоводов от феодального гнета и открывали дорогу развитию тибетского общества и дальнейшей интеграции Тибета в состав КНР и в современный мир.

Вместе с тем, реформы проводились в тяжелых условиях подавления вооруженного сопротивления и устранения всех потенциальных противников реформ. Задача «нейтрализации» и привлечения к реформаторской деятельности представителей тибетской элиты и выходцев из низов старого общества оставалась исключительно важной проблемой в течение всех 60-х годов.

«Великая пролетарская культурная революция» и Тибет в 1966-1969 гг.

В ходе дальнейшей интеграции Тибета в состав КНР общекитайские общественные процессы стали оказывать все большее влияние на положение в Тибете как по содержанию, так и по форме. Центральные власти КНР попытались, в частности, развернуть в Тибете так называемую «культурную революцию». Власти Китая стремились в ходе этого масштабного движения создать в Тибете крепкий военно-административный аппарат, организовать «народные коммуны» и вытеснить из сознания широких народных масс тибетцев старые религиозные представления путем пропаганды «идей Мао Цзэ-дуна». {284}

Однако реальных сил в самом Тибете для того, чтобы развернуть «великую пролетарскую культурную революцию», оказалось мало. В середине 1965 г. в Тибете было всего лишь 700 учащихся средних школ, и, разумеется, мало кто из них готов был разрушать монастыри, разбивать статуи будд и бодхисатгв и т.п. Еще менее к этому были готовы представители тибетских низов. Молодых тибетцев-рабочих было опять-таки немного. Молодые китайцы на территории ТАР являлись по преимуществу солдатами, а роль НОАК в период «культурной революции» заключалась, по плану организаторов этого движения, в том, чтобы «направлять» действия молодых хунвэйбинов («красных охранников») и цзаофаней («бунтарей»), обеспечивать их «успех», но самой оставаться «в тени». Армия непосредственно не «громила» оппозиционные курсу Мао Цзэ-дуна организации, группы и слои населения, а обеспечивала хунвэйбинам возможность делать это.

Первые хунвэйбины появились в вузах Пекина в мае 1966 г. После этого из столицы в разные районы страны выезжали их отряды для организации движения. Армия создавала специальные пункты по приему хунвэйбинов, центры связи, кормила их, предоставляла им транспорт, типографии, финансы. Так было в центральных провинциях Китая. В Тибет же с самого начала движения, в мае 1966 г., из Пекина было направлено около 500 хунвэйбинов. В августе 1966 г. учащиеся лхасской средней школы и тибетского колледжа по подготовке учителей сформировали первые отряды местных хунвэйбинов [Tsering Shakya, 1999, p. 320]. Был создан комитет по проведению «культурной революции» в Тибете во главе с Ван Ци-мэем. На тибетском языке были отпечатаны 28 тыс. экземпляров «красной книжки» — сборника цитат из речей Мао Цзэ-дуна [Богословский, 1978, с. 133]. Начиная с мая и до декабря 1966 г. хунвэйбины проводили в Тибете широкую кампанию по искоренению «четырех старых» — идей, культуры, привычек и обычаев [Tsering Shakya, 1999, p. 317]. Они уничтожали статуи, книги, разрушали монастырские строения и стелы, ломали «старую» мебель, отрезали у женщин косы и т.д. Нападкам хунвэйбинов подверглись тибетцы — председатель Народного комитета ТАР Нгапо Нгаван Джигме, председатель Народного комитета Лхасы Цого Дондуб Цэрин и др.

22 декабря 1966 г. по инициативе пекинских хунвэйбинов в Тибете был организован Главный штаб лхасских революционных цзаофаней (цзаоцзунов) [ibid., p. 327]. В январе цзаоцзуны захватили радиостанцию Лхасы и помещение газеты «Сицзан жибао» {285} (ежедневная газета «Тибет»). Затем они разогнали Народный комитет ТАР. В феврале 1967 г. начались нападки на китайцев-руководителей Рабочего комитета КПК

ТАР и тибетского военного округа: Чжан Го-хуа, Чжан Цзин-у, Ван Ци-мэя и др. Их обвиняли в покровительстве реакции, стремлении восстановить старые порядки и власть реакционного духовенства. Однако в начале 1967 г. в Тибете появилась новая организация цзаофаней — ганьцзунов, которая называлась «Главный штаб пролетарских революционеров, бунтующих на основе большого единения ТАР» (Сицзан — цзычжицюй учань-цзецзи гэминь даляньхэ цзунчжихуйбу; далее — «Главный штаб»). Состоявшая в основном из кадровых работников-китайцев, организация «Главный штаб» выступила в защиту партийных и военных руководителей ТАР. «В Тибете студентов мало, революция должна идти вперед в опоре на кадровых работников учреждений, — объяснял несколько позже Чжан Го-хуа, — в Тибете обстановка особая, здесь надо опираться на низшие и средние слои кадровых работников» [Богословский, 1978, с. 136].

Начались столкновения между цзаоцзунами и ганьцзунами. Заявив о необходимости навести порядок, партийные и военные руководители ТАР ввели в Лхасу войска и заняли все государственные учреждения. Пекинских хунвэйбинов выпроводили из Тибета. Цзаоцзуны на время притихли. Однако начиная с июня 1967 г. вновь обострилось соперничество цзаоцзунов и ганьцзунов. Цзян Цин и другие крайние экстремисты в Пекине натравливали цзаоцзунов на руководителей ТАР. На улицах Лхасы, Шигацэ и других городов происходили многодневные бои с применением пулеметов. Гибли тысячи людей. По некоторым неофициальным оценкам, в декабре 1967 г. организация цзаоцзунов насчитывала 20 тыс. человек, организация ганьцзунов — 50 тыс. [Tsering Shakya, 1999, p. 513]. В августе 1968 г. ЦК КПК посылает в Тибет специальную комиссию с задачей прекратить вооруженную борьбу. 5 сентября 1968 г. было объявлено о создании Революционного комитета ТАР во главе с бывшим заместителем командующего Тибетским военным округом Цзэн Юн-я. Из 13 его заместителей оказалось 8 китайцев и 5 тибетцев, а среди 27 членов ревкома 12 человек являлись представителями массовых организаций, 10 — армии и 5 — представителями старых кадровых работников. Среди 27 членов ревкома было только четверо тибетцев [ibid, p. 342]. Среди пяти заместителей-тибетцев Цзэн Юн-я были Пасан и Цэрин Лхамо (обе руководили цзаоцзунами), Ян Дун-шэн (бывший секретарь Народного комитета ТАР), Нгапо Нгаван Джигме (бывший председатель Народного {286}комитета ТАР) и Тубтэн Ньима (бывший заместитель секретаря Тибетского союза комсомола) [Богословский, 1978, с. 190, примеч. 6]. Среди китайцев-заместителей Цзэн Юн-я оказалось трое военных. Таким образом, ревком ТАР был создан по общему правилу формирования новых органов власти, основанных на соединении «трех сторон»: представителей хунвэйбинов и цзаофаней, военных и старых кадров.

Однако создание местных ревкомов в Тибете проходило крайне медленно, встречало пассивное, а то и активное сопротивление населения и «левых революционеров», не получивших всей полноты власти. Так, 2 октября 1968 г. произошло вооруженное нападение на ревком Шигацэ, повлекшее за собой многочисленные жертвы. 3 августа 1969 г. имело место вооруженное столкновение между солдатами гарнизона Лхасы и более чем 10 тыс. цзаофаней, прибывших из других районов Тибета. В эти годы власти направляли солдат и офицеров на все предприятия и в учреждения для организации там ревкомов и руководства ими. Военное командование полностью взяло власть в Тибете в свои руки, а создание ревкомов узаконило этот процесс. Китайцы составляли большинство среди членов ревкомов, а среди их руководителей — подавляющее большинство.

16 января 1969 г. в статье в газете «Жэньминь жибао» заместитель председателя Ревкома ТАР Цэрин Лхамо призвала к повсеместному созданию «народных коммун». «Коммуны» состояли из нескольких производственных бригад; членам коммуны выдавали 12 кг продовольствия в месяц на человека. Они привлекались для освоения целинных земель, строительства ирригационных сооружений, уборки урожая с земель, принадлежавших воинским частям. В эти годы в Тибете широко развернулось

строительство военных объектов, на котором применялся принудительный труд тибетских крестьян. Имели место случаи реквизиции солдатами зерна после уборки крестьянами урожая. Все эти действия, разумеется, вызывали недовольство крестьян.

В начале июня 1968 г. восстали более 3 тыс. тибетцев в Софу, Чумае, Цзянба и других местах, было убито более 200 кадровых работников. В середине июня в результате нападения тысяч тибетцев на воинские части в Гэцзы и Цаламо погибло более 300 солдат. В начале августа тибетцы атаковали войска в Южном Тибете, в конце 1968 г. — в скотоводческих областях Чжагэ и Ванрин. Китайские военные власти, пытаясь изолировать повстанцев, с июня 1968 г. запретили тибетцам жить в 100-мильной полосе вдоль границы {287}с Индией и Непалом [там же, с. 149]. Но вооруженные нападения на сборщиков налогов, продовольственные склады, воинские части и учреждения продолжались.

1 мая 1970 г. отряд численностью в 200 всадников разгромил и сжег автостанцию в Мацзянцзуне; была перерезана телеграфная линия между Лхасой и Шигацэ. 8 лет, начиная с 1962 и до декабря 1970 г., в районах, пограничных с Сиккимом, Бутаном и Индией, действовал небольшой отряд тибетцев. Они совершали нападения на отдельные китайские воинские части. Вооруженные столкновения имели место во многих районах Тибета. В Лхасе, Динри и некоторых других тибетских городах действовали подпольные группы. Усилилась эмиграция тибетцев за границу.

На выступления тибетцев китайские власти ответили массовыми арестами, публичными судилищами и казнями. В 1970 г. митинги-суды имели место в Лхасе, Шигацэ, Пари, в области Дромо. Смертные приговоры исполнялись на месте.

Таким образом, годы «культурной революции» стали черными годами в истории Тибета. Ликвидация конституционных органов власти, преследования многих руководителей-тибетцев, массовые репрессии и гонения на национальную религию и культуру, переход всей полноты власти в руки военных — главные характерные черты обстановки в Тибете в эти годы.

Тибет на завершающем этапе «культурной революции» (1970-1976)

Результатом «культурной революции» в Китае и в Тибете стало, в частности, повышение роли военных в политической жизни и в управлении страной. На IX съезде КПК в апреле 1969 г. министр обороны Линь Бяо был объявлен «преемником» Мао Цзэ-дуна в руководстве КПК. Военные заняли более половины мест в ЦК КПК. Парткомы 11 больших военных округов, на которые был поделен весь Китай, являлись высшей властью на местах.

В Китае начался процесс воссоздания партийных структур, разогнанных во время «культурной революции». 7-12 августа 1971 г. в Лхасе состоялся I съезд КПК ТАР. Съезд избрал Комитет КПК ТАР в составе 56 членов и 16 кандидатов и Постоянное бюро из 17 человек. Первым секретарем парткома был избран Жэнь Жун, первый политкомиссар Тибетского военного округа, секретарями — трое китайцев: командующий Тибетским военным округом, заместитель {288}председателя ревкома ТАР Чэнь Мин-и, Фэн Кэ-да и Гао Шэн-сюань, а также трое тибетцев: Сангье Еше, Шэраб Дондуб и Пасан.

В июне 1972 г. состоялись окружные конференции КПК в Лхасе, Шигацэ, Нагчу и Чамдо. Было развернуто движение за прием тибетцев в ряды КПК. По сообщению агентства Синьхуа, за два года (июнь 1972 — июнь 1974 г.) в ТАР было принято в КПК более 11 тыс. человек, из которых 90% составили тибетцы, хуэй, монпа, лоба и др.; создано свыше 1300 новых партячеек; партячейки имелись теперь в более чем 80% «народных коммун» и волостей [там же, с. 160].

Но и парткомы, и ревкомы, и все учреждения, промышленные предприятия, «народные коммуны» и органы управления всех ступеней продолжали находиться под непосредственным руководством военных.

В первой половине 70-х годов в Тибете были также воссозданы некоторые общественные организации, например Ассоциация женщин Тибета, Ассоциация тибетской патриотической молодежи и др. Тибетцы получили назначения на некоторые важные посты: жена Нгапо Нгаван Джигме — Цэтэн Долкар стала вице-председателем Ассоциации женщин Тибета; Пагпа Лха Гэлэк Намгьял был восстановлен в должности в НПКСК [Tsering Shakya, 1999, p. 358].

Кампании по созданию «народных коммун» и «критике Линь Бяо, Конфуция и Далай-ламы»

В 1972-1974 гг. власти предприняли решительные действия по созданию повсеместно в Тибете «народных коммун», и в 1975 г. эта кампания была завершена [ibid., p. 356]. Уже зимой 1975/76 г. 400 тыс. членов «коммун» приняли участие в работе по улучшению почвы, созданию новых полей, строительству оросительных каналов, сооружению кормовых баз и загонов для скота. В ведение «коммун» передали строительство местных предприятий, содержание школ, подготовку медицинских кадров. В «коммунах» было создано народное ополчение и проводились военное обучение и идеологические кампании.

После X съезда КПК в Китае была развернута кампания «критики Линь Бяо и Конфуция». Ультралевые во главе с Цзян Цин, используя имя Конфуция, стремились нанести удар по Чжоу Энь-лаю, Дэн Сяо-пину и другим руководителям государства, пытавшимся найти практическое решение проблем модернизации Китая в условиях того времени. Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» {289}стала одной из форм борьбы за власть между «группой четырех» во главе с Цзян Цин, которая опиралась на выдвиженцев «культурной революции», и умеренными «прагматиками» во главе с Чжоу Энь-лаем.

В Тибете эта кампания приняла специфические формы и проходила под лозунгом: «Конфуций, Линь Бяо и Далай — это три монаха из одного и того же монастыря» [Tsering Shakya, 1999, p. 364]. Далай-ламу и «его клику» изображали «внешней опасностью», а Панчен-ламу и его сторонников — «внутренней опасностью».

Развитие промышленности

В 70-е годы в Тибете продолжалось развитие промышленности, строительство гидроэлектростанций и шоссейных дорог, шел процесс дальнейшего формирования тибетского рабочего класса. В ТАР в 1972 г. действовало более 200 промышленных и горно-рудных предприятий. В 1975 г. насчитывалась 91 шоссейная дорога общей протяженностью 16 тыс. км. Численность рабочего класса в 1973 г. составляла 60 тыс. человек; эта цифра включала строительных рабочих и рабочих на рудниках — китайцев, приехавших на ограниченное время. В целом большинство рабочих были тибетцами.

Просвещение и культура в 70-е годы

В первой половине 70-х годов в ТАР шло восстановление системы народного образования, разрушенной хунвэйбинами. Осенью 1975 г. в ТАР насчитывалось 4,3 тыс. начальных школ, более 30 средних школ и техникумов и два вуза. В начальных школах училось около 170 тыс. детей, в средних — 4,5 тыс. В период с 1971 по 1975 г. 1200 тибетцев выехали для учебы в Центральный институт национальностей в Пекине, а также в другие вузы и средние учебные заведения Пекина, Чэнду, Сиани и других китайских городов. В эти годы произведения Мао Цзэ-дуна, документы КПК, китайский язык и военная подготовка занимали львиную долю времени в школьных и вузовских программах. В средние школы Тибета в 1974 г. были направлены 389 учителей-китайцев, некоторые из которых стали преподавателями в созданных в Лхасе Педагогическом

институте и педучилище. В 70-е годы в Тибете вновь появляются кинопередвижки, а также театры и группы самодеятельных артистов, выступающих на тибетском языке. {290}

В 1975 г. на празднование 10-й годовщины создания ТАР в Тибет прибыла делегация Центрального правительства во главе с заместителем премьера Госсовета КНР, министром общественной безопасности Хуа Го-фэном. Выступая в Лхасе, Хуа Го-фэн подчеркивал, что Тибет является «форпостом на юго-западной границе... занимает исключительно важное стратегическое положение», что «факторы революции и войны возрастают» и необходимо «усилить оборону и подготовку к войне» [Богословский, 1978, с. 177].

Действительно, в первой половине и середине 70-х годов в Тибете, так же как и во всем Китае, усиленно шло военное строительство. Строились аэродромы, стратегические дороги, убежища. В ТАР была введена всеобщая трудовая повинность. Всюду формировались отряды народного ополчения.

Одновременно увеличилось количество китайцев-переселенцев, прежде всего солдат, направляемых в пограничные районы ТАР. Еще в начале 70-х годов на гражданских работах в Тибете было занято 100 тыс. китайцев. Численность войск НОАК, по одним данным, составляла 400 тыс., по другим — 150-300 тыс. [там же]. Население ТАР в середине 70-х годов достигло 1 млн. 600 тыс.

Тибетский автономный район КНР в эпоху реформ (после 1978 г.)

Утверждение в КНР нового курса реформ и «внешней открытости». Новый подход к решению общественных и государственных проблем

После событий 1976 г. в руководстве КНР усилилась политическая и идеологическая борьба за определение курса развития китайского общества и государства. 1977-1978 годы стали переходным периодом к утверждению нового курса — политики реформ и «внешней открытости». Дэн Сяо-пин и его сторонники в ходе внутренней борьбы постепенно взяли власть в свои руки. На третьем пленуме ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г. сторонники Дэн Сяопина одержали полную победу. Началось медленное и постепенное, но неуклонное воплощение в жизнь новой экономической и социальной политики внутри страны. Были выработаны новые подходы и к решению многих важнейших политических проблем, таких, например, как объединение страны — возвращение Гонконга (Сянгана), Макао (Аомэня), Тайваня. Знаменитая формула Дэн Сяо-пина {291} «одна страна, две системы» показала свою реалистичность и эффективность в будущем — в 1997 г. возвращение Сянгана и в 1999 г. возвращение Аомэня под суверенитет КНР.

Контакты и переговоры между правительством КНР и Далай-ламой

Новый подход руководства КНР наметился и в отношении к находящемуся в эмиграции Далай-ламе, а также к различным проблемам положения в Тибете. Уже в мае 1977г. Нгапо Нгаван Джигме публично заявил о том, что Далай-лама может вернуться в Тибет, если он хочет «быть вместе со своим народом» [Tsering Shakya, 1999, p. 370]. В 1978 г. Панчен-лама X был вновь избран членом Постоянного комитета Народного политического консультативного совета Китая. В конце того же года из тюрем были освобождены часть тибетских чиновников, осужденных в годы «культурной революции», и участники выступлений 1959 г. [Далай-лама XIV, 2000, с. 255]. Более 2300 человек в Тибете, «осужденных по ложным обвинениям», получили денежную компенсацию [Tsering Shakya, 1999, p. 373]. Некоторые тибетцы получили разрешение на поездку в Индию к своим родственникам-эмигрантам. Власти приветствовали инвестиции в

тибетскую экономику со стороны зарубежных тибетских предпринимателей [ibid., p. 375].

1 февраля 1979 г. Панчен-лама присоединил свой голос к тем, кто призывал Далай-ламу и его товарищей по изгнанию вернуться. «Если Далай-лама искренне заинтересован в счастье и процветании тибетских масс, то он не должен иметь по этому поводу никаких сомнений, — сказал он, — я могу гарантировать, что нынешний уровень жизни тибетского народа в Тибете во много раз превосходит уровень „старого общества"» [Далай-лама XIV, 2000, с. 225]. Спустя неделю это приглашение было повторено по радио Лхасы при объявлении о создании специального комитета по встрече тибетцев, прибывающих из-за границы. В марте 1979 г. Дэн Сяо-пин принял в Пекине старшего брата Далай-ламы XIV Гьяло Дондуба и предложил Далай-ламе направить делегацию в КНР, чтобы на месте, в Тибете, убедиться в позитивных переменах. В результате в 1979-1980 гг. три делегации тибетцев-эмигрантов приезжали в Тибет. {292}

Новый курс социально-экономической политики. Позитивные тенденции в развитии Тибета в 80-е годы XX в.

В то же время новое руководство КНР выработало особые установки в социально-экономической политике в тибетской деревне и в Тибете в целом. Был восстановлен «особый» политический курс, учитывавший специфику района и особенности тибетцев как преобладающего в этом районе этноса.

В марте 1979 г. состоялся расширенный пленум Комитета КПК ТАР. В докладе Жэнь Жуна содержались основные положения новой политики в Тибете. «В осуществлении четырех модернизаций во всем исходить из действительности Тибета», — подчеркивал Жэнь Жун, а далее следующим образом формулировал основной экономический курс: «Исходить из действительности в Тибете означает: главное — ухватиться за сельское хозяйство, твердо взять за основу сельское хозяйство. Надо решительно преодолеть уклон, когда главное внимание уделялось земледелию и пренебрегали животноводством, игнорировали многоотраслевое хозяйство» [Богословский, 1996, с. 255]. Жэнь Жун потребовал прекратить изъятие в качестве налога или обязательных госзакупок зерна, предназначенного на паек, проводить в жизнь принцип распределения по труду, с помощью рабочих групп из кадровых работников организовать массы на развитие производства.

В печати появились сообщения о передаче скота на подряд отдельным семьям, о распределении среди членов бригад пастбищ и кормов согласно количеству скота. Устанавливались обязательства по сдаче государству определенного количества голов молодняка и продуктов животноводства. Рабочие группы отправились прежде всего в бедные коммуны и бедные бригады. По результатам инспекции говорилось о необходимости развивать не только земледелие, но и животноводство, подсобное хозяйство и домашние промыслы. В 1979 г. правительство ТАР выделило специальные средства на закупку сельхозмашин, орудий, химических удобрений, коров и овцематок для бедных коммун и бригад. В марте 1980 г. состоялось первое совещание в Секретариате ЦК КПК о работе в Тибете. В мае 1980 г. рабочая комиссия ЦК КПК во главе с Генеральным секретарем ЦК КПК Ху Яо-баном и заместителем премьера Госсовета Вань Ли совершила поездку по Тибету. 15 мая — 3 июня 1980 г. в Лхасе прошел пятый пленум парткома {293}ТАР 20-го созыва. В результате работы совещания, рабочей комиссии и парткома был выработан новый курс в социальной политике, который проводился в 1980-1983 гг.

Началась, как было объявлено в докладах и речах секретаря парткома ТАР Инь Фатана и других руководителей ТАР, вторая фаза проведения реформ в Тибете. Для решения проблемы бедности в тибетской деревне государство поощряло развитие личного хозяйства крестьян и скотоводов путем выделения участков земли в индивидуальное пользование. Также поощрялось увеличение поголовья скота, находящегося в

собственности отдельных дворов, и развитие подсобных промыслов. В 1982 — начале 1983 г. в сельском хозяйстве ТАР завершился переход на подворный подряд. Были отменены на два года налоги и обязательные госпоставки на продукцию, полученную в личном хозяйстве, и налоги на продажу этой продукции на рынке. За счет специального государственного фонда закупали скот и распределяли его среди бедных дворов.

Если в начале 1980 г. площадь «личных» земель составляла 169 тыс. му (му = 614 м2), то к весне 1981 г. она увеличилась до 335 тыс. му, т.е. в два раза, что составляло 10,3% всех пахотных земель в районе.

В начале 1980 г. в собственности отдельных дворов насчитывалось 1210 тыс. голов скота, к концу 1981 г. — уже 4950 тыс. голов [Богословский, 1996, с. 35]. Таким образом, в течение относительно короткого промежутка времени улучшилось обеспечение крестьян и скотоводов продовольствием. В 1980-1982 гг. в Тибете также получили интенсивное развитие подсобные промыслы.

В результате отмены налогов, поощрения личных хозяйств и развития домашних и подсобных промыслов общий доход сельского населения ТАР от многоотраслевого хозяйства увеличился в 1982 г. в сравнении с 1979 г. в 2,65 раза [там же, с. 38]. Однако преодолеть бедность в масштабе всего района не удалось. В январе 1983 г. «бедными» и «испытывающими затруднения» оставались 10 тыс. дворов [там же, с. 40]. Проявилась неравномерность доходов крестьян и скотоводов среди отдельных уездов и внутри них. Сбор зерновых в эти годы понизился (в 1980 г. — 500,5 тыс. т; в 1981 г. — 483,6 тыс.; в 1982 г. - 447,6 тыс. т) [там же, с. 57].

В 1983 г. Тибет поразила сильная засуха. Урожай зерновых в этом году составил лишь 368,8 тыс. т. Экономические трудности в Тибете стали предметом рассмотрения на втором совещании в Секретариате ЦК КПК о работе в Тибете, проходившем в Пекине {294}с 27 февраля по 6 марта 1984 г. В работе совещания приняли участие руководители парткома ТАР во главе с первым секретарем Инь Фа-таном. Совещание определило следующий курс в сельском хозяйстве: «Сочетание скотоводства и земледелия, причем за главное брать скотоводство» [там же, с. 70].

1 мая 1984 г. правительство ТАР объявило о продлении освобождения тибетских крестьян от налогов до 1990 г. Был подтвержден 30-летний срок подряда на землю и скот, а также 50-летний — на коллективные леса, фруктовые сады и невозделанные земли. Разрешалась передача подряда. Подтверждалась самостоятельность крестьян и скотоводов в хозяйственной деятельности.

В августе 1984 г. после инспекционной поездки в ТАР секретарь ЦК КПК Ху Цили и заместитель премьера Госсовета Тянь Цзи-юнь заявили, что главный упор необходимо сделать на развитие индивидуальных хозяйств и рыночной экономики. Установка «взять за главное посемейное ведение хозяйства» повторялась в речах и статьях руководителей ТАР, посвященных 20-летию ТАР.

Тибетские крестьяне и скотоводы получили право полной собственности на скот и орудия труда и имели право пользования землей и пастбищами пусть и на фиксированный, но длительный срок. Продолжались работы по интенсификации земледелия: расширялись оросительные системы, была создана сеть станций распространения агротехнических знаний. В 1985 г. в ТАР насчитывалось более 8,6 тыс. тракторов, имелось приблизительно по тысяче плугов, борон и сеялок [там же, с. 88]. Однако в сельском хозяйстве ТАР насчитывалось в том же году 300 тыс. крестьянских дворов. Сравнение этих цифр показывает, что внутренний рынок ТАР был узким — у тибетских крестьян и скотоводов в целом не было средств для покупки тракторов, плугов, семян и т.д. В связи с этим власти взяли курс на развитие многоотраслевого хозяйства с выходом товарной продукции. Тысячи дворов земледельцев и скотоводов стали совмещать сельское хозяйство с подсобным хозяйством и торговлей. Выручка от продажи изделий подсобного хозяйства во многих случаях составляла половину доходов землевладельцев и скотоводов. Так было, в частности, в уезде Чжанан, который, как

писала газета «Жэньминь жибао», стал первым в ТАР зажиточным уездом [там же, с. 91]. В подсобном хозяйстве занимались перевозками, ремеслом, ткачеством, переработкой продуктов сельского хозяйства. Власти особо поощряли специализацию крестьянских дворов на перевозках: выдавали кредиты на покупку транспортных средств и бесплатно обучали на шоферов и ремонтников. Увеличение {295}доходов и появление множества специализированных дворов способствовали дифференциации в сельском хозяйстве. Часть владельцев разбогатевших дворов вообще порвали с сельским хозяйством. В результате в 1987 г. уже одна десятая часть населения ТАР занималась индивидуальной торгово-промышленной деятельностью. Наметился определенный отток средств из сельского хозяйства, уровень развития которого оставался чрезвычайно низким. В целом оно сохраняло натуральный или полунатуральный характер, соответственно — низкую товарность. Появились трудности в снабжении продуктами питания жителей городов, армии, всех не связанных непосредственно с сельским хозяйством. Неразвитость транспортной системы усиливала эти трудности.

Таким образом, к середине 80-х годов сельское хозяйство Тибета, несмотря на определенные позитивные сдвиги, еще не смогло стать надежной основой развития всей экономики и всего тибетского общества.

Продолжались контакты между руководителями КНР и Далай-ламой. В 1982 г. Далай-лама выдвинул два основных требования как условие своего возвращения. Первое заключалось в объединении всех территорий, населенных тибетцами, в единую политико-административную единицу в рамках Китая. Речь шла о территориях уй, Цзана, Кама и Амдо. Второе — предоставить Тибету (т.е. этой единой территориальной единице) тот же статус, который предполагалось предоставить Тайваню и Гонконгу. Правительство КНР отклонило эти требования, указав на разницу в положении в Тибете и названных выше территориях.

Однако новая делегация представителей Далай-ламы, прибывшая в Пекин в октябре 1984 г., повторила эти требования и добавила предложение о демилитаризации Тибета [Tsering Shakya, 1999, p. 399]. Представители правительства КНР соглашались обсуждать лишь условия возвращения Далай-ламы XIV в Китай и его личный статус.

Намечавшиеся позитивные тенденции в тибетском сельском хозяйстве подкреплялись некоторыми другими положительными фактами. Так, например, если число тибетцев среди всех кадровых работников в Тибете в 1965 г. составляло 32,9%, то в 1981 г. оно повысилось уже до 54,4%, а в 1986 г. — до 60,3% [ibid., p. 390]. Многие из них получили образование в институтах национальных меньшинств и на специальных курсах во внутренних провинциях Китая. Более 600 тибетцев, подвергшихся гонениям, вновь заняли руководящие посты в партийных и административных структурах ТАР {296} [ibid., p. 391]. Тысячи тибетцев получили возможность посетить священные буддийские места в Индии, иностранные туристы побывали в Тибете. Как свидетельствует Далай-лама XIV, «между 1981 и 1987 годом число туристов в Тибете выросло с полутора тысяч до 43 тысяч в год» [Далай-лама XIV, 1992, с. 244]. С начала 80-х годов центральное правительство КНР предоставляло финансовую помощь в крупных размерах для развития ТАР. Так, в 1980-1982 гг. 98% бюджета региона формировалось за счет субсидий из центра [Tsering Shakya, 1999, p. 392]. Десятки тысяч китайских рабочих были направлены в Тибет для оказания помощи в развитии экономики.

В 1985 г. в Тибете отмечали 20-летие образования ТАР. ЦК КПК назначил нового секретаря парткома ТАР, задачей которого стало, в частности, проведение либерализации в области религии и культуры. Им стал У Цзин-хуа. Многие тибетцы получили назначение на высшие партийные и административные посты. Так, с ноября 1985 г. среди шести заместителей первого секретаря парткома ТАР У Цзин-хуа оказалось пятеро тибетцев. В отчетном докладе о работе за 1985 г. У Цзин-хуа выдвинул план повышения в ТАР к 2000 г. доходов на душу населения до 1200 юаней в год. Он также заявил, что Тибет способен готовить ежегодно 15 тыс. технических и иных специалистов и вскоре

регион сможет обходиться без привлечения специалистов из внутренних районов Китая [Твепп§ ЗЬакуа, 1999, p. 406]. В Тибете развернулась кампания по дальнейшей «тибетизации» администрации и образования, по обязательному использованию тибетского языка как главного в образовательном процессе.

В январе 1987г. Ху Яо-бан был смещен с поста Генерального секретаря ЦК КПК. 28 марта 1987 г. Панчен-лама X на заседании Постоянного комитета Собрания народных представителей ТАР весьма позитивно оценил политику и конкретную деятельность Ху Яо-бана в отношении Тибета. В этой речи Панчен-ламы отразились опасения многих руководителей ТАР по поводу того, что внимание к тибетским делам со стороны лидеров КНР может ослабеть.

Тибетская эмиграция. Деятельность Далай-ламы XIV. Волнения в Лхасе в конце 80-х — начале 90-х годов

В настоящее время в эмиграции находится более 150 тыс. тибетцев. Большинство из них живет в Индии, Непале и Бутане, некоторые — в Европе и Америке. В Дхармасале, в индийском штате {297}Химачал-Прадеш, находится резиденция Далай-ламы XIV. Там же существует так называемое «правительство в изгнании», которое состоит из Ассамблеи тибетских народных депутатов (законодательный орган) и Кашага — кабинета министров (исполнительный орган). Ассамблея включает 46 депутатов, избираемых сроком на 5 лет. На территории Индии построены десятки тибетских монастырей, функционирует система среднего и высшего образования для тибетцев; здесь также учатся многие тибетцы, приехавшие из КНР.

21 сентября 1987 г. во время своего визита в США Далай-лама обнародовал «Мирный план из пяти пунктов». Эти пять пунктов включали следующие предложения:

1) превращение всего Тибета в зону мира;

2) отказ от китайской миграционной политики;

3) уважение основных прав и демократических свобод тибетского народа;

4) восстановление и охрана окружающей среды в Тибете; запрет на размещение в Тибете ядерного оружия и складирование ядерных отходов;

5) проведение открытых переговоров о будущем статусе Тибета и о связях между тибетским и китайским народами [Далай-лама, 1992, с. 248; Tsering Shakya, 1999, p. 415].

Госдепартамент США поспешил заявить, что Далай-лама приглашен в США как «уважаемый религиозный лидер», добавив при этом, что ни США, ни кто-либо из членов ООН не признают Тибет в качестве независимого государства [ibid., p. 416].

Позитивное развитие Тибета в течение 80-х годов позволило китайскому руководству проигнорировать предложения Далай-ламы. Становилось ясно, что эмигрантская элита в Дхармасале все больше и больше ошибается в оценке положения в Тибете и своего влияния на это положение. Летом 1987 г. Лхасу посетили, в частности, бывший президент США Джимми Картер и канцлер Германии Гельмут Коль. Оба, по сообщениям китайской печати, выразили удовлетворение в связи с ситуацией в регионе. Вскоре председатель народного правительства ТАР Дорджэ Цэрин повторил приглашение Далай-ламе XIV на определенных условиях вернуться в Китай.

27 сентября и 1 октября 1987 г. в Лхасе состоялись демонстрации, организованные группами монахов монастырей Дэпун и Сэра. Демонстрации прошли под лозунгом предоставления независимости Тибету. В этих и последующих демонстрациях вплоть до 1990 г. «застрельщиками» выступали монахи и послушники, часто {298} «нелегальные», незарегистрированные монахи, в большом количестве находившиеся в 80-х годах в возобновивших свою деятельность монастырях. Волнения в Лхасе имели место и в марте 1988 г. 15 июня 1988 г., выступая в Страсбурге в здании Европейского парламента на встрече, организованной некоторыми парламентариями, Далай-лама заявил, что Тибет в составе трех частей (Уй-Цзан, Кам и Амдо) может быть «самоуправляемой

демократической политической единицей в ассоциации с КНР». 23 сентября 1988 г. посол КНР в Дели заявил, что центральное правительство Китая готово вести переговоры с Далай-ламой в Пекине, Гонконге либо в ином желательном для него месте. Однако так называемый «вопрос о независимости» Тибета не может служить темой переговоров. Центральное правительство Китая никогда не признает «правительство в изгнании». На переговорах может обсуждаться только вопрос о возвращении Далай-ламы и его статусе. При дальнейших контактах представителей Китая и Далай-ламы первые особо подчеркивали недопустимость вмешательства иностранцев во внутренние дела Китая, в частности в предполагавшиеся переговоры, которые, однако, так и не состоялись.

В конце 1988 г. ЦК КПК сместил У Цзин-хуа с поста первого секретаря парткома КПК в ТАР и назначил на этот пост Ху Цзинъ-тао (с 2004 г. Генеральный секретарь ЦК КПК, Председатель КНР). В новых условиях политика либерализации, проводником которой являлся у Цзин-хуа, требовала серьезных коррективов.

5-7 марта 1989 г. в Лхасе имели место демонстрации и беспорядки. 8 марта власти объявили в Лхасе военное положение. Многие демонстранты были арестованы и брошены в тюрьмы. Волнения в Тибете совпали по времени с подъемом массового движения в Пекине под лозунгами демократизации политической жизни и борьбы против коррупции. В конце мая 1989 г. в столице КНР было объявлено военное положение, а в ночь с 3 на 4 июня войска, используя боевую технику, удалили демонстрантов с площади Тяньаньмэнь. События мая-июня 1989 г. в Пекине задержали экономические преобразования в Китае, привели к временному откату реформаторского процесса в целом. В 1992 г., полагая, что последствия тяньаньмэньской трагедии преодолены, Дэн Сяо-пин во время поездки по южным районам страны высказался за возобновление и активизацию экономических реформ. XIV съезд КПК осенью 1992 г. официально провозгласил курс на создание «социалистической рыночной экономики». Экономическое развитие и модернизация Китая вновь оказались в центре внимания правительства КНР. {299}

Тибетский автономный район в 90-е годы XX в.

В 1990 г. Генеральный секретарь ЦК КПК, Председатель КНР Цзян Цзэ-минь совершил инспекционную поездку в Тибет. Правительство КНР выделило крупные субсидии на развитие ТАР. Дополнительная помощь для этой же цели была оказана провинциями Китая [Политика и практика Китая, 1999, с. 41; Ван Го-чжэнь, 2001, с. 48].

В начале 90-х годов началось комплексное освоение центральной части бассейна рек Цанпо, Лхасы и Нагчу, в которой расположено 18 уездов, 1890 деревень и проживает около 800 тыс. жителей. Этот район — главная сельскохозяйственная житница, политический, экономический и культурный центр Тибета. Здесь построены гидроэлектростанции, оросительные каналы и водохранилища, созданы 10 баз по производству зерновых и масличных культур, защитные лесополосы по берегам рек, посажены леса и посеяны травы на значительных площадях [Ван Го-чжэнь, 2001, с. 49-50].

В июле 1994 г. в Пекине состоялось третье совещание по работе в Тибете, проходившее под председательством премьера Госсовета КНР Ли Пэна. Совещание вновь подтвердило, что важнейшей задачей в Тибете является экономическое развитие. Была поставлена долговременная цель достичь 10% ежегодного экономического прироста. Планировалось к 2000 г. довести ежегодный ВВП в ТАР до 7 млрд. юаней, а производство зерна до 1 млн. т [там же, с. 53-55]. Совещание утвердило список из 62 приоритетных проектов. Особое внимание было обращено на развитие инфраструктуры: энергетических ресурсов, транспорта, телекоммуникации, электроиндустрии [China's Tibet, 2000, p. 32]. Общие капиталовложения для выполнения этих проектов составили 4,24 млрд. юаней [New Women of Tibet, 2001, p. 41]. Намечалось также к 2000 г. открыть в каждом округе среднюю школу, в каждом поселке городского типа — начальную школу и добиться того, чтобы в 2000 г. 80% детей школьного возраста посещали школу [China's Tibet, 2000, p. 32].

Выполнение намеченных программ должно было способствовать модернизации аграрной тибетской экономики, «подтягиванию» жизненного уровня населения ТАР к общекитайскому и дальнейшей экономической интеграции Тибета в рамках всего Китая. Были запланированы новые большие субсидии центрального правительства в экономику ТАР,

Вторым важным решением совещания 1994 г. явилось решение о непримиримой борьбе с сепаратизмом как главной причиной {300}нестабильности в Тибете, о борьбе с влиянием Далай-ламы. После смерти в 1989 г. Панчен-ламы X встал вопрос о поисках его перерожденца. Впервые после образования КНР предстояло определить преемника одного из двух высших иерархов тибетского буддизма. Поиски велись в духе исторически сложившейся традиции одновременно на территории КНР и за ее пределами. В результате поисков в мае 1995 г. Далай-лама XIV объявил о признании мальчика из Нагчу перерожденцем Панчен-ламы X. В то же время утвержденная Госсоветом КНР группа по организации поисков представила трех мальчиков-кандидатов. 23 ноября 1995 г. в храме Джокан в Лхасе в церемонии вытягивания жребия из золотой урны из трех кандидатов был выбран тибетский мальчик Гьялцен Норбу, который и был возведен на трон в Ташилунпо в декабре 1995 г. как Панчен-лама XI [Как проходили поиски..., 1997, с. 7-13; Tsering Shakya, 1999].

Тибетский автономный район КНР на рубеже XX и XXI вв.

Площадь ТАР составляет 1 млн. 220 тыс. кв. км (12,8% территории КНР). Согласно статистическим данным пятой всекитайской переписи населения, проведенной в ноябре 2000 г., общая численность населения Тибета составляла 2 млн. 616 тыс. 300 человек. Из этого количества тибетцев было 2 млн. 411 тыс. 100 человек (92,2%), ханьцев — 155,3 тыс. человек (5,9%), представителей других этносов (хуэй, лоба, монпа, дэн и сярба) — несколько менее 50 тыс. На территории ТАР также живут в очень небольшом количестве (сотни или даже десятки человек) чжуаны, дулуны, буи, бай, мяо, и, лису, наси, ту, монголы и маньчжуры.

40% населения было неграмотно [Ван Го-чжэнь, 2001, с. 14-19; Тибет: 100 вопросов и ответов, 2001, с. 104-105]. Средняя продолжительность жизни населения выросла с 36 лет в период до 1951 г. до 65 лет в 2000 г. [China's Tibet, 2000, p. 19; Политика и практика Китая, 1999, с. 35]. Согласно официальным статистическим данным 1997 г., на территории КНР было 120 тыс. лам и примерно 3 тыс. буддийских монастырей и храмов [Горбунова, 1999, с. 521]. В ТАР в 2000 г., по сообщению китайского источника, функционировало более 1700 монастырей и других мест для отправления религиозного культа. Число монахов и послушников составляло более 46 тыс. человек. Несколько сотен представителей тибетского духовенства были избраны депутатами народных собраний различного уровня [China's Tibet, 2000, p. 25-26]. {301}

ТАР включает один город прямого административного подчинения (Лхаса), 6 районов (Шигацэ, Нгари, Нацюй, Шаньнань, Нинчи и Чамдо), 71 уезд, 1 пограничный пункт и 1 особый административный район уездного уровня. В Лхасе проживает более 140 тыс. человек, из них тибетцев — 87%.

В 1998 г. в соответствии с Законом о национальной районной автономии КНР (1984 г.) прошли перевыборы административных органов ТАР. Были сформированы Народное правительство ТАР 7-го созыва, Народное собрание ТАР 7-го созыва и Тибетский региональный комитет Народного политического консультативного совета Китая (ТРК НПКСК) 7-го созыва. Срок деятельности всех трех органов власти — 1998-2003 гг.

Председателем правительства ТАР стал 55-летний тибетец Легчок, сохранивший за собой пост заместителя секретаря парткома КПК в ТАР. Легчок сделал карьеру в партийных и административных органах Тибета, в 1991-1996 гг. он был секретарем

парткома лхасской организации КПК. Председателем Постоянного комитета НС ТАР был избран 60-летний тибетец Рэгди, также занимающий пост зам. секретаря парткома ТАР. Председателем Тибетского регионального комитета НПКСК стал тибетец Пагпа Лха Гэлэг Намгьял. Среди 13 заместителей председателя правительства ТАР, 13 заместителей председателя ПК НС ТАР и 18 заместителей председателя ТРК НПКСК большинство составляют тибетцы [News Review, 1998; Tibet Information, 1999, p. 37-40].

Новые руководящие органы ТАР продолжали политику, сформулированную на 3-м Совещании по работе в Тибете в 1994 г., основное направление которой было определено как экономическое развитие и борьба с сепаратизмом.

Еще в январе 1998 г. Рэгди потребовал очистить ряды партии и кадровых работников от коррупционеров и лиц, выражающих свои симпатии Далай-ламе. Рэгди предложил, в частности, немедленно убрать повсюду, в том числе и в домах, фотографии Далай-ламы и вернуть из Индии детей-тибетцев, обучавшихся там в школах и вузах, созданных под патронажем Далай-ламы. Всем, кто не выполнял эти требования, грозило исключение из партии и снятие с должности. Председатель ПК НС ТАР также объявил сельские районы «передовым фронтом» борьбы с сепаратизмом и предложил укрепить их администрацию лояльными правительству кадровыми работниками[25] [Tibet Information, 1999, p. 37]. {302}

В 90-е годы XX в. в ТАР продолжалось развитие экономики, культуры, образования и науки. Как заявил в 1998 г. председатель правительства ТАР Легчок, в 90-е годы ежегодный рост экономики ТАР составлял в среднем 13,2% [News Review, 1998, p. 41]. В 1997 г. было произведено 820 тыс. т зерна, в 1998 г. — 849,8 тыс., в 2000 г. — 962 тыс. т [China's Tibet, 2000, p. 30; Gamrab Goichen, 1999, p. 34; Преобразования в Тибете, 2001, с. 164] (по другим сведениям — 946,7 тыс. т) [Тибет: 100 вопросов и ответов, 2001, с. 87]. Количество домашних животных в 2000 г. достигло 22 млн. голов [Преобразования в Тибете, 2001, с. 164]. В годы IX пятилетки (1996-2000) ТАР удалось добиться самообеспечения района зерном, растительным маслом и мясом [Тибет: 100 вопросов и ответов, 2001, с. 53].

К 2000 г. было построено более 22 тыс. км шоссейных дорог, важнейшими из которых являются: Цинхай-Тибетская (Синин — Лхаса, 2122 км); Сычуань-Тибетская (Чэнду-Лхаса, 2413 км); Синь-цзян-Тибетская (Яркенд-Гарток, 1179 км); Юньнань-Тибетская (Ся-гуань-Макама, 315 км); Китайско-Непальская (от Лхасы до границы с Непалом, 736 км).

Лхаса соединена авиалиниями с Пекином, Чэнду, Шанхаем, Гуанчжоу, Чунцином, а также со столицей Непала Катманду [China's Tibet, 2000, p. 42].

Еще в 1976 г. от Голмуда до Лхасы был проложен нефтепровод (1080 км), что позволило обеспечить горючим потребности армии, растущей промышленности и транспорта [ibid., p. 41]. В 2000 г. в ТАР насчитывалось более 360 государственных предприятий с числом рабочих 51 тыс. человек [ibid, p. 35]. В ТАР находятся богатейшие запасы никеля, урана, хрома, меди, а также золота, серебра, алюминия, цинка, молибдена, кобальта и других ценных полезных ископаемых. Развивается горно-добывающая промышленность, энергетика, строительная индустрия. Построены цементные заводы в Лхасе, Чамдо, Шигацэ, Нгари и других городах. Имеются деревообрабатывающая и пищевая промышленность, шерстопрядильные и кожевенные фабрики, типографии, развиты традиционные ремесленные промыслы (ковры, пледы, кинжалы, благовония, сувениры и др.) [News Review, 1998, p. 71, 78; China's Tibet, 2000, p. 35-37; Ван Го-чжэнь, 2001, с. 63]. На территории Тибета имеются большие возможности по использованию водной, геотермальной, солнечной и ветровой энергии. Госсовет КНР принял, в

[25] По сообщению китайского источника, в конце 1998 г. в ТАР насчитывалось 787 тыс. кадровых работников, среди которых тибетцы составляли 71,6% [China's Tidet, 2000, p. 29]. Цифра огромная для региона с населением более 2,5 млн. чел. Если точно следовать приводимой в китайских источниках статистике, то в конце 1998 г. в ТАР было 573,5 тыс. кадровых работников-тибетцев.

частности, {303} «Программу использования солнечной энергии в Тибете». В семи уездах построены небольшие электростанции, работающие на солнечной энергии. Уже используются более 50 тыс. бытовых гелиопечей, в городах гелиоустановками отапливают 150 тыс. кв. м жилья, плавательный бассейн в Тибетском университете также обогревается солнечной энергией. Гидроэнергетические запасы Тибета составляют примерно 30% запасов всего Китая.

Растет число иностранных туристов. В 1980-1998 гг. ТАР посетили около 600 тыс. интуристов, из них в 1998 г. — 96,5 тыс. [China's Tibet, 2000, p. 61], а в 2000 г. — 550 тыс. китайских и иностранных туристов [Тибет: 100 вопросов и ответов, 2001, с. 88]. В то же время экономика в Тибете испытывает определенные трудности. Это, во-первых, суровые природные условия. Площадь земли, пригодной для выращивания сельскохозяйственных культур, составляет только 0,2-0,3% всей территории ТАР. Во-вторых, это отсталость самой экономики. Сельское хозяйство с трудом обеспечивает все потребности в продовольствии. В большинстве районов преобладает натуральное или полунатуральное хозяйство. Неразвиты транспортная система и рыночные отношения. Недостаточно электросетей и водопроводов. Нет речного судоходства. Существующие дороги в большинстве своем требуют регулярного ремонта. Тибет беден нефтью, углем и газом. Для развития всех сторон хозяйства не хватает энергии. В то же время вырубка лесов, создание сети дорог, развитие горно-добывающей и иной промышленности, а также хозяйственная деятельность крупных формирований вооруженных сил, дислоцированных в Тибете, и другие факторы привели к ухудшению экологической обстановки. Проблема экологии в ТАР становится одной из важнейших.

По сведениям пресс-канцелярии Госсовета КНР, в 2000 г. в ТАР действовали 101 средняя школа, 820 начальных школ и 3033 учебных пункта. Школу посещало 83,4% детей школьного возраста. Было введено 3-летнее обязательное обучение детей для скотоводческих районов, 6-летнее — для земледельческих районов и 9-летнее всеобщее обязательное обучение для городов и поселков городского типа.

В ТАР также имелось 16 средних специальных учебных заведений [Развитие культуры, 2000, с. 27]. Функционировали 4 вуза — Институт национальностей, Аграрно-животноводческий институт, Институт тибетской медицины и Тибетский университет[26]{304} [Ахметшин, 1988, с. 175; Ван Го-чжэнь, 2001, с. 115]. Общее число студентов превышало 5 тыс. человек. В системе образования в ТАР в 2000 г. работало около 20 тыс. лиц с педагогическим образованием, большинство из них составляли тибетцы. Эта система двуязычна. Все официальные документы печатаются на двух языках — тибетском и китайском. В 2000 г. в Тибете издавалось 14 журналов и 10 газет на тибетском языке.

В 80-90-х годах в Тибете проводилась работа по сбору, изучению и изданию памятников тибетской литературы и искусства. Были изданы энциклопедия «Тибетский театр», сборники «Народные песни Тибета», «Народные танцы Тибета» и «Тибетские пословицы». За 20 лет было собрано около 300 рукописных и ксилографических экземпляров тибетского эпоса «Гэсэриада». Издано более 70 томов «Гэсэриады» на тибетском языке, 20 томов эпоса в переводах на китайский, а также японский, английский и французский языки. «Тибетское народное издательство» за 30 лет своего существования выпустило в свет более 6600 названий книг общим тиражом около 79 млн. экземпляров, из которых около 80% — книги на тибетском языке. В Тибете за последние десятилетия вошли в жизнь людей радио, кино и телевидение.

В 1996 г. открылась Тибетская библиотека; работают более 160 коллективов художественной самодеятельности и трупп тибетского театра; в 1996 г. была создана Тибетская художественная детская труппа [Развитие культуры, 2000, с. 5-6,16-17,19].

В 2000 г. в Тибете функционировали 14 лечебных учреждений тибетской медицины; отделения тибетской медицины также действовали в более чем 60 уездных

[26] Тибетский университет в Лхасе открыт в 1985 г. в составе восьми факультетов.

больницах. Центральная больница ТАР, расположенная в Лхасе, смогла за год принять амбулаторно 230 тыс. пациентов. Число коек в стационаре больницы составляло 250. Институт тибетской медицины подготовил к 2000 г. более 600 специалистов по тибетской медицине и фармакологии [там же, с. 21-25]. Вместе с тем нельзя не отметить, что далеко не все население Тибета, особенно кочевники-скотоводы, было охвачено квалифицированной медицинской помощью.

С 1965 г. в составе Народного правительства ТАР существует Комитет по делам культурных памятников. После «культурной революции» было реставрировано более 1400 монастырей и храмов. В 1989-1994 гг. был реставрирован дворец Потала. В 1997 г. открылся музей ТАР [там же, с. 8]. Государством охраняются важнейшие буддийские памятники: Потала, храм Джокан, монастыри Ганден, Сэра, Дэпун, Ташилунпо и др. {305}

В мае 2001 г. 4-я сессия Народного собрания ТАР 7-го созыва приняла план экономического и социального развития ТАР на 2001-2005 гг. как часть 10-го пятилетнего плана развития КНР. Этот план должен явиться первым этапом перспективного развития ТАР до середины XXI в. В 2001-2005 гг. планируется удвоить ВВП ТАР и соответственно повысить жизненный уровень населения. На втором этапе, в 2006-2010 гг., ВВП на душу населения в ТАР должен достичь общекитайского уровня. В течение третьего этапа, вплоть до середины XXI в., планируется в основном осуществить модернизацию Тибета. ВВП ТАР в 2000 г. составлял 11 млрд. 742 млн. юаней. Ежегодный рост экономики в 2001-2005 гг. намечался на 12%. По плану, в 2005 г. ежегодный доход крестьян и скотоводов должен был достичь 2 тыс. юаней, при росте 8,5% в год.

В ходе реализации 10-го пятилетнего плана в Тибете намечено осуществить 490 проектов, для выполнения которых будет вложено около 100 млрд. юаней.

Еще в начале 80-х годов была проложена железная дорога Синин-Голмуд (847 км). В 10-й пятилетке запланировано строительство железной дороги Голмуд-Лхаса (1118 км). Особое внимание в 2001-2005 гг. запланировано обратить на развитие транспорта, электроэнергетики, а также международного туризма и тибетской медицины. В 2005 г. 95% детей школьного возраста должны посещать школу. Тибетский университет должен стать университетом общекитайского уровня [New Women of Tibet,2001, p. 40-42].

На 4-м Совещании по Тибету, проходившем в Пекине 25-27 июня 2001 г., были подведены итоги развития ТАР и утверждены конкретные меры по выполнению плана на 2001-2005 гг.

Дальнейшие планы развития Тибета являются частью плана масштабного освоения западных районов Китая. Так, например, в последнем плане предполагается облесение районов верхнего течения-Янцзы и верхнего и среднего течений Хуанхэ, что имеет важное значение для экологии многих районов Китая. В «Программе экологического строительства в Тибете на 2000-2050 гг.», принятой администрацией ТАР в 2000 г., предусмотрено выполнение 160 экологических проектов.

Как сообщает китайская печать, «доктрина развития ТАР как составная часть стратегии масштабного освоения западной части Китая предполагает... за 50лет в основном осуществить модернизацию Тибета, превратив его в крупный туристический район, крупнейший в мире природоохранный заповедник, важнейший в Китае центр производства и исследования лекарственных средств {306}тибетской медицины, крупнейшую в Юго-Западном Китае базу по производству драгоценных и редкоземельных металлов. Вместе с тем будут приняты меры по проторению торговых путей в Южную Азию» [Тибет: 100 вопросов и ответов, 2001, с. 91].

Растет внешняя торговля ТАР с Индией, Непалом, Бутаном, Мьянмой. В Тибете уже осуществляются проекты с привлечением иностранного капитала (США, Япония, Германия, Непал), а также капитала хуацяо. По различным программам ООН начиная с 1981 г. Тибету оказывается помощь.

В последнее время вновь поддерживаются неофициальные контакты между

правительством КНР и Далай-ламой XIV. В июле 2002 г. старший брат Далай-ламы Гьяло Дондуб посетил Пекин и Лхасу. В сентябре 2002 г. делегация из четырех человек во главе со специальным посланником Далай-ламы — Гьяри-ринпоче также побывала в столице Китая и Лхасе. Позиция правительства КНР на возможных переговорах «остается неизменной и ясной: Далай должен на самом деле отказаться от позиции „независимости Тибета", прекратить деятельность, направленную на раскол Родины, открыто признать Тибет как неотъемлемую часть Китая, признать Тайвань китайской провинцией, Центральное правительство — единственным законным правительством в Китае» [Тибет: 100 вопросов и ответов, 2001, с. 164][27]. Переговоры, если они состоятся, несомненно, будут трудными; тем не менее хочется выразить надежду на их успешное завершение. {307}

Заключение

На суд читателей вынесен краткий очерк истории Тибета, включающий отдаленную древность и полтора тысячелетия тибетской государственной истории. Многое пришлось излагать кратко, что объясняется ограниченным объемом книги, недоступностью части литературы, в том числе и на китайском языке, тем, что авторы могли использовать тибетоязычную литературу только в переводах.

Ныне, как это признается большинством международного сообщества, Тибет является частью Китайской Народной Республики. Это не всегда было так, процесс сближения с Китаем был многовековым и трудным. Мы старались показать это на фактическом материале, стремясь держаться в стороне от тех острых споров и политических спекуляций, которые только мешают восстановлению правды. С VII в. н.э. Тибет вошел в орбиту Центральноазиатской и Восточноазиатской цивилизаций, столкнулся с цивилизацией Ближнего Востока. Обладая до настоящего времени самобытной культурой, Тибет в области традиционной идеологии и религии, культуры религиозной всегда тяготел к Индии.

Территория Тибета, являясь основой для компактного проживания тибетского этноса, в процессе политической и социально-экономической истории не раз бывала разделенной, и для тибетской истории постоянно была характерна борьба центростремительных и центробежных сил, борьба, которая чаще всего облекалась в одежды борьбы религиозной — бон и буддизма, различных направлений (школ) буддизма. В конечном итоге верх одержала школа Гэлугпа, которая нашла активную поддержку вне Тибета в монголоязычном мире.

Известно, что за более чем 3000-летнюю историю в Китае сформировались своеобразные формы отношений с соседними народами и государствами. Эти отношения предполагали сакральную мироустроительную функцию китайского императора, его отношения с соседями как старшего с младшими, обязанными предоставлять {308}дань. Внешней оболочкой этих отношений нередко были семейно-родственные (государи Тан и Тибета — дядя и племянник). Они оформлялись родством (договоры хэ цинъ). Однако Тибет как мощный религиозный центр имел свою нишу в этих отношениях, со времен династии Юань это были отношения милостынедателя и охранителя веры с наставником в вере. Отношения императоров Цин и Далай-лам носили личностный характер.

С начала XVIII в., с появлением амбаней в Лхасе и китайских гарнизонов династия Цин установила контроль над Тибетом. В новое время Великобритания, Россия и другие державы не ставили под сомнение особые права Китая в отношении Тибета.

В эпоху КНР произошла качественно новая интеграция Тибета в состав Китая. Общекитайские процессы отныне оказывают преобладающее влияние на положение дел в самом Тибете.

---

[27] Подчеркиваем, что здесь цитируется не официальное заявление правительства КНР, а китайское официозное издание.

Вместе со всем Китаем и как его неотъемлемая часть Тибет вступает в XXI в., следуя курсом реформ и «внешней открытости» и с планами дальнейшей всесторонней модернизации. {309}

Хронология

Годы	События
Ок. 600	— Намри Сонцэн стал дже, государем Тибета.
607	— Намри Сонцэн покорил тибетцев, живших по южному берегу р. Цанпо.
629	— Сонцэн Гампо принял правление страной.
632	— Тонми Самбхота отправлен в Кашмир для изучения местных систем письма.
	— Сонцэн Гампо просит в жены непальскую принцессу.
634	— Тибетцы напали на дансянов.
	— Первое тибетское посольство прибыло ко двору Тан.
	— Танское посольство во главе с Фэн Дэ-цзя отправлено в Лхасу.
	— Сонцэн Гампо просит в жены танскую принцессу.
638	— Вторжение тибетцев в Сунчжоу (Сунпань).
638-641	— Война за китайскую принцессу.
640	— Тонцэн Юлсун Гар прибыл в Чанъань.
641	— Принцесса Вэньчэн отправлена в Лхасу.
	— Сонцэн Гампо отстранен от власти.
644-645	— Возвращение Сонцэн Гампо к власти.
645	— Завоевание Шаншуна.
648	— Поход тибетцев на Индию.
649	— Смерть Сонцэн Гампо.
650-676	— Правление Мансон Манцэна.
654	— Образование Государственого совета.
656	— Покорение тибетцами Вахана, установление тибетского контроля над Болором.
663	— Война с Тугухунь.
667	— Смерть Тонцэн Юлсун Тара.
667-670	— Уничтожение контролируемых китайцами округов и уездов цзими в Сычуани.
667-685	— Правление Ценья Донбу Гара.
670-730	— 60-летняя тибетско-китайская война.
670	— Вторжение тибетцев в Таримский оазис.
	— Разгром китайской армии на р. Дафэй.
	— Тибетцы овладели Куча, Карашаром, Кашгаром и Хотаном. {310}
680	— Смерть принцессы Вэньчэн.
685-698	— Правление Тидин Цэндо Гара.
697	— Прибытие тибетского посольства в Чанъань для переговоров о мире.
698	— Падение власти клана Гар.
703	— Дуйсон Манцэн просит в жены китайскую принцессу.
704	— Дуйсон Манцэн погибает в сражении с мосо.
706	— Составлен проект клятвенного договора между Тибетом и Тан.
707	— Танский двор дает согласие на договор хэ цинъ.
710	— Принцесса Цзинь-чэн отправлена в Лхасу.

713 — Принцесса Цзинь-чэн стала женой цэнпо Тидэ Цугтэна.
715 — Тибетцы, арабы и китайцы борются за контроль над Ферганой.
716-719 — Тибетцы проявляют интерес к исламу.
730 — Заключение мира между Тибетом и Тан.
736 — Тибетцы атакуют Гилгит. Начало новой войны.
747 — Китайцы изгоняют тибетцев из Вахана и Гилгита.
750 — Китайцы возвращают свой контроль над Таримским бассейном.
751 — Сражение китайцев и арабов при Таласе.
752 — Правитель государства Наньчжао признает свою зависимость от Тибета.
754-755 — убит цэнпо Меагцом (Тидэ Цуггэн).
763 — Тибетцы взяли г. Чанъань, столицу Тан.
779 — Построен монастырь Самье. Открыта школа изучения санскрита.
781 — Буддизм объявлен государственной религией Тибета.
783 — Заключение в Циншуй мирного договора между Тибетом и Тан.
786-822 — Четвертая война между Тибетом и Тан.
787 — Тибетцы занимают Дуньхуан.
790-791 — Тибетцы овладевают Хотаном.
792-794 — Религиозный диспут между Камалашилой и Хэшаном.
794 — Правитель государства Наньчжао отказался быть вассалом Тибета.
821 — Подписание мирного договора между Тибетом и Китаем в Чанъани.
822 — Подписание мирного договора между Тибетом и Китаем в Лхасе.
842 — Убит Дарма.
851 — Дуньхуан добился независимости,
начало
XI в. — Появление тибетского государства Цзюесыло на Кукуноре.
1003 — Тангуты овладели г. Лянчжоу, которым управляли тибетцы.
1032 — Цзюесыло получил от сунского двора титул цзедуши. {311}
1036 — Распалось государство Цзюесыло.
1042 — В Западный Тибет прибыл Атиша.
1054 — Смерть Атиши в Тибете.
1065 — Кончина Цзюесыло.
1073 — Кончок Гьялцен основал монастырь Сакья.
1137 — Основные территории бывших владений Цзюесыло попадают под власть Си Ся.
1207 — Гипотетическое посольство тибетцев к Чингис-хану.
1240 — Нападение монголов на Тибет.
1244 — Приглашение принцем Годаном Сакья-пандиты.
1247 — Годан даровал Сакья власть над Тибетом.
1251 — Скончался Сакъя-пандита.
1253 — Пагпа-лама наставлял Хубилая в буддийской вере.
1254 — Хубилай подтвердил Пагпа-ламе передачу власти над Тибетом Сакья.
1265 — Создание системы почтовых станций из Тибета в Китай.
1269 — Создание Пагпа-ламой квадратного письма пагпа.
1280 — Смерть Пагпа-ламы.
1284 — Учреждение при юаньском дворе Сюаньчжунъюаня — управления буддизмом и Тибетом.
1287 — Проведена перепись населения в Тибете.
1302 — Родился Джанчуб Гьялцен.

1351 — Джанчуб Гьялцен овладел Цзан.
— Джанчуб Гьялцен восстал против Сакья.
1354 — Джанчуб Гьялцен овладел Сакья, и власть над Тибетом перешла к Джанчубу.
1364 — Скончался Джанчуб Гьялцен.
1399 — Цзонкапа проводит первый монлам.
1407-1414 — Восстановлена почтовая связь между Тибетом и Китаем.
1409 — Большой монлам.
— Основание монастыря Ганден.
1410 — В Пекине отпечатан способом ксилографии Канджур.
1416 — Построен монастырь Дэпун.
1418 — Построен монастырь Сэра.
1419 — Скончался Цзонкапа.
1432 — Умер 5-й деси Дакпа Гьялцен, начало «крушения дома Пагмодупа».
1432-1446 — Правление 6-го деси Тара Гьялцена.
1446-1468 — Правление 7-го деси Сангье Гьялцена.
1447 — Построен монастырь Ташилунпо.
1468-1495 — Правление 8-го деси Кунга Легпа.
1480 — Начало войны между Цзан и уй.
1492 — Войска Цзан заняли Лхасу.
1495-1510 — Правление 9-го деси Нгаван Ванпо.
1517 — Войска Цзан покинули Лхасу. {312}
1518-1571 — Правление 10-го деси Нгаван Таши Дакпа.
1576 — Сонам Гьяцо провозглашен Далай-ламой.
1571-1618 — Правление 11-го деси Цеден Дордже.
1578 — Сонам Гьяцо прибыл в ставку Алтан-хана.
— Алтан-хан пожаловал Сонам Гьяцо титул Далай-лама.
1582 — Сонам Гьяцо возвращается в ставку Алтан-хана.
— Основан монастырь Кумбум.
1588 — Умер Далай-лама III Сонам Гьяцо.
1601 — Из Монголии в Лхасу привезли Далай-ламу ГУ Йонтэн Гьяцо.
— Лосан Чогьял получил титул Панчен-ламы.
1607 — Устанавливаются отношения учителя и ученика между Панчен-ламами и Далай-ламами.
1617 — Умер Далай-лама IV.
1618 — Цанпа-хан захватил Лхасу и ограбил монастыри Сэра и Дэпун.
1621 — Умер Цанпа-хан.
1635 — Кукунорский Цокту-тайджи отправил в Тибет войска во главе с сыном Арсланом.
1637 — Джунгары Гуши-хана разгромили Цокту-тайджи.
1638 — Гуши-хан прибывает в Лхасу в качестве паломника.
1639-1642 — Поход Гуши-хана в Кам.
1642 — Войска Гуши-хана овладели г. Шигацэ.
— Интронизация Далай-ламы V Лосан Гьяцо и передача ему власти над Тибетом.
— Казнь Цанпа-хана.
— Прибытие в Мукден посольства из Лхасы.
1643 — Признание Сиккимом и Непалом Далай-ламы в качестве правителя Тибета.
1644 — Гуши-хан просит цинский двор пригласить Далай-ламу V в Пекин.

1645 — Гуши-хан пожаловал Панчен-ламе титул панчен-покто.
— Начало строительства дворца Потала.
1647 — Поражение Тибета в войне с Бутаном.
— Далай-лама и Панчен-лама поздравили маньчжуров с победой.
1648 — Преобразование монастырей Кагьюпа в монастыри Гэлугпа.
— Приглашение Далай-ламе V посетить Пекин.
1652 — Пребывание Далай-ламы V в Пекине. Прием в храме Хуансы.
1654 (1655) — Умер Гуши-хан.
1660 — Сыновья Гуши-хана поделили сферы влияния в Тибете.
1662 — Умер Панчен-лама IV.
1662 — Умер Зая-пандита.
1668 — Утверждение Панчен-ламы V.
1672 — Введение для чиновников Тибета табеля о рангах.
1673 — У Сань-гуй восстал против Кан-си. {313}
1679 — Пост деси занял Сангье Гьяцо.
1681 — Поход тибетских войск на Ладак.
1682 — Умер Далай-лама V.
1683 — Родился Далай-лама VI.
1684 — Договор между Тибетом и Ладаком, к Тибету отошли Гугэ, Пуран и Рутог.
1688 — Тушету-хан просит цинский двор о принятии в цинское подданство Халхи.
1691 — Съезд халхаских ханов одобрил вхождение Халхи в состав Цин.
1696 — Разгром джунгарского Галдана войсками Цин.
1696 — Направление цинской миссии в Лхасу.
1697 — Умер Гаддан Бошокту-хан.
1697 — Далай-лама VI поселен во дворце Потала.
1701 — Кан-си, Лхавсан-хан и Цэван Рабдан заявили, что не признают Далай-ламу VI перерождением Далай-ламы V.
1703 — Лхавсан-хан отравил своего старшего брата Тэндзин Вангьяла.
— Лхавсан-хан стал главой хошутов в Тибете.
1705 — Лхавсан-хану предложено уйти на Кукунор.
— Лхавсан-хан наносит поражение тибетским войскам.
1706 — Хошуты заняли Лхасу.
— Погиб Сангье Гьяцо.
— Упразднен пост деси.
— Лхавсан-хан объявил, что Далай-лама VI не подлинный перерожденец.
— Далай-лама VI низложен.
— Умер Далай-лама VI Цаньян Гьяцо.
1707(1708) — Новый Далай-лама VI Еше Гьяцо Пэлдэн.
1708 — Родился Далай-лама VII Кэлсан Гьяцо.
1709-1710 — Неудачная попытка Цин назначить своего управляющего делами в Лхасу.
1710 — Цинский двор признал Далай-ламу VI Еше Гьяцо.
1711 — Открытие в Лхасе католической миссии.
1713 — Панчен-лама V получил от цинского двора титул панчен-эрдэни.
1714 — Лхавсан-хан проиграл войну с Бутаном.
— Сын Лхавсан-хана Гадэн Тензин женился на дочери Цэван Рабдана.
1715 — Цинский двор признал Далай-ламу VII Кэлсан Гьяцо.
1716 — Кэлсан Гьяцо поселен в монастыре Кумбум.

1717 — Джуигарский поход в Тибет.
— Джунгары взяли Лхасу.
— Лхавсан-хан убит.
— Панчен-лама сослан в Ташилунпо. {314}
1718 — Поход цинской армии в Тибет, ее разгром у Нагчука.
1719-1720 — Новый поход цинских войск в Тибет.
1720 — Тибетские отряды Полханэ и Канченнэ заняли Лхасу.
— Далай-лама VII Кэлсан Гьяцо привезен в Лхасу, Кан-си объявил его Далай-ламой VI.
— Окончательно упразднен пост деси, введено правление четырех калонов.
— Цинские гарнизоны размещены в Лхасе, Литане и Чамдо.
1720-1723 — Тибетские территории к востоку от Батана и Литана включены в пров. Сычуань.
1723 — Император Юн-чжэн сократил численность китайского гарнизона в Лхасе.
— Восстание хошутов Кукунора.
— Подавив восстание хошутов, цинские войска вступили в Тибет.
1724 — В Лхасе построена католическая часовня.
— Канченнэ преследует сторонников Ньингмапа.
1725 — Диспут Далай-ламы VII с делла Пенна.
1727 — убит Канченнэ.
1728 — Войска Полханэ взяли Лхасу.
— Цинские войска в Лхасе. Батан и Дацзяньлу включены в состав пров. Сычуань.
— Цзан и Нгари подарены Панчен-ламе.
— Два правительства — Далай-ламы и Панчен-ламы.
— В Лхасу назначен цинский амбань.
— К власти пришел Полханэ.
1730-1731 — Победоносная война Тибета с Бутаном.
1732 — Ладак признал власть Лхасы.
— Цинский гарнизон в Лхасе сокращен до 500 чел.
1732-1742 — Нартанское издание Канджура.
1735 — Далай-лама VII Кэлсан Гьяцо возвратился в Лхасу.
1737 — Умер Панчен-лама V.
1745 — Гонение на христиан в Лхасе.
1745-1746 — Цинский гарнизон в Лхасе сокращен до 100 чел.
1747 — Умер Полханэ.
1750 — Цинский двор отказал Гьюме Намгьялу разместить в Лхасе тибетский гарнизон.
— Гьюме Намгьял приглашает джунгарские войска в Тибет.
— Гьюме Намгьял убит амбанями.
— убиты цинские амбани, истребление маньчжуров и китайцев в Лхасе.
1750-1751 — Приход цинских войск в Тибет.
1751 — Власть в Тибете передана Далай-ламе VII.
— Очередное упразднение должности деси и учреждение Кашага. {315}
1751-1752 — Сформирование тибетской администрации, тибетские гарнизоны в Уй и Цзан.
1757 — Скончался Далай-лама VII.
1757-1761 — Правление Кашага.

1761-1777 — Правление регента Дэмо-хутухты.
1777-1778 — Миссия представителя Британской Индии Дж. Богля.
1778 — Регент Нгаван Цултим.
1779-1780 — Поездка Панчен-ламы VI в Пекин.
1780 — Умер Панчен-лама VI.
1781 — Далай-лама VIII Джампэл Гьяцо стал управлять Тибетом.
1783 — Завершение строительства летней резиденции Далай-лам Норбулинка.
1786 — Регент Нгаван Цултим задержан цинскими властями в Пекине.
1788-1789 — Первая непало-тибетская война.
1791-1792 — Вторая непало-тибетская война. Победа китайских войск над Непалом.
1793 — Цянь-лун прислал в Лхасу золотую урну для избрания Далай-лам.
1808-1815 — Правление Далай-ламы IX Лунтог Гьяцо.
1819-1844 — Правление деси Джампэл Цултима.
1822-1837 — Правление Далай-ламы X Цултим Гьяцо.
1841-1842 — Вторжение догров в Западный Тибет.
1842-1856 — Далай-лама XI Кэдуб Гьяцо.
1855-1856 — Третья непало-тибетская война, договор 1856 г.
1858-1875 — Далай-лама XII Тинле Гьяцо.
1862 — Свержение регента Радэн Начитху-хутухты.
1863-1865 — Войска Лхасы установили контроль над Ньяроном, Дэргэ и княжествами Хорпа.
1871 — Свержение власти Пэлдэн Дондуба, формирование Цонду (Национальной ассамблеи).
1886 — Попытка миссии Маколея проникнуть в Тибет.
1890 — Заключение Англо-китайской конвенции в Калькутте.
1901 — Первые представители Тибета в Петербурге. Прием Агвана Доржиева Николаем II
1900-1901 — Поездка Г.Ц. Цыбикова в Тибет.
1903-1904 — Английская экспедиция Янгхазбенда в Тибет.
1904 — Заключение англо-тибетской Лхасской конвенции.
1904-1905 — Миссия в Лхасу калмыков-буддистов Уланова и Ульянова.
1905 — Встреча Далай-ламы XIII с П.К. Козловым в Урге.
1906 — Заключение в Пекине Китайско-английской конвенции о Тибете и Индии.
1907 — Конвенция между Россией и Великобританией по делам Персии, Афганистана и Тибета.
1908 — Визит Далай-ламы XIII в Пекин. {316}
1909 — Вступление войск Чжао Эр-фэна в Чамдо.
1910-1911 — Эмиграция Далай-ламы XIII в Индию.
1910 — Вступление китайского отряда Чжун Ина в Лхасу.
1911 — Начало революции 1911-1913 гг. в Китае.
— Провозглашение независимости Монголии.
1912 — Провозглашение Китайской Республики.
1913 — Возвращение Далай-ламы XIII в Лхасу.
— Заключение в Урге тибето-монгольского договора.
— Назначение главнокомандующим тибетской армией Царона.
1913-1914 — Трехсторонние переговоры в Симле Англии, Китая и Тибета.
1917-1918 — Военные действия в Каме.
1918 — Войска Далай-ламы XIII заняли Чамдо.
1919-1920 — Китайская миссия в Лхасе.

1922 — Открытие линии телеграфа Гьянцэ-Лхаса.
1923 — Открытие в Гьянцэ первой тибетской школы со светской программой обучения.
— Создание полиции в Лхасе.
— Отъезд Панчен-ламы XI из Шигацэ в Синин.
1925 — Создание тибетской почтовой службы.
1926 — Закрытие светской школы в Гьянцэ.
1927 — Монгольская миссия в Лхасе.
— Беседа Далай-ламы XIII с А.П. Чапчаевым.
1927-1928 — Экспедиция Н.К. Рериха в Тибет.
1930-1933 — Вооруженные столкновения в Каме.
1933 — Скончался Далай-лама XIII.
1934 — Заговор Луншара.
— Визит в Лхасу посла Хуан Му-суна.
1935-1936 — Китайская Красная Армия в районах Восточного Тибета.
1939 — Создание в Индии Партии реформ Западного Тибета.
— Визит в Лхасу председателя Комитета по делам Монголии и Тибета.
1940 — Интронизация Далай-ламы XIV Тэнцзин Гьяцо.
1941 — Приход к власти регента Тактра Нгаван Сунраба.
1942 — Миссия США в Лхасе.
1944 — Визит в Лхасу представителя Центрального правительства Шэнь Цзун-ляня.
1946 — Участие тибетской миссии в работе Национального собрания Китая.
1947 — Подавление заговора Джампэл Еше.
— Направление тибетской делегации во главе с Шакабпа в Китай, Индию, Великобританию.
1949 — Провозглашение Китайской Народной Республики.
1950 — Начало похода НОАК в Тибет.
1950-1957 — Создание автономных тибетских уездов и округов в Ганьсу и других провинциях. {317}
1951 — Подписание соглашения о мирном освобождении Тибета.
1954 — Участие Далай-ламы и Панчен-ламы в сессии ВСНП.
— Соглашение о связях Тибетского района КНР с Индией.
— Соглашение между Тибетским районом КНР и Непалом о торговле.
— Открытие движения по Сикан-Тибетской и Цинхай-Тибетской шоссейным дорогам.
1955 — Образование Подготовительного комитета по созданию ТАР.
1956 — Открытие аэродрома около Лхасы.
— Открытие Тибетского отделения Китайской буддийской ассоциации.
1956-1957 — Визит Далай-ламы XIV в Индию.
1959 — Восстание в Тибете. Отъезд Далай-ламы XIV в Индию.
1959-1965 — Проведение реформ в Тибете. Создание ТАР.
1966-1967 — Хунвэйбины в Тибете.
1968 — Создание Ревкома ТАР.
1971 — Первый съезд КПК ТАР.
1975 —Завершение создания народных коммун в Тибете.
1979 — Пленум парткома ТАР — новый курс социально-экономической политики.

1979-1980 — Посещение Тибета делегациями тибетцев-эмигрантов.
1980 — Совещание в ЦК КПК о работе в Тибете.
1985 — Открытие в Лхасе Тибетского университета.
1987 — Демонстрации в Лхасе под лозунгами независимости Тибета.
1988-1992 — Ху Цзинь-тао — первый секретарь парткома в ТАР.
1989 — Объявление в Лхасе военного положения.
1990 — Поездка в ТАР Председателя КНР Цзян Цзэ-миня.
1994 — Совещание по работе в Тибете под председательством Ли Пэна.
1995 — Интронизация в Ташилунпо Панчен-ламы XI.
1998 — Перевыборы административных органов ТАР.
2001 — Сессия Народного собрания ТАР 7-го созыва.
2001 — Принятие плана экономического и социального развития ТАР на 2001-2005 гг.
2002 — Делегация Далай-ламы XIV посетила Пекин и Лхасу. {318}

Библиография

Андреев, 1997 — Андреев А.И. От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). Санкт-Петербург-Самара-Прага.

Андреев, 2004 — Андреев А.И. Храм Будды в Северной столице. СПб.

Анненская, 1899 — Анненская А.В. В Центральной Азии. Путешествие Све-на Гедина в 1893-1897 годах в Памир, Тибет и Восточный Туркестан. СПб.

Ахметшин, 1988 — Ахметшин Н.Х. Размышления в пути. — Проблемы Дальнего Востока. № 5.

Белов, 1994 - Белов Е.А. Тибетская политика России (1900-1914 гг.) (По русским архивным документам). — Восток. № 3.

Беспрозванных, 2001 — Беспрозванных ЕЛ. Лидеры Тибета и их роль в ти-бето-китайских отношениях XУП-XУШ вв. Волгоград.

Бира, 1978 — Вира Ш. Монгольская историография XIII-XVI вв. М.

Бичурин, 1833 — Бичурин Н.Я. (о. Иакинф). История Тибета и Хухунора с 2282 года до Р.Х. до 1227 г. по Р. Х. с картою на разные периоды сей истории. Переведена с китайского монахом Иакинфом Бичуриным. Ч. I, II. СПб.

Богословский, 1962 — Богословский В.А. Очерк истории тибетского народа (становление классового общества). М.

Богословский, 1978 - Богословский Е.А. Тибетский район КНР (1949-1976). М.

Богословский, 1996 — Богословский В.А. Тибет после Мао Цзэ-дуна (Социально-экономическая политика в сельских районах Тибета в 1977-1987 годах). М.

Богословский, 2002 — Богословский В.А. Политика XIII Далай-ламы в Тибете. М.

Богословский, Москалев, 1984 — Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911-1949). М.

Бураев, 1998 — БураевД.И. Религия бон. Проблемы происхождения и роли в становлении тибетского государства VII-IX веков. Улан-Удэ.

Валиахметов, 1958 — Валиахметов Г.М. Органы власти и управления Тибета. М.

Ван Го-чжэнь, 2001 — Ван Го-чжэнъ. Китай-Тибет. Факты и цифры. Пекин. {319}

Воробьев, Итс, 1954 — Воробьев М.В., ИтсР.Ф. Работы китайских археологов. — Советская археология. Т. XXI.

Востриков, 1962 — Востриков А.И. Тибетская историческая литература. М.

Гарри, 2003 — Гарри И.Р. Хроника взаимоотношений Далай-ламы XIV и центрального правительства КНР. — Буддизм России. № 38. СПб.

Гедин, 1899 — Гедин Свен. В сердце Азии. Пер. со швед. Т. 1-2. СПб.

География Тибета, 1895 — География Тибета. Перевод с тибетского сочинения Миньчжул хутухты В. Васильева. СПб.

Горбачев, 1994 - Горбачев Б. Поход НОАК в Тибет (1950-1951). - Проблемы Дальнего Востока. № 3.

Горбунова, 1999 — Горбунова С.А. Буддизм как один из факторов общественной жизни. — Китай на пути модернизации и реформ. М.

Гуревич, 1958 — Гуревич Б.П. Освобождение Тибета. М.

Гюк и Габэ, 1866 — Гюк и Габэ. Путешествие через Монголию в Тибет к столице Тале-ламы. Пер. с франц. М.

Далай-лама XIV, 1991 — Далай-лама XIV. Буддизм Тибета. Москва-Рига.

Далай-лама XIV, 1992 — Далай-лама XIV. Свобода в изгнании. Автобиография Его Святейшества Далай-ламы Тибета. Пер. с англ. Дхармасала-Санкт-Петербург.

Далай-лама XIV, 2000 — Далай-лама XIV. Моя страна и мой народ. Пер. с англ. СПб.

Дамдинов, 1999 — Дамдинов А.В. Агван Доржиев: Дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. Улан-Удэ.

Дас, 1904 — Дас Сарат Чандра. Путешествие в Тибет. Пер. с англ. яз. под ред. Вл. Котвича. СПб.

Декроа, 2000 — Декроа Н. Тибетские странствия полковника Кордашевско-го (с экспедицией Н.К. Рериха) по Центральной Азии. СПб.

Домогацких, 1962 — Домогацких М. Утро Тибета. М.

Дугаров, 1983 — Дугаров Р.Н. «Дэбтэр-чжамцо» - источник по истории монголов Кукунора. Новосибирск.

Журавлев, 1961 — Журавлев Ю. И. Этнический состав Тибетского района КНР и тибетцы других районов страны. — Восточный этнографический сборник. М.

История Эрдэни-дзу, 1999 — История Эрдэни-дзу. Факсимиле рук. Пер. с монг., введ., коммент. и примеч. А.Д. Цендиной. — Памятники письменности Востока. CXVIII. М.

Как проходили поиски, 1997 — Как проходили поиски, идентификация и интронизация Панчен-Эртни XIII. - Буддист. № 2. СПб.

Камалов, 2001 - Камалов А.К. Древние уйгуры УШ-1Х вв. Алматы.

Кассис, 1956 - Кассис В. 80 дней в Тибете. М.

Клинов, 2000 — Клипов А.С. Политический статус Тибета и позиция держав (1914 г. — конец XX в.). Майкоп.

Козлов, 1920 — Козлов П.К. Тибет и Далай-лама. Пг.

Козлов, 1947 — Козлов П.К. Монголия и Кам. М. {320}

Конституция и акты КНР, 1955 — Конституция и основные законодательные акты КНР. М.

Кузнецов, 1968 — Кузнецов Б. И. Тибетские легенды о происхождении человека от обезьяны. — Доклады по этнографии. Вып. 6. Л.

Кузнецов, 1999 — Кузнецов В. С. Японо-тибетские отношения в первой половине XX века. — Вопросы истории. № 3.

Кузнецов, 2001 — Кузнецов В.С. Проблема «ламаистская церковь Тибета и правительство КНР» в отечественной литературе. — Общество и государство в Китае. XXXI научная конференция. М.

Кулешов, 1992 — Кулешов Н.С. Россия и Тибет в начале XX в. М.

Куликов, 2001 — Куликов Д. Е. К вопросу об истории древних цянов. — Общество и государство в Китае. XXXI научная конференция. М.

Кучера, 1970 — Кучера С. Монголия и Тибет при Чингис-хане и его преемниках. — Татаро-монголы в Азии и Европе. М.

Кычанов, 1968 - Кычанов Е.И. Очерк истории Тангутского государства. М.

Кычанов, 2004 — Кычанов ЕМ. Война Тибета с танским Китаем. - Историография

и источниковедение истории стран Азии и Африки. XX. СПб.

Кычанов, Савицкий, 1975 — Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Люди и боги страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. М.

Кюнер, 1907 — Кюнер Н.В. Описание Тибета. Часть I. Географическая. Вып. 1. Имя. Границы. Обзор путешествий. Владивосток.

Ларичев, 1972 — Ларичев В.Е. Тибет и проблема родины человека. — Открытие палеолита на Тибет-Цинхайском плато и в соседних с ним районах Восточной Азии. — Центральная Азия и Тибет. История и культура Восточной Азии. Новосибирск.

Леонтьев, 1956 — Леонтьев В.П. Иностранная экспансия в Тибете в 1888-1919 гг. М.

Лубсан Данзан, 1973 — Лубсан Данзан. Алтай Тобчи (Золотое сказание). Пер. с монг., введ., коммент. и примеч. Н.П. Шастиной. М. (Памятники письменности Востока. X).

Мак Говерн, 1929 — Мак Говерн. Переодетым в Лхасу. Пер. с англ. М.-Л.

Малявкин, 1992 - Малявкин А.Г. Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию. Новосибирск.

Мао Цзэ-дун, 1957 — Мао Цзэ-дун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа. М.

Маракуев, 1945 — МаракуевА.В. Введение в тибетскую топонимику. Томск.

Марстон, 1896 — Марстон А. Великая замкнутая страна. М.

Мартынов, 1978 — Мартынов А.С. Статус Тибета в ХУП-ХУШ веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.

Материалы, 1956 — Материалы VIII Всекитайского съезда КПК. М.

Новая история Китая, 1972 — Новая история Китая. Под ред. С.Л. Тихвинского. М.

Овчинников, 1957 — Овчинников В. Путешествие в Тибет. М. {321}

Овчинников, 1997 — Овчинников В. Вознесение в Шамбалу. Сто дней в Тибете пятидесятых и девяностых. М.

Описание Тибета, 1828 — Описание Тибета в нынешнем его состоянии. Пер. с кит. СПб.

Позднеев, 1883 — ПозднеевА. Монгольская летопись Эрдэнийн эрихэ. Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736. СПб.

Политика и практика Китая, 1999 — Политика и практика Китая в вопросе нацменьшинств. Пекин.

Попов, 1927-1928 - Попов А. Россия и Тибет. - Новый Восток. № 18; № 20-21.

Потанин, 1950 — Потанин Г.Н. Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. М.

Празаускене, 1978 — Празаускене И.А. Система управления в Восточном Тибете (XVIII — первая половина XX в.). — Общество и государство в Китае. М.

Преобразования в Тибете, 2001 — Преобразования в Тибете и их перспективы. — Проблемы Дальнего Востока. № 5.

Пржевальский, 1883 — Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. СПб.

Пубаев, 1970 — Пубаев Р.Е, Тибето-сикхский договор 1842. — Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 4. Улан-Удэ.

Путевой дневник, 2000 — Путевой дневник С.А. Кондратьева. — Бюллетень общества востоковедов. Вып. 3. М.

Развитие культуры, 2000 — Развитие культуры в Тибете. Пекин.

Рерих, 1958а — Рерих Ю.Н. Монголо-тибетские отношения в Х1П-Х1У вв. — Филология и история монгольских народов. М.

Рерих, 19586 — Рерих Ю.Н. Основные проблемы тибетского языкознания. — Советское востоковедение. № 4.

Рерих, 1982 - Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии (1923-1928). Пер. с англ. Хабаровск.

Рокхиль, 1901 — Рокхиль В.В. В страну лам. Путешествие по Китаю и Тибету. Пер. с англ. СПб.

Рябинин, 1996 — Рябинин К.Н. Развенчанный Тибет. Екатеринбург.

Светлое зерцало царских родословных, 1961 — Светлое зерцало царских родословных. Пер., вступит, ст. и коммент. Б.И. Кузнецова. Л.

Скрынникова, 1988 — Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия конца XVI — начала XX века. Новосибирск.

Соколовский, 1926 — Соколовский Г.И. Антонио де Андрад в Тибете. — ИРГО. Т. ЬХШ. Вып. 2. Л.

СПб ведомости, 1906 - СПб ведомости. 01.06.1906, № 119.

Сувиров, 1905 - СувировН.И. Тибет. СПб.

Тибет: 100 вопросов и ответов, 2001 — Тибет: 100 вопросов и ответов. Пекин.

Туган Лопсан Чойкьи Ньима, 1995 — Туган Лопсан Чопкьи Нъима. Хрустальное зерцало философских систем. Глава Сакьяпа. Пер. с тиб., введ. и коммент. Р.Н. Крапивиной. СПб. {322}

Уиннингтон, 1958 — Уиннингтон А. Тибет. Пер. с англ. М.

Уоддель, 1906 — Уодделъ А. Лхаса и ее тайны. Пер. с англ. СПб.

Харрер, 1953 — Харрер Г. Семь лет в Тибете. Пер. с нем. М.

Цаньян Гьяцо, 1983 — Цаньян Гъяцо. Песни, приятные для слуха. Изд. текста, пер. с тиб., исслед. и коммент. Л.С. Савицкого. — Письменные памятники Востока. CXX1. М.

Цзонхава, 1913 — Цзонхава. Лам-рим Чэн-по. Пер. с тиб. Г.Ц. Цыбикова. Т. 1. Вып. 11. Владивосток.

Цыбиков, 1919 — Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. Пг.

Цыбиков, 1981а — Цыбиков Г.Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета. — Избранные труды. Т. 1. Новосибирск.

Цыбиков, 19816 — Цыбиков Г.Ц. О Центральном Тибете. Избранные труды. Т. 2. Новосибирск.

Чешков, 1967 — Чешков М.А. Очерки истории феодального Вьетнама. М.

Шакабпа, 2003 — Шакабпа Цепок В.Д Тибет: Политическая история. Санкт-Петербург-Нартанг.

Юсов, 1958 — Юсов Б.В. Тибет. Физико-географическая характеристика. М.

Ahmad, 1960 - Ahmad Z. China and Tibet. 1708-1958. Oxf.

Ahmad, 1970 — Ahmad Z. Sino-Tibetan Relations in 17-th century. Roma.

Ahmad, 1995 — Ahmad Z. A History of Tibet by Fifth Dalai-Lama. Translated from Tibetan by Zahiruddin Ahmad. Bloomington, Indiana.

Ahluvalia, 1980 — Ahluvalia Hermit. Kingdom Ladakh. New Delhi.

Bacot, Thomas, Toussaint, 1940-1946 — Bacot]., Thomas F.W., Toussaint Ch. Documents de Touen-Houang relatifs & 1'histoire du Tibet. P.

Bass, 1950 - Bass Ch. Education in Tibet. Policy and Practice. L.

Beckwith, 1993 — Beckwith Ch. I. The Tibetan Empire in Central Asia: A History of the Struggle for Great Power among Tibetans, Turks, Arabs and Chinese during the Early Middle Ages. Princeton-New-Jersey.

Bell, 1924 - Bell Ch. Tibet. Past and Present. Oxf.

Bell, 1946 - Bell Ch. Portrait of the Dalai Lama. L.

Bira, 1999 — Bira Sh. Qubilai Qa'an and sPhags-pa bla-ma. — The Mongol Empire and its legacy. Leiden.

Blondeau, 1997 — Blondeau Anne-Marie. Defense de Tsong kha pa: A propos d'un texte polemique attribue a Mkhan Grub-rje. — Proceeding of the 7-th Seminar of International Association for Tibetan Studies. Graz, 1995. Vol. 1. Wien.

Buston, 1931-1932 — Buston. History of Buddhism. Translated from Tibetan by E.E. Obermiller. Pt. 1-2. Heidelberg.

The Cambridge History of China, 1979 - The Cambridge History of China. Vol. 3. Sui and T'ang China. 589-906. Part 1. L.-N.Y.

Carrasco, 1972 - Carrasco P. Land and Polity in Tibet. L.

Cassinelli, Ekval, 1969 - Cassinelli C.W., Ekval R.B. A Tibetan Principality. The Political System of Saskya. N. Y. {323}

Catalogue of Chinese Publications, 1994 — Catalogue of Chinese Publications in Tibetan Studies (1949-1991). Foreign languages press. Peking.

China's Tibet, 2000 - China's Tibet. Peking.

Cordier, 1891 — Cordier. Voyages en Asie du frere Odoric de Pardenone. P.

Demieville, 1962 - Demieville P. Le Concile de Lhasa. P.

Democratic Reform, 1999 — Democratic Reform in Tibet. Peking.

Duncan Marion, 1964 — Duncan Marion A. Customs and Superstitions of Tibetans. L.

Epstein, 1983 — Epstein Israel. Tibet transformed. Beijing.

Franke, 1904 - Franke AM. A History of Ladakh. Delhi.

Franke, 1907 - Franke A.H. History of Western Tibet. L.

Gamrab Goichen, 1999 — Gamrab Goichen. National Regional Autonomy in Tibet. China Intercontinental Press. Beijing.

Goldstein, 1989 - Goldstein Melvyn C. A History of modern Tibet, 1913-1951. The Demise of the Lamaist State. Berkeley-Los Angeles-London.

Grunfeld, 1987 - Grunfeld F.T. The making of Modern Tibet. L.

Haarh, 1969 — Haarh Eric. The Yar-lung dynasty. K0benhavn.

Harrer, 1956 — Harrer Heinrich. Seven years in Tibet. L.

Hedin, 1903 - Hedin Swen. Central Asia and Tibet. Vol. 1-2. L.

Hitti, 1956 - Hitti Ph.K. History of Arabs. L.

Karmay Samten, 1975 — Karmay Samten Y. A General Introduction to the History and Doctrines Bon, Tqkyo.

Klafkofski, 1979 - Klafkofski P. The secret Deliverence of Sixth Dalai-Lama. Wien.

Lamb, 1966 — Lamb A. The McMahon Line. L.

Laufer, 1901 — LauferB. Uber ein tibetische Geschichtswerk der Bonpo. — T'oung Pao. 1901. Vol. II, ser. 2.

Li Fang-kuei, 1956 — Li Fang-kuei. The Inscription of Sino-Tibetan Treaty of 821-822. - T'oung Pao, 1956. Vol. XLIV, livr. 1-3.

Li Tieng-tseng, 1956 — Li Tieng-tseng. The Historical Status of Tibet. Ns 4.

Marion, 1964 — Marion H. Dunkan Customs and Superstitions of Tibetans. L.

Martin, 1997 — Martin Dan. Tibetan Histories. A Bibliography of Tibetan-Language Historical Works. L.

The memoires, 1962 — The memoires of His Holiness The Dalai-lama of Tibet. My Land and My people. L.

New Women of Tibet, 2001 — New Women of Tibet. Beijing.

News Review, 1998 - News Review. Report from Tibet, 1998. L.

Norbu Namhai, 1984 — Norbu Namhai. A cultural History of Tibet. Dharmasala.

Norbu, Turnbule, 1969 - Norbu Th]. and Turnbule CM. Tibet. L.

Pemba Tsewang, 1957 — Pemba Tsewang Y. Young days in Tibet. L.

Petech, 1950 - Petech L. China and Tibet in the Early 18-th Century. Leiden.

Petech, 1966 — Petech L. Notes on Tibetan History of the 18-th century. — T'oung Pao, 1966. Vol. 52, livr. 4-5. {324}

Petech, 1989 — Petech L. Central Tibet and the Mongols. The Yuan Sa-skya period of Tibet History. — Serie Oriental Roma. Vol. LXV. Roma.

Le prince Pierre, 1976 — Le prince Pierre de Grece et de Danemark. Oracles tibetains. — Etudes tibetaines. P.

Regmi, 1961 — Regmi D.R. Modern Nepal. Rise and grows in the Eighteenth Century. Calcutta.

Richardson, 1952 — Richardson H.E. Ancient Historical Edicts of Lhasa. L.

Richardson, 1967 — Richardson H.E. Names and Titles of Early Tibetan Record. — Bulletin of Tibetology. Vol. IV.

Richardson, 1984 — Richardson H.E. Tibet and its History. L.

Sagaster, 1976 — Sagaster K. Die Weisse Geschichte. Eine mongolische Quelle zur Lehre von der beiden Ordnungen Religion und Staat in Tibet und der Mongolei. Wiesbaden.

Shakabpa, 1967 - Shakabpa W.D. Tibet. A Political History. New Haven-London.

Smith, 1996 - Smith W.W. Tibetan Nation. A History of Tibetan Nationalism and Sino-Tibetan Relations. Oxf.

Sperling, 1987 — Sperling E. Lama to the King of Hsia. — The Journal of the Tibetan Society. Vol. 7.

Stein, 1981 — Stein R.A. La civilisation tibetaine. P.

A Survey of Tibet, 1987 — A Survey of Tibet. Tibet Peoples Publishing House.

Tsuguhito, 1994 — Tsuguhito Takeuchi. Tsan — subordinate administrative units of the Thousand districts in Tibetan Empire. — Proceeding of the 6th Seminar of the International Association for Tibetan Studies. Oslo.

Tsuguhito, 1995 — Tsuguhito Takeuchi. Old tibetan contracts from Central Asia. Tokyo.

Teichman, 1922 — Teichman E. Travels of consular official in eastern Tibet. Cambridge.

Tibet Information, 1999 — Tibet Information Network. L.

Tsering Shakya, 1999 — Tsering Shakya. The Dragon in the Land of Snows. A History of Modern Tibet since 1947. L.

Tucci, 1950 — Tucci G. The Tombs of Tibetan Kings. — Serie Oriental. Roma.

Tucci, 1955 — Tucci G. The Sacral Character of the Kings of Ancient Tibet. — East and West. N° 4. Rome.

Tucci, 1976 — Tucci G. Deb T'er Dmar Po Gsar Ma. Tibetan chronicles by bSod nams gragspa. — Serie Oriental. Vol. LXXVI. Roma.

Uebach, 1997 — Uebach Helga. Small units in the territorial division of Tibetan Empire 7-th-9-th century. — Proceeding of the 7-th Seminar of International Association for Tibetan Studies. Graz, 1995. Vol. II. Wien.

Uray, 1966 - Uray G. "Gren" the Alleged Old Tibetan Equivalent of Ethnic Name Chiang. - AOH. T. XIX.

Van Walt van Praag, 1987 - Van Walt van Praag M.C. The Status of Tibet. History, Rights and Prospects in International Law. L.

Wang, Chen, 1996 — Wang Yao, Chen Jian. A Textual Research of Ancient Tibetan Government Post Official System. — Thesis on Tibetology in China. Beijing. {325}

Wood, 1926 — Wood W.A.K. History of Siam from Earliest time to the Year 1781 A.D. L.

Ya Hanzhang, 1993 — Ya Hanzhang. The Biographies of the Dalai-Lamas. Beijing.

Ya Hanzhang, 1994 — Ya Hanzhang. The Biographies of Tibetan Spiritual Leaders Panchen Erdenis. Beijing.

Yao Zhao Lin, 1999 — Yao Zhao Lin. Democratic Reform in Tibet. Peking.

Вэньсянь тункао, 1936 — Вэньсянь тункао (Всеохватывающий свод сокровищницы литературы). Шанхай.

Даньчжу Аньбэнь, 1998 — Данъчжу Аньбэнъ. Гуаньюй цзан миньцзу-ды синчэн (О формировании тибетской народности). — Сицзан сюэшу хуй-и (Симпозиум по Тибету). Тайбэй, май 1998.

Миньго чжи цзан синчжэн фалюй, 1999 — Миньго чжи цзан синчжэн фалюй (Постановления Исполнительного юаня по управлению Тибетом в период Республики). Пекин.

Сицзан гудай фадянь сяньбянь, 1994 — Сицзан гудай фадянь сяньбянь (Собрание

древних тибетских законов). Пекин.

Сицзан каогу, 1994 — Сицзан каогу (Археология Тибета). Чэнду.

Сицзан каогу даган, 1996 — Сицзан каогу даган (Обзор археологии Тибета). Сост. Хоу Ши. Лхаса.

Сицзан тунши цзяньпянь, 2000 — Сицзан тунши цзяньпянь (Краткая история Тибета с древнейших времен до наших дней). Пекин.

Сицзан цзяньши, 1993 — Сицзан цзяньши (Краткая история Тибета). Пекин.

Сяо Ци-цин, 1998 — Сяо Ци-цин. Юань чао ши синь лунь (Новые статьи по истории династии Юань). Тайбэй.

Ханэда Акира, 1962 — Ханэда Акира. Гардан дэн косе (Жизнеописание Галдана). — Тохогаку Ронсо. Киото.

Цзанцзу цзяньши, 1985 — Цзанцзу цзяньши (Краткая история тибетского народа). Сицзан жэньминь чубаныыэ. Пекин.

Цзю Тан шу, 1935 — Цзю Тан шу (Старая история династии Тан). Шанхай.

Чжан Юнь, 2000 — Чжан Юнъ. Юань дай Сицзан «Чжунци чиса бянь» цзи сянь гуань вэньти каоши (Изучение школы Бригунпа в Тибете при династии Юань и связанных с этим вопросов). — Чжунго цзансюе (Китайское тибетоведение). № 3.

Чжоу Вэй-чжоу, 1984 — Чжоу Еэй-чжоу. Тугухунь ши (История Тугухунь). Иньчуань.

Чэнь Цин-ин, 1996 — Чэнъ Цин-ин. Гуаньюй Юань чао Сицзан-ды хуцзи цинча (О подворных тибетских списках династии Юань). — Хайсянь лянъань. Чжунго шаошу миньцзу яньцзю цзяосюэ таолуньхуй цзи (Два берега пролива. Сборник статей симпозиума по изучению и образованию национальных меньшинств Китая). Тайбэй.

Юань ши, 1935 — Юань ши (История династии Юань). Шанхай (Сер. Сыбу бэйяо). {326}

Указатель имен

Абахай (Хуантайцзи) 119,120,131
Авалокитешвара 16, 17, 22, 40, 42, 45, 78, 79,104,109,191, 221
Аглен (гиб. Ag len) 94
Айсинь Гиоро, клан 118
Алигу 76
Алтан-хан 106-110,113, 221
Алу Чонцэ Цэрин Дордже 275, 276
Амитабха 80, 83,111,191
Амурсана 150
Ананда 58
Андрад Антонио де 146
Ань Лу-шань 54, 55
Аоки Бунко 226
Арджуна 40
Ариг-Буга (Ариг-Бука) 88-90
Арни 130 Арслан 114,115
Атиша 40, 77-80,109
Афонина Е.Н. 5

Ба Сэлнан (тиб. sBa gSal snang) 58, 59
Бадмаев П.А. 206, 212
Байбагас-хан 114
Бакбушев С. 238
Батур-хунтайджи 114,115,127

Башак 51
Баян 90
Бейли Ф.М. 235
Беквит Ч. 51, 53
Белл Ч. 184,190, 205, 230, 231, 250
Беллигати 147
Берке 90
Бильге-каган 52
Вира Ш. 84,107
Богль Дж. 151
Богословский В.А. 3, 42, 250, 251, 271, 275
Борисов С.С. 238
Бром-тонпа (Брон Томпа) см. Дром-тонпа
Брук Д. 255
Бумтак Гьялцен Лосан 275, 276
Буно Аоки 226
Бутон Ринчендуб (тиб. Bu ston Rin chen grub) 102
Бхрикуги 42
Бэ (тиб. dBas), клан 71
Бэн Цзо-шэн 229
Бэнтор И. 4

Ваджрапани 16, 68
Ваджраруха 90
Ван Пэн-ван 55
Ван Сюань-цэ 40
Ван Сяо-цзе 47, 48
Ван Цзюнь-чу 52
Ван Ци-мэй 281, 286
Ван Чун-гу 108
Ван Шоу 52
Ванду Норбу Кьибук 232
Ванчук Гьялпо Шэтра (тиб. dBang phyug rGyal po bShad sgra) 162, 165
Вань Ли 293
Витте С.Ю. 207
Востриков А.И. 4,102
Вэй Ши-цзя 48
Вэньчэн 39, 42, 45, 51, 84

Гава Санпо (тиб. dGa' ba bZang po) 96,97
Гадэн Тензин (тиб. dGa' Idan bsTan 'dzin) 139
Галдан (Бошоггу-хан) см. Галдан-хан
Галдан-хан 127,128,131-133
Галдан-ширету 130
Ганди Атсарсур 152
Ганди М.К. 258
Гао Сянь-чжи 54
Гао-цзун 45-48, 55
Гао Шэн-сюань 289
Гар (тиб. mGar), клан 38, 39, 45, 46, 48, 49,71
Гарби 141
Гедин С. 200

Гелек Намгьял (тиб. c dGe legs rNam rgyal) см. Панчен-лама IX
Го Мо-жо 261
Го Си-лань 281
Годан 81-86, 89
Гой-лоцава Шоннупэл (тиб. Gos lo tsa wa gZhon nu dpal) 102
Гомпо Намгьял (тиб. mGon po rNam rgyal) 198
Гонпа Рабсел (тиб. dGongs pa Rab gsal) 77
Гоулд Б. 250, 251
Грюбер И. 146
Гуансюй 216
Гуй 125
Гуляб Сингх 163
Гумилев Л.Н. 17
Гунсон Гунцэн (Гунсонг Гунг, Гунсронгунцай, тиб. Gung srong Gung btsan) 23, 39, 40
Гурулег (тиб. Gu ru legs) 23
Гуши-хан 114-123,128,134,139,142
Гьюме Намгьял (тиб. 'Gyur med rNam rgyal) 147-149
Гьюме Цэтен (тиб. 'Gyur med Tshe brtan) 147,148
Гьялва-цэнпо (тиб. rGyal ba btsan po) 48
Гьяло Дондуб (тиб. rGyal lo Don grub) 292, 307
Гьялтори Лонцен (тиб. rGyal to ri Long btsan) 23
Гьялцен Дже (тиб. rGyal mtshan rje) 104
Гьялцен Норбу (тиб. rGyal mtshan Nor bu) 301
Гэда 253, 260
Гэдун Гьяцо (тиб. dGe 'dun rGya mtsho) 109
Гэдун Дуб (тиб. dGe 'dun grub) см. Далай-лама I
Гэдун Чойпэл (тиб. dGe 'dun Chos 'phel) 254
Гэнсуке Хаяси 226
Гюк Р.-Е. 161, 162, 166, 171-177, 195, 197,198

Даваци 150
Даг Ринмо (тиб. Brag sRin mo) 16
Даг Ринпо (тиб. Brag sRin po) 16
Дата (Дакпа) Гьялцен (гиб. Grags pa rGyal mtshan) 99-101
Дакпа Джанчуб (тиб Grags pa Byang Chub) 98
Дакпа Шэтра Ринчен (тиб. Grags pa bShad sgra rin chen) 117
Дакти-цэнпо (тиб. gDags khri btsan po) 22
Далай-лама I (Гэдун Дуб) 105,109,110
Далай-лама III (Сонам Гьяцо) 107,109, 110,112,113
Далай-лама IV (Йонтэн Гьяцо) 110-112
Далай-лама V (Лосан Гьяцо) 95, 112, 113, 115-117, 119-123, 127, 128, 130, 132,133,138-140,167
Далай-лама VI (Цаньян Гьяцо) 133-138,141
Далай-лама VII (Кэлсан Гьяцо) 138, 139,141,143,145,147-151,176
Далай-лама VIII (Джампэл Гьяцо) 151, 152,154,156,158,176
Далай-лама IX (Луитог Гьяцо) 158
Далай-лама X (Цултим Гьяцо) 159,176
Далай-лама XI (Кэдуб Гьяцо) 159, 164, 176
Далай-лама XII (Тинле Гьяцо) 100, 165, 166,176
Далай-лама XIII (Тубдэн Гьяцо) 160-162, 165, 176, 203, 209, 215, 216, 219, 222, 223, 225, 226, 228, 230-235, 239-241, 245, 248, 251-255

Далай-лама XIV (Тэнцзин Гьяцо, Лхамо Дондуб) 4, 10, 83, 245, 247, 251, 255, 260, 262, 272, 277, 284, 296-298 Данашила 67
Дандзин-лама (Номун-хан) 127
Даньи Санпопэл (тиб. bDag nyid bZang po dpal) 94
Даньчжу Аньбэнь 19, 21
Дарма см. Ландарма
Дас С.Ч. 156, 160, 167, 168, 171, 172,185,190,193-195, 205
Дасан Дэюл см. Царон Даши-батур 122
Да-шу 55
Даян-хан 106,122,123
Дезидери И. 147
Демьевиль П. 61
Дешолег (тиб. De sho legs) 23
Джалман 82
Джампа Тэндар (тиб. Byams pa bsTan dar) 229, 235, 240
Джампэл Гьялцен (тиб. 'Jam dpal rGyal mtshan) 158
Джампэл Гьяцо (тиб. 'Jam dpal rGya mtsho) см. Далай-лама VIII
Джампэл Еше (Радэн-хутухта) 241, 242, 251, 255-257
Джампэл Цултим см. Цэмолин Джампэл Цултим
Джамчен Чойдже Шакья Еше (тиб. Byams chen chos rje shakya ye shes) 100
Джанчуб Гьялцен (таб. Byang chub rGyal mtshan) 95-98
Джаранэ (таб. sByar ra nas) 142,143
Джарбунай 128,130
Дже Пэлкорцэн (тиб. rje dPal 'khor btsan) 69
Джебдзун Дамба-хутухта 130,131
Джинамитра 67
Джингир см. Чингис-хан Джирун-хутухта 131
Дзаса Думпа (тиб. Dza sag sBrum pa) 234
Дзасакту-хан (Центун) 127,128,130
Дзэсар 177
Дигум-цэнпо (тиб. Gri gum btsan po) 22, 26, 27
Дигун 94
Дигунпа Кунга Ринчен (тиб. 'Bri khung pa kun dga' rin chen) см. Кунга Ринчен
Динти-цэнпо (тиб. Ding khri btsan po) 22
До Ньендэу (тиб. 'Bro gnyan Ide'u) 23,25
Дода Набо см. Дорда-дархан
Додо 127
Долобе 76
Донгка Палджий Йонден 67, 68
Доншилег (тиб. 'Brong zhi legs) 23
Донье Дордже (тиб. Don yod rDo rje) 105, 115, 116
Дорда-дархан 81
Дордже Гьялпо (тиб. rOo rje rCyal po)95
Дордже Цэрин (тиб. rDo rje Tshe ring)298
Дорджеджаб 130
Дорджепэл (тиб. rDo rje dpal) 95
Доржиев А. 206, 207, 219, 223, 238
Дорин (тиб. rDo ring) 177
Дорин-пандита (тиб. rDo ring pan di ta) 149
Дорин Тэджи 231
Дре 44
Дро, клан 71

Дрогми (тиб. 'brog mi) 80
Дромтонпа (тиб. 'Brom ston pa) 40, 77, 79, 109
Дуйсон (Дуйсон Манцэн, тиб. 'Dus srong Mang btsan) 46, 48-50
Дун Би-у 261
Дун-чжань 76
Дхармапала 93
Дхо Сенг 83
Дэ Гьялпо (тиб. IDe rGyal po) 23
Дэ Ньёлнам (тиб. IDe snol nam) 23
Дэ Ньёлпо (гиб. IDe snol po) 23
Дэ Тинцэн (тиб. IDe spring btsan) 23
Дэ Тулнам Шунцэн (тиб. IDe 'phrul nam gzhung btsan) 23
Дэмо Тубтэн Джигмэ (тиб. De mo Thub bstan 'Jigs med) 158
Дэмо-хугухта (тиб. de mo) 151, 158, 203
Дэн Сяо-пин 289, 291, 292, 299
Дэргэ 177

Еше Гонпо (тиб. Ye shes mGong po) 108
Еше Гьялцен (тиб. Ye shes rGyal Mtshan) 77
Еше Гьяцо (Еше Гьяцо Пэлдэн, тиб. Ye shes rGya mtsho dPal Idan), непризнанный Далай-лама VI 138, 139, 141
Еше Гьяцо Радэн (тиб. Ye shes rGya mtsho Rwa sgreng) 162
Еше Дордже Гьялпо 95
Еше Од (тиб. Ye shes 'Od) 77

Жерту 147
Жогэбо 46
Журавлев Ю.И. 11
Жутань 29
Жэнь Жун 288, 293

Заратуштра 43
Зая-пандита 114,127
Зоравар Сингх 163
Ибири-тайши 106
Илагугсан-хутухта 119,120,131
Илугу 80, 81
Инь Фа-тан 260, 294, 295
Ишолег (тиб. I sho legs) 23
Йазид 46
Йонтэн Гьяцо (тиб. Yon tan rGya mtsho) см. Далай-лама IV

Кабрал 112
Кава Пэлцек (тиб. Ka ba dPal brtsegs) 67
Кавагучи Экай 226
Калинин М.И. 238
Камалашила 60
Кан-си (Шэн-цзу) 125-134, 137, 141, 142,147
Канауджа Харша Шилъдитье 40
Канченнэ (тиб. Khang chen nas) 141-143
Карма Тэнкьё'н (тиб. Kar ma bsTan skyong) 115
Карма Тэнсун Ванпо (тиб. Kar mabsTan srung dBang po) 111

Картер Дж. 298
Кауравы17
Кедуб Гелек Палсан (Кедуб Палсан, тиб. mKhas grub dGe legs dPal bzang) 110
Кемэй (тиб. Khe smad), калон 234
Кемэй Сонам Вандуй (тиб. Khe smad bSod nams dBang 'dus) 261
Кенпо Лосан Пасан (таб. mKhan po Bio bzang Pa sans) 248
Керзон Дж. 207, 208, 211, 212
Кикеев В. см. Хомутников В. А.
Клемент XI147
Клемент XII147
Козлов П.К. 10,11,167, 206, 215, 216
Колофэн 58
Коль Г. 298
Конг см. Кхон
Константин Константинович, великий князь 212
Конфуций 89, 289, 290
Кончок Гьялцен (тиб. . dKhon mchog rGyal mtshan) 80
Кончок Далай-хан (тиб. dKhon mchog Da la'i khan) 123
Кончхок Джуннэ 248
Кордашевский Н.В. 236, 243-245
Кулешов Н.С. 201, 223
Куликов Д.Е. 19
Кун Цин-цзун 251
Кунга Ванчук Ландун (тиб. Kun dga' dBang phyug gLang mdun) 239
Кунга Гьялцен см. Сакья-пандига Кунга Дордже (тиб. Kun dga' rDo rje) 102
Кунга Карши 101 Кунга Легпа (тиб. Kun dga' Legs pa) 101
Кунга Ринчен (тиб. Kun dga' Rin chen) 106,111
Кунга Санпо (таб. Kun dga' bZang po) 93
Кунга Ташетпа 109
Кунпэл Ла (Кунпэл Ла Дэчэн Чойдэн,Тубтэн Кунпэла, тиб. Kun 'phel Lags bDe chen Chos Idan) 239-241, 254 Куропаткин А.Н. 207, 213
Кутейба ибн Муслим 51
Кучера С. 81
Кхон (тиб. 'Khon), клан 80, 83
Кьюнпо, клан 40
Кэдуб Гьяцо (тиб. mKhas 'grub rGya mtsho) см. Далай-лама XI
Кэдуб Дже см. Панчен-лама I
Кэдуб Палсан см. Панчен-лама I
Кэлсан Гьяцо (тиб. bsKal bzang rGya mtsho) см. Далай-лама VII
Кэлсан Цэрин (тиб bsKal bzang Tshe ring) 248
Кэнраб Ванчук (тиб. mKhyen rab dBang phyug) 165, 166
Кэнраб Кунсан Мондон (таб. mKhyen rab Kun bzang sMon grong) 232
Кэнчун Тубтэн Лэгмон (тиб. mKhan chung Thub bstan Legs smon) 261
Кюлюгэ Дорджи-хаган 80
Кюнер Н.В. 142

Ладлоу Ф. 230
Ламздорф В.Н. 207
Лан (таб. gLang), клан 95
Ландарма (таб. gLang Dar ma) 8, 68,69
Ландун (таб. gLang mdun), клан 76, 250
Ланчунга-шапэ 241

Лао-цзы 89
Легви Шэраб (таб. Legs pa'i She rab) 77
Легчок 302, 303
Ледже 81
Ли Вэй-хань 261
Ли Ми 57
Ли Хуа-чжу 195
Ли Хун-чжан 204
Ли Цзи-шэнь 261
Ли Цюань 53
Ли Чэн-хун 55
Лигдан-хан 118
Лилуку 29
Линь Бяо 288-290
Ло Менган 157
Ло Тенга 253
Ло Цэрин 253
Ло Юань-дин 63
Лодой Гьялцен см. Пагпа-лама Лодой Гьялцен
Лонгам (тиб. Lo ngam) 26, 27
Лончэн Шэтра (тиб. bLon chen bShad sgra) 224, 225
Лосан Гьяцо (таб bLo bzang rGya mtsho) см. Далай-лама V
Лосан Дакпа (таб. bLo bzang Grags pa) см. Цзонкапа
Лосан Дондуб (таб. . bLo bzang Don gru) см. Панчен-лама III
Лосан Еше (таб. bLo bzang Ye shes) см. Панчен-лама V
Лосан Ринчен (таб. bLo bzang Rin chen) см. Далай-лама VI
Лосан Таши (таб. bLo bzang sGra shis) 271
Лосан Тинле Лхундуб Чоки Гьялпо Гонпо Цзэтэн (таб. bLo bzang Phrin las Lhun grub Chos kyi rGyal
mtshan) см. Панчен-лама X
Лосан Тутоб (таб. bLo bzang mThu stobs) 123
Лосан Тэнпэ Ньима (тиб. bLo bzang bsTan pa'i nyi ma) см. Панчен-лама VII
Лосан Чогьял (Лосан Чоки Гьялцен, тиб. bLo bzang Chos kyi rGyal mtshan) см. Панчен-лама IV
Лоуэлл Т. 257
Лу (тиб. kLu), богиня 15, 16, 19, 22, 27, 31
Луканва (таб. kLu khang ba) 271
Лумпанэ 142,143
Лунтог Гьяцо (тиб. Lung stogs rGya mtsho) см. Далай-лама IX
Луншар Дорджэ Цэгьял (таб. Lung shar rDo rje Tse rgyal) 232, 234, 239, 240, 242, 245, 256
Лха, божество 21, 22, 24, 26, 44
Лха Балпо 50
Лха Гьяри, клан 176,182,183
Лхабчук Дарпа Тинле 275, 276
Лхавсан Дацзинь 142,143
Лхавсан-хан (таб. Lha bzang khan)
134-136,138,139,141,148 Лхагьял Рабтэн (таб. Lha rgyal Rab bran) 140
Лхадема 44
Лхалу (таб. Lha klu), клан 176, 190, 228, 256
Лхалун Палдже Дордже (таб. Lha lung dPal gyi rDo rje) 69
Лхамо, богиня 15

Лхамо Дондуб (тиб. Lha mo Don grub) см. Далай-лама XIV
Лхариг Сенге (таб. Lha rigs Sengge) 36
Лхатотори Ньенцэн (тиб. Lha tho tho ri gNyan btsan) 23, 32, 40, 41, 60
Лхачиг Уншин Конджо (тиб. Lha gcig 'un shing kon jo) 38
Лэнсдаун 205, 213
Лю Бин-чун 89
Лю Вэнь-хуэй 248, 249
Лю Мань-цин 248
Лю Цзань-тин 229
Лянь Юй 218-221
Ляо 88

Ма 99
Ма Бу-фан 248, 249
Ма Дин-тай 217
Макдональд 208
Макмагон Г. 224, 225
Маколей 204, 205
Малявкин А.Г. 47, 53
Манджугхоша 79
Манджушри 16, 90,103,104
Манидзукар (Манидзукар Пха) 75
Маннинг Т. 158
Манронманцан см. Мансон Манцэн
Мансон Манцэн (Мансронманцан, тиб. Mang srong Mang btsan) 23, 40, 45, 46
Мао Цзэ-дун 259, 262, 268, 272, 274, 285, 288, 290
Маргари А. 204
Марпа (тиб. Mar pa) 79
Марстон А. 167
Мартин Д. 4
Мартынов А.С. 120,122
Маршалл Дж. 257
Машан Домпа Кье (тиб. Ma zhang Grom pa sKye) 58
Меагцом (тиб. Mes 'ag tshoms) см. Тидэ Цугтэн
Мерти-цэнпо (тиб. Mer khri btsan po) 22
Миларепа (тиб. Mi la ras pa) 79
Мин, династия 98-100,125, 221
Миншиле 52
Монса Тичам (тиб. Mong bza' Khri Icam) 39
Му, божество 21
Мумо, богиня 15
Муне-цэнпо (тиб. Mu ne btsan po) 23, 66
Мунке 88, 87, 89, 91
Мути-цэнпо (тиб. Mu khri btsan po) 22
Мутаг-цэнпо Садналег (Тидэ Сонцэн, тиб Mu tig bTsan po Sad na legs) 23, 62, 66, 67
Мухрайн Б. 239

Нага Нгаван 238
Намка Гьялцен (тиб. Nam mkha' rGyal mtshan) 101
Намри Сонцэн (тиб. gNam ri Srong btsan) 22, 23, 32-34
Наропа 79
Нгабо (Нгабопа) 142,143

Нгаван Ванпо (тиб. Ngag dbang dBang po) 101
Нгаван Гьяцо (тиб. Ngag dbang rGya mtsho) 279
Нгаван Кэлсан (тиб. Ngag dbang bsKal bzang) 253
Нгаван Ринчен (тиб. Ngag dbang Rin chen) 135,136,138
Нгаван Сунраб (тиб. Ngag dbang Sung rab) 255
Нгавзн Таши Дакпэ (тиб Ngag dbang bKra shis Grags pa) 102
Нгаван Цултим (тиб. Ngag dbang Tshul khrims) 152,157
Нгадэк Одсун (таб. mNga' bdag 'Od srung) 69
Нгадак Юмтэн (таб. mNga' bdag Yum brtan) 69
Нгапо Нгаван Джигме (таб. Nga phod Ngag dbang 'Jigs med) 260-262, 272, 273, 274, 279, 280, 285, 286, 289, 292
Неру Дж. 257, 274
Нён (таб. mNon), клан 71
Николай II 206, 213, 219
Николай Михайлович, великий князь 212
Ним 250
Нин-го 55
Ноло 63
Номунхан см. Дандзин-лэмэ
Норбу Нзмкай 43
Нурхаци 120
Ньунэ-лама 256
Ньян (тиб. Myang), клан 71
Ньянмо, богиня 15
Ньяти-цэнпо (таб gNya' khri btsan po) 21, 22, 24, 25, 30
Нэчун 159, 241
Ню Сэн-жу 65

Овчинников В. 11
Оде Гунгьял (тиб. 'O de Gung rgyal) 15
Одорик из Парденоне 146
Одсэлгьи Лха (таб. 'Od gsal gyi lha) 15
Орай 142
Орвиль де 146
Отани Сонъю 226
Очирту-хан 128

Пагмодупа (Пагмоду, тиб. Phag mo gru pa), династия 21, 95, 97, 101-105,123,124
Пагпа-лама (Пагба-лама, Пагпа-лама Лодой Гьялцен, тиб. 'Phags pa bla ma bLo gros rGyal mtshan) 84, 85,
87, 90-94,107,120
Пата Лха Гэлэк Намгьял (таб. 'Phags pa Lha dGe legs rNam rgyal) 182, 279, 289, 302
Падмасамбхэва 43, 57-59, 66, 75, 78, 117
Палха (тиб. Pha lha), клан 177,190
Пандавы 17
Пандацан Рагпа 254
Панини 36
Панчен-лама I (Кэдуб Дже, Кэдуб Палсзн, таб. Phan chen bla ma) 105,110
Панчен-лзма II (Сонам Чоглан) 110
Пэнчен-лэма III (Лосан Дондуб) 110
Панчен-лама IV (Лосан Чоки Гьялцен) 110-112,115,116,118,120,123
Панчен-лама V (Лосан Еше) 123, 132- 134,136,137,141, 205

Панчен-лама VI (Помдацан Рэпга) 143-145,150-153
Пэнчен-лэма VII (Лосан Тэнпэ Ньима, Пэлдэн Еше) 145, 152, 154, 159,161, 203
Панчен-лама VIII (Поддан Чоки Рагпа) 204
Панчен-лама IX (Гелек Намгьял) 219, 232, 248, 251-253, 259
Панчен-лама X (Лосан Тинле Лхундуб Чоки, Гьялпо Гонпо Цзэтэн) 259, 261, 262, 272, 280, 286, 289, 292,
297, 301
Певцов В.М. 206
Пеннэ деллз 147
Петех Л. 97
Пишипз 177
Полханэ (Сонам Дордже, таб. Pho lha nas) 136,141-147
Помдацан (тиб. sPom mda' tshang) клан 177
Помдэцэн Ранга (таб. sPom mda' tshang Rab dga') см. Панчен-лама VI
Потоба (тиб. Po to ba) 79
Пржевальский Н.М. 166, 167, 172, 195, 197, 206
Притхви Нарайэн 152
Пубаев Р.Е. 3
Пуде Гунгьял-цэнпо (тиб. sPu de Gung rgyal btsan po) 22, 26, 27, 29, 44
Пулунва (таб. Phu lung ba) 198
Пункан (тиб. Phun khang), клзн 176, 257
Пунцок Вэнджан 253 Пэлдэн Дондуб (таб. dPal Idan Don grub) 165,166
Пэлдэн Еше (таб. dPal Idan Ye shes) см. Панчен-лама VII
Пэлхун 162,163

Рабдан 223
Рабданов Б. 206
Радэн Нэчитху-хутухта 165
Радэн-хутухта см. Джампэл Еше
Ракашаг (тиб. Ra kha shag), клан 176
Ракашэр (таб. Ra kha shar) 274
Ралпачен см. Ти Ралпачен
Ранджит Сингх 163
Ранджун Дордже (тиб. Rang 'byung rDo rje) 94
Режи 147
Рерих Н.К. 235, 237, 239, 243, 244
Рерих Ю.Н. 37, 81, 236
Ригдзин Дордже Ринган (тиб. Rig 'dzin rDo rje Rin sgang) 232
Ринпун (таб. Rin spungs), клан 101, 102,105,106
Ринчен Санпо (тиб. Rin chen bZang po) 77, 80
Ринченпа105
Ричардсон Х.Э. 247, 251, 254
Роборовский В.И. 206
Рокхиль В. 199
Ролпэ Дордже, Карма-лама (таб. Rol pa'i rDo rje) 99
Рузвельт Ф. 255 Рупати 17 Рэгди 302
Рэмдава (таб. Red mda' ba) 103,110
Рябинин К.Н. 235, 244, 245

Саган Сэцэн 80, 81
Саду Цан, клан 177
Сакья Еше (таб. Sa skya Ye shes) 101

Сакья Пак-лоцава Ананда Горбай 81
Сакья-пандига Кунга Гьялцен (таб. Sa skya pan di ta Kun dga' rGyal mtshan) 80, 82-86, 96-98,108
Сакья Ринчен (тиб. Sa skya rin chen) 98
Сакья-хутухта 162
Самантабхадра 40
Самдуб Побран (тиб. bSam grub Pho brang), клан 176,177
Самтен Кармай 44
Санам Синдэ (тиб. Za nam Zin Ide) 23
Сангье Гьялцен (таб. Sangs rgyas rGyal mtshan) 102
Сангье Гьяцо (таб. Sangs rgyas rGya mtsho) 122-124,128-137,139,141
Сангье Еше (Тянь Бао, таб. Sangs rgyas Ye she) 253, 289
Селен 141
Семенов-Тянь-Шаньский П.П. 212
Сенге-цэнпо 38 Сенол Намдэ (тиб. Se snol gNam Ide) 23
Сенол Подэ (тиб. Se snol Po Ide) 23
Сенчен-лама 205
Сибти-цэнпо (тиб. Sribs khri btsan po) 22
Ситу 100
Сонам Гомпо Гокарва (тиб. bSod nams mGon po sGog mkhar ba) 232
Сонам Гьяцо (таб. . bSod nams rGya mtsho) см. Далай-лама III
Сонам Дата (тиб. dSod nams Grags pa) 98
Сонам Дордже (таб. bSod nams rDo rje) см. Полханэ
Сонам Ледэнла (таб. bSod nams Legs Idan lags) 230
Сонам Чоглан (таб. bSod nams Phyogs glang) см. Панчен-лама II
Сонам Чойпел (тиб. bSod nams Chos 'phel) 116,117
Сонцэн Гампо (Тхисонгцэн, тиб. Srong btsan sGam po) 22, 23, 31-34, 36-40, 60, 62,176,177
Сота-цэнпо (тиб. Srong btsan sGam po) 22
Сохэгуй 46
Стоддард-Кармай Х. 75
Субое 29
Судну, клан 71
Суй, династия 37
Сун Кань-лян 281
Сунца 141
Сунь Цзи-юань 261
Сунь Ят-сен 254
Суркан Ванчен Гэлэк 275
Суркан-дзаса (тиб. Zur khang dza sag) 255
Суркан Лушар 272
Сутицэннам (таб. Khri bsan nam)23
Сэнгэ, хан 128
Сюань-цзун 51
Сюй 99
Сюэ Жэнь-гуй 46
Ся Фу-жэнь 281
Сяо Ци-цин 84
Сячжань 76

Тагри Ньенсиг (тиб. slag ri gNyan gzigs) 23, 33
Тада Токан 226

Тай-цзу 99
Тай-цзун 48
Тактра, регент см. Тактра Нгаван Сунраб
Тактра Лугой (тиб. stag sgra Klu gongs) 58 Тактра Лукон (тиб. sTsg sgrs Klu khon) 55
Тактра Нгаван Сунраб (тиб. sTag sgrs Ngag dbsng gSung rsb), регент 255, 257, 259, 260
Тан, династия 37, 51, 57
Тан Ли 217
Тань Гуань-сань 262, 277, 281
Тара 42, 78
Тара Гьялцен 101
Таргьянэ (тиб. Thar rgyas nas) 135
Тарин 241
Тацак-римпоче Кунделин 190
Таши Ванчук (тиб. bKrs shis dBang phyug) 253
Таши Кансар 162
Тейхман Э. 229
Темур108
Тернер 152
Ти Ралпачен (Тицуг Дэцэн, тиб. Khri Rsl pa can) 23, 67, 68
Ти-римпоче (тиб. Khri rin po che) 213
Тида Пунцэн (тиб. Khri sgra dPung btsan) 23
Тидже Тогцэн (тиб. Khri rje Thog btsan) 23
Тидин Цэндо Гар (тиб. Khri 'bring bTssn brod) 45, 46, 49
Тидэ Сонцэн (тиб. kKhri Ide Srong btsan) см. Мутиг-цэнпо Садналег
Тидэ Цуггэн (Меагцом, тиб. Khri Ide gtsug brtan) 23, 50, 51, 54, 55
Тилопа 79
Тимало (тиб. Khri ma lod) 50
Тимён198
Тинле Гьяцо (тиб. 'Phrin las rGya mtsho) см. Далай-лама XII
Тиньен Сунцэн (тиб. Khri gnyan gZung btssn) 23
Тисон Дэцэн (тиб. Khri srong IDe btsan) 23, 55, 58, 59, 61, 62, 66
Тицун (тиб. Khri btsun) 38
Тицуг Дэцэн (тиб. Khri gtsug IDe btsan), см. Ти Ралпачен
Тишолег (тиб. Thi sho legs) 23
Тоба Хуай-гуан 70
Тобгье 241
Тогон Темур 94, 99
Толстой И. 255
Тонми Ану 36
Тонми Самбхота (тиб. Thon mi Sam- bhota) 36, 37, 42,177
Тонпа, клан 176
Тонцэн Юлсун Гар (таб. sTong bstan Yul gzung) 39, 45
Тринпел Гьяцо 123
Тубо (Туфа), династия 22, 29, 32
Тубтэн Джампэл Еше (тиб. Thub bstan 'Jam dpsl Ye shes) 249, 260
Тубтэн Кунга (тиб. Thub bstan Kun dga) 283
Тубтэн Кунпэла см. Кунпэл Ла
Тубтэн Ньима (таб. Thub bstan Nyi ma) 287
Тубтэн Тэнтар (таб. Thub bstan bsTan thar) 261
Тугдуб 78

Тунсе Зуце (Кьюнпо Зуце) 40 Туран 75
Туру-Байху (Гуши-хан) 114
Туччи Дж. 14
Тушету-хан (Тушету-хан Чихундорджи) 127, 128, 130, 131
Тхеу (Тхе) Бран 21
Тхисонгцэн см. Сонцэн Гампо
Тэмпа Джаян 242
Тэмпе Ньима см. Панчен-лама VII
Тэндзин Вангьял (тиб. bsTan 'dzin dBang rgyal) 134
Тэнпи Гонпо Кунделин (тиб. . bsTan pa'i mGon po Kun bda gling) 157, 158
Тэнпэ Ньима см. Панчен-лама VII
Тэнцзин Гьяцо см. Далай-лама XIV
Тэрин 177
Тянь Цзи-юнь 295

У Сань-гуй 125, 126, 129
У-хоу 46, 50
У Цзин-хуа 297, 299
У Чжун-синь 251
Уайли Т. 5
Угедей 81
Уланов Н.Э. 213
Ульянов Д. 213
Умапэ 103
Ун Джо Кэрма 83
Уоддель А. 11, 172, 175, 194, 199, 203, 208-210
Ураи Г. 71
Ухтомский Э.Э. 212, 213
Уэйд 204

Фано Дж. де 147
Фань Мин 281
Фаньлочжи 75
Фаньни 29, 30, 32
Фу Кан-ань 154
Фу-линъ см. Шунь-чжи
Фу Цин 148
Фу Юнь 38
Фукусима Ясунаси 226
Фэн Дэ-цзя 38
Фэн Кэ-да 289
Фэн Чэнь 217

Хаар Э. 21, 30, 34, 41-43, 74
Хань, династия 19
Харт 205
Харун ар-Рашид 57, 58
Хаяси Генсукэ 226
Хо-Урлюк 114
Ховханнес 146
Хомутников В. А. 237
Хоу Вэй, династия 29

Ху Цзинь-тао 299
Ху Ци-ли 295
Ху Яо-бан 264, 293, 297
Хуа Го-фэн 291
Хуан Му-сун 242, 250
Хуан Чао 74
Хуантайцзи см. Абахай
Хубилай 84, 86-90, 92,107,120
Хуй Чжао 42
Хулагу 89, 90
Хун Хуа (Хун-хуа гунчжу) 38, 46
Хэ-нян 38
Хэ Чан-жун 205
Хэ Шоу 138
Хэша 53
Хэшан 61
Цанпа-хан (Цанпа-хан Пунцок Намгьял, тиб. sPun tshogs Nam rgyal) 111,112,116,117,119,120
Цаньян Гьяцо (тиб. Tsangs dbyangs rGya mtsh) см. Далай-лама VI
Царон (Дасан Дэюл, тиб. Tsha rong) 177, 218, 220, 229, 231, 232, 234, 235, 239-241
Цатул Цан, клан 177
Цеван Норбу 148
Цеден Дордже 102
Ценгун см. Дзасакту-хан
Цендина А.Д. 5
Ценья Донбу Гар 45, 48
Церин Дондуб (тиб. Tshe ring Don grub) 139,140
Цетон Дордже 105
Цецен-тайджи 128
Цецен-хан 127
Цзатул-римпоче 275
Цзи-цянь 75
Цзинь-чэн 50, 52, 53
Цзонкапа (Цзонхава) 5, 98-100, 102-105,109
Цзэн Юн-я 286, 287
Цзюесыло 76, 77
Цзюйцюй Мэн-сюнь 29
Цзян Цзэ-минь 300
Цзян Цин 289, 290
Ци Шань 161-163
Цимён (Тимён) 235, 239-242
Цин, династия 125, 126, 146, 150, 155-157,163,165,196, 200, 221
Цого (тиб. mTsho sgo), генерал 234
Цого (тиб. mTsho sgo), калон 166
Цого Дондуб Цэрин 285
Цокту-тайджи 114,115
Цугухито Т. 73
Цуй Жун 47, 48
Цултим Гьяцо (тиб. Tshul khrims rGya mtsho) см. Далай-лама X
Цы Си 216
Цыбиков Г.Ц. 158-160, 166, 196, 203, 207
Цэван Рабдан 131,132,134,139

Цэмолин Джампэл Цултим (тиб. Tshe smon gling 'Jam dpal Tshul khrims) 158,159,161
Цэнь Чан-цин 48
Цэрин Ванчук Шэтра 165
Цэрин Лхамо 286, 287
Цэтэн Долкар 289
Цянь-лун 145, 146, 148, 150-153, 155, 160

Чаби 89
Чабиш 54
Чагна (тиб. . Phyag na) 84, 93
Чан Бин-гуй 262
Чан Кай-ши 247-249, 251, 256, 257
Чанджа (тиб. ICang skya) 161
Чанлочен Кон (Чанлосен) 230, 254
Чапчаев А.П. 238, 239
Чахань-лама 119
Чейпон, клан 71
Чжан Го-тао 253
Чжан Го-хуа 259, 261, 262, 268, 269, 271, 272, 281, 286
Чжан И-чао 70
Чжан Инь-тан 215
Чжан Сян-ми 281
Чжан Цзин-у 261, 271, 281, 286
Чжан Юэ 52
Чжао Эр-сюнь 217
Чжао Эр-фэн 217, 218
Чжи Гуань 100
Чжоу Жэнь-шань 281
Чжоу Энь-лай 274, 279, 289, 290
Чжу Дэ 253, 259, 261
Чжу Цы 57
Чжу Юань-чжан 99
Чжун Ин 218, 220, 221
Чжун-тун 90
Чжун-цзун 50
Чикан Чагдонпа (тиб. Chyi khang ICag grong pa) 162
Чилай Цзянцо 248
Чингис-хан 43, 80, 81, 83, 85, 87, 221
Чичерин Г.В. 238
Чогро, клан 71
Чогро Луи Гьялцен (тиб. Cog ro kLu'i rGyal mtshan) 67
Чодра Еше 102
Чойдар 241
Чоки Дордже 102
Чомдэн Ригрэл (таб. bChom Idan Rig ral) 92
Чэн-цзу 99,100
Чэнь И-фань 224, 225
Чэнь Мин-и 289
Чэнь Си-чжан 255, 257
Чэнь Цин-ин 91, 92
Чэнь Юнь 261

Шакабпа В.Д. 39, 101, 122, 146, 234, 257, 259, 261
Шакьямуни (Будда) 16, 43,119,150
Шакьяшрибхадра 82
Шамар-тулку (тиб. Zhwa dmar sprul sku) 153,154
Шамба Цему-хутухта 130
Шан Кунчжо 70
Шантиракшита 58, 59
Шанчим Гьялсиг Шултен (тиб. Zhangs chims rGyal gzigs Shul theng) 55
Шасур (тиб. Zha zur) 234
Шати (тиб. Sha khri) 22, 26
Шилендрабодхи 67
Ши-цзу см. Шунь-чжи
Шонну Саппо (тиб. gZhon nu bZang po)95
Штейн Р.А. 70
ШуД.З
Шугпа 21
Шунь-чжи (Ши-цзу) 120,121,125,126
Шэн Тай 205
Шэн-цзу см. Кан-си
Шэнраб (таб. Shen rab) 27, 43, 44
Шэнь-гуй 29
Шэнь Цзун-лянь 256
Шэраб 120
Шэраб Гьяцо (тиб. She rab rGya mtsho) 279
Шэраб Дондуб (Ян Тун-шэн) 253, 289
Шэтра (таб. bShad sgra) 157,177
Щербатской Ф.И. 212, 219

Эдуард VII 214
Эльтериш-каган 46
Эмон Гьялпо 15
Эмфтил 214
Эрентай 141
Этгли 257
Эшолег (тиб. E sho legs) 23

Юань, династия 88-92, 94, 97, 99, 105, 118,120,124
Юань-хао 30
Юань Ши-кай 224-226
Юн Ти 141
Юн-чжэн 142
Юток (таб. gYu thog), калон 153, 241, 251
Юток, клан 176

Я Хань-чжан 144
Ядзима Ясухиро 226, 228
Ян Дун-шэн 286
Ян Синь 141
Янгхазбенд Ф. 207-212, 215, 233
Янь Си-шань 248
Ярлун, династия 21, 22, 24, 26, 29, 32, 43
Ясанпа 96

Указатель географических названий

Аба 263
Агинский 239
Агра 146
Азия 4, 5,11, 20, 51, 212, 243, 257, 259
  Восточная 6, 237
  Средняя 237
  Центральная 30, 33, 34, 55, 72, 113, 137
  Юго-Восточная 255
  Южная 6, 307
Аксу 46
Алашань 128
Алтай 4
Амдо (тиб. A mdo) 10, 69, 75, 77, 80, 81, 103, 116, 158, 159, 182, 195-198, 207,222, 245, 246, 250, 252, 254, 279, 296, 299
Америка 5,12, 244, 297
Англия 157,162-164, 206, 209, 213, 214, 223, 224, 226, 232, 237, 240, 257, 258
Аньси 29, 56, 57
Аомэнь см. Макао
Арабский халифат 47
Афганистан 214, 238
Аша27

Ба 217, 253
Баань 236, 260
Байкал 126
Байли 196
Балтистан 163
Банда 260
Баочжоу, г. 56
Барунхай, монастырь 137
Батан (Батанг) 141, 142, 144, 195, 198, 217, 218, 241, 248
Башу 196
Бакш 229
Баян-Хара-Ула, хр. 6
Бенгалия 151
Бенса, монастырь 111
Бери 115, 248
Бешбалык см. Бэйтин
Бирма 125, 255
Бихар 58
Ближний Восток 308
Бобу 196
Болор 46, 54
Брайбун (Брайбунг) см. Дэпун
Брахмапутра, р. 7; см. также Цанпо
Бутан 117, 128, 138, 145, 151, 172, 173, 180-189, 204, 247, 288, 297, 307
Бухайн-гол, р. см. Дафэй Бэйтин (Бешбалык) 56, 57
Бяньба 196

Ванрин 287
Вахан 46, 54
Великая пустыня см. Дацзи
Великобритания 210, 212-214, 223-225, 232, 309
Волга, р. 114
Восточный Туркестан 57,115,157, 225
Вэй, р. 20, 51, 56
Вэйси 218
Вэйчжоу 100

Гадэн (тиб. dGaldan) см. Ганден
Гамрин 181
Ганг, р. 146
Ганден (Гадэн), монастырь 99, 104-106, 123, 136, 160,165,166,173, 175, 207, 209, 211, 213, 220, 222, 225, 231, 276, 305
Ганьнанский тибетский автономный округ 263
Ганьсу, пров. 14, 20, 37, 51, 55, 70, 75, 91, 109, 128, 197, 232, 235, 236, 252, 263
Ганьсуйский коридор 6, 38, 48, 49,56
Ганьсунлин, хр. 52
Ганыдзы см. Канцзэ
Ганыдзыйский тибетский автономный округ 260, 263
Ганьчжоу 49, 52, 56, 70
Ганьчжэн 56
Гаожи 196
Гаолигуншань, хр. 6
Гаочан 76
Гартар 143,159, 217
Гарток 39, 141, 163, 180, 211, 231, 257, 270, 303
Германия 213, 228, 298, 307
Гетин, монастырь 12
Гилгит 43, 53, 54
Гималаи 5, 6,16, 30, 33,170,171,195
Гоби 6, 62, 88
Голмуд 303, 306
Голо 263
Гонконг (Сянган) 259, 291, 292, 296, 299
Гонцза 182
Гота (Лхаса) 146
Гуандун 161
Гуанси 161
Гуанчжоу 56, 70,162, 235, 303
Гугэ (тиб. Си ее) 7
Гуйчжоу, пров. 125
Гумбум см. Кумбум
Гунбу 196
Гундан 24
Гунцзяо 196
Гурбун-Хапцага, горы 235
Гуру 208, 209
Гьялтан, пров. 144
Гьямда 196
Гьянцэ (Джиантсе, тиб. rGyal rtshe) 7, 98, 105, 117, 143, 169, 170, 189, 194, 195, 209,

211, 219, 220, 224, 228, 230, 232, 235, 240, 254, 257, 262, 266-268, 270, 277, 279
Гэцзы 287

Даба 180
Дагмар Динсан (тиб. Brag dmar mGrin bzang), храм 54
Дагмар Керу (тиб. Brag dmar Ke ru), храм 54
Дагао 7, 33,182,189, 203
Дагьяб, монастырь 183
Дадухэ, р. 56, 260
Дадушуй, р. 56
Дайгэ, г. 121
Дали, оз. 48, 86
Даляншань, хр. 6
Дам (тиб. 'Ват), долина 122,143, 222
Данла см. Тангла Дангхи, гора 75
Даофу 236, 253
Дарджилинг 172, 205, 219, 230, 231, 257
Дарпо, р. 22
Дасюэшань, хр. 6
Дасячуань, г. 65
Дафэй (Бухайн-гол), р. 46
Дацаотань 128
Дацзи (Великая пустыня) 56
Дацзяньлу (Кандин) 116,144,170,195, 197,198, 202, 207, 218, 229, 252
Дацинский тибетский автономный округ 263
Дачжэ, монастырь 248
Дели 257, 270, 274
Демо (Конпо) 153
Дердже 199
Деро 138
Джайад (Чанце) 199
Джанлхакан, монастырь 81
Джамму 163
Джаюл 196
Дже 256
Джелеп-па, перевал 208
Джово, монастырь 104
Джокан (тиб. Jo khang) 17, 42,117,138, 143,155,165, 219, 234, 301, 305
Джомолунгма, гора 12
Джунгария 100, 114, 115, 127, 128, 131, 133,135,142,148,150
Джунгарское ханство 127,148-150
Джэкундо 248, 253
Дзакхок 198
Дигун (тиб.'Bri khung), монастырь 94
Динри 155,194,195, 288
До-кам (Докам, тиб. mDo kham[s]) 222, 246
Догао 189
Догэцэ 12
Долоннор 131
Донкар 123, 260, 262
Дричу (тиб. 'Bri chu) 33; см. также Янцзы
Дромо 288

Дрэпун см. Дэпун
Дунгцо, оз. 15
Дункэ 196
Дуньхуан 27, 31, 56, 57, 70
Дхармасала 12, 297, 298
Дэнса Тэл (тиб. gDan sa Thel), храм 95
Дэпун (тиб. 'Bras spungs) 105,109-112, 114,123, 136,137,161,165,166, 173, 175, 183, 189, 207, 211, 213, 220, 225, 231, 233, 241, 277, 283, 298, 305
Дэргэ (тиб. sDe dge) 160,196,198, 199, 217, 229, 248-251, 253, 254

Европа 5,12,14, 219, 243, 244, 297 Западная 240

Жиюешань см. Чилин
Жэхэ 151,162

Замар115
Западный край (Си юй) 38, 44, 46-48, 54-57, 70 76, 80, 88,121
Зимшин 38
Инд, р. 6, 53
Индия 12, 17, 30, 31, 36, 40-42, 44, 57, 58, 60, 66, 68, 77, 80, 82, 89, 90, 102, 103, 137, 146, 147, 151-153, 157, 172, 173, 177, 194, 204-206, 208, 214, 215, 218-221, 224, 228, 230, 231, 233, 241-244, 247, 248, 254-260, 270, 274-277, 284, 288, 292, 297, 298, 307, 308 Британская 151, 204-206, 212
  Гималайская 50
  Центральная 33
Иньчуань, г. 109
Инынань, горы 88
Иран 89
Иртыш, р. 114
Исфаган 146
Италия 147
Ичжоу 70
Ингам, р. 114

Кабул 57
Кад, р. 95
Кайлас (Канри) 6, 7, 33, 43, 54,111
Кайпин 89, 90
Калимпонг 178, 226, 254, 270
Калькутта 171, 172, 205, 212, 219, 228, 270
Кам 11, 31, 81, 95, 105, 109, 110, 115, 116, 118, 125, 141, 157, 159, 167, 169, 183, 195-199, 216, 217, 222, 229, 231, 235-237, 241, 248-250, 252, 253, 256, 260, 275, 276, 296, 299
  Верхний 191
  Нижний 191
Камба-цзон 181, 208
Камдо 199
Кандин, г. 10, 229, 260, 275; см. также Дацзяньлу
Кантон (Гуанчжоу) 146
Канцзэ (Ганьцзы) 236, 248, 253
Каракорум 6
Карашар 46, 48
Карчун Лхакан, храм 67

Ката 182
Катманду 147, 270, 303
Като 182
Кашгар 46, 47, 49
Кашмир 30, 36, 43, 53, 57, 77,172
Кенгшир (Чанъань) 55
Керулен, р. 127
Китай 3-5, 11, 19, 20, 30, 31, 37-39, 44-51, 54-56, 60-65, 71, 74, 75, 80, 84, 86-89, 93. 97, 99, 100, 103, 113, 118, 119, 125, 126, 129, 137, 141, 144-146, 150, 162, 162, 164,165, 170,171,178, 194, 197, 199, 200, 202, 204-207, 209, 213-216, 219, 221-223, 226, 228, 229, 232, 236, 238, 244, 247-250, 252, 254-274, 277-280, 282-284, 288-293, 296, 297, 299-302, 304, 306-309
Китай-ширин, урочище 235
Когурё 46
Конпо (тиб. Kong po) 7, 10, 22, 26, 30, 33,117,142,160,161,180,189,190
Корейский п-ов 46
Корея 88, 259
Кочжоу, г. 76
Крым 207
Кукунор, оз. 10, 37, 46, 47, 50, 52, 53, 56, 75, 76, 106, 107, 114, 115, 122, 126, 128, 131-138, 140, 142, 155, 159,
195, 216, 218, 245
Кукушили, горы 236
Кумбум (Гумбум), монастырь 75, 110, 134, 138, 141, 151, 196, 197, 207, 216, 245, 246
Кунганор, оз. 137
Кунделин, монастырь 183
Куньлунь, горы 6
Куча 46, 47, 49, 57
Кьи (Кьичу, тиб. sKyi), р. 7, 34,189
Кьирон (тиб. sKyi rong) 153

Лавран (тиб. bLa brang), монастырь 187,196, 207
Ладак7, 116, 128, 145, 164, 171, 173, 202, 207
Лали 196
Лангчан (Сатледж) 7
Лань 56, 95
Ланьчжоу, г. 51, 62, 63, 76,109
Лахор 163
Лех, г. 129,163, 202
Ленинград, г. 238
Лин 77
Линту 204
Линь 56
Линьсун 29
Линътао, г. 19, 51,100
Линыгун 196
Линьчжи 277
Литан, г. 110, 138, 141-144, 195, 196,
198,199, 253, 275
Лихуа 236
Лицзян 56

Лока 276
Лобнор, оз. 57
Лолоцзун 196
Лондон 207, 212, 225
Лонцзэ 189
Лотолин (Верблюжий), хр. 56
Лунъю 46, 56
Лухо 236, 253
Лха, скала 15
Лхамолацо (тиб. Lha mo`I bla mtstho) оз. 246
Лхари (тиб. Lha ri), р. 163
Лхаса (тиб. Lha sa), г. 7, 13, 17, 22, 34, 38-40, 42, 51, 54, 59, 63, 64, 67, 69, 79, 81, 96, 103-106, 110, 111, 114-121, 126, 127, 130, 133-139, 141-150, 152,155-158,161,162,164-166,170-172, 175-178,180-183,185-192,194-199, 201-223, 226, 228-241, 243, 246, 248-258, 260-262, 265-280, 284-288, 290, 291, 293, 297-309
Лхацзэ 181
Лхобраг (Лобрак) 7,191
Лэйуцзи 196
Лэньбянь196
Лэчжоу, г. 76
Люпаньшань, гора 56
Люша 88
Лянчжоу (Увэй), г. 46, 48, 49, 56, 62, 70, 75, 76, 82, 84

Макама см. Нинцзин Макао (Аомэнь) 291, 292
Манасаровар (Манханг), оз. 7, 43,111, 146
Маньчжурия 20,113,118,119,126,140
Маочжоу (Маовэнь), г. 48, 50,100
Марко Поло, хр. 236
Марпори, гора 34
Мару 36
Маръюл (тиб. Mar yul) 7
Мацзянцзун 288
Маюм, перевал 163
Меконг, р. 6,10
Минчжэн 196
Миньцзян, р. 53, 56
Миньчжоу 100
Миньшань, хр. 6
Могулистан 106
Монголия 3, 20, 84, 99, 100, 107, 110-113, 127, 131, 137, 150, 179, 196,197, 200, 209, 215, 219, 222, 223, 225, 233. 236-239, 247-252, 254, 255
Монъюл (тиб. Mon yul) 133
Москва 237-239
Мукден 119,120
Мули 263
Мулидинкицо, оз. 160
Мур-Усу, р. 235
Мьява 50
Мьянма 307
Мэнкун 196
Мэннния 198,199

Нагчу, область 189, 235, 239, 289, 300
Нагчук (тиб. Nag chu ka), пров. 136, 141,170,189
Накцзан, пров. 181
Намкарце 133
Намлин 189
Намру 181,189
Намцо (тиб. Nam mtso) см. Тэнгри-Нур
Нанкин 99-101, 118, 164, 247-250, 252, 253, 256
Наньцзиньшань, горы 196
Наньчжао (Наньчжао-Дали) 50, 54, 57, 58, 60, 62, 73, 88, 89
Нанынань 6, 76
Напчатай-Улан-Морин, р. 235
Нартан (тиб. sNar thang) 92,145
Нацюй 302
Нгари (тиб. mNga'ri) 7, 12, 31, 77,111, 118, 139, 141, 144, 167, 180, 181, 189, 231, 277, 302, 303
Нгари-корсум (тиб. mNga'ri skor gsum) 7, 91
Нейжи 236
Непал 11, 30, 38, 44, 50, 58, 69, 77, 82, 117,137,147,152,153,155,157,163, 171,172, 247, 255, 270, 277, 288, 297, 303, 307
Негон 277
Нинся, г. 109,121
Нинцзин (Макама) 260, 303
Нинчи 302
Норбулинка 152, 219, 233, 256, 276
Ньемо (тиб. sNye mo) 240
Ньетан (тиб. sNye thang) 158, 266
Ньило182
Ньэнчентанглха, хр. 6, 33, 37
Нью-Йорк 237, 243
Ньян (Ньянчу, тиб. Nyang), р. 189
Ньянан (тиб. gNya thang) 153,164
Ньянгпо 7, 26, 30, 33,191
Ньярон 198, 217, 218, 248, 250, 251, 253
Нэудон (тиб. sNye'u gdong), уезд 95-97,105

Одантапури, монастырь 59
Олка (тиб. 'Ol kha) 103,165
Олмо-ру (Олмо-рунрин) 44
Олун-нор, оз. 236
Омь, р. 114
Ордос 57, 62, 63, 81
Ордубалык, г. 62

Пагмодупа (тиб. Phag mo grupa) 95, 97,103
Пагшод 183
Паден, монастырь 79
Падмако182
Палкхор, монастырь 98
Памир 48
Пари 180, 205, 208, 231, 288

Париж 243
Паричу, р. 61
Паро 277
Пекин 94, 97-100, 118-122, 125, 128, 131-134, 136-139, 144-146, 149, 150, 152, 154, 162-164, 171, 196-200, 204, 208, 212, 215, 216, 218, 221, 222, 225, 226, 229, 232, 235, 236, 248, 252, 259, 261, 262, 265-271, 276, 284, 285, 290-294, 296, 299-300, 303, 306, 307
Персия 214, 238
Петербург 207, 214, 219, 223
Петергоф 207
Пёчэн (Великий Тибет) 191
Пинлян 56
Пово (тиб. 5sPo bo) 10, 21, 26, 30,159
Потала 117,133,135, 139,140, 142, 158, 159,165,174, 210, 221, 232, 237, 242, 247, 277, 305
Поюл 182
Прианыпанье 56
Пу, перевал 182
Пунцок Намгьяллин 181
Пуран (тиб. зРи гап§) 7, 69, 164, 167, 180
Пуцо, долина 189
Пханъюл (тиб. 'Phan yul) 81

Радэн (тиб. Rwa sreng), монастырь 7, 81,112, 241, 242, 245, 255, 256
Ралун (Ra lung) 233
Рамоче (тиб. Ra mo che), храм 42,114
Раса (таб. Ra sa) см. Лхаса 34
Ри-бот (Тибет) 146
Рим 147
Ринпун116
Ричжял, дворец 161
Ронгбацза 230
Рончакар182
Роншар 153,164
Россия 3, 4, 201, 206, 207, 212, 216, 219, 223, 228, 237, 309
Рутог, уезд 12,163,180

Сакья 109,110,182,183
Салуин, р. 6,10
Самарканд, г. 54
Самдуцэ см. Шигацэ
Самье (таб. bSam yas), монастырь 59-61, 66, 77, 207
Санцилин, монастырь 217
Санъяй 196
Сатледж, р. 6, 7
Серлинцо, оз. 12
Си Ся 30, 37, 70, 76, 77, 80, 81, 83, 85, 88
Си юй см. Западный край Сиань, г. 141,146, 290
Сикан, пров. 217, 218, 252, 258, 259
Сикким 117, 153, 170, 173, 178, 204, 205, 210, 221, 230, 235, 247, 250, 257,288
Сикхское государство 163
Симла 224, 241
Синин, г. 10, 76, 103, 141,144,146, 170, 172,196,197, 202, 233, 253, 302

Синьцзян, пров. 20, 37, 44, 46, 88, 260, 303
Синьцюаньцзюнь 56
Сицзан 259
Сичжоу 50
Сишань (Западные горы) 56
Советский Союз 239
Софу 287
Страсбург 299
Сун76
Сунпань, уезд, г. 37, 39, 52,197
Сунчжоу (Сунпань) 39, 48, 50, 70,100
Суре, местность 12
Сучжоу (Сунань) 56 Суяб 47
США 228, 247, 255, 257, 258, 298, 307 Сыва 18
Сычуань, пров. 14, 37, 39, 46, 51-54, 56, 58, 70, 142, 148, 162, 196-198, 217, 221, 225, 231, 235, 236, 253, 260, 263, 303
Сычуаньская котловина 6
Сэнцза 181
Сэра (тиб. Se ra), монастырь 105, 109, 111, 112, 123, 136, 162, 165, 166, 173, 175, 183, 189, 207, 211, 213, 220, 222, 225, 231, 240, 256, 277, 279, 298, 305
Сюньхуа, г. 75
Сягуань 303
Сялокэма 196
Сянган см. Гонконг
Сянчэн 217
Сяншань, горы 152

Таван 182
Таглун (тиб. sTag lung), монастырь 112
Тагао 161
Тазиг (Тазик) 27, 43
Тайвань 19, 258, 297
Тайнин, г. 144, 150
Такла-Макан, пустыня 57
Таклакот, г. 181
Тактра, монастырь 255, 257
Такцер 245, 246
Талас 54
Тангла 236
Танма 182
Танская империя 55-58, 62
Танта, перевал 218
Таньшан 57
Тао56
Таочжоу 50, 100
Тапчи 240
Тарим, р. 47
Таримский бассейн 54
Таримский оазис 46
Тарчэн 180
Ташилунпо (тиб. bKra shis lhun po), монастырь 105, 109, 110, 112, 116,123, 134, 139, 150, 151, 177, 181, 207,

209, 262, 283, 301, 305
Ташкент 53, 54
Тибетский автономный район (ТАР) 4, 5, 11, 268, 272, 274, 280-307
Тибетское нагорье 6, 11, 13, 17-19, 26, 33, 206
Тибетское плато 6,12,14,19, 20
Тингис, аймак 127
Тингри, уезд 12, 237
Тисе (Кайлас), гора 43
Тисе, р. 7
Тихий океан 20
Тола, р. 99,127
Торэлджи 132
Тугухунь 37, 38, 45, 46
Тулпэ-дэ (тиб. sPrul pa'I sde), монастырь 84
Туна 208
Туньдо 260
Турция 238
Туфа 29
Туфань 65, 70
Тхолинг, монастырь 77
Тэл см. Дэнса Тэл
Тэнгри-Нур (Намцо), оз. 114, 115, 139, 194
Тэнгьелин, монастырь 299
Тяньаньмэнь 299
Тяньчжу, уезд 263

увэй (Лянчжоу) 48
Уджана 58
уй (тиб. dBus) 5, 72, 91, 94, 96, 97, 105, 114-116, 118, 141, 143, 144, 149, 166, 167, 169, 189, 191,195, 203, 231, 245, 296
Уй-Цзан (тиб. dBus gTsang) 97, 108, 299
Улан-Батор, г. 238
Улан-Дабан см. Чилин Улань 62
Урга, г. 215, 219, 222, 223, 237
Урумчи, г. 141,157
Уса, оз. 114
Утайшань, горы 120, 226, 248
Ухань 164

Фергана 51, 53, 54
Франция 207
Фэнчжоу 56
Хайбэй 263

Хайнань 258, 263
Халха 113,120,127,130-132
Хами, г. 106
Хамийский оазис 56
Хангай, горы 127
Ханчжоу, г. 90
Химачал-Прадеш 298
Хлари 195

Хор 181,196
Хоркок 250, 253
Хорпа 181,198
Хотан 46, 47, 49, 57, 60, 76
Хочжо 57
Хуанань 263
Хуансы, храм 121
Хуанхэ, р. 6,10, 20, 29, 37, 46, 50, 53, 56, 62, 75, 76
Хуанчэнэр 128
Хуанъюань, уезд 52
Хубсугул, оз. 114
Хуй 56
Хумынь, форт 162
Хух-Хото, г. 121,130
Хэланыпань, горы 56,137
Хэси 37, 46, 48, 50, 53
Хэчжоу, г. 91

Цабчиял (монг. Cabcial) 107
Цайдам 37,137,141,146,195, 236
Цаламо 287
Цанпо (Брахмапутра, тиб. gTsang po), р. 7, 10, 22, 27, 30, 33, 97, 170, 181, 182, 218, 276, 277, 300
Цанькуньйог 64
Цапаран 163,180
Цаюл (тиб. Tsha yul) 180
Ценшухуань 64
Цешунгчен 64
Цзан (таб. gTsang) 5, 69, 72, 91, 94, 96, 97, 102, 105-107, 111, 112, 115-118, 141, 143, 144,149,151,167, 169, 189,
191, 231, 252, 296 Западный 7,182
Цзаньли 196
Цзетан, г. 22
Цзинчжоу 56
Цзиншуй, р. 56
Цзинь, гос-во чжурчжэней 76, 80
Цзицзя 19
Цзиши, г. 29, 76
Цзонги39
Цзонка см. Цонка
Цзунгэ (Синин) 103
Цзэмар 181
Цзянба 287
Цзяньнанъ 56
Циляньшань 37
Цинская империя 118, 155, 156, 164, 200-202, 204, 206, 209, 212, 214-219
Цинтан (Синин), г. 76
Цинхай, пров. 14, 37, 52,103, 209, 215, 231, 235, 248, 252, 259, 261, 263, 275
Цинхай-Сикан-Тибетское плоскогорье 6
Цинхайское плоскогорье 6
Цинчжоу 56
Циншуй 56

Циншуйсянь, уезд 56
Цинъюань 56
Цонду 204
Цонка (Цзонка) 103,153,164
Цугэ 180
Цуклакан, храм 115
Цэтан (тиб. rTses tsang) 95, 97, 207, 266, 276
Цюнлайшань, хр. 6

Чабу 12
Чагпори, медицинский дацан 140
Чакарджал, монастырь 109
Чамдо, г. 10,110,142,170,197
Чамдо, область 13, 144 169, 182, 183, 218, 224, 228, 232, 248, 259, 260, 262, 266, 267, 272, 273, 277, 289, 302, 303
Чамнак, монастырь 241
Чанан, уезд 59
Чантан (тиб. Byang thang), плоскогорье 6,10,11,181
Чанъань 38-40, 53-55, 57, 64, 70
Чатин 198, 217
Чахар 137
Чаюй 277
Чжагэ 287
Чжала 198
Чжанан 295
Чжаньхуа 236
Чжая196
Чжоукоудянь 12
Чжили 161
Чжовэй 196
Чжундянь, г. 249
Чжядэ 199
Чиамло199
Чилин (Улан-Дабан), хр. 52, 53
Чимпу Намрэл (тиб. tmChims phu Nam ral), храм 54
Чиочи, р. 55
Чифу 204
Чишуй, р. 46
Чойкорчжи 160
Чойхоргьел 246
Чуаньбянь 218
Чувалун 196
Чумай 287
Чумар, р. 236
Чумби, долина 204, 205, 208, 211, 214, 215, 220, 260
Чункэ 196
Чунцин 251, 254, 266, 267, 303
Чхаксам 218
Чхала196
Чэнду 56,195,197, 290, 303
Чэньбянь196

Шаб (таб. Shab) 109
Шамо 88
Шан-Инь 18,19
Шанлокэма 196
Шанхай 265, 309
Шанца, уезд 12
Шанчжоу 55, 63
Шанчу, р. 95
Шаншун (Шаншунг, тиб. Zhang zhung) 27, 43, 44
Шаньнань 302
Шаньси, пров. 197, 226
Шачжоу см. Дуньхуан
Шекар 153
Шибао 54
Шигацэ (Самдуцэ, тиб. gZhi ga tse), г. 7, 105, 109, 111, 112, 116, 117, 134, 141, 143, 152, 154, 155, 170, 189, 194, 195, 205, 220, 231, 233, 237, 262, 266, 267, 279, 282, 286, 288, 289, 302, 303
Шопандо 196
Шэнди 236

Эньда 260
Эрдэни-дзу, монастырь 113

Юань(чжоу) 56, 88
Южная Сун 86, 89, 90
Юйтун 196
Юйшу 263
Юмбулаган (тиб. Yum bu bla sgang) 22
Юнхэгун, храм 248
Юньнань, пров. 14, 56, 86, 89,125,126, 144, 204, 221, 225, 229, 231, 249, 263, 303

Ямдок, оз. 169
Янцзы, р. 6,10, 20, 33, 88,164, 198, 204, 229, 236, 248, 249, 260
Япония 227, 307
Яркенд 49, 303
Ярлун (тиб. Yar klungs), р. 7, 22, 26, 34, 69, 95,189
Ярлхашампо (тиб. Yar lha sham po), гора 78
Ярмо (Ярлун) 22
Ятун205, 211, 218, 219, 257, 260, 266, 270, 277
Яцэ 69

Содержание

Предисловие…… 3
Вводная часть 6

Краткая географическая справка 6
Археология Тибета 12
Легенды о сотворении мира
и происхождении тибетского народа……..14
Происхождение тибетцев 18
Ярлунская династия 22

Часть I. История Тибета до XIXв.....29

Тибет в У-У1 вв.....29
Великий Тибет. Правление Сонцэн Гампо 33
Буддизм и бон в первой половине VII в. 40
Правление клана Гар 45
Договор 730 г. 49
Падение Чанъани 53
Введение буддизма 58
Завершение войн Китая с Тибетом 62
Последние цэнпо Великого Тибета 66
Экономика и административное устройство Великого Тибета 70
«Новое возжигание пламени веры» 75
Сакья 80
Тибет во времена правления в Китае династии Юань 88
Падение власти Сакья 95
Цзонкапа, Гэлугпа и Далай-ламы 103
Ойраты и Далай-лама V. Сложение теократического
Тибетского государства 113
Визит Далай-ламы V в Пекин 120
Тибет во второй половине XVII в. Правление Далай-ламы V
и Сангье Гьяцо 122
Далай-лама VI 133
Правление Лхавсан-хана 138
Амбани в Лхасе 140
Правление Полханэ 144
Иностранцы в Тибете 146
Попытка антицинского переворота. Правление Далай-ламы VII ….147
Тибет накануне тибето-непальской войны 151
Тибето-непальский конфликт в конце XVIII в.
Результаты тибето-непальской войны 1788-1792 гг. 152

Часть II. Тибет в XIX в. …….155

Далай-ламы и политика изоляции 155
Тибет и соседи 163
Внутренняя борьба в Тибете 164
Экономика, социальные отношения
и государственно-административное устройство Тибета 167
Границы и население 167
Экономика 168
Государство 173
Лхасская знать и дворянство 176
Местное дворянство 179
Княжества 181
Земельные отношения 184
Земельный налог..... 185
Налоги на домашний скот 186
Три типа земельных владений 187
Привилегированные и простолюдины 192
Тибетская армия 193

Восточный Тибет..... 195
Тибет — часть Цинской империи 200

Часть III. Тибет в конце XIX — начале XX в…….203

Начало правления Далай-ламы XIII 203
Первый натиск англичан 204
Российско-тибетские контакты и связи на рубеже XIX и XX вв. 206
Экспедиция Янгхазбенда 207
Лхасская конвенция 1904 г..... 210
Китайско-английская конвенция 1906 г.
и Конвенция между Россией и Великобританией 1907 г. 214
Далай-лама в Монголии и Пекине 215
Попытка Цинов установить прямой военный контроль
над Тибетом и превратить его в обычную провинцию 216
Далай-лама в Индии 219
События 1911-1912 гг. и возвращение Далай-ламы в Лхасу 219
Тибето-монгольский договор 1913 г. 222
Переговоры представителя Далай-ламы в Петербурге
и позиция невмешательства царского правительства 223
Конференция в Симле 1913-1914 гг. 224
Первые японо-тибетские контакты 226

Часть IV. Тибет в 1913-1949 гг. 228

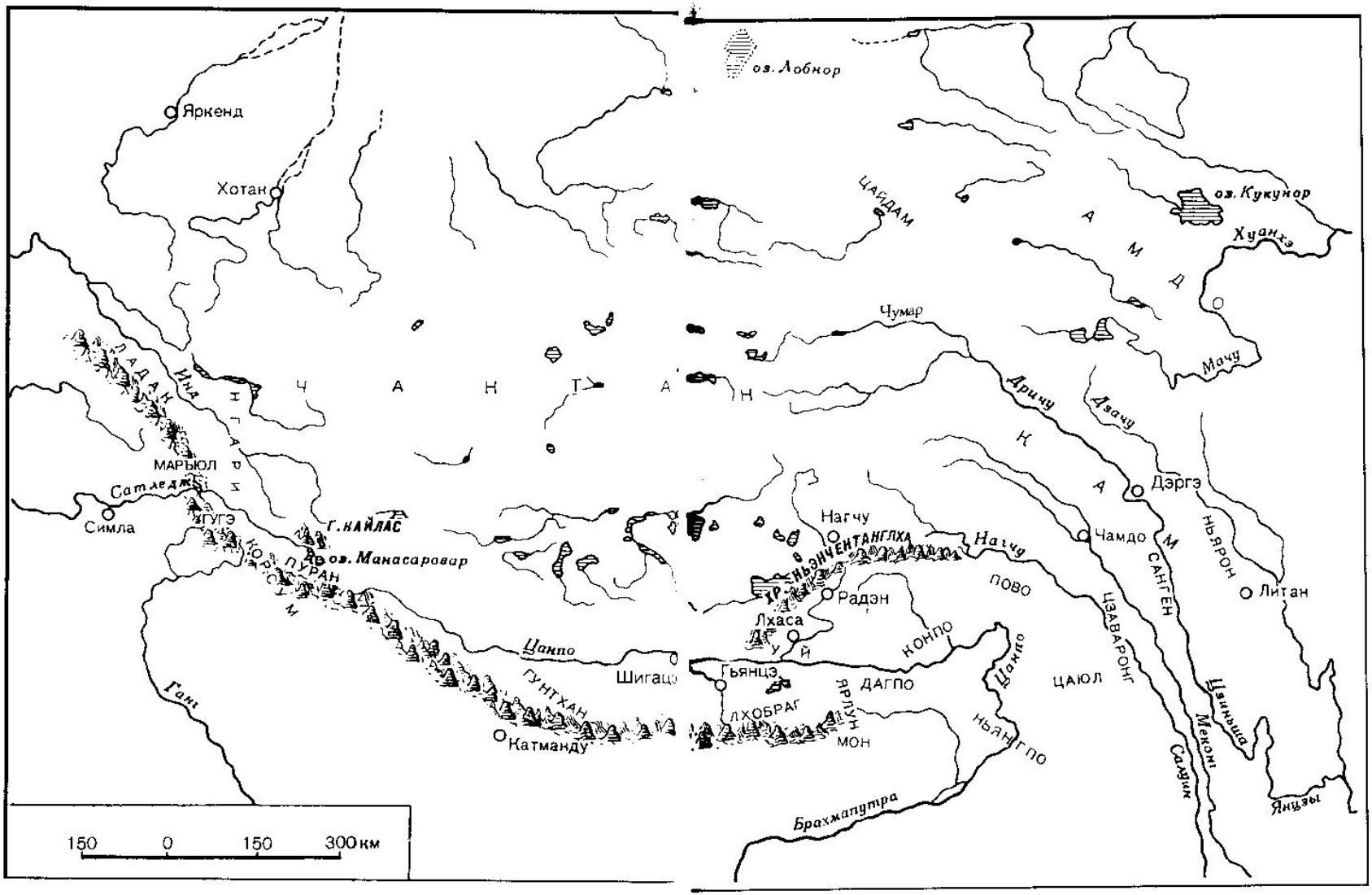
Первые мероприятия правительства Далай-ламы XIII 228
Положение в Каме 229
Тибет в 20-х — начале 30-х годов XX в. 230
Советские миссии к Далай-ламе XIII 237
Смерть Далай-ламы XIII. Борьба за власть в Лхасе в 1934 г. 239
Поиски и интронизация Далай-ламы XIV 245
Контакты между тибетским правительством
и центральным правительством Китая 247
Положение в Каме и Амдо в 30-е годы 252
Китайская Красная армия в тибетских районах Китая 253
Партия реформ Западного Тибета 254
Тибет в годы Второй мировой войны 254
Тибет в первые послевоенные годы 256

Часть V. Образование КНР. Тибет в 1949-2000 гг. 259

Тибет в 1949-1951 гг. 259
Соглашение 23 мая 1951 г. 259
Национальная политика КПК после образования КНР.
Создание тибетских национальных округов и уездов 263
Тибет в 1951-1959 гг. 265
Развитие сельского хозяйства, промышленности,
транспорта, связи, торговли, просвещения
и здравоохранения 265
Политика «единого фронта» в Тибете 267
Китайско-индийское и китайско-непальское соглашения
относительно Тибета 270

Изменения в административной системе Тибета.
Создание Подготовительного комитета по образованию
Тибетского автономного района 270
Поездка Далай-ламы и Панчен-ламы в Индию 274
Движение миман-цзондю в Лхасе и вооруженные выступления
в Каме. Антикитайское движение 1959 г..... 275
Реформы в Тибете. Создание Тибетского автономного района.
1959-1965 гг. 278
Административная реформа 279
Социальные преобразования. Аграрная реформа.
Кооперирование 281
Реформа буддийской церкви 283
«Великая пролетарская культурная революция»
и Тибет в 1966-1969 гг. 284
Тибет на завершающем этапе «культурной революции» (1970-1976).....288
Кампании по созданию «народных коммун»
и «критике Линь Бяо, Конфуция и Далай-ламы» 289
Развитие промышленности 290
Просвещение и культура в 70-е годы 290
Тибетский автономный район КНР в эпоху реформ
(после 1978 г.) 291
Утверждение в КНР нового курса реформ
и «внешней открытости». Новый подход к решению
общественных и государственных проблем 291
Контакты и переговоры между правительством КНР
и Далай-ламой 292
Новый курс социально-экономической политики.
Позитивные тенденции в развитии Тибета в 80-е годы XX в.…293
Тибетская эмиграция. Деятельность Далай-ламы XIV.
Волнения в Лхасе в конце 80-х — начале 90-х годов 297
Тибетский автономный район в 90-е годы XX в. 300
Тибетский автономный район КНР на рубеже XX и XXI вв. 301

Заключение……308
Хронология 310
Библиография 319
Указатель имен 327
Указатель географических названий……339



Карта Тибета (на стр. 8-9)